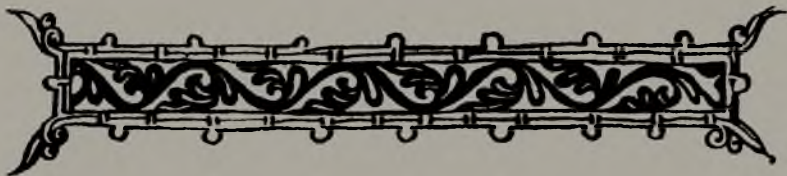

**Восточная Европа
в древности
и средневековье**

XXIII

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**РАННИЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ И АЗИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА**

XXIII Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Москва, 19–21 апреля 2011 г.

Материалы конференции

Москва
2011

Конференция проводится в рамках работы над проектом
«Исторический опыт разрешения конфликтов
в эпоху политогенеза (компаративное исследование)»
по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»
при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-14069г)

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А.Мельникова (ответственный редактор)

к.и.н. Т.М.Калинина (ответственный секретарь)

к.и.н. А.С. Щавелёв (ответственный секретарь)

к.и.н. Т.В. Гимон

к.и.н. Г.В. Глазырина

д.и.н. Т.Н. Джаксон

д.и.н. И.Г. Коновалова

д.и.н. А.В. Назаренко

д.и.н. А.В. Подосинов

д.и.н. Л.В. Столярова

чл.-корр. Я.Н.Щапов

КАК НОРВЕГИЯ ПРЕВРАЩАЛАСЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЕ КОРОЛЕВСТВО: ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА КАК ПОТЕСТАРНЫЙ ОБЪЕКТ

Период XII – начала XIV в. – один из ключевых в истории средневекового Норвежского государства, когда внешне оно развивалось сходно с государствами Западной Европы. Но что скрывалось за фасадом политической постройки? Эти вопросы являются частью проблемы генезиса государства в Норвегии, его институтов и должностей, ставшей объектом особого интереса в современной норвежской медиэвистике (Bagge 2010). Особый интерес представляют вопросы об осмыслении территории государства как потестарного объекта.

Само название страны – «*Norðrvegr*» – говорит о том, что норвежские земли представлялись некой совокупностью областей, объединенных больше географически, нежели политически – «Северным путем». Норвежские фюльки и прочие местности представляли собой союзы, основанные на личном членстве, возникавшем в силу наличия между индивидами родственных и клиентских взаимоотношений, а также отношений подчинения, т.е. союзы демосоциорного типа (Семенов 1999. С. 25–27). Их спецификой было расположение на сильно пересеченном пространстве, которое само определяло естественные границы, одновременно являвшиеся границами социального организма. Однако наличие таких границ не снимало проблемы закрепления населения данной местности за некой потестарной общностью, одной из которых стал областной тинг (*lögbíngi*), появившийся, согласно традиции, в середине X в. (Gulatingslova 1994. S. 7–9; Frostatingslova, XII–XV, XX–XXX; Снорри 1980. С. 72). Фюльки и более мелкие исторические области в течение всего рассматриваемого периода меняли подчинение областным тингам (Knudsen 1958. Sp. 524–525; Knudsen 1959. Sp. 654–656; Knudsen 1960. Sp. 557–558; Seip 1957. Sp. 148–149). Ситуация усложнилась, когда наряду с четырьмя главными областными тингами страны в результате создания к началу XIV в. более разветвленной территориальной судебной системы появилось еще шесть судебных центров, «малых округов». Последние, фактически не отличаясь по своим полномочиям от главных тингов и даже представляя собой с точки зрения юридической техники

практически более ориентированные органы, не получили того статуса, который законодательство закрепляло за четырьмя главными тингами (Imsen 1990. S. 41–120). Восточные области страны имели принципиально иную территориальную организацию, которая складывалась под влиянием внешних факторов, прежде всего, необходимости обороны от нападения соседей. Там с традиционной для фюлька системой социальных связей конкурировала военная организация. Таким образом, насущным был вопрос объединения столь по-разному организованных общностей в единую территориальную систему. Существовала и проблема чисто ментального характера – помыслить Норвегию не как географическое, а именно как единое политическое пространство.

Решить проблему экстерриториальности удалось лишь частично. Даже диоцезы в основном совпадали по территории с главными судебными округами. Вопрос осложнялся еще и тем, что долгое время местные могущественные бонды и церковь не могли определить принадлежность приходских храмов, строившихся бондами на их земле. Еще одним источником конфликтов был вопрос об объеме дарений, в том числе и земельных, которые бонды могли совершать без учета мнения наследников, сонаследников и совладельцев. Лишь с основанием Нидаросского архиепископства (1152 г.) ситуация стала кардинально меняться, в том числе и потому, что гражданские войны (1130–1240 гг.) создавали в стране хаос, и лишь церкви с имеющимися у нее ресурсами удалось выступить посредником между противостоявшими друг другу группировками знати и отдельными областями страны.

Однако и светские власти не оставляли попыток противопоставить традиционной и весьма устойчивой территориальной организации экстерриториальный принцип. Королевская власть, создавая новые институты, часто ориентировалась на универсалистские структуры церкви и следовала предложениям норвежских прелатов. Именно церковью были сделаны первые шаги к разрешению проблемы экстерриториальности. Первым документом, действие которого распространялось на всю Норвегию, стали *Canones Nidrossienses* (Latinske dokumenter 1959. S. 42–51). Немаловажным показателем того, что церковь считала возможным вмешиваться во внутреннюю жизнь местных обществ, стало разрешение священникам толковать законы подобно лагманнам (F I 3 – NgL I 128). Королевской власти нужно было адекватно ответить на вызов церкви. Одним из первых ответов стало назначение на должности лагманнов преданных королю знатоков местного права (Hertzberg

1874; Koht 1952. S. 69–77). С созывом первого общенорвежского церковного собора связано и появление представительного института – Государственного собрания (1152/53–1302 гг.). Его решения, в отличие от постановлений тингов разного уровня, изначально имели экстерриториальный принцип действия.

Представления о Норвегии как о территориальном целом отразились также в норвежско-шведском договоре о границе (между 1267 и 1273 гг.; NgL II 487–491) и в завещании Магнуса Исправителя Законов (1277 г.; DN IV 3). Принципиальной целью первого документа было не только представить Норвегию как единое целое, но и определить принадлежность тех многочисленных спорных приграничных областей, которые долгие столетия оставались яблоком раздора. Кроме того, эти документы впервые упоминают те или иные области не как ментальные конструкции, а как реальные объекты, которые являются топографическими ориентирами. Магнус Исправитель Законов делит страну на 279 корабельных округов, указывая, сколько округов входит в тот или иной фюльк или область. Этот документ был призван представить Норвегию не столько как политическое, сколько как единое фискальное пространство, ибо ко второй половине XIII в. корабельный округ превратился из военной единицы в налоговую. Первыми же собственно административными округами со своим постоянно растущим штатом управления стали наместничества-сюзлы. В их появлении следует видеть чисто практический подход к управлению отдельными территориями. Кроме того, принципиальным нововведением было несовпадение границ наместничеств с границами как традиционной, так и церковной территориальной организации. В правление Магнуса Исправителя Законов прослеживается замена термина «sysla» термином «lén», что говорит об эволюции властной территориальной организации в направлении большей самостоятельности отдельных областей и о появлении в них зачатков частной юрисдикции, правда, под верховным управлением короны. Подобные квазифеодальные отношения прослеживались в «дарениях» церкви частей наместничеств (Hákonar saga Hákonarsonar 1977. S. 59).

Наряду с административными и территориальными нововведениями не были оставлены без внимания ни традиционные, ни феодальные механизмы потестарного освоения территории страны. Они связаны с актуализацией и переосмыслением такого традиционного явления, как «кодаль», и совершенно нового для Норвегии XII в. понятия «лен».

В середине XII в. королевской власти, трансформируемой из власти конунга эпохи викингов во власть средневекового короля, не хватало ресурсов легитимации. В сагах отчетливо проводится мысль о стремлении объявить Норвегию одалем королевского рода. Это удастся закрепить, но не в земском законодательстве, а в «Дружинном уставе», в специфической форме: «никто не может передать кому-либо земельную собственность или одаль, кроме как господу и королю» (Hirdloven 2000. S. 90).

Одаль представлялся «абсолютной собственностью», которая не отторжима от своего верховного распорядителя, что входило в само понятие одала. Но собственником при этом оставались все те люди, которые, состоя с верховным распорядителем одала в определенной степени родства, также являлись одальсманнами, но не могли реализовать свое право до тех пор, пока вместе с землями одала к ним не перейдет и право распоряжения ими. Однако назвать их право одала «спящим» нельзя, т.к. в случае продажи одала верховным распорядителем и отсутствия у последнего возможности выкупить одаль это право автоматически получали все прочие совладельцы одала. Изменение права преимущественного выкупа и купли-продажи одала (которое привело к тому, что в XIV в. одаль, сохраняя все описанные выше характеристики как право собственности, стал свободно продаваться, причем стала возможна продажа земель не-одала на правах одала, а срок реализации права предпочтительной покупки проданного одала другими одальсманнами сократился до одного года) сопровождалось сменой отношения к одалю и у королевской власти.

То, что земское законодательство не признало за королем право на Норвегию как на одаль, объясняется тем, что в модусе земского законодательства это и не было актуально, поскольку стало выгодно реализовывать не всю совокупность прав одала, а только определенную их часть. Для установления отношений подданства всего населения Норвегии по отношению к королю объявление всей страны одалем короля не было необходимым. Наоборот, король, проявляя себя как одальсманн только в отношении своих непосредственных вассалов, подчеркивал, что исключительным, «абсолютным» правом собственности с точки зрения распоряжения ею обладает он и только он. С точки зрения земского права, король и бонд-одальсманн становились людьми одного порядка, что не мешало королевской власти реализовывать свои права, требуя налоговых выплат или выполнения определенных повинностей. Наоборот, сближение короля и массы населения на основании единого качест-

ва принадлежавшей им собственности давало возможность представить их взаимоотношения одновременно и как выполнение всеми ими как одальсманнами общих обязанностей, и сохранить за королем важную для него возможность прямого обращения к любой группе населения за поддержкой при появлении оппозиции знати.

Переосмысление и правовое закрепление права одаля королевской властью, направленное на укрепление положения персоны короля в системе межличностных связей между королем и его непосредственными вассалами и в системе государственного управления, заставляет задаться вопросом о короле как собственнике. Королю принадлежали: земли королевского рода, которыми он мог распоряжаться подобно собственнику как глава рода (судя по областным судебникам и «Ландслову», личные земли короля имелись не в каждом фюльке), и земли, собственником которых была корона, утрата которой лишала короля возможности распоряжения ими.

Таким образом, закон различал непосредственное право собственности королевского рода и короля на земли, которые принадлежали ему по общему праву, и те, в отношении которых он обладал только правом верховного распоряжения и/или пользования. В этом и заключалась основная причина слабости королевской власти в Норвегии: король не мог быть феодальным сеньором из-за отсутствия у него прав верховного собственника на все земли королевства. Поэтому все наделенные им землей служилые люди не были вассалами короля и не могли совершать акт субфеодации, т.к. не были держателями. Они исполняли определенные должности и только в силу этого обладали некой территорией, управляя ей, кормясь с нее, но не обладали самостоятельными владельческими правами на нее. Тем самым их должности, фактически являясь креатурой короны, формально были должностями общественными; да и сам титул короля в определенной степени можно рассматривать как высшую общественную должность, закрепленную за членами определенного рода.

Этому обстоятельству есть еще одно объяснение. В середине XII в. для укрепления позиций королевской власти была мобилизована еще одна система взаимоотношений, в рамках которой власть короля приобретала особую природу – король стал вассалом, держателем на феодальном праве. В 1176 г. королю Магнусу Эрлингссону исполнилось 20 лет и он стал совершеннолетним. Управление государством находилось в руках его отца, ярла Эрлинга Кривого. Совершеннолетие короля означало перегруппировку сил в среде правящей элиты и изменение системы ее взаи-

моотношений с королем как главой государства. Однако Магнусу не хватало потестарных ресурсов для поддержания своего личного авторитета и положения королевской власти как таковой. По предложению архиепископа Эйстейна, Магнус издал документ (сохранилась копия XVII в.), в соответствии с которым он возвращал Олаву Святому свою корону, полученную им от «вечного короля Норвегии», как назван Олав Святой в законе о престолонаследии 1163 г., и получал всю Норвегию в лен (NgL I 442–444). В результате передачи короны Магнус Эрлингссон перестал быть королем Норвегии, им становился Олав Святой. Корона становится как бы самостоятельной от короля. Магнус получает Норвегию в лен и становится только держателем, Норвегия не является его верховной собственностью, а потому он не вправе сам раздавать держания. Король, далее, не является «первым среди равных»: его права и обязанности, полномочия и власть вырастают из связи, в которой он находится со святым королем и самим богом. Но эта связь имеет принципиально иную природу, нежели та, которая соединяет короля и его непосредственных вассалов.

Эти замечания заставляют сделать неутешительный вывод о том, что современная наука еще далека от понимания самой природы власти в средневековой Норвегии.

Источники

- Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980.
Den eldre Gulatingslova / Utg. B. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994.
Frostatingslova / Utg. J.R. Hagland, J. Sandnes. Oslo, 1994.
Hákonar saga Hákonarsonar / Utg. av M. Mundt. Oslo, 1977.
Hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn: etter AM 322 fol / Utg. S. Imsen. Oslo, 2000.
Latinske dokument til norsk historie fram til år 1204 / Utg. E. Vandvik. Oslo, 1959.
Norges gamle Love indtil 1387 / Udg. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1846–1848. Bd. I.

Литература

- Семенов Ю.И.* Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999.
Bagge S. From Viking stronghold to Christian kingdom: state formation in Norway, c. 900–1350. København, 2010.
Hertzberg E. Grundtrækkene i den ældste norske proces. Kristiania, 1874.
Imsen S. Norsk bondekommunalisme fra Magnus Lagabøte til Kristian Kvart. Del 1: Middelalderen. Trondheim, 1990.

- Johnsen O. A. Fra ættesamfunn til statssamfunn. Oslo, 1948.*
Knudsen T. Eidsivating // KLNМ. III. 524–525.
Knudsen T. Frostating // KLNМ. IV. 654–656.
Knudsen T. Gulating // KLNМ. V. 556–559.
Koht H. Kong Sverre. Oslo, 1952.
Seip D.A. Borgarting // KLNМ. II. 148–149.

Д.Ю. Арапов

СВЕТСКИЕ И ДУХОВНАЯ ЭЛИТЫ И ГОСУДАРСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ XIII–XIV вв.

В начале XIII в. наиболее значительным государством в Средней Азии стала держава Хорезмшахов (Бартольд 1963). На какое-то время под эгидой Хорезма оказалась вся территория региона. Однако хорезмийское владычество носило в значительной степени эфемерный характер. Попробуем определить отношение к правителям Гургенча (тогдашней столицы Хорезма) со стороны основных групп тогдашней среднеазиатской региональной элиты. В их состав входили:

I. Светская знать. 1) Землевладельцы (в основном иранского происхождения). Их лояльность зависела от способности Хорезма поддерживать спокойствие и стабильность в жизни региона. 2) Кочевники (тюрки). По мнению А.П. Новосельцева, постоянная инфильтрация скотоводческих племен в регион способствовали доминированию в его социальных и политических реалиях явлений «арханзации». а) Кипчаки. Отряды кипчаков составляли основную часть хорезмийского войска, но их верность хорезмшахам была достаточно относительной. б) Туркмены. Они не пользовались доверием хорезмшахов и в целом были враждебны по отношению к Хорезмийской державе. В этом плане утверждение современных ашхабадских историков о Хорезме XIII в. как о «государстве куняургенчских туркмен» представляется по меньшей мере надуманным.

II. Улема. Среди среднеазиатского «мусульманского духовенства» (в большинстве суннитов иранского происхождения) следует выделить династию садров – наследственных мусульманских правителей Бухары. Острый конфликт хорезмшаха Мухаммеда (1200–1220) с багдадским халифом Насиром привел к резкому ухудшению отношения среднеазиатских улемов к власти Гургенча.

III. Чиновничество. «Люди пера» (ахл-е калям) были в целом заинтересованы в поддержании спокойствия и порядка, но, судя по всему, значительная часть региональной бюрократии сомневалась в способности Хорезма обеспечить хоть какую-то стабильность в жизни страны (Бартольд 1968).

IV. Купечество. По мнению исследователей, верхушка среднеазиатских «ахл-е базар» относилась к хорезмийцам весьма недружелюбно. Богатое купечество, связанное с международной транзитной торговлей, рассчитывало на то, что резко усиливающаяся Монгольская держава сможет гарантировать безопасное движение караванов по Великому Шелковому пути (Якубовский 1932).

В подобной ситуации уже в начале монгольского вторжения в регион в 1218 г. хорезмшах Мухаммед, не веря в поддержку хоть какой-либо группы элиты, отказался возглавить сопротивление захватчикам, бежал на запад и оставил свою державу на произвол судьбы (Бартольд 1963).

Установление с 1220 г. в Средней Азии монгольского владычества привело к существенным изменениям в составе местных элит. Значительная часть «старых» светских и духовных «верхов» погибла. Так, племенная знать кипчаков была практически полностью истреблена. Какая-то часть светской знати, чиновников и улемов эмигрировала в западные районы исламского мира, оставшиеся на месте в основном проявляли лояльность по отношению к власти Чингисидов.

Первостепенную роль в жизни Средней Азии 1230–1360-х годов стали играть «новые верхи» – прежде всего потомки второго сына Чингис-хана Чагатая, в состав улуса которого вошла почти вся территория Средней Азии (кроме Северного Хорезма, оказавшегося во владении Чингисидов-Джучидов). Чагатаиды опирались на поддержку монгольской знати и сравнительно небольшой группы пришлых чиновников (уйгурского и китайского происхождения). Необходимо учитывать, что в первые десятилетия существования Монгольской империи царевици-Чингисиды не имели права сами собирать подати, а существовали за счет получаемой ими фиксированной доли ренты-налога, централизованно взимаемого под контролем Каракорума с населения покоренной Средней Азии.

До 60-х годов XIII в. сохраняло свою силу весьма важное, хотя, видимо, исторически чисто случайное обстоятельство. Военачальники Чингисхана после кончины своего предводителя в 1227 г. не вступили, как это обычно бывало (и бывает), в борьбу друг с другом за власть. Они сохранили свою преданность идее

империи и обеспечили дальнейшее расширение ее территории (окончательное завоевание Китая, Великий Западный поход). С уходом из жизни этого поколения соратников Темучина победили неизбежные центробежные тенденции, и к концу XIII в. Монгольская держава прекратила свое существование как единое целое.

Можно согласиться с мнением ряда историков о том, что в Средней Азии на рубеже XIII–XIV вв. наметились две тенденции в монгольской политике по отношению к коренному населению региона. Первая из них выражалась в стремлении к беспощадному выжиманию из «простолюдинов» самых различных поборов (а то и прямому грубому их ограблению). Подобный курс действий поддерживался частью Чингисидов и монгольской знати. Другая линия в управленческой политике была ориентирована на выкачивание «внизу» лишь части прибавочного продукта и обеспечение работникам определенных условий для осуществления ими процесса расширенного воспроизводства. Этот курс действий ряда Чингисидов поддерживали представители «старых» элитных групп – землевладельцы, купечество, бюрократия и улема, влияние которой по мере исламизации потомков Темучина все более возрастало (Петрушевский 1960; Давидович 1970). К ним примыкала также заинтересованная в стабильности часть монгольской знати, которая по мере своего оседания в регионе постепенно тюркизировалась и принимала ислам. Именно из этой этнической группы вышел создатель новой огромной азиатской державы «амир» Тимур (правил в 1370–1405 гг.). Формально Тимур правил от имени ханов-Чингисидов, но все они были чисто подставными фигурами.

В последние два десятилетия оценки личности Тимура и значения итогов его деятельности резко политизировались. Особенно это прослеживается в работах современных ташкентских и душанбинских авторов.

Несомненно, Тимур был выдающимся военным и политическим деятелем. Однако, по нашему мнению, вряд ли можно заявлять, как это делается сейчас в Ташкенте, что Тимур заботился о благе всех народов региона, особенно «узбекского народа». Известно, что Тимура прежде всего интересовало благополучие лишь Центрального Мавераннахра, главным образом районов Самарканда и Шахрисябза. Здесь он развернул обширные ирригационные и строительные работы, поощрял и укреплял положение местных светских и духовной элит. Остальные области Средней Азии неоднократно разорялись войсками Тимура, при этом многие проживавшие в них члены элитных групп истреблялись. Так, армия

Тимура шесть (!) раз беспощадно опустошала Хорезм, в том числе и современные его «узбекские» территории.

Вряд ли также правомочно говорить об «узбекском» характере государства Тимура и Тимуридов. В среднеазиатском социуме XIV–XV вв., в том числе в его элитных группах, в сложном переплетении тогда пребывали различные ирано- и тюркоязычные компоненты. Этническая «тождественность» их была весьма неопределенной и далеко не сформированной. Утверждение же той или иной их более конкретной идентичности (причем во многом формальное) произошло гораздо позже, в условиях национально-государственного размежевания в Средней Азии в 1924–1925 гг.

Представляется необходимым дальнейшее изучение истории элит Средней Азии XIII–XIV вв. Желательно, однако, производить его в спокойном, академическом русле, стараясь избегать внесения в него различных фантомов, мифов и субъективных оценок.

Литература

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1963. Т. 1.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1968. Т. 5.

Давидович Е.А. Денежное хозяйство и частичное возобновление торговли в Средней Азии XIII в. после монгольского нашествия // *Народы Азии и Африки.* 1970. № 6.

Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960.

Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.* М.; Л., 1932. Ч. 1.

В.А. Арутюнова-Фиданян

ПОЛИТОГЕНЕЗ И УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ: АРШАКИДСКОЕ ЦАРСТВО (КОНЕЦ II – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА V в.) И «БУЗАНДАРАН»

Политогенез и устная традиция постоянно и неизменно взаимодействовали на всех этапах раннего строительства государств в разных регионах: социогенетические легенды, исторические пре-

дания, героические песни, плачи, панегирики и т.п. переходят из устной традиции в ранние историографии.

Процесс инфильтрации устной истории в историю письменную, превращение мифа в эпос, а эпоса в историографию породил огромную литературу (филология, этнография, история, религиоведение и т.д.). Давно признаны различия в хранении и распространении знания между письменными и бесписьменными обществами: разные представления о мире, времени и пространстве, историческом прошлом, исторической памяти. Однако механизмы взаимодействия двух традиций, в частности, в проблематике политогенеза, недостаточно разработаны, в особенности когда речь идет об истоках слияния устной и письменной традиций.

Исследователи справедливо утверждают, что взаимодействие устной истории и историографии приводит к переосмыслению преданий, проходящих через многочисленные и разнообразные идеологические фильтры. При постановке проблемы соотношения устной и письменной истории возникает представление о противостоянии «эпоса» и «хроники» (первый – классическая форма выражения устной традиции, близкая к мифологии, вторая – историческое знание). Ряд исследователей, тем не менее, возражают против этого постулата, аргументированно полагая, что понятия «история – реальность», а «миф – фикция» давно изжили себя.

Иными словами, возникают серьезные проблемы на стыке устной традиции и историографии. Механизмы и средства культурной преемственности, очевидно, различные в устной и письменной традициях, поскольку существует переход от обрядовой к текстовой когерентности (повторение или интерпретация), не работают достаточно четко, если переход настолько краток, что не оставляет времени и места для интерпретации.

В этом отношении достаточно репрезентативный материал предоставляет ранняя армянская историография, и в особенности «Эпические истории» («Бузандаран»), приписываемые некоему клирику Фавстосу Бузанду, состоящие из четырех сохранившихся книг и посвященные расцвету и распаду Армянского царства Аршакидов. Авторы «Бузандарана» писали о событиях IV в. в V в., встав в известную еще с античности позу историка-пророка о прошлом. «Бузандаран» отражает не только перипетии «Персидской войны», но и противостояние между патриархами Григориями и царями Аршакуни, а также феодальные междоусобицы и легенды нахарарских фамилий, в особенности дома Мамиконянов. Сказания составляют целостный эпос, объединенный идейно и

сюжетно: война с Ираном, борьба за политическую и религиозную независимость и становление Армянского царства. Во всех перипетиях армянской истории «Бузандарана» выступают царь и спарпет Мамиконян: 1) ветвь Хосрова, Трдата и Артавазда Мамиконяна; 2) ветвь Хосрова Котака и Ваче Мамиконяна; 3) эпос Тирана, в котором действуют зятья Мамиконянов (спасенные ими во младенчестве); 4) ветви Аршака и Папа, Васака и Мушега Мамиконянов; 5) ветвь Мануэла.

Ваче – спарпет при Хосрове Котака (кн. III); Васак – спарпет при Тиране и Аршаке (кн. III, IV); Мушег, сын Васака – спарпет при Папе (кн. IV); Мануэл – спарпет при Вараздате и регент при сыновьях Папа Аршаке и Валаршаке (кн. V).

После падения царства Аршакидов Мамиконяны единолично несут ответственность за судьбы Армении.

Следует отметить, что событийный ряд, отраженный в «Бузандаране», почти безупречен и верифицируется иноязычными источниками, правда с несколько иными акцентами (ср., например, характеристику царя Папа у Бузанда и у Аммиана Марцеллина). Описание событий, исторических лиц, внутренних и внешних коллизий (Персидская война) не прошло в «Бузандаране» обычного пути «миф–эпос–история». Языческий миф был отсечен самими авторами «Бузандарана», а повествования о реальных исторических событиях облакаются в эпическую форму, но не мифологизируются. Слишком короток был путь от конца IV в. до середины V в. для обычных изменений, приращений, контаминаций эпоса, входящего в историографию. Мы наблюдаем удивительный феномен рассказа очевидцев о событиях прошлого в рамках устной истории, только что передавшей свой трон историографии.

В «Бузандаране» – первом опыте изложения полной истории Армении – переплетены три основные сюжетные линии: 1) история царей; 2) история церкви; 3) история дома Мамиконянов. Авторы «Бузандарана» собрали множество преданий о политических и церковных деятелях IV в. Сказания, легенды, исторические песни легко и быстро слагались и распространялись по стране и в их собственное время. Авторы «Бузандарана», по-видимому, сами были грамотными сказителями-випасанами, и, таким образом, «Бузандаран» был написан на основании собранных устных преданий, а также новых сказаний, созданных и изложенных самими авторами, а позднее, возможно, отредактированных одним из них. В «Бузандаране» нет ни одной даты, сохраняется только преемственность событий, связанных друг с другом словами «затем», «в то время»,

«после того как» и т. д. Нет внутренней связи событий, как нет причин и следствий в хронологической преемственности. Сохранена последовательность царей и католикосов, однако из их жизни приводятся отдельные, иногда независимые друг от друга эпизоды. Светские сюжеты составляют единое целое, один большой эпос, а церковные повествования являются независимыми сказаниями и воспоминаниями, которые частично привнесены авторами в эпический материал.

Н.Г. Гарсоян считает, что главным содержанием «Бузандарана» были «Geste of Mamikonean» и «Geste of Aršakuni». В «Бузандаране» отражены ценности и образ жизни нахараров и их дружин («слава», «храбрость», «удача», «верность суверену», сцены охоты, войн, пиров). Неожиданные атаки врагов в ночи, огромное количество вражеских войск, которых доблестно истребляют армянские нахарары с небольшими отрядами; спасается всегда кто-то «один на одном коне» – шах или предатель Меружан.

«Бузандаран», видимо, предоставляет древнюю триаду устных социогенетических догосударственных и дохристианских преданий: царь (вождь), военный предводитель (воевода), жрец (духовный глава этноса). При этом их функции могли сдваиваться (вождь = военный предводитель, вождь = жрец).

В триаде «Бузандарана» царь – наиболее слабая фигура. Армянские Аршакиды в критические моменты либо бездействуют вместе с патриархом, предоставляя активную роль спарапету Мамиконяну (царь Хосров, «уклонившийся от встречи со своим братом мазкутским царем Санесаном», или царь Пап, предоставивший Мушегу Мамиконяну воевать с персами), либо наносят ощутимый вред стране своими злыми делами (Тиран, Аршак, Пап), что в конечном счете приводит к гибели Армянского царства.

Видение Даниила, пророчество и видение католика Нерсеса, священников и святых о гибели Армянского царства из-за грехов и несправедливых деяний Аршакидов записано в «Бузандаране» («гибель ваша предсказана устами пророков: испытать вашему роду Аршакуни последнюю чашу»). Царство Аршакуни погибнет, но земля армян будет спасена спарапетами. И последняя глава – это регентство Манвела Мамиконяна, «когда все люди в армянской стране жили в довольстве». Иными словами, произошло поглощение одной из функций триады устного предания.

Автор (авторы) «Бузандарана» пишут о роде Мамиконянов, из которых выходили спарапеты: «Бесстрашные и отважные», «первенствующие в боях», род «известный храбростью, дарованиями,

доброй славой и добрыми делами... которому небо всегда посылало победу». Знаменательно благословение, дарованное Мушегу патриархом Нерсесом I: «Да ниспошлет Господь тебе успех и дарует тебе победу... через тебя и через твой род да спасет Он Армянскую страну навеки».

В сказаниях «Бузандарана» Мамиконяны благородны и великодушны, их милосердие (не в смысле всепрощения) вызывает удивление даже у врагов. Они убивают своих врагов только в открытом бою, не прибегают к коварству и обману, побеждают благодаря воинскому умению, опыту, а также личному мужеству, предпочитают умереть в бою, чем в постели, а свои заслуги видят в количестве проведенных ими сражений и полученных ранах, они боголюбивы, почитают и защищают армянскую церковь, их род связан кровными узами с родом Григория Просветителя. Мамиконяны представляют собой воплощение физического и нравственного совершенства (*καλοκάγαθία*).

Мануэл Мамиконян в своем завещании требует от своих детей «быть покорными и послушными царю Аршаку, быть верными... трудиться и воевать за армянскую страну. Жертвовать собой, как предки храбрые, умирать самоотверженно за страну. Оставим по себе в стране имя храбреца» (Бузанд. V, 44). В лице царя воплощена страна и идея ее независимости. Становясь регентами сыновей царя Папа, Мамиконяны продолжают служить царству Аршакидов. Мамиконяны – верные слуги династии Аршакуни.

Устная история, таким образом, плавно переходит в письменную, отраженную в «Бузандаране». При этом обе традиции выполняют современный им заказ общества, нуждающегося в фундаментальных основах социальной идентичности (государство и церковь).

О.Б. Бубенок

ДУАЛИЗМ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ У ХАЗАР: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Уже в XIX в., когда в научный оборот стали вводиться мусульманские источники, благодаря исследованиям Й. Клапрота и В. Григорьева, среди многих ученых получило распространение мнение, согласно которому во главе Хазарского государства находился каган, происходивший из тюркской династии. Но со временем представители этой династии утратили реальную власть и по-

пали под влияние бека, из рода могущественных хазарских князей (Klaprot 1826. С. 273; Григорьев 1834. С. 279–295). Впоследствии эта проблема заинтересовала многих исследователей, одни из которых не увидели в проявлении двоевластия хазар закономерности, другие же, наоборот, считали это явление типичным для политических объединений тюрок.

Так, В. Григорьев пришел к выводу о традиционализме государственного строя Хазарии (Григорьев 1834. С. 279–295). Повидимому, его мнение оказало влияние на М. Грушевского, который также считал дуализм верховной власти у хазар «довольно обычным у народов турецкого корня или культуры» (Грушевский 1991. С. 229). В XX в. эта идея получила широкое распространение среди некоторых востоковедов. Они отметили, что в сочинениях мусульманских авторов заместитель кагана в разное время был известен под различными титулами: *иша* (Ибн Русте), *хакан-бек* (Ибн Фадлан), *бек* (Йакут), *малик хазар* (Истахри), *тархан-хакан* (Худуд ал-‘Алам) и т.п. При этом титул кагана оставался практически неизменным. Исследователи также заметили, что довольно часто мусульманские авторы путали кагана с его заместителем, потому что для их обозначения стремились использовать более понятный арабам термин *малик*. На основании этого П. Голден, например, сделал вывод, что хазарское двоевластие – это вариант функциональной титулатуры, присущий тюркам (Golden 1980. С. 99–100). Б.М. Заходер же в хазарском двоевластии увидел поступательное развитие кочевого общества, это явление он считал не только типичным для хазар, а характерным вообще для многих средневековых кочевников (Заходер 1962. С. 203–229). М.И. Артамонов явление двоевластия у хазар был склонен трактовать еще шире. Он считал, что положение хазарского кагана, воплощавшего божественную силу, напоминает положение священного царя у многих народов. Хазарское двоевластие, по мнению ученого, могло стать результатом «узурпации власти новой династией, нуждавшейся в прикрытии авторитетом традиционного правительства» (Артамонов 1962. С. 408–410).

Однако представители другой группы востоковедов не делали таких далеко идущих выводов относительно природы хазарского двоевластия. Так, Д. Данлоп обратил внимание на то, что второй человек в Хазарском государстве носил не только титул *бек*, но и *иша*, который, по его мнению, происходил от тюркского *шад*. Однако Д. Данлоп пришел к выводу, что двоевластие у хазар утратило смысл после принятия иудаизма (Dunlop 1954. P. 97–99, 104–

115). Подобных взглядов придерживался также А.П. Новосельцев, который считал, что на рубеже VIII–IX вв. *шад* выдвинулся на первое место и принял титул *бек* (Новосельцев 1990. С. 134–143). Из последних гипотез интересно предположение И.Г. Семенова, согласно которому хазарский бек происходил из рода правителя этнических хазар, титул которого армянские источники в VIII в. зафиксировали как *хазир-ельтебер* (Семенов 2008. С. 86–95).

Несмотря на это, мы не имеем ответов на следующие вопросы: 1) почему заместитель кагана имел такое разнообразие титулов и как они между собой соотносятся? 2) каково было происхождение заместителя хазарского кагана? 3) почему бек окончательно не сместил кагана с престола? 4) как часто в средневековых государствах встречался дуализм верховной власти?

Касаясь титулатуры хазар, необходимо отметить, что она почти полностью соответствует аналогичному явлению в каганатах тюркютов. Это дает основания согласиться с тем мнением, что во главе хазар с VII в. стояли каганы из рода Ашина. Относительно титула *бек* П. Голден отметил, что он встречается у Константина Багрянородного в форме *лех*, а также в виде *бек* у таких мусульманских авторов, как Ибн Фадлан, Йакут, Истахри, Ибн Хаукаль (Golden 1980. P. 162–165). Известно, что титул *beg* существовал уже в Тюркском каганате и имел значения: правитель, вождь, бек, князь, господин, – и его мог носить не один знатный человек, а несколько (Древнетюркский словарь 1969. С. 91). По наблюдениям С.Г. Кляшторного, беги – это «высшее сословие древнетюркского общества» (Кляшторный, Савинов 2005. С. 152). А.П. Новосельцев считал, что этот титул имел значения «господин, владыка» и был заимствован тюрками у восточных иранцев (Новосельцев 1990. С. 140). По наблюдениям А. Бернштама, у тюрков-туго над каждым племенем господствующей конфедерации были поставлены «беги» из среды данного племени. При этом беги занимали более низкое социальное положение, чем *шад*ы и *ябгу* (Бернштам 1946. С. 100, 114).

Что же касается титула *шад* у хазар, то, по мнению П. Голдена, он встречается в форме *иша* у Ибн Русте, *инса* – в «Худуд ал-‘Алам», *ишад* – у Гардизи, *шад* – у Мовсеса Калакантуаци (Golden 1980. P. 206–208). В Тюркском каганате титул *шад* представлял собой один из высших военно-административных титулов, которые могли носить родственники самого кагана (Древнетюркский словарь 1969. С. 519). У орхон-енисейских тюрков, по данным А. Бернштама, *ябгу* и *шад*ы назначались из ханского рода и явля-

лись наместниками над определенными племенами и на случай войны, соответственно, командовали левым и правым крылом. Поэтому ябгу и шадов было несколько (Бернштам 1946. С. 111). По мнению А.П. Новосельцева, в начале VII в. титулы *шад* и *ябгу* носили два крупнейших сановника Хазарии, и они являлись родственниками кагана (Новосельцев 1990. С. 139). Следовательно, *шад* должен был принадлежать к роду кагана и не мог носить более низкий в социальной иерархии титул *бек*.

Большой интерес вызывает пассаж из «Худуд ал-‘Алам», согласно которому правителем хазар является *Тархан-Хаган* (Худуд ал-‘Алем 1930. Табл. 386; Minorsky 1937. P. 451). Поэтому интересно происхождение слова *тархан*. П. Голден отметил несколько случаев употребления данного термина у хазар: Тархан (Балами), Тархан малик ал-Хазар (Ибн Хордадбех, Мукаддаси), Ас-Тархан (ат-Табари), Рас-Тархан (Йакуби), Раж-Тархан (Гевонд) и т.д. При этом он отметил, что точная этимология данного слова до конца не понятна (Golden 1980. P. 210–213). А.П. Новосельцев считал, что из представителей благородных родов каганом или беком назначались воинские начальники – тарханы (от иран. «судья», «переводчик» – Новосельцев 1990. С. 118). Известно, что тарханы могли назначаться из числа не только представителей хазарского этноса. Так, достаточно вспомнить Ас-Тархана, выходца из Хорезма, предводителя хазарских войск в Закавказье в 764/765 г. (Tabari. Vol. 8. P. 7; Ibn al-Asir 1978. P. 22). Следует также отметить, что в VIII в. титул *Раж(=Рас)-Тархан* носил хазарский полководец из поколения *Хатирлитвер* (Хазир-ельтебер) (Гевонд 1862. С. 92–93). По наблюдениям А. Бернштама, у орхоно-енисейских тюрок словом *таркан* обозначали «сборщиков податей» и иногда к названию этой должности прибавлялась приставка *бег* (Бернштам 1946. С. 115). Следовательно, *таркан* обозначал должность, к которой могли иметь отношение как беги из тюрокотов, так и эльтеберы из зависимой знати.

Поэтому необходимо акцентировать внимание на происхождении термина *эльтебер*. А. Бернштам отметил, что у орхоно-енисейских тюрок эльтеберы возглавляли племена, «входившие в состав тюркского государства и сохранявшие свое управление». Таким образом, иерархия власти традиционного тюркского общества представляется следующим образом: каган – шады и ябгу – беки – эльтеберы (Бернштам 1946. С. 114). Следовательно, эльтебер не мог носить титул *бек*. При этом письменные источники отмечают у хазар в X в. наличие лишь одного обладателя титула *бек*. Так, Йа-

кут, ссылаясь на Ибн Фадлана, отмечает, что *хакан-бех* замещает «великого царя» (кагана), *к.нд.р.-хакан* замещает *хакан-бега*, а *джившигар* – *к.нд.р.-хакана* (Заходер 1962. С. 226–228). Таким образом, очевидно, что иерархия власти в Хазарском каганате до X в. подверглась существенным изменениям. Однако неясно, куда исчезла основная масса тюркютской знати – беки?

В 39-ой главе сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» говорится, что до переселения венгров-«турок» в Паннонию в IX в. в среде хазар вспыхнуло восстание кабаров «против своей власти». В результате восстание было подавлено и оставшиеся в живых кабары бежали к венграм. К этому следует добавить, что в 42-ой главе своего сочинения Константин упоминает титулы «хакан и пех Хазарии» (Константин 1991. С. 162–163, 170–171). Следовательно, уже в 30-е годы IX в. вторым лицом в Каганате был бек.

В итоге, представляется вполне вероятным, что в раннем Хазарском каганате имело место противостояние кагана и родовой тюркютской знати, именуемой «беками». Данная ситуация вполне типична для многих государств, где родовые традиции были все еще сильны. После поражения в войне с арабами в VIII в. каган начал проводить реформы в государстве. Это вызвало недовольство родовой тюркютской знати – беков и привело к «восстанию кабаров». В этой войне каган мог сделать ставку на эльтебера хазар или на верного тюркютского аристократа и дать ему полномочия шада, а также сохранить за ним титул бека. В дальнейшем, как видим, бек сумел захватить реальную власть в каганате. В свое время М.И. Артамонов, следуя данным хазарско-еврейских документов, предположил, что Обадия, будучи беком, исповедовал иудаизм и, имея реальную власть, заставил кагана перейти в иудаизм (Артамонов 1962. С. 280). Будь у кагана опора на тюркютскую знать, этого бы не случилось. Поэтому можно согласиться с М.И. Артамоновым, что «двойственность верховной власти у хазар, как и у ряда других обществ со сходной государственной организацией, была отнюдь не сохраненной древней традицией, а новообразованием, возникшим в конкретных исторических условиях...» (Артамонов 1962. С. 281).

Однако почему бек окончательно не отстранил кагана от власти? По мнению многих ученых, во главе самостоятельного Хазарского каганата находились каганы из тюркского харизматического клана Ашина. По представлениям средневековых кочевников, только представители каганского клана имели право на власть

в государстве, без них государство не может существовать. Следовательно, отстранение от власти кагана, наделенного харизмой, должно было означать конец государства. Необходимо отметить, что двоевластие не является уникальным явлением для Хазарского каганата, а наблюдается в тех государствах, где власть харизматического рода не имеет реальной поддержки в обществе: сёгун и микадо в средневековой Японии; правитель Мамай при Джучидах в Золотой Орде; эмир Тимур в государстве Чагатаидов; султаны Аюбиды при Фатимидских халифах в Египте; династия вазирей Бармакидов при Аббасидских халифах и т.п. Таким образом, дуализм верховной власти является лишь одним из вариантов развития тех государств, во главе которых стоят наделенные харизмой династии.

Литература

- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Бернштам А.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М., 1946.
- Гевонд В.* История халифов. СПб., 1862.
- Григорьев В.* Об образе правления у хазаров // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 3.
- Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1.
- Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Т. 1.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Семенов И.* К интерпретации титула хазир-эльтебер // Проблемы еврейской истории. М., 2008. Ч. 1.
- Худуд ал-‘Алем* (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
- Dunlop D.M.* The history of the Jewish Khazars. 2nd ed. N.Y., 1954.
- Golden P.B.* Khazar studies. Budapest, 1980. Vol. 1.
- Ibn al-Asir.* Al-Kamil fi Tarikh. Beirut, 1978.
- Klaprot J.* Memoire sur les Khazars // Journal Asiatique. P., 1823. Т. 3.
- Minorsky V.* Hudud al-‘Alam. The Regions of the World. L.; Oxford, 1937.
- Tabari.* Tarikh ar-rusul wa-l-muluk / Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. 8.

ПРОБЛЕМА ЮРИСДИКЦИИ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО (1234–1270)

На протяжении всей истории правления династии Капетингов во Франции проблема юрисдикции светской и духовной власти сохраняла свою актуальность. Время Людовика IX в этом смысле тоже не было исключением, т. к. четко разделить prerogatives двух властей в условиях существующих феодальных отношений и соответствующей им системы общественной иерархии в XIII в. по-прежнему было невозможно. Основной причиной, конечно, было то, что представители церкви являлись составляющей частью этой системы и сохраняли за собой не только права епископа или аббата как руководителей церковного округа либо монастыря, но и права светских сеньоров, хозяев определенных земель на территории Французского королевства. Более того, за спиной местного духовенства часто оказывался римский понтифик, который не только внимал мольбам церковных иерархов и стремился отстоять их позиции перед властью суверена, но также проявлял собственную волю по отношению к королю.

Тем не менее, Людовик IX оказался правителем, которому в полной мере удалось устоять перед натиском своих епископов и римского папы и основательно укрепить в своем государстве авторитет королевской власти и суда.

Очень часто яблоком раздора становились вопросы легитимизации имущественных отношений. Французский король никогда не сомневался в том, что такие дела являются исключительно светской prerogative, и твердо настаивал на своем мнении. Обращение к списку актов королевской власти, составленных в период правления Людовика Святого, позволяет говорить о том, что королевской печатью подтверждалось значительное количество дарений, аренд, продаж и привилегий. Показательно, что превалирующее большинство документов касается предоставления привилегий и передачи имущества в пользу церквей или аббатств. Некоторые акты из королевских архивов свидетельствуют и о других правах, которые король желал сохранить в пределах высшей светской юрисдикции. Например, право собирать в случае необходимости церковную десятину на тех или иных территориях, даже если на нее претендует архиепископ (Inventaires. P. 346, № 797),

выступать арбитром в спорных ситуациях, возникающих между представителями церкви и сеньорами (Ibid. P. 346, № 798), закреплять на территории своего королевства привилегии и права собственности рыцарского и церковных орденов (в частности, речь идет о тамплиерах: Ibid. P. 348, № 832), подтверждать различные соглашения, заключаемые между аббатствами и жителями определенных местностей (Ibid. P. 347, № 814, 816) и т.п. То, что Людовику IX удалось решить в свою пользу такое количество пограничных ситуаций, находящихся на пределе светской и духовной юрисдикции, прямо связано с его щедрым и лояльным отношением к церквям и монастырям собственного королевства. Прежде всего, он считал необходимым подтвердить привилегии, которые ранее предоставили церкви короли его династии, а также Каролинги Людовик Благочестивый и Карл Лысый (Ibid. P. 351, № 865, 869), тем самым подчеркивая преемственность священной королевской власти. Кроме прочего, акты, составленные в королевской канцелярии, фиксируют значительное количество различных дарений в пользу церкви, исходящих непосредственно от этого суверена. Особое расположение Людовик Святой, естественно, проявлял к аббатству Сен-Дени, в пользу которого он отказался от права постоя и передал право сбора дорожных пошлин в прилегающих местностях. Именно о нем король беспокоился в Эгморте в июне 1270 г., отправляясь в свой второй крестовый поход за месяц до смерти (Ibid. P. 349, 351, № 835, 837, 875). И он мог рассчитывать на некоторые результаты. По этому поводу известный французский историк Р. Фавтье справедливо отметил, что если знаменитого аббата Сутерия в большей степени занимали переживания о его собственной обители, то чиновников эпохи Людовика IX уже совершенно искренне волновала судьба королевства (Фавтье 2001. С. 231–232). Отдельную нишу в душе суверена занимал и женский монастырь Лонгшан: внимание привлекает длинный список даров, которые он делал сам или его подданные (Inventaires. P. 350, № 848, 853). Более того, среди папских привилегий, предоставленных французской короне в булле Александра IV от 23 февраля 1259 г., находим разрешение Людовику посещать обитель с несколькими лицами из свиты (Privilèges. P. 18–19). К вышесказанному остается добавить Сен-Шапель, основателем которой стал сам святой король. Запись об этом событии находится в акте, датированном январем 1246 г. Людовик занимался не только вопросами обеспечения капеллы, но и проблемой реорганизации ее клира (еще один пункт в списке королевских прав), о чем он неоднократно писал из

Эгморта в августе 1248 г., перед отплытием в свой первый крестовый поход (*Inventaires*. P. 347, № 815, 820). Акты королевской власти являются свидетельством и того, что Людовик очень часто, разрешая конфликтные ситуации между светскими сеньорами и клириками, становился на сторону последних. Со своей же стороны, если он что-то отнимал из церковного или монастырского имущества, то старался это компенсировать возможными способами, как, например, в случае с монахами аббатства Сен-Жермен-де-Пре, которым он выплатил компенсацию в сто су за их отказ получать плату с территории, выкупленной королем для братьев-францисканцев (*Ibid*. P. 346, № 805).

Щедрый покровитель и справедливый арбитр, Людовик IX смог привлечь на свою сторону французское духовенство. В конечном итоге ему понадобилось меньше десяти лет, чтобы установить в своем королевстве приоритет светской юрисдикции. В середине 40-х годов XIII в. уже никто здесь не оспаривал авторитет королевских судов. Вслед за своим отцом Людовиком VIII он оставлял за церковью только право рассматривать дела, касающиеся веры, завещания, брака и присяги.

Разумность и практичность проявлял этот король и в политике, которую он вел по отношению к своему внешнему оппоненту – Святому Престолу. Выказывая глубокое уважение к духовной власти римского папы, готовность в любой момент стать на его защиту, Людовик IX всегда умел отстоять свои позиции в случае посягательств на его права суверена в собственном государстве. Он занял престол в период понтификата Григория IX, который вел жесткую политику подчинения светских властных и экономических институтов римской церкви и был создателем «*Liber Extra*» (1234 г.) – корпуса канонического права (Гергей 1996. С. 139). Этот кодекс являлся свидетельством того, что папы позволили себе присвоить право толкования церковных канонов и статус высшего законодателя христианского мира. Достойным преемником Григория IX стал Иннокентий IV. Он продолжил борьбу за гегемонию папства. Но, имея дело с таким властным и сильным противником, молодой король сумел удержать ситуацию под контролем и избежать прямого вмешательства римских пап во внутренние дела французского государства. В сентябре 1235 г. он дает отпор Григорию IX, выступившему на стороне епископа Бове, который был также и графом этого города, по вопросу права влиять на выборы мэра. Несмотря на бесконечные угрозы интердикта и отлучения от церкви, Людовик отстоял идею того, что власть епископов должна

подчиняться только светской юрисдикции. В мае 1247 г. он решил поддержать свой народ и отправил меморандум Иннокентию IV, протестуя против действий папской курии по отношению к французской церкви и французскому королевству во время пребывания папы в Лионе. Список привилегий, дарованных Людовику IX этими понтификами, невелик, но ни один документ не нарушает прав короля и не выходит за пределы духовной сферы. Особенно показательна булла Григория IX от 6 октября 1237 г., в соответствии с которой архиепископам и епископам Франции запрещается накладывать интердикт на королевские земли в том порядке, как это было прежде (*Privilèges*. P. 5–6). Значительно увеличивается и качественно расширяется список папских привилегий, предоставленных французской короне в период понтификата Александра IV (1255–1260). Но только две буллы этого папы переходят грань духовной юрисдикции. В документе от 11 апреля 1258 г. мы находим разрешение французскому королю в землях, дарованных им церкви, заменять реституции, которые он предоставил неизвестным лицам (*Ibid.* P. 17). Еще один документ, датированный 9 января 1260 г., прямо адресует клирикам короля Франции право взимать доходы с их бенефициев без обязанности находиться на соответствующей территории (*Ibid.* P. 21–22). Вмешательство в область королевского права очевидное, но незначительное. Два следующих понтифика – Урбан IV и Климент IV – французы. В частности, Климент IV (1265–1268), до того как взойти на папский престол, являлся клерком Парижского парламента, был близким другом и советником Людовика IX. Поэтому во время их понтификата король поддерживает тесную связь с римским престолом. Более того, Людовик смягчает свои позиции по отношению к римской курии и позволяет в 1264 г. обложить французское духовенство дополнительными налогами с целью решения сицилийского вопроса и подготовки своего второго крестового похода. Но уже в булле от 5 мая 1265 г. читаем, что священники и клерки короля Франции освобождаются от выплаты сотой части своих церковных доходов в пользу Святой Земли (*Ibid.* P. 35). Булла, датированная днем раньше (4 мая), в качестве дополнительной привилегии разрешает клеркам короля при определенных обстоятельствах отказывать в приеме комиссии или делегации Святого Престола или его легатов (*Ibid.* P. 34).

Таким образом, французский король и римские понтифики, ясно осознавая свою взаимозависимость, поддерживали друг друга на политической арене XIII в. При этом следует иметь в виду, что

Людовику IX удалось ограничить вмешательство пап во внутренние дела королевства и утвердить приоритет светской юрисдикции.

Источники и литература

- Гарро А.* Людовик Святой и его королевство. СПб., 2002.
Гергей Е. История папства. М., 1996.
Дюби Ж. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987–1460). М., 2000.
Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.
Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.
Пти-Дютайн Ш. Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. СПб., 2001.
Фавтье Р. Капетинги и Франция. СПб., 2001.
Inventaires et documents / Publiés par ordre de l'Empereur sous la dir. de M. Le Marquis de Labourde. P., 1866.
Privilèges accordés à la couronne de France par le Saint-Siège / Publiés d'après les originaux conservés aux archives de l'Empire et à la bibliothèque impériale. P., 1855.
Rigaudière A. Penser et construire l'Etat dans la France du Moyen Age (XIIIe–XVe siècle). P., 2003.
France in the Later Middle Ages / Ed. by D. Potter. Oxford, 2002.

Е.В. Вдовченко

АЛАНИЯ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II в. н.э.: ВОЖДЕСТВО, КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ, РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО?

Обычно, характеризуя уровень социально-политического развития сарматов, к ним применяют термины «племена» или «союзы племен». Это вполне согласуется с данными античных авторов и сравнительными данными пономадам. Родоплеменная структура общества типична для кочевников, и, в частности, для аланов и кочевого населения степной зоны Восточной Европы. Но ограничиться этой констатацией мы не можем, поскольку у аланов уровень политической централизации заметно превосходил таковой у сарматов предшествующего времени. Так, письменные источники отмечают у аланов царей с наследственной властью. В Алании правили цари из рода Аравелианов. Археологически прослеживается выраженная стратификация общества, что особенно ярко иллюстрируют элитные комплексы этого времени (Хохлач, Дачи

и т.п.). Концентрация престижных предметов, символов власти, импортов, дорогих украшений и элементов костюма в некоторых комплексах (на фоне основной массы вполне рядовых погребений) позволяет уверенно говорить о высоком статусе и об обособленном положении царских родов и аристократии. Значительная военная активность аланов предполагает достаточно развитую политическую организацию.

Вопрос о политической форме Алании I – первой половины II в. н.э. уже рассматривался в литературе. А.М. Хазанов называл его объединением аланских племен (подразумевая под ним в том числе и следующую волну аланов, II–III вв.), К.Ф. Смирнов – конфедерацией (Хазанов 1971. С. 84). Можем ли охарактеризовать Аланию как раннее государство? В работах сарматологов с советского времени устоялось представление о классообразовании у сарматов. Говоря о сарматах первых веков (в данном контексте это обобщенное название всех кочевых племен западной части евразийских степей), А.М. Хазанов пишет: «Процесс классообразования у сарматов усиливается», – подразумевая под этим увеличение имущественного неравенства и социальной дифференциации (Хазанов 1971. С. 82). Аланское объединение приблизилось, по его мнению, к уровню кочевых «варварских» государственных образований с еще не завершенным процессом классообразования, и исследователь фиксирует его заключительный этап. А.П. Медведев тоже пишет о процессах классообразования у сарматов (Медведев 2010. С. 140).

Но, если определять класс как социальную группу, отличающуюся своим отношением к средствам производства, то классов у кочевых племен быть не может. Ведь земля находится в племенной собственности, а скот – в семейной. Усиление социальной дифференциации в этом случае, на наш взгляд, является свидетельством формирования стратифицированного общества, но отнюдь не классового, и это «классообразование» классами закончиться не может (только если кочевники не вольются в оседлый социум, перестав быть кочевниками). Другой вопрос – формирование протосословий, но, на наш взгляд, их существование не подразумевает обязательного наличия государства. Родоплеменная структура кочевого общества полностью удовлетворяла внутренние потребности кочевников в организации.

Н.Н. Крадин рассматривает политику кочевников как ксенократические (экзополитарные) образования. Экзополитарный характер политик у кочевников, использование ресурсов земледельцев не дает надежного фундамента для построения государства. Что же

касается военно-политического взаимодействия номадов с оседлым миром, то племенная организация достаточно органично вписывалась в военную модель кочевого общества.

Изучение проблемы политической организации и политической сложности общества аланов упирается в неисследованность у номадов (особенно древних) такого института как дружина. Мы можем отметить широкое употребление именно этого термина без должного теоретического обоснования (Хазанов 1971; Безуглов 1997). Очень интересен характер дружинной организации. Состоит она из аристократии и связана с определенными кланами, или же речь идет о формировании профессиональных дружин и служилой знати? Для аланов первых веков нашей эры более предпочтительным выглядит первый вариант, хотя А.М. Хазанов, к примеру, сообщает о «постоянных дружинах профессиональных воинов с их дорогостоящим оружием» (Хазанов 1971. С. 81). Почему же это не родовая аристократия? У нас нет доказательств «профессионализации» дружин у сарматов. А.М. Хазанов почему-то отказывает рядовым номадам в участии в знаменитом набеге 9 000 роксоланов на Мезию, считая их всех дружинниками-катафрактариями (Хазанов 1971. С. 85). Война для кочевника – любимое занятие, особенно для знати, да и рядовые номады охотно подключались к масштабным военным акциям, организуемым аланами. Но вряд ли они при этом отрывались от своих племен и своего главного дела – кочевого скотоводства. Мы можем предполагать формирование сословия, специализирующегося на войне. Но мы пока не имеем данных, чтобы отрицать связь его с традиционной племенной организацией, и говорить о дружинах, отдельных от племен.

В настоящее время концепция государственности у номадов критикуется исследователями. Очевидно, что внутренней потребности в государстве не существовало – для нее не было экономического фундамента. У кочевников сарматской эпохи нет ключевых признаков государства. Критично к идее государственности нижнедонских аланов относится и С.А. Яценко (Яценко 2003, 2009). Специфика номадов приводит к развитию альтернативного пути политогенеза, не доходящего до государственности (Н.Н. Крадин). Другая точка зрения – о существовании у сарматов раннего государства – выражена в статьях А.П. Медведева (Медведев 2010. С. 145).

К аланам первых веков, на наш взгляд, гораздо более подходит термин кочевая империя. Название статьи С.А. Яценко (Яценко 2009) – самого обстоятельного исследования нижнедонской Ала-

нии – неслучайно. Мы видим у аланов следующие признаки кочевой империи:

- наличие зависимой оседлой периферии, подвергаемой экзоплуатации (население донской лесостепи, нижнедонские и кубанские городища, отчасти Боспор и т.п.);

- наличие царского рода Аравелианов и влиятельной аристократии;

- исключительно активная военная деятельность, организация масштабных акций в Подунавье, Закавказье, Северо-Западном Иране;

- признание соседями высокого статуса Алании (династические браки с царями Армении).

С.А. Яценко определяет Аланию I–II вв. как кочевую империю, по ряду важных параметров переходную от даннического типа к завоевательному (Крадин 2006. С. 493–494). На наш взгляд, характеристика Алании как кочевой империи верна, но не исчерпывается только этим определением. Ее можно охарактеризовать и как вождество – промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата. Термин «вождество», как доказывают исследователи, применим и к номадам (Хазанов, 2000. С. 280–281). Однако в литературе проблема сарматских вождеств практически не ставилась.

Вождество характеризуется следующими признаками (Крадин 1995):

- 1) наличие надлокальной централизации;
- 2) существование иерархической системы принятия решений, но отсутствие узаконенной власти, имеющей монополию на применение силы;
- 3) четкая социальная стратификация, зарождение тенденции к выделению эндогамной элиты в замкнутое сословие;
- 4) редистрибуция – перераспределение прибавочного продукта по вертикали;
- 5) общая идеологическая система и/или общие культы и ритуалы;
- 6) вождество в целом является структурой, не способной противостоять распаду общества;
- 7) верховная власть в вождестве носит сакрализированный, теократический характер.

Археологически можно аргументировать наличие нескольких из этих критериев (1, 3, 4, 5). Иерархию кочевых общин археоло-

гически сложно проследить, в отличие от оседлых обществ с поселениями. Но мы можем увидеть отношения зависимости между номадами и земледельцами (погребения кочевой знати на могильниках поселений, культурные и экономические контакты). Данные отношения фиксируют и письменные источники.

В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное (Медведев 2002). Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, территориальные и погребальные отличия этой группы. О тенденциях формирования сословности свидетельствуют: пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки), военная деятельность определенной группы, поголовная вооруженность, стандартизация инвентаря, в первую очередь оружия.

Правителя и подчиненные общины соединяют редистрибуция и институты престижной экономики (Крадин 2007. С. 30). Власть правителя кочевого вождества держалась на успешной внешнеполитической деятельности и на перераспределении добычи, дани и т.п. среди своих воинов и верхушки племен. О престижной экономике могут свидетельствовать концентрация престижных вещей (погребения Нижнего Дона), а также распределение их по периферии. Престижные предметы появляются в племенной среде не только как военная добыча или результат династических браков, но и как дары правителя, укрепляющие его власть. При решении этой проблемы перспективно исследование знаков собственности – сарматских тамг.

Частые церемонии и ритуалы, служащие целям укрепления авторитета власти, известны по письменным источникам и могут быть прослежены археологически. Самое яркое свидетельство их у аланов – богатые погребения среднесарматской культуры, роскошный ритуал при совершении которых был, видимо, предназначен для широкой аудитории.

Возникает проблема соотношения понятий «вождество» и «кочевая империя». Этого вопроса касался Н.Н. Крадин. Мы можем, воспользовавшись его работами, назвать кочевую империю сложным и суперсложным вождеством (отличие в масштабах и институте наместничества). Были ли в подчиненных аланам обществах наместники, сказать сложно. Погребения высшей знати из некрополя Кобяково (к. 10) и Липецкого кургана говорят, скорее,

не о наместничестве, а о зависимости оседлого населения от конкретных родов и отдельных представителей знати.

Таким образом, полития аланов может рассматриваться по своим внешним признакам как кочевая империя (господство над кочевыми племенами и оседлым населением, активная внешнеполитическая деятельность). Но по внутренним, структурным признакам Алания была, видимо, сложным вожжеством.

Литература

- Безуглов С.И.* Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1997. Вып. 14.
- Крадин Н.Н.* Вожжество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
- Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Медведев А.П.* О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2010. Вып. 10.
- Медведев А.П.* Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
- Яценко С.А.* Заметки по истории и культуре сармато-аланов // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6.
- Яценко С.А.* Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2009. Кн. 3.

Т.Л. Вилкул

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ХРОНОГРАФИЧЕСКИХ КОМПИЛЯЦИЯХ

В настоящем исследовании речь пойдет о возникновении государства в понимании средневековых книжников, о том, как мыс-

лилось это явление. Можно было бы сказать «образование государства», но многие достаточно сложные процессы в это время мыслились именно как внезапное появление, даже как своеобразный аналог «творению». А еще точнее – речь идет о возникновении «царства» и первых царях. Прежде всего, следует сказать об основных доступных для древнеславянских авторов источниках: ветхозаветных книгах, Хронике Иоанна Малалы и Хронике Георгия Амартола.

В Ветхом Завете представлена весьма сложная история формирования государственности, отраженная в основном в Книгах Царств, но отчасти и ранее. Что касается судьбы народа Израиля, пишется о пророках, судьях, верховных жрецах и, наконец, о царях. По-видимому, древнеславянским книжникам было тяжело понять некоторые тонкости. Так, уже Иисус Навин обладал такой властью, что в обращении сынов Израилев к нему говорится: «члѣкъ же и* не покорится тобѣ . и ни послушаешъ словесъ твои* я* заповѣси емоу . да оумреть» (Ис. Нав. 1: 18; чит. по: Виленский хронограф. Л. 204). Кроме того, в Книге Бытия (10: 8–10) совершенно вскользь упоминалось о «царстве» Неврода, что относилось уже ко «всемирной» истории: «хусь* ро^а неврода . си^и нача быти шудъ на земли . сиⁱ бѣ^и шоду^д (в списках русской редакции – исполинъ) . ловещъ пре^а бмѣ . сего дѣля рекоу^т . (в других списках добавлено: акы) невро^а шоду^д ловещъ . пре^а г^смѣ бмѣ . и бы^с в^ласть цр^ства его въ вавилонѣ (в других списках: вавилонѣ или вавилоня) . и wrѣхъ...» (Виленский хронограф. Л. 23 об.; разночтения см.: Михайлов 1900. С. 62).

Компактнее и, в целом, проще выстроена схема в Хронике Иоанна Малалы, кн. 1: 14 (Виленский хронограф. Л. 31 об.): «Ро^ася от прѣваго сна ноева . члѣкъ гигантска рода . имене* кронъ ... бѣ^и же силенъ шѣдо . тотъ* показа прѣж^е цр^стовати . рекше власти дръжа^т . и ины члѣкы . и цр^стова то^т въ асу^ирии прѣвѣ лѣта многа . и повиноу всю землю перси^а ... бѣ* страшень всѣмъ яко лють ратникъ , сѣкыи вся» (здесь и далее выделение мое. – Т.В.). Правда, непосредственно перед этим воспроизводится библейская традиция, но без обозначения «царство»: «роди же са инъ от колѣна хамова , хоусь ... и* ро^а неврода гиганта . и* сѣтвори^и вавило^н ... то^т прѣвее настави ловити звѣрь . даяше всѣмъ свѣрину ести . и старѣи прѣсо^ч». Здесь следует обратить внимание на то, что сначала пишется о Невроде, и лишь затем о Кроне, но Крон является прямым потомком Симы старшего сына Ноя. Иначе говоря, события komponуются следующим образом: в начале новой человече-

ской цивилизации (первые поколения после потопа) царство возникает вместе с несколькими иными цивилизационными достижениями, такими как создание города и обучение охоте. Один из героев становится первым царем, и от него берет начало эта практика.

В Хронике Георгия Амартола различается вступление, канва которого весьма сходна с Хроникой Малалы, и основная часть. О царях речь идет во вступлении, в такой последовательности: Неврод – создал Вавилон, первый устроил «ловы», «волшвения» и «звездозакония»; Крон – «первѣ яви цѣртование и обладати инѣми члѣвкы» (Истрин 1920. С. 33–34). В основной части говорится о разрушении столпа и разделении земли между потомками Ноя (Там же. С. 57–59) и о том, что Серух начал «елиньская оучения», т.е. поклонение идолам. Далее идет длительное отступление о причинах и разновидностях служения разнообразным божествам, попутно несколько раз упоминаются другие важнейшие изобретения: «грамотоу бо финикиане обрѣтоу...» (Там же. С. 62) и пр.

В древнеславянских хронографических компиляциях возникновение царствования часто оказывается переплетено с появлением «кумирослужения», и в некоторых случаях можно определить иерархию обеих тем для того или иного компилятора. Судя по всему, книжники не ставили себе целью объяснить, что появилось раньше и что позже, однако, описывая всемирную историю и первые достижения человечества, невольно вынуждены были сопоставлять обе темы.

Составитель Иудейского хронографа (вторая половина XIII в., Юго-Западная Русь) первую книгу Малалы с объяснением возникновения «царствования» включает в свой текст дважды. Сначала – в сложную компиляцию из Слов Григория Богослова с комментариями Никиты Ираклийского, хроник Малалы и Амартола и некоторых собственных дополнений (в частности, так называемой «басни о Совии»). В этой части хронографа о «царствии» говорится по Хронике Малалы, но с некоторым упрощением. «Старѣи персом» толкуется именно как «царь», и, соответственно, первым царем становится Неврод: «хоушь моуринъ ро^{дн} неврода гиганта . и^ж сѣтвори^л вавило^н ... то^г прѣж^{дѣ} настави^л ловити свѣрь . и даяше всѣ^м сверину ясти . старѣи прѣсо^м црь и^ж» (Виленский хронограф. Л. 26). В целом же, книжника здесь интересует «кумирослужение», что и является стержневой темой: много говорится об античных божествах Дио-Зевсе, Кроне, Афродите и др., и попутно – о некоем Совии и язычестве в Литве. Далее составитель хронографа снова возвращается к своему источнику – Хронике Малалы – и на сей раз воспроизводит текст без изменений (Там же. Л. 31). Пер-

вым царем оказывается Крон, что создает известные противоречия, нередкие, впрочем, в хронографических компиляциях.

Во вступлении к обоим видам Летописца еллинского и римского (Еллинский-1 предположительно создан в XIII в.; время создания Еллинского-2 – вторая четверть XV в.), где вводная часть фактически общая, также использованы фрагменты из Хроники Малалы и комментарии Никиты Ираклийского. С именем Неврода-«гиганта» связано лишь столпотворение, ни о каком его «старейшинстве» или «царстве» даже вскользь не упоминается. Сразу после описания создания и разрушения «столпа халанского» речь заходит о Кроне-царе: «Родиша же ся от сна ноева члкъ . гигантьска рода . именемъ кронъ ... бѣ же силенъ сѣло . тѣ "преж"е показа цѣртовати . рекше владѣти члқи . и цѣртова то" . прѣвие во асирии много лѣ" ... яко лють ратникъ» (Синодальный № 280. Л. 11–11 об.). Имя Крона провоцирует введение дополнений из комментариев Никиты Ираклийского (ср.: «глют же яко вол'хвовав'шу кроноу . кто приметъ е' цѣртво . и дано бы' емоу проре"ние . яко снѣ е'...»), и далее пишется об эллинских древних царях и «еллинской прелести», хотя такого прицельного внимания к возникновению кумиролужения, как в Иудейском хронографе, все же не наблюдается.

Историческая палея, южнославянское произведение XIII в., на роль первого царя избирает по библейской традиции Неврода, которому, однако, приписывается также первое измерение всей земли и, одновременно, изобретение кумиролужения: «По семь (после столпотворения. – Т.В.) цѣртова невротъ моужь гигантъ , иже създа великыи вавилонъ . и цѣртова в немъ .п. и .е. лѣ" . тож"е невротъ размѣри весь миръ . и обрѣте средоу всемоу миру в палестинѣ . и оттолѣ начашаса идолослуженіа начаша са чловѣци кланятися създаниємъ от первородни^х . сновъ и дщерь и^х . и до гадовъ и до иновидѣніа имъ . и не бѣ чловѣка на земли иже именова-ти имъ ба» (Попов 1881. С. 20–21).

Наконец, в Полной хронографической палее тема возникновения царства и первого царя – маргинальное дополнение после основной части (уже после истории Авраама), взятой из Толковой палеи. Источником служит вступление из Хроники Амартола: «Кронъ... первое нача' цѣртовати и вла'ти тою землею и людми и повиноу вся» (ср.: Истрин 1920. С. 34). При этом выше в дополнениях, сделанных также и к рассказу об Аврааме, упоминается некий царь «Амарфел Сенарский».

Обратимся теперь к «Повести временных лет» (ПВЛ). Рассмотренные выше хронографические компиляции созданы позже

ПВЛ, однако известно, что ее составитель и даже кто-то из его предшественников знал сочинения Амартола и Малалы. (Гипотеза о «Хронографе по великому изложению» как об источнике ПВЛ, на мой взгляд, не находит подтверждения [Вилкул 2007]). Кроме того, общая компоновка изложения в хронографах и палеях, несмотря на все вариации, весьма сходна, что позволяет предполагать, что за этим стоят некие общие особенности осмысления возникновения власти и государства.

Итак, в свете сказанного о хронографических компиляциях можно отметить, что ход мысли составителя ПВЛ столь же прост. Его интересует, «кто первее нача ... княжити». Учитывая частое объединение «правления» и «кумирослужения», может быть, образцовым правителем и еще одной «точкой отсчета» следует считать Владимира Святославича, который на одном из начальных этапов своего княжения упорядочил кумиропочитание: «постави кумиры... внѣ двора теремнаго...».

Источники и литература

Виленский хронограф (Виленский список Иудейского хронографа, XVI в. – Вильнюс. Библиотека АН Литвы. F 19–109).

Вилкул Т.Л. Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2007. Vol. 15, no 2. P. 56–116.

Истрин В.М. Книгы временъныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1: Текст.

Михайлов А.В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900. Вып. 1.

Попов А. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая с приложением Сокращенной палеи русской редакции) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1881. Кн. 1.

Синодальный № 280 (сборник, включающий Еллинский летописец 1-й редакции, начало XVI в. – ГИМ. Син. № 280).

Н.А. Ганина

АРКОНА, КАРЕНЦА, РУГАРД, РАЛЬСВИК: О СТАТУСЕ И СООТНОШЕНИИ РЮГЕНСКИХ ЦЕНТРОВ ВЛАСТИ

Рюген никогда не был государством в прямом смысле слова. Тем не менее, благодаря значительным размерам, природной обо-

собственности и ландшафтному своеобразие этого балтийского острова, общество, населявшее Рюген, осознавалось как полития, имеющая собственного правителя. Это осознание отражено в древнеанглийском «Видсиде», где в перечне владык, реальных и легендарных, наряду с римским императором («*Cāsege weold Crea-cum*» – «кесарь правил греками») упоминается правитель «островных ругов» Хаген («*Hagene weold Holmrygum*»). К материальным следам власти этого восточногерманского племени на Рюгене относятся крепости с находками эпохи Великого переселения народов – Замковая гора близ Ральсвика и Вердер (Heitmann 1998. S. 147–156). Далее, Гельмольд Босауский прямо говорит, что руяне (раны, руны) «занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм». Хронист объясняет основания этого могущества как с религиозно-культурной, так и с географической точки зрения: «Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будущи неприступны из-за трудностей своего месторасположения» (Гельмольд. С. 100).

Славянские князья Рюгена стали вассалами Дании в 1168 г. (князья Мекленбурга и Поморья утратили независимость уже в первой половине XII в.). Руяне дольше других славянских племен Полабья и Поморья сохраняли собственную власть и этническую идентичность в зоне интенсивных германо-скандинавских контактов. Рюгенские князья чеканили свою монету (примерно с 1190–1200 гг.), но, в отличие от померанских правителей, начавших выпускать монеты за 30 лет до того, никогда не именовались герцогами и даже прямо называли себя королями. Легенда монеты Яромара I гласит: «+ IGAROMA REX + RWIANORVM» – «+Ярома[р] король + руян» (две такие монеты несут знак креста, одна – знак лилии) (Sobietzky 2005).

Основы княжеской власти на Рюгене были своеобразными: иногда могли править два брата вместе, иногда – отец и сын. Учитывая, что первые документально известные князья Рюгена, Тетислав и Яромар, выступают именно как братский дуумвират, такое «соборное» оформление власти следует считать не признаком ослабления, но реликтом славянской древности и архаической рюгенской теократии. В новом феодальном окружении складывалось понятие о единоличной централизованной власти князя. Таким образом, Рюген – территория потенциального политогенеза. Однако Рюгенское княжество не могло стать новым славянским госу-

дарством по объективным причинам. Территория Рюгена (около 1000 км² с учетом прилегающего острова Хиддензее) незначительна даже на фоне такого малого островного государства, как Исландия (103 125 км²), не говоря уж о Британии. Государство такого масштаба мыслимо лишь до исхода эпохи викингов (ср. Оркнейские острова – 990 км² – с их ярлством). Рюген находился в зоне взаимодействия уже сложившихся и расширяющихся сильных государств (Дания, Германия, Польша) и должен был попасть в орбиту ведущих политических сил.

Потому, с одной стороны, на Рюгене, бесспорно, были свои центры власти, с другой – статус и соотношение этих центров и связанной с ними элиты оказываются неясными во многих аспектах.

Наиболее определенной представляется роль Арконы. Городище на крайней северо-восточной точке острова (мыс полуострова Виттов; слав. *Světovítovo ‘Святовитово’) было храмовой (культовой) крепостью, межплеменной святыней западных славян-язычников и центром жреческой власти. Важным компонентом святилища была храмовая сокровищница; по свидетельствам хроник, в ней сосредоточился «золотой запас» Рюгена, а возможно, и соседних славянских племен. Роль святилища как символа власти на Южной Балтике подтверждается тем, что, по сообщению Саксона Грамматика, датский король Свен, будучи христианином, пожертвовал в сокровищницу золотой кубок. Очевидно, это был Свен III Грате, в первой половине XII в. нуждавшийся в поддержке своей власти (Berlekamp 1998. S. 13). По данным археологии, Аркона не была постоянно обитаемым местом, славяне собирались туда на культовое празднество после сбора урожая. В ноябре неподалеку от Арконы устраивался сельдяной рынок (Гельмольд. С. 237), который, однако, не был крупным приморским центром дальней торговли. Скандинавский элемент в археологии Арконы не прослеживается.

Авторитет жреца объединял под своей эгидой весь Рюген, поскольку именно жрец, а не князь, по сообщению Гельмольда, вел переговоры с князем ободритов Генрихом и торг о цене перемирия (Гельмольд. С. 104–105). У Святовита было свое знамя и выступавшее под ним войско («станица»). Развитое храмовое хозяйство Арконы включало коневодство и медоварение (ср. отмечаемую археологами высокую долю овса в анализах пыльцы и топонимы Kontop, Medowe на полуострове Виттов). Однако с упразднением культа вся эта структура должна была рухнуть. Потому с исчезно-

влением старой религиозной элиты Аркона утратила свое исключительное значение.

По данным Саксона Грамматика, второй крупной храмовой крепостью была Каренца – святилище Руевита, Поревита и Поренута (Перунича). Именно в Каренце славянские князья и знать в июне 1168 г. приняли условия датчан и согласились креститься.

Согласно традиционной точке зрения (исследователи XVIII–XIX вв.), Каренца – нынешний рюгенский Гарц. Рядом с этим городком действительно находится мощный славянский вал, однако топоним Garz происходит от славянского *Gardec ‘Городок’, ‘Городец’, в то время как название Charenza восходит к иному славянскому прототипу. Новейшие исследователи (Ф. Рюххофт и др.) указывают, что, по сообщению Саксона Грамматика (очевидца событий), епископ Абсалон в июне 1168 г. в течение одного дня успел съездить верхом из Арконы в Каренцу и обратно, совершив там массовое крещение славян и основав три храма. Между тем и в наши дни такие темпы нереальны. Ф. Рюххофт убедительно обосновал другую локализацию крепости – урочище Венц близ Шапрде с остатками мощных валов. В средневековых грамотах это место именовалось Gharense; именно там была дана грамота князя Вицлава I Штральзунду

Семь мечей на посье идола, этимология имени *Rujevitъ ‘обладающий повышенной мужской силой’ (ср. др.-рус. *рюень* ‘сентябрь’) и собрание князей с дружиной именно в этой крепости свидетельствуют о том, что святилище Руевита, в отличие от жреческой Арконы, было культовым центром княжеской дружины (ср. трехчастное деление индоевропейского общества). Утратив свой сакральный компонент, Каренца стала одной из княжеских крепостей (позднее – резиденций). Гарц – еще одна крепость этого типа, поскольку рюгенское княжество было «странствующим» (Rüchhoff 2008. S. 24).

Крепость Ругард на плато морены близ города Берген в своей ранней стадии (VIII–IX вв.) сходна с Каренцой и Гарцем. После IX в. городище сгорело, а в XII в. было восстановлено и укреплено. Такая эволюция связана с упрочением княжеской власти, которая, в отличие от жреческой, после датского завоевания получила мощный импульс развития (ср.: Berlekamp 1998. S. 13–14). Рюген стал княжеством, отказавшись от жречества.

В шести километрах от Ругарда, внизу под горой, на берегу моря находится Ральсвик – самый крупный и детально исследованный приморский торговый центр эпохи викингов на Рюгене. Й.

Херрманн, много лет посвятивший раскопкам в Ральсвике, определяет соотношение Ругарда и Ральсвика как «Мекленбурга и Рерика..., Юрикова городища и Новгорода» (Herrmann 1998. S. 160). Но приводимые им далее факты не подтверждают этого теоретического положения. Между Ругардом и Ральсвиком нет видимых материальных связей. Культурное многообразие приморских находок (славянская деревянная фигурка идола, кость с рунической надписью и три скандинавских «молота Тора», стержни-писала для записей на восковых табличках, бронзовые украшения из Прибалтики, «бобровая лапа» верхневолжского типа – финно-угорский амулет из глины) не распространяется на близлежащее славянское городище. С другой стороны, в Ральсвике нет ни вала – маркера славянского городища и святилища, ни находок височных колец. Лодки из Ральсвика по своей конструкции отличаются от судов викингов и считаются славянскими. В целом очевидно, что торговый центр в Ральсвике был местом взаимодействия разных этносов, причем не всегда мирного – ср. следы человеческого жертвоприношения по скандинавскому типу, с собаками и лошадьми, и найденную рядом кость с рунической надписью.

Рассмотренные факты позволяют установить следующее соотношение центров власти на Рюгене: Аркона – культовая крепость, центр религиозной элиты; Каренца, ранний Ругард – культовые крепости, оплоты светской элиты; поздний Ругард – княжеская резиденция, возникшая в ходе укрепления светской власти славянской династии; Ральсвик – независимое славяно-скандинавское торговое поселение, ориентированное на дальнюю торговлю, аккумулирующее ценности профанного характера, но не оказывающее материального влияния на Ругард. Викинги (скандинавы-язычники) на Рюгене выступают как торговцы или разбойники, но не как представители социальной элиты.

Литература

- Гельмольд. Славянская хроника / Пер. с лат. и примеч. Л.В. Разумовской. М., 1963.
- Berlekamp H. Arkona und Rügen vor 1168 – Betrachtungen zum Quellenmaterial // 825 Jahre Christianisierung Rügens. Symposiumsberichte / Hrsg. von K. Coblenz. Altenkirchen a. Rügen, 1993.
- Herrmann J. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingschen Siedlungen und deren Hinterland. Lübstorf, 1997. Т. 1: Die Hauptsiedlung; Lübstorf, 1998. Т. 2: Kultplatz, Boot 4, Hof, Propstei, Mühlenberg, Schloßberg und Rugarde; Schwerin, 2005. Т. 3: Die Funde aus der Hauptsiedlung.

Rüchhoff F. Wie wir zur neuen Karenz-Theorie gekommen sind // *Baltische Studien.* 2008. Bd. 94. S. 9–27.

Sobietzky G. Das Fürstentum Rügen und sein Geldwesen sowie Stralsunds Münzen bis zum Ende der Wittenperiode. Stralsund, 2005.

Н.Ю. Гвоздецкая

**МОТИВ ВОЕННОГО ПОХОДА
И СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ПРОШЛОГО
В «САГЕ ОБ ИНГЛИНГАХ»
(ОПЫТ ЛИНГВОНАРРАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

Как известно, первая форма политического объединения Норвегии (установление над большей частью ее населения власти одного монарха) выросла из экспансии викингов и обязана своим появлением королевской династии Инглингов, чье легендарное прошлое воссоздает одноименная сага, открывающая наиболее знаменитое собрание исландских королевских саг – «Круг Земной» Снорри Стурлусона (Гуревич 1980. С. 614). «Сага об Инглингах», ранняя национальная история, написанная на национальном языке исландским аристократом XII–XIII вв., основана на едином норвежско-исландском комплексе устных преданий, часть из которых имеет мифологические корни (Мельникова 2003а. С. 158–159).

Цель Снорри – дать историко-мифологическое обоснование прав потомков Ингви на Норвегию и объяснить вражду, раздирающую их род (Гуревич 1972. С. 78) – обуславливает особенности конструирования им образа прошлого. Композиция «Саги об Инглингах» воспроизводит генеалогическую цепочку древнейших правителей скандинавского Севера, которую положил в основу хвалебной поэмы «Перечень Инглингов» норвежский скальд Тьодольв Хвинский. Однако, в отличие от Тьодольва, который акцентирует обстоятельства смерти своих героев, Снорри обращает внимание также на обстоятельства их жизни (в том числе, борьбу за власть), почерпнутые, по-видимому, из неких прозаических рассказов преимущественно устного происхождения (Смирницкая 2005. С. 111).

Значительную роль в создании образа вождя и его власти в «Саге об Инглингах» играют военные деяния (Мельникова 2003б. С. 78). Мотив военного похода находит стереотипное вербально-нарративное выражение – прежде всего, через слова, производные от *heg* «войско» (*herja*, *hermaðr*, *hermað*, *herfang* и т.д.), а также

клишированные словосочетания и вводные характеристики персонажей. Начинаясь от времен доисторических, рассказ доходит до середины IX в., т.е. до эпохи формирования движения викингов: ее отзвуком, в числе прочего, служит появляющееся в рассказе слово *víking* «военный набег». Изучение текстуальных (вербально-нарративных) средств выражения мотива военного похода позволяет выявить динамику его развития в саге, которая отображает три разных образа прошлого (с известной долей условности можно обозначить их как мифический, эпический и реальный).

Первые, укорененные в мифе правители (Один–Ньёрд–Фрейр–Фьёльнир) еще не нуждаются для утверждения своей власти в военных походах. Их власть имеет, скорее, жреческо-магические основания. Правда, Один представлен как «великий воитель» (*hegmaðr mikill*, 2*), но при упоминании его завоеваний момент насилия затушевывается, а на первый план выдвигаются провидческие способности, хитрость и магия (2, 4–6). В фигурах Ньёрда и Фрейра, которые служат материальным воплощением мира и урожая (9–10), жреческо-магическое начало власти полностью вытесняет военную функцию вождя. Поворотным моментом оказывается в рассказе эпизод с Фьёльниром: обеспечивая своему народу благосостояние, он в нем «захлебывается», утопая в чане со священным медом (11). Следующие четыре правителя (Свейгдир–Ванланди–Висбур–Домальди), отчасти сохраняя связь с мифом, теряют харизматические дары своих предков: общение с потусторонним миром несет им гибель, походы Свейгдира и Ванланди завершаются неудачей (12–15). Даже принесение в жертву Домальди не спасает положения: его сын и внук наслаждаются благополучием, но теряют над ним контроль (16–17). В следующем эпизоде с Дагом (18) вновь возникает мотив военного похода, но уже в иной трактовке – не как следствие особой харизмы вождя, а как жизненная необходимость, способ отстоять власть и репутацию.

Начиная с фигуры Дага, рассказ перемещается в иное, менее мифологизированное пространство и обретает исторические черты (хотя сам Даг еще сохраняет сходство с Одином: его воробей – отголосок воронов Хугина и Мунина). Если Великая Свитьод и Страна Турок, по которой странствуют Один и Свейгдир, пребывает в одном измерении с Жилищем Богов и Жилищем Ванов, то Страна Готов, куда отправляется Даг, имеет более точные ориентиры (*á Vörgva, Várþavað* и т.д.). Если мотивы появления Ванланди в Стране Финнов неясны, то Даг вынужден идти войной в Страну Готов, чтобы отомстить за убийство своей волшебной птицы.

Описание похода Дага обнаруживает детали, сопряженные с насилием. Те же особенности отличают рассказ о походе Агни, сына Дага, в Страну Финнов. Наряду с насилием, упоминаются трофеи; повышается частотность слова *her* и его производных. Эпизод с Дагом включает особый (очевидно, похвальный) эпитет (*gramr*), которым наделялись участники военных походов, т.е. дает их косвенную оценку; далее в саге появляется еще один подобный эпитет (*karpi* – 22 и др.), а также прямые оценки военных вождей (*frægr*, *ágætr* «знаменитый, прославленный» – 21, 22 и др.). Так возникает еще один, «эпизированный» образ военного похода, где на первом месте находится добыча и слава.

Эпические оттенки в образе военного похода главенствуют на протяжении глав 18–32, где в фокусе повествования оказываются 15 представителей рода Инглингов, причем именно на эти главы приходится три из четырех употреблений термина *víking*, получающего хвалебное звучание. Более реальной становится география походов (Восточные страны, Страна Саксов, Дания, Норвегия, Швеция). Развернутые вводные характеристики вождей и описания их действий обогащают смысл эпитета *hermaðr* (из 12-ти словоупотреблений 8 приходится на указанные главы). Первоначально этот эпитет ассоциируется со странствованиями и/или завоеваниями, а также везением на победу: *hermaðr mikill ok mjök víðförull ok eignaðisk mörg ríki... sigsæll...* (2, об Одине); *hermaðr mikill... ok fór víða um lönd* (13, о Ванланди). В последующем рассказе тот же эпитет разворачивается в описание битв и грабежей (23, 25, 27, 32). Удачливость в битвах как отзвук сакральной природы власти дополняется другими качествами вождя, которые определяются мнением людей, а не связью с потусторонним миром. Так, во вводной характеристике Ингви конунга владение разными искусствами, щедрость, любовь к пирам расцениваются почти как оборотная сторона силы и отваги: *Var Yngvi hermaðr mikill ok allsigrsæll, friðr ok íþróttamaðr inn mesti, sterkr ok inn snarpasti í orrostum, mildr af fé ok gleðimaðr mikill* (21).

Эпитет *hermaðr* становится чуть ли не обязательной характеристикой вождя в этой части саги (11 словоупотреблений на 15 персонажей) – положительной (*hermaðr mikill*) или отрицательной (*engi hermaðr*), причем служит не только оценкой человека, его характера и поведения, но подводит итог деятельности правителя. Правитель, который не ходит в военные походы, теряет общественную репутацию и жену (Альв, 21), власть или независимость (Аун, 25; Эгиль, 26), престол и жизнь (Хуглейк, 22). Симметрия

позитивных и негативных фигур, нередко связываемых аллитерацией (Ингви и Альв, Хуглейк и Хаки, и т.п.), позволяет рассматривать их оппозицию как нарративный прием, который акцентирует значимость военных походов для утверждения власти конунга.

Характерно, что эпитетом *hetmaðr mikill* наделяются лишь представители рода Инглингов (20, 21, 23, 32) или равные им по статусу датские конунги (Фроди, Хальвдан и Фридлейв – 25, 27), но не «морские конунги», хотя бы они и были удачливы в сражениях и временно оказывались у власти (Хаки, 22; Сёльви, 31). Тем не менее, ореол славы окружает не только воителей, принадлежащих к древним династиям. Так, отдельный рассказ посвящен героической смерти Хаки (23). Звание «морского конунга» («кто никогда не спал под закопченной крышей и никогда не пировал у очага», 30) трактуется как некое идеальное качество.

Эпизация образа вождя сопровождается развенчиванием жречески-магического начала его власти. Ссылка на колдунов и чародеев, которыми окружал себя «не-воитель» (*engi hetmaðr*) Хуглейк конунг, звучит скорее уничижительно (22). Конунг Аун, заслуживший эпитет *blótmaðr mikill* своею страстью к жертвоприношениям, добивается от Одина лишь продления собственной жизни, но не благополучия страны и рода. Военные походы становятся для правителя чем-то вроде абсолютного императива, хотя иногда подчеркивается их оборонительный характер (32).

Начиная с эпизодов правления Энунда и его сына Ингьяльда, образ вождя и его власти обретает черты, маркирующие усиление реального плана в повествовании, несмотря на присутствие мифо-эпических мотивировок (вкусение Ингьяльдом волчьего сердца, колдовской плащ Скъёльда). Конечно, самосожжение Ингьяльда несет на себе героико-эпический отблеск, но сопровождается и вполне рациональным объяснением (40). В целом, снижается образ войны и воителя. Детализуется описание грабежей (46); вместо славных заморских походов, «крупным планом» подаются бесславные внутренние распри (38). Альтернативой войны становится хозяйственная деятельность конунга (Энунд Дорога, Олав Лесоруб), в прозвище вождя отображаются бытовые детали поведения (Хальвдан Щедрый-на-золото-и-Скупой-на-еду), отмечается нарушение «законов викингов» (*vikingalögin*) в политических целях (женитьба Хьёрварда, 37).

Развитие мотива военного похода в «Саге об Инглингах» позволяет, на наш взгляд, не только увидеть разные стороны запечатленного в ней образа скандинавского прошлого, но и осознать,

как оценивалось движение викингов во времена Снорри. С одной стороны, походы викингов получают оправдание как восходящие к эпохе мифопоэтических первоправителей, создающие героический образ предков, вызванные потребностями обороны и утверждением власти конунга. С другой стороны, их оценка в саге понижается на фоне изображения внутренних распрей. Думается, в этом отобразилась актуализация разных сторон устной традиции в период усиления политической борьбы в Норвегии и Исландии.

Примечание

* Арабская цифра указывает номер главы в «Саге об Инглингах».

Литература

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А.Я. «Круг Земной» и история Норвегии // *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. М., 1980.

Мельникова Е.А. Устная историческая традиция в раннем историописании: «Повесть временных лет» и «Сага об Инглингах» // ВЕДС: Автор и его текст: XV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Матлы конф. М., 2003. С. 156–162 (а).

Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92 (б).

Смирницкая О.А. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М., 2005.

Т.В. Гимон

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ В НЕДАВНО ХРИСТИАНИЗИРОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ (ПРИМЕР НОРТУМБРИИ)*

Момент зарождения историописания в той или иной стране зачастую скрыт от исследователя, поскольку в его распоряжении оказываются не наиболее ранние тексты, но лишь их более поздние «потомки». Именно так обстоит дело, например, с Киевской Русью. Вопрос о том, как выглядел, а также когда и при каких обстоятельствах был создан первый памятник древнерусского историописания, принадлежит к числу дискуссионных. Часть ученых полагает, что у истоков древнерусского историописания находилось связанное повествование о становлении государства Рюрикови-

чей, но нередко говорят и о том, что первыми историческими записями на Руси могли быть какие-то краткие тексты, лишь со временем развившиеся в полноценное летописание (из работ на эту тему см.: Гимон, Гиппиус 2005; Tolochko 2011; и др.).

Как представляется, определенную роль в решении этого вопроса мог бы сыграть поиск исторических аналогий. Особенно интересно было бы посмотреть на то, как возникало историописание в странах Северо-Западной, Северной и Центральной Европы, т.е. там, где письменная культура не была продолжением античной, но, как и в Древней Руси, возникала в ходе христианизации прежде бесписьменных (или почти бесписьменных) обществ и под значительным влиянием ранее христианизированных соседних государств. Редкую возможность увидеть процесс зарождения историописания в деталях как будто дает раннесредневековая Нортумбрия – одно из англо-саксонских королевств, занимавшее северную часть той территории, которая впоследствии станет Англией.

Христианизация Нортумбрии проходила в несколько этапов, с 627 по 664 г. Древнейшая рукописная книга (фрагменты Евангелия), написанная, предположительно, в Нортумбрии, датируется серединой VII в. Древнейший нортумбрийский акт относится к 685 г., однако его подлинность сомнительна. Необычайный подъем нортумбрийской письменной культуры относится к рубежу VII–VIII вв. В это время здесь была изготовлена самая известная (с художественной точки зрения) англо-саксонская рукопись – Линдисфарнское евангелие, написаны древнейшие дошедшие до нас памятники нортумбрийской агиографии. Наиболее яркий представитель этого подъема – Беда Достопочтенный (ок. 673–735), монах монастыря Вearмут–Ярроу и автор многочисленных трудов в самых разных областях средневековой учености (см. о нем: Зверева 2008).

Четыре из его сочинений традиционно относят к историописанию. «Малая» и «Большая» хроники Беды – это своего рода введения в хронологические проблемы мировой истории, сопровождавшие два его трактата о хронологии: «О временах» (703 г.) и «Об исчислении времен» (725 г.). «История аббатов Вearмута и Ярроу» (между 716 и 721 гг.) находится на грани историописания и агиографии, она рассказывает об истории родного монастыря Беды. Это сочинение написано на основе более раннего текста (известного как анонимная «История аббатов» или «Житие Кеолфрида»), которое, впрочем, могло быть создано ранее тем же Бедой. Наконец, главный исторический труд Беды – «Церковная история народа англów» (завершена в 731 г.) – дает обширный и связный рас-

сказ о христианизации англо-саксонских королевств и их политической истории, отчасти соотнесенный с ходом всемирной истории.

Написание «Церковной истории» было масштабным предприятием. Беда состоял в переписке с епископами из разных англо-саксонских королевств, многие из которых присылали ему информацию об истории своих диоцезов. Более ранних памятников историописания (исключая иностранные сочинения и некоторые агиографические тексты) в распоряжении Беды, судя по всему, не было. Вероятно, не было среди них даже кратких текстов вроде анналов на пасхалиях. Наоборот, повествование Беды в очень большой степени основано на сообщениях устных информантов. Благодаря прямым ссылкам Беды и косвенным данным, есть возможность выяснить круг этих информантов и определить в общих чертах объем сведений, полученных Бедой от каждого из них (см.: Kirby 1963; 2000).

Но все же одна форма исторических записей появилась, вероятно, уже до Беды. Нортумбрийский историк дважды упоминает некие перечни королей: 1) «Поэтому те, кто исчисляет сроки правления королей (*regum tempora computantibus*), решили истребить память об этих отступниках и приписать тот год их наследнику, боголюбивому Освальду» (гл. III: 1); 2) «Как мы уже объясняли, единодушным мнением было решено исключить это имя из списка христианских королей (*de catalogo regum Christianorum*) и не отводить ни одного года на их правление» (гл. III: 9). Судя по всему, при расчете дат правления королей Нортумбрии Беда пользовался перечнем королей, близким к тому, что дошел до нас в так называемой Муровской заметке (рукопись 737 г.). В Муровской заметке отразилось и решение относительно Освальда: о нем говорится сразу после Эдвина, а число лет правления Освальда обозначено как 9, а не 8. Из всего этого следует, что перечень, подобный Муровской заметке, уже существовал к моменту начала работы Беды, хотя когда он был впервые создан, неясно (Hunter Blair 1950. P. 246–251).

В связи с появлением трудов Беды возник целый ряд «малых» форм историописания. Сам Беда в конце своей «Церковной истории» (гл. V: 24) поместил краткий хронологический перечень событий, своего рода анналы. Впоследствии эти анналы стали продолжаться новыми записями (в рукописи Мура, одном из древнейших списков «Церковной истории» [737 г.], – за 731–734 гг.; в ряде других рукописей – за 732–766 гг.), и тем самым в Нортумбрии зародилась анналистика (Bede 1969. P. LXVII–LXIX, 560–577)¹. В уже упомянутой рукописи Мура (737 г.) после окон-

чания «Церковной истории» читается небольшой текст, состоящий из двух частей: 1) перечня королей Нортумбрии с указанием сроков правления (о нем уже шла речь) и 2) перечня важнейших событий истории Нортумбрии с указанием хронологической дистанции между событием и 737 годом (Hunter Blair 1950). Коллекция перечней англо-саксонских епископов, известная в ряде рукописей с начала IX в., возможно, впервые возникла в ходе подготовки труда Беды, который собирал информацию об истории епископских кафедр (Page 1965. Vol. 9. P. 84–85; правда, высказывалась и точка зрения, что коллекция перечней вторична по отношению к труду Беды: Keynes 2005. P. 55–57). В одной из рукописей, содержащих трактат Беды «Об исчислении времен» (фрагменты кодекса, созданного между 731 г. и серединой VIII в.), ему была предпослана пасхалия, а на ее полях сделаны многочисленные записи об исторических событиях – как по всемирной, так и по нортумбрийской истории, причем последние были выписками из трудов Беды (Story 2005. P. 61–65, 72–81, 97–100).

Таким образом, уже в первой половине VIII в. возник целый ряд «малых» форм историописания, в которых выразилось стремление суммировать некие знания и / или расположить события на хронологической оси. Почти все эти тексты появились либо в связи с деятельностью самого Беды, либо в процессе распространения в рукописях его сочинений, т.е. являются в каком-то смысле вторичными по отношению к его куда более масштабным трудам.

Итак, за достаточно короткий промежуток времени в Нортумбрии возникает сразу целый ряд форм историописания – как «больших» (сочинения Беды), так и «малых». Трудный вопрос состоит в том, в какой степени создание этих памятников было частной инициативой монахов-книжников, а в какой – сознательным выражением устремлений и взглядов светских или церковных властей. Беда упоминает, что писал свою «Церковную историю» по заказу нортумбрийского короля Кеолвульфа. Из процитированных выше двух свидетельств Беды следует, что перечни королей носили в Нортумбрии в каком-то роде официальный характер (ведь были люди, *ответственные* за их составление). То и другое говорит о неслучайности появления в Нортумбрии таких форм историописания, как «Церковная история» и королевские перечни. Составление этих текстов было, видимо, не в последнюю очередь связано с потребностями недавно христианизированного государства, нуждавшегося в упорядочении собственной истории и соотнесении ее с историей христианского мира.

Мы практически ничего не знаем о том, имело ли место что-то подобное в других англо-саксонских королевствах² (но при этом Беда, похоже, писал, в меру возможностей, «церковную историю» всех англо-саксов, а не только Нортумбрии). В более поздний период инициатором историописания в англо-саксонских королевствах могла выступать как церковь (по мнению С. Кейнза, целая коллекция королевских и епископских перечней была составлена в начале IX в. по инициативе архиепископа Кентерберийского – Keynes 2005), так и королевская власть (древнеанглийский перевод «Истории против язычников» Павла Орозия и, скорее всего, Англо-Саксонская хроника были созданы в конце IX в. по инициативе, если не при участии, короля Уэссекса Альфреда Великого). Разумеется, создание (или дополнение) многих памятников историописания могло происходить и по частной инициативе конкретных монастырей или отдельных книжников.

Примечания

* Благодарю А.П. Толочко за возможность познакомиться с его статьей до официальной публикации. Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (направление V, проект: «Историческая традиция в дописменных и письменных обществах: Репрезентация, взаимодействие, трансформация. Компаративное исследование»).

¹ Правда, высказывалась гипотеза о том, что подобные анналы велись и раньше, в начале VIII или даже в конце VII в. (отсылки см.: Kirby 1963. P. 514–515).

² Известны только «малые» формы историописания, такие как панегирик трем королям Уэссекса в составе написанного Альдхельмом гимна на построение церкви (ок. 690 г. – см.: Сазонова 2010) или серия записей на пасхалии о кентских событиях VII – начала VIII в., читающихся в ряде континентальных рукописей вместе с упомянутыми выше нортумбрийскими (Story 2005. P. 81–97, 108–109).

Источники и литература

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; Отв. ред. С.Е. Фёдоров. СПб., 2001.

Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья.* М., 2005. С. 174–200.

- Зверева В.В. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.
- Сазонова А.А. Латинский гимн Альдхельма как панегирик западносакским королям последней трети VII в. // Историческая память: Люди и эпохи: Тез. науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. М., 2010. С. 246–249.
- Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.
- Hunter Blair P. The Moore Memoranda on Northumbrian History // The Early Cultures of North-West Europe (H.M. Chadwick memorial studies). Cambridge, 1950. P. 245–257.
- Keynes S.D. Between Bede and the *Chronicle*. BL Cotton Vespasian B. vi, fols. 104–9 // Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for Michael Lapidge. Toronto, 2005. Vol. 1. P. 47–67.
- Kirby D.P. Bede and Northumbrian Chronology // The English Historical Review. L., 1963. Vol. 78, N 308. P. 514–527.
- Kirby D.R. Bede's Native Sources for the *Historia Ecclesiastica* // Anglo-Saxon History: Basic Readings. N.Y.; L., 2000. P. 55–81 (впервые опубли. в 1966 г.).
- Page R.I. Anglo-Saxon Episcopal Lists // Nottingham Medieval Studies. 1965. Vol. 9. P. 71–95; 1966. Vol. 10. P. 2–24.
- Story J. The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // Anglo-Saxon England. Cambridge, 2005. Vol. 34. P. 59–109.
- Tolochko O.P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011.

А.А. Гунпиус

К ХАЗАРСКОЙ ДАНИ

Согласно Повести временных лет, появление в Киеве Аскольда и Дира застало его население данниками Хазарского каганата. «Была суть 3 братья, Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяче дань хазаромъ» (Лавр. С. 20–21), – отвечают киевляне на расспросы бояр Рюрика, направляющихся по Днепру в Царьград. Картину властного подчинения восточнославянских племен в середине IX века ПВЛ рисует симметричной: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнѣх, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ, а Козари имажу на

Поланѣх и на Сѣверѣх и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣи вѣверицѣ от дыма» (Лавр. С. 19).

«Белая веверица» как норма выплаты дани встраивается в ПВЛ в определенный ряд. Ее ближайший аналог – «черная куна», которую Олег (885) постановил брать с древлян; далее следует дань «по щелягу», которую радимичи платили хазарам, а с 6393 г. – Олегу; также по щелягу (с уточнением: «от рала») платили хазарам и вятичи, пока их не завоевал Святослав. Наконец, особняком стоит в этом ряду, открывая его, знаменитая дань мечами, с уплаты которой, по ПВЛ, началось хазарское господство над полянами. Очевидная легендарность эпизода заставляет рассматривать его отдельно от других, для чего известное текстологическое основание дает точка зрения А.А. Шахматова (1908/2002. С. 359–360), видевшего в истории с хазарской данью вставку Свода Никона 1073 г.

Впрочем, другие элементы вышеописанной картины также неоднородны в плане истории текста. В отразившей Начальный свод конца XI в. Новгородской 1-й летописи отсутствует информация о выплате полянами, северянами и вятичами дани хазарам «по белой веверице» – такую дань платят только северные племена; не упоминается хазарская дань и в рассказе о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира. Кроме того, в соответствии с иной трактовкой фигуры Олега, дани, которые он устанавливает в ПВЛ, в НПЛ отнесены к Игорю, при этом сведения о подчинении радимичей и северян отсутствуют, зато говорится о подчинении уличей.

Принимая гипотезу Начального свода, мы, в отличие от А.А. Шахматова, считаем, что в начальных статьях НПЛ мл этот свод отразился без сколько-нибудь заметных сокращений и искажений. Это означает, что в Начальном своде картина даннических отношений, сложившихся к середине IX в. на землях восточного славянства, была лишена той симметрии, которая свойственна ей в ПВЛ. Южным соответствием дани «по белой веверице», которую словене и другие северные племена платили варягам, выступает в этой неравновесной композиции странная дань мечами, однажды уплаченная полянами хазарам и совершенно немислимая в качестве регулярных выплат в дальнейшем. Вместе с тем хазарское владычество и в Начальном своде представлено как длительное состояние, уподобленное египетскому плену («такое и си: прѣвѣ владѣша, послѣ же самими владѣша»). Чем же в таком случае платили поляне хазарскую дань на всем протяжении этой эпохи? И каким образом они были освобождены от этой дани? Начальный свод ответа на этот вопрос не давал.

Выход из положения подсказывает, казалось бы, трактовка эпизода с хазарской данью как вставки свода 1073 г. В таком случае оказывается, что исходный текст летописи (по А.А. Шахматову, Древнейший свод) вообще ничего не сообщал о подчинении полян хазарами, и о даях в нем впервые говорилось применительно к северным племенам. Это решение, однако, не снимает внутренней противоречивости эпизода, который, при прозрачности его провиденциального смысла, эксплицитно выраженного параллелью с библейскими событиями, выглядит на редкость странно с точки зрения самого сюжета летописного рассказа. В самом деле: предложение меча в качестве дани вряд ли может быть понято иначе, чем как знак готовности к вооруженному сопротивлению, равносильный отказу от выплаты дани как таковой. В перспективе же последующих даннических отношений этот знак десемантизируется. Зачем было полянам предлагать хазарам меча в ответ на требование дани? Чтобы, намекнув на освобождение от нее в будущем, начать покорно выплачивать «по белой веверице»? Это недоумение может, конечно, показаться наивным с точки зрения подхода, признающего примат библейского «подтекста» над историческим содержанием летописи. Заметим поэтому, что в других случаях выявляемый в тексте летописи «библейский план» не наносит ущерба сюжетной логике, но надстраивается над ней как высший уровень интерпретации. Здесь же такая логика попросту отсутствует.

Не стала ли она жертвой редактирования текста? Думать так позволяет сделанный ранее вывод (Гиппиус 2000. С. 179–180; Гиппиус 2006. С. 91), согласно которому библейская параллель в рассказе о хазарской дани представляет собой интерполяцию, синхронную появлению других выдержанных в том же ключе фрагментов, в частности – «агиографических» вставок в рассказе о крещении Ольги (ср.: «яко и при Фаравонѣ цѣсари Еюпетьстѣмь, еда приведоша Моисѣя предѣ Фаравона...»; «Се же бысть якоже при Соломанѣ, приде цѣсарица Ефиопская к Соломану...»). Вставной характер этого пассажа свидетельствуется, с одной стороны, его языковой маркированностью (наличие новой формы аориста *рекоша*), а с другой – дублированием слов «яко же и бысть», присутствующих как в интерполированной основе, так и в тексте самой интерполяции. Первоначальный вид заключительной части эпизода реконструируется следующим образом: «*И рѣша старьци Козарьстии: не добра дань кѣнаже, мы ся доискахомъ оружьемъ единою стороною острѣмъ, рекѣше саблами, а сихъ оружье

обоюдю остро, рекъше мечь; си имоуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ <...>. Якоже и бысть: володѣють бо Козары Русьскихъ князи и до днѣшняго днѣ».

Выделение библейской параллели в интерполяцию исключает из состава первоначального текста единственный в Начальном своде фрагмент с упоминанием хазарского владычества над полянами. Без этой интерполяции смысл эпизода оказывается совершенно иным: речь идет уже не о подчинении полян хазарами, но лишь о неудачной попытке такого подчинения. С точки зрения автора рассказа, регулярной дани хазарам поляне никогда не платили; при попытке обложить их данью, они дали мечи, продемонстрировав готовность постоять за себя.

При таком прочтении эпизода содержательная необходимость предполагать его вставное происхождение отпадает. (Для А.А. Шахматова таким основанием были слова «Нѣ мы на преднее возвратимся», при помощи которых в Н1 мл происходит возвращение к прерванному рассказу. Однако слова эти вполне могли быть добавлены редактором, вставившим пассаж о Моисее, поскольку именно в результате этой редакции рассказ приобрел характер большого отступления). В реконструируемой исходной композиции история с «хазарской данью» становится точкой отсчета одной из главных тематических линий, связанной с расширением территории Киевского государства. Пророчество хазарских старцев о том, что население Киева будет «имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ», последовательно реализуется в деятельности Олега, Игоря, Ольги, Святослава и Владимира. При этом об освобождении самого Киева от хазарской зависимости речь, естественно, не идет, так как по логике первоначального рассказа это освобождение произошло в тот самый момент, когда поляне «въдаша отъ дыма мечь», отвергнув тем самым властные притязания хазар.

О том, что рассказ о хазарской дани, без библейской интерполяции, изначально присутствовал в летописном тексте, говорит и следующее обстоятельство. В рассказе об основании Киева поляне названы «мудрыми и смысленными». Все парные формулы этого типа сосредоточены в древнейшей части ПВЛ (до конца X в.) и не встречаются в описании позднейших событий (Гиппиус 2009. С. 268–272). Это позволяет видеть в них один из признаков того нарративного ядра начального киевского летописания, которое мы, вслед за М.Н. Тихомировым, определяем как «Сказание о русских князях» (или «Древнейшее Сказание»). Однако, подобные эпитеты всегда имеют под собой определенные сюжетные основа-

ния. «Мудр и храбр» Игорь – он хитростью захватил Киев, убив Аскольда и Дира; «мудр и храбр» Олег – он ходил на греков и обложил их данью; «мудра и смыслена» Ольга, трижды отомстившая за Игоря; «мудр и смыслен» Владимир, сделавший правильный выбор веры, а также его послы, инспектировавшие службы трех конфессий. Но почему «мудры и смыслены» поляне? Считая рассказ о хазарской дани вставкой, ответить на это вопрос непросто. Между тем, если этот рассказ первоначален, то именно в нем и проявляется мудрость полян, нашедших способ без вооруженного сопротивления уйти от обложения данью.

Существенно также, что рассказ о дани мечами находит яркие литературные параллели в других текстах, принадлежность которых к «Сказанию» кажется весьма вероятной. Это, во-первых, рассказ о «испытании» Святослава греками. Русский князь равнодушен к золоту, но радуется мечу – на этом основании греки заключают, что он «лють муж хочет быти». Два эпизода объединяет мотив узнавания характера противника по его дани или реакции на дары, при этом в обоих случаях в качестве дара (дани) выступают мечи. Сходный мотив представлен и в рассказе о походе Владимира на болгар под 985 г. О силе противника Добрыня заключает по обуви пленных: «сѣглядахъ колодникъ: вси в сапозехъ, *сим дани нам не даяти*, поидем искати лапотникъ». Ср. в рассказе о хазарской дани: «*си имоуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ*». Литературную общность трех эпизодов особо подчеркивает то, что заключение о противнике делается в них мудрыми советниками правителя: хазарскими старейшинами, царскими боярами, старшим родичем киевского князя. В эпизоде со Святославом участвует также «мудрый муж», посланный наблюдать за поведением русского князя – формула, хотя и не содержащая пары прилагательных, но явно из той же обоймы, что и определение полян как «мужей мудрых и смысленных».

В отличие от полян, новгородские словене не удостоены летописью подобных определений, и это хорошо согласуется с уже отмеченной несимметричностью рисуемой Начальным сводом картины, в которой поляне платят (точнее, однажды заплатили) хазарам дань обоюдоострыми мечами, тогда как словене, кривичи, меря и чудь платят варягам обычную дань «по белой веверице». Эту картину есть все основания считать изначальной, характеризующей нарративное ядро ПВЛ – «Сказание» как текст с последовательно киевоцентричной концепцией. Согласно этой концепции, Киев, основанный братьями-полянами, всегда был независимым городом. Поляне, благодаря своему мудрому решению, уходят от

хазарской дани, в то время как «новгородские люди» сначала платят дань варягам, а затем, изгнав их, оказываются неспособны управляться самостоятельно и призывают варяжских князей. После смерти основателей Киева («по братии той») образовавшийся вакуум власти заполняют Аскольд и Дир, которые, однако, лишь объявляют себя князьями («нарекостася князема»), не являясь легитимными правителями. Характерно, что водворение их в Киеве происходит без какого-либо сопротивления со стороны хазар – это естественно, если исходить из предлагаемой трактовки истории с «хазарской данью». Подлинного князя Киев получает в виде Игоря, легитимность и княжеское достоинство которому придает происхождение от Рюрика, правившего, пусть не в Киеве, а в Новгороде, на законных основаниях. Пришедшая с Игорем русь, обосновавшись в Киеве, сливается с полянами («оттоле прочии прозвашася русью»), отождествляясь с ними в диахронической перспективе: и те и другие в концепции «Сказания» – «люди киевские» на разных стадиях истории города, одинаково противопоставленные «новгородским людям» – словенам. Противопоставление руси и словен в рассказе о походе Олега на Царьград воспроизводит на очередном историческом витке противопоставление полян и словен в рассказах о хазарской дани и призвании варягов.

Представление о том, что поляне на протяжении довольно длительного времени были подвластны хазарам, по-видимому, вошло в летопись на стадии составления Начального свода. Его составитель, моделируя историю Русской земли по библейскому образцу, не мог не уподобить хазарского периода этой истории египетскому рабству Израиля. Свое дальнейшее развитие эта – исторически более достоверная – версия истории хазарской дани получила уже на страницах ПВЛ.

Что же до откровенной тенденциозности, с которой данный сюжет излагался в реконструируемом «Сказании», то она не должна удивлять. Таким же искажением исторической реальности была и представленная в Начальном своде (и, вероятно, также восходящая к «Сказанию») трактовка фигуры Олега как воеводы Игоря, вызванная стремлением проследить прямую линию наследования киевского стола от Рюрика до Владимира.

Примечание

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Литература

- Гиппиус А.А. «Рекоша дружина Игорев»: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер.* Сборник к 60-летию В. М. Живова. С. 56–96.
- Гиппиус А.А. «Рекоша дружина Игорев-3». Ответ О. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Ralaeoslavica*. XVII. 2009. P. 152–195.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Лавреньевская летопись.
- Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1.

Г.В. Глазырина

О ФАКТОРАХ, ПРИВЕДШИХ К УТРАТЕ ИСЛАНДИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1262–1264 гг.¹

В 1262 г. исландский альтинг заключил с королем Хаконом IV Хаконарсоном (1217–1263) договор о союзе Исландии и Норвегии, согласно которому исландцы становились вассалами норвежского короля и обязались ежегодно уплачивать ему фиксированные налоги (*Diplomatarium islandicum*. S. 646–658). В течение двух последующих лет на региональных тингах клятву верности королю принесли все жители страны. К тому моменту, когда этот процесс был завершен, королем Норвегии стал Магнус Хаконарсон Исправитель Законов (1263–1280), от имени которого был подписан новый договор (*Diplomatarium islandicum*. S. 661–716). В истории Исландии, никогда не знавшей королевской власти, завершился так называемый «период свободного государства» (или «эпоха народо-властия»), который, начавшись в 930 г. с образованием альтинга – народного собрания, продолжался около 250-ти лет.

В отечественной историографии, а также в ряде вышедших на русском языке исследований скандинавских историков, радикальная смена статуса Исландии подробного освещения практически не получила. Как правило, лишь констатируется факт заключения альтингом вассального договора (см., например: Сванидзе 1992. С. 405, 413, 416; Хелле 2003. С. 86). Лишь А.Я. Гуревич указал на те факторы, которые привели к утрате Исландией независимости, и отметил: во-первых, экономическую зависимость страны от Нор-

вегии; во-вторых, политические претензии норвежского короля, умело воспользовавшегося ростом социальной напряженности в Исландии и столкновениями между наиболее влиятельными хёвдингами; в-третьих, усиление влияния в Исландии норвежских архиепископов (Гуревич 1980. С. 155–156; позднее два первых фактора были отмечены также Ю.В. Кудриной: Кудрина 1996. С. 325). Изучение взаимоотношений между двумя странами на протяжении всего периода существования в Исландии независимого государства показывает, что подготовка к принятию политического решения о переходе под власть Норвегии была долгим процессом. Роль каждого из факторов в тот или иной конкретный период могла быть различной.

Важнейшую роль играла норвежская корона, которая никогда не пренебрегала возможностью втянуть Исландию в сферу своего влияния. Согласно Снорри Стурлусону, еще конунг Олав Харальдссон (1015–1028) обращался к исландцам с предложением уступить ему остров Гримсей, который занимал важное стратегическое положение на входе в Эйафьорд, в обмен на необходимые исландцам товары. Это предложение было оглашено на альтинге и исландцами отклонено (Круг Земной. С. 276–277; см. также: Гуревич 1972. С. 120–122). Все же, благодаря тому обстоятельству, что островное государство располагало весьма ограниченными природными ресурсами, не позволявшими ему обеспечить всем необходимым свое население, Норвегия в 1030 г. заключила договор, который делал ее приоритетным торговым партнером Исландии. Одним из следствий установившихся торговых связей между странами стала односторонность экономических внешних связей Исландии, для которой Норвегия оказалась главным экспортным и импортным партнером. Четкое выполнение странами условий договора позволило сохранять мирные отношения между ними вплоть до 1170-х годов, когда срыв Норвегией поставок товаров на остров привел к экономическим проблемам в Исландии и возникновению открытой вражды между жителями двух стран.

В это время из числа исландских зажиточных бондов выдвинулись представители нескольких семей, которые, отчасти благодаря своим родственным связям с норвежцами, отчасти вследствие прочных деловых контактов, были приближены к себе норвежским королем и стали проводниками его интересов в Исландии. В частности, огромную роль в обществе стал играть род Хаукдэлиров, один из представителей которого – Гицур Халльссон (ок. 1115–1206) – пользовался таким непререкаемым авторитетом, что это

позволило авторам нескольких произведений («Хунгрвака», «Гнилая кожа», «Сага о крещении»), созданных в это время и несколько позднее, назвать Гицура «королем Исландии». Положение Гицура в исландском обществе, считает Аурманн Якобссон, можно сравнить с положением короля в Норвегии (Árman Jakobsson 1999. P. 48–49; ср.: Andersson 1999). Вполне естественно, что король стремился ограничить власть исландских хёвдингов.

Для норвежской короны весьма удачным обстоятельством стала передача в 1153 г. исландской церкви из юрисдикции архиепископства в Лунде в архиепископство в Нидаросе. На короткое время, вплоть до начала проведения в Скандинавии реформ «*libertas ecclesiae*», охвативших ранее всю континентальную Европу, интересы короны и церкви в отношении Исландии совпали. Реформа, нацеленная на разделение церковной и светской власти, предоставила возможность и норвежскому архиепископству действовать совместно с королем – в тех случаях, когда их интересы совпадали, но и усиливать собственное влияние на представителей церкви и население острова.

Важнейшей задачей церкви в Норвегии было введение контроля над доходами и расходами церковной казны, в том числе и в Исландии. По своим масштабам, сложности и предполагаемым результатам эта задача была сопоставима с введением церковной десятины: закон о ней был принят в 1096/1097 г. (*Diplomatarium islandicum*. S. 70–162), однако отлаженная система ее сбора на всей территории страны оформилась лишь к концу XII в. (см.: Otti Vésteinsson 2000. P. 67–92). Знатные хёвдинги, на чьей земле и в чьем владении находились церкви в Исландии, стремились удерживать свои доходы и влияние в этой сфере и препятствовали, нередко применяя силу, попыткам норвежских архиепископов установить в стране новые порядки (Helgi Þorláksson 2005. P. 146).

Роль церкви как катализатора процесса подчинения Норвегии островного государства стала особенно ярко проявляться с 60-х годов XII в., благодаря деятельности архиепископа Эйстейна Эрлендссона (1161–1188). Именно при Эйстейне в 1163 г. в Нидаросе был посвящен в сан епископ Бранд – первый исландский епископ, присланный из Норвегии; прежде епископы избирались на альтинге всеобщим голосованием. В качестве реального шага в сторону усиления своего влияния в Исландии, предпринятого Эйстейном, было введение новой, ранее в отношениях с Исландией не практиковавшейся формы письменного обращения архиепископа, апеллировавшего не только к служителям церкви в Исландии, но и ко

всему исландскому народу. Поводом для первого обращения архиепископа к исландцам стало посланное (вероятно, в 1172 или 1173 г.) в Нидарос прошение епископа Клэнга Торстейнссона (1152–1176) из Скальхольта об освобождении его от возложенных на него обязанностей по причине старости и немощи. В ответ на просьбу Клэнга Эйстейн направил письмо, в котором он обратился «к епископам Исландии, и всем другим знатым людям, ко всему народу» («Ey[steinn] erki biskup. sender kvediv. biskupum á Jslande og so ollum odrum agætis monnum. og allri albydv»). – *Diplomatarium Islandicum*. S. 221). В нем говорилось о необходимости изменить образ жизни, об исправлении обид, нанесенных [исландцами] конунгу Норвегии и его народу, а также о выборах нового епископа Скальхольта вместо епископа Клэнга.

Эйстейн, в том числе, отметил факты сопротивления действиям присланных из Норвегии клириков: «здесь (в Исландии. – Г.Г.) есть такие люди, которые наносили побои клирикам, некоторых ранили, а других убили» (*Diplomatarium Islandicum*. S. 221). Политико-экономический и церковный конфликт между странами углубился настолько, что с февраля 1176 до лета 1177 г. избранный после смерти епископа Клэнга епископ Торлак Торхальссон (1176–1193) не мог выехать в Норвегию для посвящения в сан из-за конфликта между норвежцами и исландцами. Когда же он все-таки прибыл в Нидарос, норвежский король Магнус Эрлингссон и его отец ярл Эрлинг некоторое время противились проведению церемонии, поскольку епископ Торлак представлял именно те круги исландской знати, которые оказывали норвежцам особенно сильное сопротивление (Orri Vésteinsson 2000. P. 153–154).

Одной из возможностей ограничить влияние в Исландии крупных магнатов стала политика по закреплению в обществе норм христианской морали, которую начала проводить норвежская церковь. Еще в своем письме от 1173 г. архиепископ Эйстейн указывал на то, что в Исландии нарушаются церковные законы, согласно которым брак является священным союзом двух человек. Он сетовал на то, что «некоторые люди оставили своих жен и вместо них взяли наложниц. Некоторые же держали обеих вместе дома, и вели такую дурную жизнь, которая побуждает к греху всех христиан» (*Diplomatarium Islandicum*. S. 221). По-видимому, письмо архиепископа должного воздействия не возымело, и наложничество продолжало повсеместно сохраняться в Исландии, причем в различных слоях населения. Об этом можно судить на основании другого письма Эйстейна от 1176 г., в котором он осуждает прак-

тику захвата скандинавами женщин во время пиратских набегов в качестве военной добычи, официально осужденную и запрещенную церковью (*Diplomatarium Islandicum*. S. 233–235).

Поставление в 1178 г. в Скальхольте епископа Торлака Торхалльссона – ярого защитника нравственности – позволило архиепископу начать в Исландии открытую кампанию по изменению веками сложившихся брачных отношений и взаимоотношений между полами. Традиционно процедура заключения брака проходила в два этапа и включала помолвку, инициировавшуюся женихом, его отцом либо – в отдельных случаях – другими старшими родственниками, и свадьбу, обычно назначавшуюся через довольно длительное после помолвки время и праздновавшуюся несколько дней при большом стечении людей. Брак считался реальным, если не менее шести свидетелей могли подтвердить, что они видели, как молодожены отправились вместе на брачное ложе. Для расторжения брака также было достаточно призвать свидетелей и вслух объявить о разводе (см.: Jochens 1993. P. 408–409). Брачный союз, освященный церковью, строился на основе соблюдения принципа «один мужчина – одна женщина». Церковь предусматривала необходимость согласия невесты при заключении брака, что контролировалось проводившим церковный обряд священником, вводила запрет на развод и ограничивала близкородственные союзы (Helgi Þorláksson 2005. P. 146). В различных памятниках описаны случаи проявления епископом Торлаком нетерпимости по отношению к тем, кто нарушил установленные церковью правила. Так, например, супруги, между которыми существовало близкое родство, были Торлаком отлучены от церкви, а брак признан недействительным (Orri Vésteinsson 2000. P. 169). Эти нормы заметно задевали знать, которая привыкла заключать «нужные» браки, не всегда обращая внимание на степени родства и согласие вступавших в брак.

Церковный брачный союз предполагал полный отказ от института наложничества. Сохранение института наложничества в семейной жизни исландской знати вопреки требованиям церкви дало архиепископу Эйстейну основания для отправки в 1180 г. нового письма, посвященного соблюдению морали. Это письмо было обращено к епископу Торлаку, а также имело своим конкретным адресатом поименованных в нем знатных исландцев – Йона Лоптссона, Бёдвара Тордарсона, Орма Йонссона, Одди Гицурарсона и Гицура Халльссона (*Diplomatarium Islandicum*. S. 262). Помимо того, что это были наиболее известные в обществе люди, именно представители знати имели возможность обзаводиться и открыто

содержать наложниц, которыми могли быть женщины не только из низшего слоя, но и равные мужчине по статусу. Можно полагать, что выбор имен в обращении архиепископа не был случайным. Случай с Йоном Лоптссоном, которого Эйстейн упомянул первым, был, с точки зрения христианской морали, совершенно вопиющим, поскольку наложницей Йона была Рагнхейд, родная сестра епископа Торлака (см.: Gudrun Nordal 1998. P. 104). Внимание архиепископа сосредоточено на «нечистоте жизни людей здесь (в Исландии. – Г.Г.) и прелюбодеяниях. Нет необходимости вам разъяснять, – пишет Эйстейн, – насколько обязательной является заповедь, произнесенная самим Богом. А вы навлекли бесчестие на знатных людей (курсив мой. – Г.Г.), живя жизнью скота» (Diplomatarium Islandicum. S. 262). В этих словах архиепископа явно прочитывается намерение переломить традицию, укоренившуюся в обществе, и сделать это в том числе путем дискредитации представителей исландской знати в общественном мнении как людей, нарушающих христианскую мораль.

К концу XII в. в Исландии усилилась концентрация власти. На юге, востоке и частично на севере страны годорды были объединены в пять областей, контролировавшихся знатными семьями. На западе и северо-востоке, где старая административная система сохранялась дольше, борьбу за власть вели представители семьи Стулунгов (Jón Viðar Sigurðsson 1999. P. 62–64; ср.: Sverrir Jakobsson 2009. P. 158–159). Начиная с этого времени. привлечение на свою сторону отдельных хёвдингов стало наиболее действенной формой влияния норвежского короля на социально-политические институты Исландии. Экономический фактор, как и влияние церкви, продолжали сохранять свою актуальность.

Примечание

* Доклад подготовлен по проекту «Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза (компаративное исследование)» в рамках программы ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Источники и литература

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А.Я. Расцвет норвежской монархии в XIII в. // История Норвегии. М., 1980. С. 152–176.

Кудрява Ю.В. Исландия // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 323–328.

- Сванидзе А.А. Северная Европа в XII–XV вв. // История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа. С. 405–430.
- Снорри Стурлусон. Крут Земной / Изд. подгот. А.А. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Хелле К. [История Норвегии] до 1536 г. // Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Грёнли, К. Хелле, Э. Ховланн. История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003 (1-е изд. на англ. яз.: Oslo, 1995). С. 18–134.
- Andersson Th.M. The King of Iceland // Speculum. 1999. Vol. 74. P. 923–934.
- Bagge S. Nationalism in Norway in the Middle Ages // Scandinavian Journal of History. 1995. Vol. 1, N 1. P. 1–18.
- Bagge S. From Gang Leader to the Lord's Anointed. Kingship in *Sverris saga* and *Hákonar saga Hákonarsonar*. Odense, 1996.
- Diplomatarium Islandicum. Kaupmannahöfn, 1857–1876. B. I.
- Gudrun Nordal. Ethics and Action in Thirteenth-Century Iceland. Odense, 1998.
- Helgi Þorláksson. Historical Background: Iceland, 870–1400 // A Companion to Old-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. Oxford, 2005. P. 136–154.
- Jochens J. Marriage and Divorce // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano. N.Y.; L., 1993. P. 408–409.
- Jón Viðar Sigurðsson. Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth. Odense, 1999.
- Orri Vésteinsson. The Christianization of Iceland. Priests, Power, and Social Change, 1000–1300. Reykjavík, 2000.
- Sverrir Jakobsson. The Process of State-Formation in Medieval Iceland // Viator. 2009. Vol. 40, No 2. P. 151–170.

А.А. Горский

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА РУСЬ

В историографии существуют серьезные расхождения по вопросу о том, что представляло собой восточнославянское общество накануне появления государства Русь. На одном полюсе – суждения о нем как социуме «без вертикальной иерархии, где нет имущественного неравенства» (Франклин, Шепард 2000. С. 114). В отечественной историографии обычны тезисы о том, что у восточных славян шел процесс государствообразования. Как этап на этом пути рассматриваются так называемые «племенные княжения».

Этим термином обозначают восточнославянские догосударственные общности, названные во вводной, недатированной части «Повести временных лет», с того времени, когда в них появляются свои «княжения». Следующим этапом признается формирование южного и северного протогосударственных объединений: соответственно в Среднем Поднепровье, в земле полян, и на Севере Восточной Европы, в землях словен и части кривичей (Шаскольский 1972; Седов 1999). Общим для авторов, пишущих об образовании государства на Руси, независимо от позиций, является признание того, что славяне жили племенным строем. Оно питается традиционным представлением, что государству в истории того или иного народа предшествует родоплеменное общество – основанное на кровнородственных связях.

Автор этих строк на основе исследования славянских ранне-средневековых этнонимов пришел к выводу, что в результате славянского Расселения по Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе VI–VIII вв. племенная структура была разрушена; славянские догосударственные общности раннего средневековья (в византийских источниках той эпохи определяемые термином «славинии») были новообразованиями, сформировавшимися из осколков прежних племен, и имели территориально-политический характер (Горский 1999. С. 160–177; Горский 2004. С. 9–19). Такой вывод соответствует представлению современной этнологии. В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический строй до нового времени, этнологи пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom*, что обычно переводится на русский язык как «вождество». При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признано деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Главное отличие сложных вождеств от простых усматривают в том, что первые включают в себя подчиненные простые вождества, а у власти находится правящий клан. Именно от стадии вождеств следовал переход к государствообразованию (Альтернативные пути 2000).

Отдельные исследователи используют при изучении процессов образования государства на Руси современную этнологическую

терминологию и исходят из того, что догосударственные общности восточных славян являлись вождествами, основываясь на письменных и археологических данных о них IX–X вв. (Мельникова 1995; Шинаков 2002, 2009). Но в большинстве работ эти образования по-прежнему именуют племенами или «племенными союзами». Поэтому вопрос о том, что они собой представляли, остается актуальным. Если окажется, что восточнославянские догосударственные общности были племенами, неизбежен будет вывод, что они не имели потенциалов государствообразования, если вождествами – заключение должно последовать противоположное.

Для решения вопроса полезно провести сопоставление со славянами, расселившимися вне Восточной Европы, предками южных и западных славян, поскольку сведения об их общественном устройстве относятся к более ранним временам, чем в отношении славян восточноевропейского региона.

У славян, соприкасавшихся с Византийской империей и заселивших Балканский полуостров, вожди и знатные роды фиксируются с VI в. (Свод 1. С. 316–317, 320–321, 328–329, 374–375; Свод 2. С. 20–25, 45, 52, 59), у славян, соприкасавшихся с Франкским государством – с VII (Свод 2. С. 366–373, 394–395). Таким образом, для их группировок характерны черты не племен, а вождеств. При этом у балканских славян в VII в. просматриваются односоставные вождества: объединения фиксируются только временные, на периоды войн с Византией (Свод 2. С. 124–124, 144–167). Неясно, была односоставной или многосоставной общность карантанцев (хорутан) в VII–VIII вв. Что касается хорватов, то у них в начале IX в. прослеживается иерархия общностей: в качестве одной из составных частей хорватов выступают гачане со своим князем Борной (ARF. A. 819. S. 120). Общность сербов в IX столетии имела сложную структуру: помимо сербов в узком смысле, в нее входили захлумы, неретвяне (паганы), травуняне, дукляне и конавличичи, имевшие своих правителей (Константин Багрянородный 1989. С. 112–115, 140–153). У хорватов, сербов и карантанцев как минимум с VIII в. фиксируется передача княжеской власти по наследству в пределах одного рода (Wolfram 1979; Константин Багрянородный 1989. С. 130–133, 136–143). Что касается сведений о западных славянах, то в VII в. фиксируются общность сорбов, характер которой (одно- или многосоставная) неясен, и княжество («*gegnum*») Само. Последнее явно включало в себя зависимые вождества – тех же сорбов с князем Дерваном и (возможно) карантанцев с князем Валлуком (Свод 2. С. 366–369, 370–373, 377–379,

394–395). В конце VIII – начале IX в. у ободритов и вильцев несомненно существовала сложная структура: в состав первых помимо собственно ободритов входили вагры, варны и полабы, в состав вторых – ратары, черепеняне, хижане и доленчане (Санчук 1982. С. 201, 206). При этом в полабском регионе существовали и односоставные образования – далеминцы, гаволяне, руяне и ряд других. Наличие правящих, княжеских родов у ободритов и вильцев в конце VIII – начале IX в. несомненно (Свод 2. С. 447, 449–451, 454, 467–468; ARF. A. 809, 817, 818, 819, 823. S. 92, 112, 114, 116, 118, 132).

Таким образом, у славян Балканского полуострова просматривается эволюция от простых вожеств в VII столетии к сложным, преобладающим с VIII в. У западных славян в VII в. тенденция к созданию сложного вожества – княжества Само, по-видимому, прервалась, но как минимум с конца VIII в. сложные вожества явно преобладали.

Данные о знати у восточных славян, содержащиеся в древнерусском Начальном летописании, имеют ретроспективный характер. «Повесть временных лет» в своей вводной, недатированной части (т.е. отнесенной к событиям, происшедшем до 852 г. – первой летописной даты), после рассказа о возникновении Киева отмечает, что по смерти Кия и его братьев, основателей города, у полян стал княжить их род: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ в поляхъ». Далее говорится, что такие княжения были и у ряда других общностей: «а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10). По прямому смыслу, речь идет о правлении в этих группировках своих княжеских родов. В рассказе об убийстве древлянами Игоря и последующей мести Ольги (945 г.) упоминаются «князь деревский» Мал, другие древлянские «князи», «иже распасли суть Деревьску землю», а также «лучшие» и «нарочитые» «мужи», отправляемые в посольство в Киев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–57). В «Поучении» Владимира Мономаха упомянуты предводители вятичей (еще не до конца покоренных во второй половине XI в.) – Ходота и его сын (Там же. Стб. 248).

По «Повести временных лет», у восточных славян вожди-князья существовали до появления князей варяжских. Другие категории знати упоминаются только в отношении древлян середины X в., но относятся к обществу, еще не подчиненному власти Киева непосредственно, т.е. своим происхождением они явно связаны с «доваряжским» периодом. Учитывая, что летописное повествование формировалось в XI – начале XII столетия, т.е. уже в

«государственную» эпоху, можно было бы заподозрить летописцев в «модернизации» политического строя восточных славян. Но в пользу близости уровня их развития со славянами других регионов говорит одинаковая структура этнонимов (которые известны не только по «Повести временных лет», но и из иностранных источников IX–X вв.): у славян Восточной Европы, как и в других регионах, встречаются названия почти исключительно с суффиксами (в то время как названия древних славянских племен были, скорее всего, бессуффиксными), а по типу преобладают «названия по местности обитания» (см.: Горский 1999. С. 160–177). Возможно, что по уровню развития знати восточные славяне несколько отставали от славян, непосредственно соседствовавших с Византией и Франкским государством, но это отставание вряд ли было значительным (не на три века явно). Таким образом, восточнославянские группировки следует также расценивать как вождества. Но простые или сложные?

В рассказе о конфликте с древлянами имеется упоминание древлянских князей во множественном числе (в речи древлянских послов к Ольге): «Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твои аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56). Возможны две версии относительно этих «князей»: 1) это подчиненные Малу правители входивших в союз древлян мелких группировок; 2) это предки Мала – прежние древлянские князья. Но при любой трактовке перед нами признак сложного вождества: при первой – включение в состав простых вождеств, при второй – наследственная власть рода. О наличии таковой говорит и известие о правлении рода Кия у полян. Для некоторых восточнославянских группировок есть данные о многосоставной структуре. Так, полочане, имевшие, по ПВЛ, свое княжение, подобное полянскому (т.е., надо полагать, наследственное), являлись подвинской частью кривичей; у другой части кривичей главным центром был Смоленск на Верхнем Днепре (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10–11, 20). Под 984 г. упоминаются военные действия Владимира Святославича против радимичей, но не всех, а «пищаньцев» – обитавших по р. Пищане; по-видимому, это была составная часть союза радимичей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83–84).

Следовательно, данные по восточнославянским общностям также свидетельствуют в пользу преобладания у них признаков сложных вождеств. Возможно, они формировались несколько позже, чем у славян южных и тех западных, что соседствовали с

Франкским государством, но для IX столетия о сложных вожествах у славян Восточной Европы можно говорить с уверенностью. Таким образом, племенное устройство было для восточных славян накануне образования государства Русь пройденным этапом. Как и у других славян, происходил переход от простых вожеств к сложным, после чего оставался один шаг к формированию государств.

Источники и литература

Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Горский А.А. Славянское Расселение и эволюция общественного строя славян // *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе: Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–33.

ПСРЛ. Т. 1. – Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.

Санчук Г.Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.

Свод 1. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). М., 1991.

Свод 2. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.). М., 1995.

Седов В.В. У истоков древнерусской государственности. М., 1999.

Франлин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000.

Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Шняков Е.А. Образование Древнерусского государства. Брянск, 2002 (2-е изд.: М., 2009).

ARF – Annales Regni Francorum // Ausgewählte Quellen für Deutsche Geschichte des Mittelalters. B., 1955. Bd. 5.

Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Panonien. Wien; Köln, 1979.

ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ПО РЕКЕ ДОН В IX в.

Существование торгового пути по р. Дон предполагалось исследователями еще в конце XIX в. Гидрографические наблюдения и отдельные сведения письменных источников позволяли говорить о функционировании пути по р. Дон в период позднего средневековья, однако оставляли открытым вопрос о времени его возникновения (Загоскин 1910).

Картографирование кладов восточных монет позволило предположить существование этого пути еще в IX в. Взгляды исследователей по этому вопросу разошлись. По мнению В.Л. Янина, все монетное серебро в период с конца VIII по начало XI в. поступало в Европу исключительно через Булгар, по Волжскому пути (Янин 1956. С. 104, 105). Резкое несогласие с таким предположением в отношении кладов IX в. высказывал В.В. Крпоткин (1978. С. 111–116). Представляется необходимым отметить особенности в распространении монетных кладов IX в. междуречье Оки и Дона. Все они располагаются к югу от р. Оки, зачастую на значительном удалении от последней. Если допустить, что дирхемы поступали по пути Волга–Ока, то направление их дальнейшего движения – либо Северская земля (реки Десна и Сейм), либо среднее и нижнее Подонье. Предположить, что монетное серебро поступало на территории, входившие в Хазарский каганат столь дальним обходным путем, крайне сложно. Если же принять за основу направление движения куфических монет с юга на север, по р. Дон, то топография кладов получает логическое объяснение.

С верховьев Дона основная масса монет через бассейн р. Упы расходилось по двум направлениям. Часть их уходила на запад, в верховья р. Оки, с последующим выходом на р. Десну. Другое ответвление пути шло на север, к устью р. Москвы. Оба направления маркируются более чем двадцатьюкладами IX в.

Столь высокая степень концентрации кладов в пределах ограниченной территории может объясняться не только активным функционированием торговых путей. Согласно письменным источникам, как русским, так и хазарским, вятичи вплоть до середины X в. входили в состав Хазарского каганата. В указанное время р. Ока являлась естественной северной границей и земли вятичей, и каганата в целом. Активное выпадение кладов на границе госу-

дарственного образования, перед выходом за пределы его юрисдикции, вполне объяснимо.

Исследования археологических памятников бассейна р. Упы и прилегающих районов Оки и Дона выявили целую группу поселений, относящихся к IX – началу X в. и, вероятно, связанных с функционированием указанного пути. Таким образом, появился еще один источник, не только подтверждающий сам факт существования пути, но и позволяющий рассмотреть отдельные его участки подробнее.

Насколько реально могли существовать пути, соединяющие р. Дон с различными участками р. Оки, можно установить, рассмотрев гидрографическую ситуацию в междуречье. Прежде всего, обращает на себя внимание непосредственная связь р. Дон и р. Шат, правого притока р. Упы. Об этой особенности еще в первой половине XVI в. писал Сигизмунд Герберштейн. Описывая громадное, по его мнению, Иван-озеро (Iwanowosero), автор особо отмечает, что «из этого озера вытекают две большие реки: Шат и Танаис» (Герберштейн 1988. С. 137). В Книге Большому Чертежу также указывается, что «рѣка Донъ вытекла изъ Иваня озера... да изъ тогожъ Иваня озера потекла рѣка Шать и пала въ рѣку въ Упу» (Книга Большому Чертежу 1950. С. 78).

Согласно сообщениям Константина Багрянородного, росы использовали в своих походах построенные славянами моноксилы (Константин Багрянородный 1989. С. 47). Вероятно, этот тип судов был основным на внутренних речных путях. Фрагменты однодревков, найденных при раскопках Новгорода, позволяют определить их длину как 6–8 м, ширину – до 1,2 м, а высоту бортов – 0,6–0,8 м (Дубровин 1997. С. 79). Преимущественное использование для движения по рекам небольших мелкосидящих судов подтверждается археологическим материалом (Сорокин 1997. С. 24–57). Таким образом, требования, предъявлявшиеся к участкам рек для использования их в качестве транспортных путей, были не столь высоки. При ширине 20 и более метров и глубине свыше 1 м река вполне могла служить для перевозок товара.

Представляется вполне реальным очертить зоны «стабильного» судоходства для изучаемого периода. Пригодные для судоходства реки бассейнов Дона и Оки во многих местах подходят друг к другу на очень близкое расстояние. Это позволяет предположить связь между ними с использованием волоков и существование маршрутов, альтернативных пути Дон – Иван-озеро – Шат – Упа – Ока. Количество таких теоретически возможных путей весьма велико, причем не все они связаны с бассейном р. Упы. Все отме-

отмеченные выше варианты переходов из р. Дон в р. Упу, подразумевают функционирование волоков. Вероятно, волокы, существовавшие в междуречье Оки и Дона, имели протяженность от 10 до 30 км, а время их преодоления составляло 1–2 дня. Можно полагать, что в то или иное время р. Дон была соединена с р. Упа по линиям: Дон – Иван-озеро – Шат – Упа, Дон – Муравлянка (?) – Уперта – Упа, Дон – Непрядва – Упа и Дон – Красивая Меча – Упа.

Возможные направления речных путей в полной мере совпадают с основными направлениями движения куфического серебра. Основанием для окончательного соотнесения кладов и гипотетических торговых путей может послужить расположение поселений раннего периода. Единственный подвергшийся небольшим раскопкам памятник – городище у д. Дубики на р. Красивая Меча – может быть отнесен к позднему периоду, к концу X – XI в. (Разуваев 1987. С. 121–128). Расположенные по этой же реке поселения у сел Солдатское, Шилово и Маслово, известные лишь по данным разведок, не могут быть датированы достаточно точно (АКР. Тульская обл. Ч. 2. С. 74–76. № 1037, 1043, 1045). Верховья р. Дон обследованы особенно тщательно. При этом лишь четыре поселения, расположенные в устье р. Мокрая Табола, содержали лепную керамику близкую роменской (АКР. Тульская обл. Ч. 2. № 1159, 1161, 1246, 1260). Эти поселения расположены в месте возможного разветвления пути по трем направлениям. По р. Мокрая Табола к верховьям р. Проня, в верховья р. Дон к Иван-озеру и по р. Непрядва к верховьям р. Упа.

Памятник по пути через Иван-озеро находится в среднем течении р. Шат, у д. Слободка. Поселение (или группа поселений), расположенное на высоком коренном берегу над крутой излучиной реки (у д. Изрог), могло контролировать большую часть ее течения. Раскопки, проводившиеся на памятнике, позволяют достаточно надежно датировать его IX – началом X в. С этим же участком пути, возможно, связано поселение Новое Село, находящееся ниже по течению р. Шат. На направлении через верховья рек Упа и Уперта важнейшим пунктом является поселение у д. Уткино, которое существовало на протяжении всего IX – начала X в. Движение по р. Уперта маркируется поселением у д. Чифировка.

Таким образом, известные на сегодняшний день памятники, достоверно относящиеся к раннему периоду славянского заселения, можно связать с предполагаемыми участками перехода из р. Дон в р. Упа через р. Шат и р. Уперта. Путь р. Непрядва – р. Упа остается для рассматриваемого времени гипотетическим. То же

относится и к возможности существования участка пути через верховья р. Красивая Меча в верховья р. Упы. Из возможных маршрутов в пределах бассейна р. Упы с памятниками раннего периода соотносятся участки пути по р. Солове и по р. Тулица. Путь по р. Солове начинается у отмеченного выше поселения Уткино при слиянии рек Упа и Уперта и заканчивается у Супрутского городища. Его ответвление могло идти по р. Непрейка к городищу у д. Щепилово. Время прекращения жизни на указанных поселениях определяется как 10-е годы X в. На этом же участке расположена группа памятников у пос. Майский. Путь по р. Тулица отмечен крупным поселением у д. Торхово, находящимся в начале предполагаемого волока на р. Осётр. Этот памятник также достаточно полно исследован раскопками (Григорьев 2000; 2001). Время его существования определяется в пределах IX – начала X в.

За пределами бассейна р. Упы, по предполагаемым основным направлениям путей, также имеются памятники, по характеру материала соотносимые с ранним периодом. На северном направлении это исследованное недавно поселение в устье р. Осётр у с. Городня (Коваль 2001. С. 59–68). В западном направлении, недалеко от устья р. Упа располагается известное городище Дуна. Путь в направлении р. Десна по р. Жиздра отмечен Чёртовым городищем (Прошкин 2003. С. 185–193), путь к верховьям р. Оки – целым рядом памятников.

Соотнесение гипотетических водных путей с расположением кладов куфических монет и памятников раннего периода дает все основания предполагать, что в IX – начале X в. активно функционировал отрезок торгового пути, связывающий р. Дон с верхним и средним участком течения р. Ока.

Источники и литература

- Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. М., 1988.
- Григорьев А.В.* Раскопки славянских памятников в Тульской области // Археологические открытия 1998 г. М., 2000.
- Григорьев А.В.* Исследования славянских поселений в Тульской области // Археологические открытия 1999 г. М., 2001.
- Дубровин Г.Е.* Судостроение средневекового Новгорода по археологическим данным // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресс славянской археологии. М., 1997. Т. 2.
- Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1910.
- Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.

- Коваль В.Ю.* Поселение в устье Осетра близ Коломны // Кратк. сообщ. Ин-та археологии РАН. М., 2001. Вып. 212.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Прошкин О.Л.* Славянское освоение территории Калужского края // Тр. Регионального конкурса науч. проектов в области гуманитар. наук. Калуга, 2003. Вып. 4.
- Разуваев Ю.Д.* Городище у д. Дубики // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
- Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Е.С. Данилов

ROMULI ASYLUM В АНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

В январе 2007 г. мировые средства массовой информации сообщили сенсационную новость: «В Риме найдена пещера Ромула и Рема». Во время работ на Палатине итальянские археологи обнаружили грот, который, предположительно, мог бы быть легендарным убежищем Ромула и Рема, основателей Вечного города. По преданию, близнецов вскормила волчица, и место, где она ухаживала за младенцами, широко почиталось в античности. Однако куда более известно и реально другое убежище, основанное первым римским царем на Капитолийском холме. Что мы знаем об асилуме Ромула? Как о нем отзывались римские граждане? Что вкладывалось в представление об убежище?

Наши источники об асилуме многочисленны, но фрагментарны. Главным, конечно, является Плутархова биография Ромула (Plut. Rom. 9). Из нее мы узнаем несколько любопытных моментов. Во-первых, сам факт основания священного убежища обезличен: оно было учреждено гражданами, воля царя не играет никакой роли. Во-вторых, убежище получило имя бога Асила (Θεοῦ Ἀσυλαίου). Плутарх переносит на Ромулово время обычаи эллинистической эпохи, когда дельфийский оракул объявлял то или иное святилище неприкосновенным – ἄσυλος (Глускина 1977. С. 83; Lattimore 1988. P. 362–363). Видимо, именно сообщение Плу-

тарха породило у некоторых исследователей убеждение в том, что сказание о Ромуловом асилуме сложилось под греческим влиянием, а само понятие об асилумах совершенно чуждо итальянским религиям (Энман 1896. С. 68). Кроме того, Первый Ватиканский мифограф оставил нам предание о том, что Ромул возвел храм в подражание афинскому убежищу (60. 1–2; ср. Diod. Sic. IV. 21. 1). Существует и другая мифологическая традиция, указывающая на исконность римских асилумов. Достаточно вспомнить легенду о Сатурне, который был свергнут с Олимпа своим сыном Юпитером (Nyg. Fab. 54), нашел приют в Италии, а затем сам оказал покровительство людям, дав им законы и назвав их землю Лаций (Latium) от слова *latere* «укрываться» (Verg. Aen. VIII. 319–323). В-третьих, убежище способствовало быстрому росту города. Этот тезис встречается и у других авторов, что естественно, учитывая задачу асилума, служившего делу увеличения населения (Stengel 1896. S. 1885; Balsdon 1972. P. 19–20; Маяк 1983. С. 208).

Тит Ливий назвал учреждение убежища «*vetere consilio condentium urbes*» (Liv. I. 8. 5: «старой хитростью основателей городов») и указал, что Ромул открыл асилум по левую руку от спуска меж двумя рощами (*inter duos lucos*). Историк подчеркнул, что разнородные перебежчики обрели под покровительством неприкосновенного храма свободу и безнаказанность (Liv. II. 1. 1–6). Свободу обретали здесь бежавшие из других городов и земель рабы, а безнаказанность — те, кому в их отечестве грозила кара. Причем этот второй по счету пассаж об убежище вставлен в общее рассуждение о свободном римском народе, суть которого заключается в том, что государство повзрослело и окрепло при царской власти и если бы свобода была получена раньше времени, то те изгон, что укрылись в асилуме, стали бы враждовать с сенаторами и обрекли город на гибель (Фюстель де Куланж 1906. С. 264; Павлов 2009. С. 221–223). Другими словами, убежище, по мысли Ливия, стало своеобразной предтечей республики.

Какому богу было посвящено храмовое убежище? Дионисий Галикарнаский затруднился с ответом на этот вопрос (Dionys. Ant. Rom. II. 15. 4). Мнение Плутарха о некоем Асиле выглядит маловероятным. Витрувий (De arch. IV. 8. 4), Овидий (Fast. III. 430) и Авл Геллий (Gell. N.A. V. 12. 2) называют бога подземного мира Вейовиса или Ведиовиса (Alföldi 1972. С. 216). Храм не случайно был основан вблизи священных рощ (*luci*). Именно такие природные места (рощи, пещеры, водоемы) должны были возбуждать, по мнению Дж. Шайда, изумление и ужас, подтверждая божественное

присутствие (Шайд 2006. С. 81). Думается, что Вейовис (Veiovis), противопоставлявшийся светлому небесному богу Диовису (равнозначному Юпитеру), прекрасно подходил на роль мрачного защитника беглецов, примкнувших к Ромулу. Он должен был, как мстительный дух, поразить врагов святилища стрелами (Gell. N.A. V. 12. 11) и нагнать на них страх (Macrobian. Sat. III. 9. 10). Впрочем, сакральная компонента при обращении к теме убежища менее всего интересовала античных писателей.

В центре внимания нарративной традиции – формирование единого римского народа. У Флора благодаря царскому святилищу создается, словно из разных начал, *populus Romanus*. Древнеримский филолог перечисляет эти мнимые и реальные этнические составляющие: латины, этруски, фригийцы, аркадяне (Flor. I. 1. 9). Если следовать за изложением Аврелия Виктора, то получается, что Ромул смог сформировать большое войско только после притока достаточного количества пришельцев в асилум (De vir. ill. II. 1). Правда, Веллей Патеркул скептически отметил, что едва ли мог новый город укрепиться в такой близости от сабинян и этрусков без внешней поддержки, т.к. пришедшие к убежищу люди были невоинственными пастухами (I. 8. 5). Как бы то ни было, капитолийский асилум способствовал складыванию того, что мы сегодня называем римской идентичностью.

Интересно выделение в сообщениях об убежище роли Ромула (Кулаковский 1888. С. 3). Мы уже упоминали о том, что у Плутарха царь напрямую не связан со священным местом. У Вергилия же убежище – не что иное, как дар царя общине (Aen. VIII. 342–343). По Овидию, именно Ромул окружил высокой стеной храм между двух рош (Fast. III. 429–434). Дионисий пишет, что Ромул вначале сделал лесистую местность между Капитолием и крепостью убежищем, затем построил храм, а потом начал привлекать всех желающих влиться в общину обещанием прав гражданства и участка земли (II. 15. 4; ср.: Strabo V. 3. 2; Plut. Rom. 20). Т. Моммзен предположил, что убежище было предназначено для земледельцев и их стад на случай наводнений и войн (Моммзен 2001. С. 118). Дион Кассий среди посмертных почестей, оказанных триумвирами Юлию Цезарю, упомянул храм в честь убитого, ставший убежищем, и вспомнил дни Ромула (XLVII. 19. 2–3). Так начиная с периода принципата, святилища умерших императоров, их статуй и изображения получили силу и назначение доставлять защиту преследуемым и обижаемым (Dench 2005. P. 17–18).

Есть в римской традиции об асилуме и упоминания, лишенные всяческого преклонения перед сакральным местом. Это простая фиксация убежища как топографического объекта Цицероном (Div. II. 39) и Тацитом (Hist. III. 71) без упоминания каких-либо эпитетов (Richter 1883. P. 112), а также откровенно агрессивный выпад Павла Орозия, назвавшего Ромула убийцей, который собрал шайку разбойников, пообещав им прощение за преступления (II. 4. 3). Впрочем, акцент на презренном происхождении первых жителей Рима делают большинство древних авторов (Dionys. I. 89. 1; Ovid. Fast. III. 433; Plut. Rom. 9; Iust. Epit. XXXVIII. 6. 7, XLIII. 3. 2). Кроме того, ими проводится прямая связь между учреждением асилума и последовавшим за ним преступным похищением сабинянок (Liv. I. 9. 5–12). Оба этих шага были необходимы для выживания римской общины (Harrison 1997. P. 71).

Итак, в античной традиции убежище, основанное Ромулом, выступало как учреждение, положившее начало римской государственности. Asylum сыграл роль колыбели, взрастившей квиритов и подготовившей их через гарантии безопасности к восприятию свободы как общественной ценности (Wirszubski 1950. P. 158–159). При этом отношение к убежищу варьировалось от благоговения до равнодушия: священное место, залог будущего величия, дар царя, хитрая уловка, достопримечательность.

Отразим результаты в таблице.

Автор	Локализация убежища	Основатель убежища	Причина основания	Последствия основания
Марк Туллий Цицерон	между двумя рошами	—	—	—
Марк Витрувий Поллион	храм Вейова между двумя рошами	—	—	—
Публий Вергилий Марон	—	Ромул	—	—
Дионисий Галикарнаский	между Капитолием и крепостью, между двумя рошами	Ромул	желание усилить римлян и уменьшить силы соседей	создание великого города

Тит Ливий	убежище в том месте, что теперь огорожено, – по левую руку от спуска меж двумя рошами	Ромул	увеличение населения	–
Публий Овидий Назон	храм Ведиова между двумя рошами	Ромул	–	создание римского величия
Страбон	священный участок между кремлем и Капитолием	Ромул	–	–
Веллей Патеркул	священное убежище между двумя рошами	–	–	увеличение населения
Плутарх	–	граждане	принятие беглецов	увеличение населения
Публий Корнелий Тацит	роша убежища на Капитолии	–	–	–
Луций Аней Флор	роша	Ромул	увеличение населения	появление римского народа
Авл Геллий	храм Ведиовиса между акрополем и Капитолием	–	–	–
Дион Кассий Коккеян	–	Ромул	–	–
Секст Аврелий Виктор	–	Ромул	–	–
Павел Орозий	–	Ромул	–	создание шайки разбойников

Литература

- Глускина Л.М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // Вестник древней истории. 1977. № 1. С. 82–94.
- Кулаковский Ю.А. К вопросу о начале Рима. Киев, 1888.
- Маяк И.Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983.
- Моммзен Т. История Рима. В 5 т. М., 2001. Т. 1.
- Павлов А.А. Свобода (libertas) в исторической концепции Тита Ливия // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 27. С. 212–229.
- Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906.
- Шайд Дж. Религия римлян / Пер. с фр. О.П. Смирновой. М., 2006.
- Энман А. Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896.
- Alföldi A. Redeunt Saturnia regna, III: Juppiter-Apollo und Veiovis // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 215–230.
- Balsdon J.P. V.D. Dionysius on Romulus: A Political Pamphlet? // Journal of Roman studies. 1971. Vol. 61. P. 18–27.
- Dench E. Romulus Asylum. Roman Identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian. Oxford, 2005.
- Harrison S.J. The Survival and Supremacy of Rome: The Unity of the Shield of Aeneas // Journal of Roman studies. 1997. Vol. 87. P. 70–76.
- Larmour H.J. Plutarch's Compositional Methods in the Theseus and Romulus // Transactions of the American Philological Association. 1998. Vol. 118. P. 361–375.
- Richter O. Clivus Capitolinus. Ein Beitrag zur Topographie der Stadt Rom // Hermes. 1883. Vol. 18. N 1. P. 104–128.
- Stengel P. Asylon // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1896. Bd. 2, Hbd. 4. S. 1881–1886.
- Wirzubski Ch. Libertas as a political idea at Rome during the late Republic and early Principate. Cambridge, 1950.

В.В. Дементьева

ФОРМИРОВАНИЕ МАГИСТРАТСКОЙ POTESTAS В АРХАИЧЕСКОМ РИМЕ: К ВОПРОСУ О «СТРАННОМ» СОЧЕТАНИИ ФУНКЦИЙ КВЕСТОРОВ

Проблема становления и характера potestas (должностной власти) низших римских магистратов в период архаики непосредст-

венным образом связана с определением сущностных черт античной государственности и специфики ее римского варианта. Особый интерес в данном отношении вызывает магистратура квесторов, ибо она, возникшая очень рано, озадачивает исследователей странным сочетанием функций – полномочий в сфере уголовного судопроизводства и попечения о римской казне. Попытки объяснить эту странность привели к появлению в мировой историографии различных теорий, вплоть до утверждения что паррицидные (уголовные) квесторы и городские (эзарные) квесторы – это две разные должности.

Л. Ланге считал наиболее вероятным введение *quaestores parriicii* по закону об империи, принятому для Тулла Гостилия (Lange 1876. S. 385–387). Но при ранней монархии, по его мнению, они еще были не магистратами, в качестве же постоянных должностных лиц квесторы стали через куриатный закон Луция Брута служителями консулов, ежегодно сменяемыми, как они сами. Их круг обязанностей был расширен, т.к., на взгляд Ланге, подкрепленный ссылкой на Плутарха и Зонару (Plut. Pop. 12; Zonar. VII. 12), по закону Валерия Попликолы, им было передано управление казной.

Т. Моммзен, не признававший царского происхождения квестуры, полагал, что изначально квесторы были помощниками консулов и в финансовой сфере, и в расследовании уголовных преступлений, и вообще во всяческих служебных делах (Mommсен 1952. S. 525–527). Он настаивал на идентичности уголовных и финансовых квесторов, полагая, что одни и те же должностные лица выполняли и те, и другие функции. Точка зрения Моммзена была воспринята – с теми или иными вариациями – и многими другими исследователями. Считал паррицидных квесторов идентичными эзарным и Э. Херцог (Herzog 1965. S. 78, 815–816), но компетенция их как казначеев, на его взгляд, могла возникнуть только после Первой пунической войны. Б. Кюблер, так же как и Моммзен, рассматривал квестуру как порождение Республики, однако разделял представление, что квесторы получили в управление казну позднее (Kübler 1979. S. 97–99). В противоположность Моммзену О. Карлова полагал, что уголовные квесторы возникли в царскую эпоху как помощники рексов, затем их должность преобразовалась в государственный орган с измененными функциями (Karlowa 1885. S. 257), но разделял мнение о единстве эволюционировавшей магистратуры.

Принципиально по-иному оценивал диспозицию уголовных и городских квесторов К. Латте, утверждавший, что республиканские эзарные квесторы не имели никакого отношения к ранним

паррицидным квесторам царской эпохи (возникшим, в его трактовке, еще при Нуме Помпилии). Эрарные квесторы, на его взгляд, появились в середине V в. до н.э., когда возникло денежное хозяйство Республики, были введены цензоры, контролировавшие доходы граждан, и начала развиваться общественная собственность (Latte 1936. P. 24–33.). К. Латте считал, что магистратура эрарных квесторов впервые была создана в 447 г. до н.э. (в этом году, по Тациту, впервые квесторы выбирались народом) и предположительно по образцу казначеев греческих городов. Д. Клауд признавал наличие некоторой формы казначейства в V или IV в. до н.э. (Claud 1975. S. 38–39) на том основании, что римляне уже с VI в. использовали однофунтовые бруски бронзы в качестве денег. К. фон Фриц, приняв вывод К. Латте о том, что идентификация квесторов-магистратов при консулах с *quaestores patricidii* неверна, не поддержал его утверждение, что квестура не существовала до того, как стала выборной (фон Фриц 2007. С. 398–399). Резкое различие между паррицидными и эрарными квесторами проводили В. Кункель (Kunkel 1962. S. 37–45) и Э. Мейер (Meyer 1975. S. 38–39).

Имеющаяся информация источников убеждает нас в гораздо большей реальности появления квесторов в царскую эпоху с компетенцией в сфере криминальной юстиции (Дементьева 2008. С. 50–51). Примеры участия квесторов в уголовном судопроизводстве, приводимые нарративной традицией и относящиеся к ранней Республике, свидетельствуют о том, что эта деятельность квесторов сохранялась в это время. Тогда же (видимо, в V в. до н.э.) возникает другая функция квесторов, – их забота о казне. Мы предлагаем использовать для определения сути разграничения видов деятельности понятие *provinciae quaestorum* (фиксируемое для более позднего периода), которое и вносит ясность в политико-правовую сторону «странности» объединения разных дел в одной магистратуре. Способ предоставления – жребий – свидетельствует, по нашему мнению, о раннем времени появления квесторских провинций (как сфер деятельности). Количество квесторов (при Республике всегда не менее 2-х) позволяло выполнять функции по обоим этим провинциям до того, как в середине IV в. до н.э. компетенция в области судопроизводства перейдет к претуре, а затем у квесторов появятся новые провинции за пределами Рима, а потом и Италии.

Нам представляется, что ряд моментов указывает на сосуществование в одной магистратуре (на определенном хронологическом отрезке) таких квесторских провинций, как сфера уголовного судопроизводства и попечение о казне. Во-первых, этимология на-

звания должности (Dig. 1. 13. 1. 1), выводимая из следственных функций (*quaerendi*), но распространенная и на заботу об эрарии. Во-вторых, участие римских квесторов в судебном преследовании и в III в. до н.э. (Varro L.L. VI. 90–91). В-третьих, возможность участия квесторов, отправлявшихся в когорте наместника за пределы Италии, в делах судопроизводства (Suet. Iul. 7. 1; 8. 1). В-четвертых, сохранение даже в позднюю Республику у городских квесторов такой функции, как выделение из общего *album iudicum* составов присяжных для *quaestiones* как минимум для *quaestio de vi* (Dio. Cass. XXXIX. 7).

Мы усматриваем в этом следы «паррицидной провинции» квесторов в городской их провинции и в провинции «провинциальной». «Функциональное единство» различных квесторов (De Martino 1958. P. 208–209) мы понимаем не в том смысле, что все они всегда занимались одним и тем же, а в том, что сферы компетенции квесторов в общем виде (для квестуры как магистратуры) имели вполне очерченный перечень, независимо от того, на какой территории они находились и что непосредственно имели своей провинцией. На наш взгляд, это «функциональное единство» отражало присутствовавший у каждого квестора в «свернутом виде» набор «компетенций», присущих квестуре в целом как магистратуре, а потому потенциально возможных для каждого магистрата в ней.

На наш взгляд, Т. Моммзен был прав в том, что паррицидные и городские квесторы – это одна и та же магистратура, но не прав в том, что выполняли функции и уголовного преследования, и заботы о казне одновременно одни и те же люди. Оппоненты Моммзена справедливо сомневались в возможности такого совмещения уже для ранней Республики. Но они, по нашему мнению, заблуждались в том, что уголовные и эрарные относились к разным магистратурам. Анализ провинций квесторов на всем протяжении республиканской истории показывает, что квесторская *potestas* и в классическую, и в позднюю Республику могла реализоваться в разных сферах, но конкретному должностному лицу давалась определенная *provincia* (Дементьева 2009. С. 51–60; Дементьева 2010. С. 22–26). Очень вероятно, что такая же картина наблюдалась и в период архаики – паррицидная и городская компетенции были двумя провинциями одной и той же магистратуры и предоставлялись каждая конкретным лицам.

Почему оказалось возможным такое странное сочетание функций в рамках одной и той же магистратуры? Нам представляется, что корень этого явления кроется в компетенции высших магист-

ратов, совокупно обозначаемой понятием *imperium*. Специфика римского политогенеза заключалась в том, что в римской общине магистраты не были простым исполнительным органом народных собраний, они были носителями делегированного коллективом *civitas* ее суверенитета. Империй включал в себя высшую военную, гражданско-административную и судебную власть (Дементьева 2005. С. 46–75). При реализации его во всех этих сферах высшему магистрату были нужны помощники, специализированные в определенной функции. Высшая власть могла носить «универсальный характер», выполнение же на практике конкретных действий управленческого характера требовало – чем дальше, тем больше – специализации в определенной области, что и обеспечивалось наличием помощников. В военной сфере (*militiae*) носители империя естественным образом с самых ранних ступеней политогенеза имели одних помощников, в гражданской (*domi*) – других. И первые, и вторые появляются в период царей. В сфере *domi* в царскую эпоху была потребность в помощнике рекса главным образом в области судопроизводства – как рано выделившемся на направлении реализации властных полномочий, и потому квестура (магистратура помощников) этого времени – паррицидная. В период ранней Республики в гражданской сфере управления отчетливо выделились две отрасли, – кроме судебной сформировалась административно-хозяйственная (с появлением денежного хозяйства). Возникла вторая провинция квесторов – забота об эрарии. В результате и появилось такое странное, на взгляд историков, сочетание функций у магистратов, имевших одно и то же название – *quaestores*.

Таким образом, в нашей реконструкции процесса формирования *potestas* низших магистратов эта власть порождается потребностью дифференцировать – в связи с усложнением жизни римской общины – практическую реализацию властных функций, заложенных в империи, осуществлявшуюся при опоре на подчиненных носителям империя должностных лиц. На наш взгляд, «странное» сочетание квесторских функций, которое было обусловлено процессом такой дифференциации, именно об этом и свидетельствует.

Литература

- Дементьева В.В. Квесторы Римской республики в Италии // *Nortia-VI*. Воронеж, 2009. С. 51–60.
- Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // *Вестник древней истории*. 2005. № 4. С. 46–75.

- Дементьева В.В.* Функции квесторов архаического Рима в сфере уголовного судопроизводства // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2009. С. 187–202.
- Дементьева В.В.* Quaestores patricidii архаического Рима: время возникновения должности // Проблемы истории и археологии Украины. Матлы VI междунар. науч. конф., посв. 150-летию акад. В.П. Бузескула. Харьков, 2008. С. 50–51.
- Дементьева В.В.* Quaestores urbani республиканского Рима // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Докл. междунар. науч. конф., посв. 1000-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010. Ч. 2. С. 22–26.
- Фриц К., фон.* Теория смешанной конституции в античности: Критический анализ политических взглядов Полибия. СПб., 2007.
- Claud D.* Motivation in Ancient Accounts of the Early History of the Quaestorship and its Consequences for Modern Historiography // Chiron. 2003. Bd. 33. P. 93–120.
- De Martino F.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958 (1972).
- Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Leipzig, 1965. Bd. 1, Abt. 2.
- Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885. Bd. 1.
- Kübler B.* Geschichte des römischen Rechts. 2. Aufl. Darmstadt, 1979.
- Kunkel W.* Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962.
- Lange L.* Römische Alterthümer. 3. Aufl. B., 1876. Bd. 1.
- Latte K.* The Origin of the Roman Quaestorship // Transactions and Proceeding of the American Philological Association. 1936. Vol. 67. P. 24–33.
- Meyer E.* Römische Staat und Staatsgedanke. Zürich; München, 1975.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Tübingen, 1952. Bd. 2.1.

Т.Н. Джаксон

О ЮБИЛЕЯХ, ПАМЯТНИКАХ, ПОЛИТОГЕНЕЗЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ МИФОТВОРЧЕСТВЕ

8 (21) сентября 1862 г. в Новгороде в присутствии императора Александра II был торжественно открыт памятник «Тысячелетие России». По условиям конкурса, объявленного правительством весной 1859 г. «ввиду исполнения в 1862 тысячелетия Государства Российского» и выигранного недавним выпускником Академии художеств М.О. Микешиним, требовалось, чтобы памятник по

внешнему виду соответствовал своему названию и отражал шесть главных эпох истории России. В постановлении, принятом еще в 1857 г. по результатам обсуждения вопроса о памятнике в Комитете министров, формулировалось: «Призвание Рюрика составляет, без сомнения, одну из важнейших эпох нашего государства, но потомство не должно и не может пройти забыванием заслуг других своих самодержцев, полагая, что эпоха 1862 года должна быть ознаменована не увековечением подвига Рюрика, но воздвижением народного памятника “Тысячелетию России”, где бы могли быть в барельефах или других изображениях показаны главнейшие события нашей отечественной истории» (цит. по: Захаренко 1956. С. 54–55). И все же сама дата празднования основывалась на древнерусском летописном сказании (легенде) о «призвании» на Русь в год 6370 (862) на княжение («княжить и владеть») варягов во главе с Рюриком. Вопросы неточности летописной хронологии, достоверности легенды о призвании варягов, историчности Рюрика и его братьев, исторической основы описанных летописью событий, участия варягов в сложении Древнерусского государства, специфики российской государственности (Мельникова, Петрухин 1989; Фомин 2005), равно как и причины объявления этого легендарного «призвания» государственным событием, подоплека этого исторического мифотворчества и стремление властей утвердить в массовом сознании образ нового царствования (Wotman 1995, 2000; Майорова 2006; Буслаев 2010), детальнейшим образом изучались в необъятной исследовательской литературе (выше приведены лишь избранные работы) и хорошо знакомы отечественному читателю. В настоящем докладе речь пойдет об аналогичном юбилее – близком хронологически, сходном по сути и возведенном на не менее шатком основании.

Десятилетием позднее, 18 июля 1872 г., сходная церемония прошла в южной части Западной Норвегии: при участии кронпринца, будущего короля Швеции Оскара II (последнего шведского короля Норвегии, 1872–1905), на месте, известном как Курган Харальда, возле города Хёугесунн, – предполагаемом месте захоронения конунга Харальда Прекрасноволосого – был воздвигнут монумент, часто называемый «Колонной Харальда». Так было отмечено тысячелетие победы Харальда в битве при Хаврсфьорде. Еще через 100 лет – в 1972 г. – король Норвегии Улаф V открыл на полуострове Ютрабергет в Хаврсфьорде памятный обелиск в честь 1100-летнего юбилея означенной битвы. Оба монумента были установлены в переломные исторические

моменты: первый – в Норвегии периода унии со Швецией, в последние месяцы правления непопулярного в Норвегии короля Карла XV, в разгар борьбы за упразднение должности шведского наместника в Норвегии; второй – на излете «десятилетия оптимизма» (1960–1970 гг.), перед спадом, последовавшим за периодом экономического подъема и национального единства (последвоенной эпохи: 1945–1972 гг.).

Битва при Хаврсфьорде считается центральным событием ранней истории Норвегии. Многие исследователи полагают, что победа, одержанная Харальдом Прекрасноволосым в этой битве, привела к объединению Юго-Западной Норвегии под властью единоличного правителя и в конечном счете была значительным шагом на пути к сложению единого норвежского государства (см.: Titlestad 2006; см. также в учебном пособии, написанном совместно российскими и норвежскими авторами, в разделе профессора Университета в Трумсё Л.И. Хансена: «После победы в битве при Хаврсфьорде... княжество Харальда находилось в самом центре Юго-Западной Норвегии, в то же время прибрежные районы от Осло-фьорда на юго-востоке до Трёнделага на севере признавали его королем, к тому же он, вероятно, пользовался влиянием и в Северной Норвегии»: Соседи 2001. С. 17–18). Но насколько реально само это событие? реальны его участники, и в первую очередь сам Харальд? верна его датировка? Насколько точна приведенная выше оценка его значения?

Источник, из которого в основном черпается информация об этой битве конца IX в., – «Круг земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.). Третья сага этого свода – «Сага о Харальде Прекрасноволосом». Однако при ее написании Снорри, как полагают исследователи, использовал более ранние саги, и в частности «Сагу о Харальде Прекрасноволосом», а также «Обзор саг о норвежских конунгах», «Красивую кожу» и «Сагу об оркнейцах»; кроме того, он обращался к поэмам скальда Торбьёрна Хорнклови. Вопрос о существовании ранних саг – весьма проблематичен (Андерссон 1985. Р. 217–219), но об одной из них, по крайней мере, специалисты по сагам говорят с известной долей уверенности, и это как раз «Сага о Харальде Прекрасноволосом»: отдельная «Прядь о Харальде Прекрасноволосом» в «Книге с Плоского острова», восходящая к «Кругу земному», но полностью на нем не основанная, указывает на то, что сага об этом конунге существовала и до «Круга земного» и была использована Снорри Стурлусоном (Jónas Kristjánsson 1977; Berman 1982). К сожалению, нам не

дано знать, когда и в какой форме сложилась эта сага и с какими потерями она дошла до Снорри.

Сага в «Круте земном» начинается с того момента, когда 10-летний Харальд становится конунгом после гибели своего отца Хальвдана Черного. Посватавшись через несколько лет к Гюде, дочери конунга Эйрика из Хордаланна, и, получив от нее отказ, Харальд дает обет не стричь и не расчесывать волос, пока не завладеет «всей Норвегией с налогами, податями и властью над ней» (КЗ. С. 44). Последовавшая затем серия завоевательных походов приводит Харальда к единовластию; он женится на Гюде (сага называет их детей), стрижет волосы и получает то прозвище, под которым он вошел в историю, – *Прекрасноволосый*. «Изображение политики объединения страны в виде подвига ради получения руки девицы» и прочие сказочные мотивы придают королевской саге «дополнительную привлекательность и занимательность» (Гуревич 1972. С. 147). Последствия решающей битвы при Хаврсфьорде Снорри описывает так: «После этой битвы Харальд конунг больше не встречал сопротивления в Норвегии. Все его самые могущественные враги погибли, а некоторые бежали из страны, и таких было очень много, ибо тогда заселялось много пустынных земель. Тогда были заселены Ямталанд и Хельсингьяланд, хотя в обеих этих землях и раньше селились норвежцы. В то немирное время, когда Харальд конунг овладевал Норвегией, были открыты и заселены заморские земли: Фарерские острова и Исландия. Тогда же переселялись и на Хьяльтланд, а многие знатные люди, бежавшие из Норвегии от Харальда конунга, стали викингами в западных морях. Они оставались зимой на Оркнейских и Южных островах, а летом совершали набеги на Норвегию и причиняли стране большой ущерб. Но многие знатные люди отдавались под власть Харальда конунга, становились его людьми и оставались у него в стране. Харальд конунг стал теперь единовластным правителем всей Норвегии (*Haraldr konungr var nú einvaldi orðinn alls Nóregs*)» (КЗ. С. 52). До Снорри «единовластным конунгом Норвегии» (*allvaldskonungr / einvaldskonungr at Nóregi*) Харальда называют «Обзор» (гл. 2) и «Красивая кожа» (гл. 3). О причастности Харальда к заселению Исландии см.: Boulhosa 2005. P. 197–205.

Традиционно принятая датировка битвы – 872 г. – является изобретением XIX в. Следуя сагам, сообщающим не точные даты, а количество зим, прошедших от одного события до другого, норвежский историк первой половины XIX в. Р. Кейсер по изложению Снорри Стурлусона отсчитал назад количество зим от битвы при

Свёльде, в которой погиб Олав Трюггвасон (1000 г.), до битвы при Хаврсфьорде и получил 872 г. Его поддержал его ученик и продолжатель П.А. Мунк. И в 1872 г. состоялось празднование тысячелетия сложения Норвежского государства. Что касается 18 июля, то только в этот день на церемонии мог присутствовать кронпринц, однако в литературе закрепились именно такая дата битвы: «18 июля 872 г.», – пропагандировавшаяся к тому же в годы Второй мировой войны министром-президентом оккупированной Норвегии В. Квислингем, чей день рождения приходился на 18 июля (см.: Шпилькин). В первой четверти XX в., используя тот же метод, что и Р. Кейсер, но гиперкритически относясь к сагам, Х. Кут пришел к выводу, что Харальд родился в 865–870 гг., умер в 945 г., а битва при Хаврсфьорде состоялась в 900 г. (Koht 1921). Эта точка зрения продержалась полвека до появления работы Олавины Эйнарсдоттир, которая поместила битву между 870 и 875 гг. (Ólafía Einarisdóttir 1964). Единодушия нет до сих пор, но, вероятнее всего, битва состоялась не позднее 900 г. и не ранее 885 г. (Bjarni Aðalbjarnarson 1941. Bls. lxxi–lxxxix; Jones 1968. P. 89; Гуревич 1980. С. 127).

Радикальная критика 1920-х годов поставила под сомнение не только дату, но и значение битвы при Хаврсфьорде, равно как и всех завоеваний Харальда, о которых идет речь у Снорри (см.: Dahl 1990. S. 235–243, 250–254). Впрочем, битва детально описана не только исландским историком XIII в., но и норвежским скальдом ок. 900 г. – Торбьёрном Хорнклови в его поэме «Песнь о Харальде» («Речи ворона»), – а потому никаких сомнений в историчности битвы быть не может. Более того, ее можно рассматривать как первое большое событие норвежской истории, для которого существует надежный исторический источник (Krag 2003. P. 186–187). Однако, как утверждает К. Краг, исследуемая в отрыве от более позднего прозаического текста «Песнь о Харальде» заставляет думать, что «вся Норвегия» Харальда представляла собой лишь южную часть Западной Норвегии (Ibid. P. 187–188). Сверрир Якобссон тоже утверждает, что ни один из современных Харальду источников не проливает света на личность или деяния этого правителя, что сведения скальдических стихов туманны и ненадежны, а их интерпретация базируется на сопутствующей им прозе, и так же, как К. Краг, оценивает Харальда Прекрасноволосого как мифическую личность. По крайней мере, по мнению этого исследователя, реальный Харальд и саговый персонаж весьма далеки один от другого (Sverrir Jakobsson 2002).

Снорри Стурлусон приписывает Харальду Прекрасноволосому введение определенной системы управления Норвегией. «Всюду, где Харальд устанавливал свою власть, он вводил такой порядок: он присваивал себе все отчины и заставлял всех бондов платить ему подать, как богатых, так и бедных. Он сажал в каждом фюльке ярла, который должен был поддерживать закон и порядок и собирать взыски и подати. Ярл должен был брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы. У каждого ярла были в подчинении четыре херсира или больше, и каждый херсир должен был получать двадцать марок на свое содержание. Каждый ярл должен был поставлять конунгу шестьдесят воинов, а каждый херсир – двадцать» (КЗ. С. 44). Исследователи, однако, не склонны относиться к этому известию Снорри с большим доверием, поскольку «столь стройная, единообразная система ни в коей мере не соответствовала исторической действительности IX в.» (Гуревич 1972. С. 33). Тем не менее, по мнению А.Я. Гуревича, сообщения саг о «присвоении всего одаля» конунгом Харальдом Прекрасноволосым в конце IX в. имели под собой некоторую фактическую основу и отражали тот факт, что «феодалная собственность короля в это время уже сложилась, а превращение вейцлы и связанных с нею служб во всеобщую повинность и увеличение их ощущались населением как тяжелое бремя» (Гуревич 1957. С. 33).

К. Краг идет дальше многих в отрицании идиллической картины, нарисованной Снорри Стурлусоном, и, на основании проведенного им пересмотра источников, утверждает, что такие норвежские конунги, как Олав Трюггвасон (995–1000), Олав Харальдссон (1014–1028), Харальд Сигурдарсон (1046–1066) и их потомки, вовсе не являются потомками Харальда Прекрасноволосого, как утверждают саги XIII в. и историки XIX–XX вв., что генеалогическая линия, идущая от этого легендарного правителя, есть лишь творение средневековых норвежских историков, стремившихся представить норвежское королевство как наследственное владение, что «вся Норвегия» конунга Харальда не выходила территориально за пределы Западной Норвегии и практически прекратила свое существование со смертью его внука Харальда Серая Шкура ок. 975 г., что было связано с реставрацией могущества Датской монархии при короле Харальде Синезубом (ок. 945–986) (см.: Краг 1989; возражения К. Дёрума: Dørum 2001 и ответ Крага: Краг 2002; ср.: Краг 2003). Равным образом называют династическую линию, идущую от Харальда Прекрасноволосого, «фикцией» Б. и П. Сойеры (Sawyer & Sawyer 1996. P. 61), считающие подлинным основателем динас-

тии норвежских королей Харальда Сигурдарсона (Сурового Правителя). Средневековая мифология сложения норвежского государства, скорее всего, формировалась в интересах короля-самозванца Сверрира (1184–1202) и его потомков; мифотворчество новейшего времени тоже, как можно видеть, решало и решает свои задачи. Что же принесет Норвегии год 2022, а России год 2012?

Примечание

* Работа выполнена по гранту Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства».

Литература

- Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Гуревич А.Я. Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Скандинавский сборник. 1957. Вып. 2. С. 8–37.
- Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
- Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства (конец IX – начало XIII в.) // История Норвегии. М., 1980. С. 126–151.
- Захаренко А.Е. История сооружения памятника «Тысячелетию России» в Новгороде // Уч. зап. Новг. гос. пед. ин-та. Новгород, 1956. Т. 2. Ист.-филол. ф-т. Вып. 2.
- КЗ – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Майорова О. Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 г. // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137–165.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства IX–X вв. // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.
- Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001.
- Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
- Шпилькин С.В. Битва при Хаврсфьорде // http://www.norge.ru/slaget_i_hafsrfsjord/ (просмотрено 11.01.2011).
- Andersson Th.M. King's Sagas (*Konungasögur*) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / C.J. Clover and J. Lindow. Ithaca; L., 1985. P. 197–238.
- Berman M.A. *Egils saga and Heimskringla* // Scandinavian Studies. 1982.

Vol. 54. P. 21–50.

Bjarni Aðalbjarnarson. Formáli // *Snorri Sturluson*. Heimskringla, 1 (ÍF; B. XXVI). 1941. Bls. v–cxl.

Boulhosa P.P. Icelanders and the Kings of Norway. Mediaeval Sagas and Legal Texts. Leiden; Boston, 2005.

Dahl O. Norsk historieforskning i det 19. og 20. århundre. Oslo, 1990⁴.

Dørum K. Det norske riket som odel i Harald Hårfagres ætt // (N)HT. 2001. B. 80. S. 323–342.

Jones G. A History of the Vikings. Oxford, 1968.

Jónas Kristjánsson. Egilssaga og konungasögur // Sjöttú ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni 20. júlí 1977 / Ed. Einar G. Pétursson and Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1977. Hl. 2. Bls. 449–472.

Koht H. Um eit nytt grunnlag for tidrekninga i den elste historia vår // *Koht H.* Innbygg og utsyn i norsk historie. Kristiania, 1921. S. 34–51.

Krag 1989 – *Krag C.* Norge som odel i Harald Hårfagres ætt. Et møte med en gjenganger // (N)HT. 1989. B. 68. S. 288–301.

Krag C. Myten om Hårfagreættens ‘odel’ // (N)HT. 2002. B. 81. S. 381–394.

Krag C. The early unification of Norway // The Cambridge History of Scandinavia / Ed. by K. Helle. Cambridge, 2003. Vol. 1: Prehistory to 1520. P. 184–201.

(N)HT – Norsk Historisk tidsskrift = Historisk tidsskrift utgitt av Den norske historiske forening. Kristiania / Oslo.

Ólafía Einarsdóttir. Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning. Lund, 1964. (Bibliotheka historica Lundensis; Vol. 13).

Sawyer P. and B. Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation, circa 800–1500. Minneapolis; L., 1996.

Sverrir Jakobsson. “Erindringen om en mægtig Personlighed”. Den norsk-islandske historiske tradisjon om Harald Hårfagre i et kilderkritisk perspektiv // (N)HT. B. 81. 2002. S. 213–230.

Titlestad T. Slaget i Hafrsfjord. Stavanger, 2006.

Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995–2000. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II.

Д. Домбровский

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЛЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА МСТИСЛАВИЧЕЙ–ИЗЯСЛАВИЧЕЙ И ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ В НЕМ ВЛАСТИ

Несмотря на обилие литературы, проблема формирования волынских княжеств потомков Изяслава Мстиславича, а также во-

просы наследования в них власти исследованы, на наш взгляд, пока недостаточно (Грушевский 1992. Т. 2; Котляр 1985; Кучинко 2009).

Как уже давно отмечалось, даже во времена Изяслава Мстиславича (ум. 1154) Волынь считалась – в частности, этим князем – только добавлением к Киеву (Грушевский 1992. Т. 2. С. 365). Положение изменилось при сыновьях Изяслава – Мстиславе и Ярославе. Хотя оба они стремились к киевскому престолу и несколько раз его добивались, Волынь действительно стала основой их владений. При этом им удалось сохранить политическую целостность этой земли. В 1169 г. Мстислав, при поддержке младшего брата и галичан, смог захватить Шумск, принадлежавший дорогобужскому князю Владимиру Андреевичу, внуку Владимира Мономаха. 28 января 1170 г. Владимир Андреевич умер бездетным, а его княжество коварно захватил Владимир Мстиславич Мачешич, дядя Изяславичей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546–547). Спустя несколько месяцев после этих событий, 19 августа 1170 г., умер Мстислав Изяславич, перед смертью заключив чрезвычайно важный для истории Волыни договор с младшим братом. На его основании Волынь была, условно говоря, разделена на западную и восточную части. Первая из них досталась потомкам Мстислава, вторая – Ярослава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559). На Волыни начался известный и по другим русским княжествам процесс территориализации власти представителей отдельных ветвей рода (за счет содержания ими общих владений).

Точную картину этого территориального разделения полностью воссоздать невозможно. По-видимому, Мстиславичам достались Владимир Волынский, Белз и Червен, а также Берестье. Косвенные указания источников, позволяют думать, что им также принадлежали Перемильская, Тихомельская и Каменецкая волости, являвшиеся важным стратегическим мостом между Западной Волынью и Киевской землей. Не исключено, что эту область отобрал у своих луцких родственников лишь Роман Мстиславич. В любом случае Перемиль, как и Каменец (на р. Случи), находился в руках Романа, второго по возрасту сына и главного наследника Мстислава Изяславича, уже осенью 1196 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 698; Бережков 1963. С. 208). Перемиль, Тихомль и Каменец в источниках также упоминаются как города, принадлежавшие в начале XIII в. Мстиславичам (Александру Всеволодичу, Даниилу и Васильку Романовичам: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 728–729, 730). Позже, несомненно, эти города входили в состав державы Романовичей (Грушевский 1992. Т. 2; Котляр 1985).

Владения Ярославичей, по-видимому, включали в себя Луцк, Пересопницу, Шумск и Дорогобуж. Последним из названных городов овладел, наверное, еще князь Ярослав Изяславич, удалив из него потомство Владимира Мстиславича Мачешича (Dąbrowski 2009. S. 75–81). Принадлежность этих городов к восточной части Волынской волости подтверждается источниками многократно. Так, например, под 6691 (1184) г. Киевская летопись сообщает, что в Луцке сидел князь Всеволод Ярославич, а его брат Ингварь княжил в Дорогобуже (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631, 633). В 1211 г. Ингварь высылал на Галич войско из Луцка, Дорогобужа и Шумска. При этом следующий из Ярославичей, князь Мстислав Немой, тогда отправился в поход из Пересопницы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 725).

Это разделение Волыни на западную и восточную части (княжения-волости Мстиславичей и Ярославичей) сохранилось до 1227–1228 гг. В это время, пользуясь слабостью родственников и их спорами о порядке наследования, князь Даниил Романович и его младший брат Василько захватили сначала Луцк (и Пересопницу), удалив оттуда Ярослава Ингваревича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 751), а затем Черторижск, удерживавшийся пинским князем Ростиславом и его сыном (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 752). Так практически вся Волынь оказалась под властью или, точнее, в зависимости от Романовичей. После 1228 г. на востоке Волыни остаются лишь небольшие волости, принадлежащие Ярославичам – князьям Ярославу и Владимиру Ингваревичам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753, 759).

Под властью Романовичей, вместе с Галицким княжеством, Волынь оставалась до 1323 г., когда почти одновременно погибли великие князья Андрей и Лев Юрьевичи (Bieniak 2000. S. 387–392). Окончательно распалось это политическое образование в 1340 г., после внезапной смерти Болеслава-Юрия Тройденовича (Грушевский 1993. Т. 3. С. 138 и сл.; Paszkiewicz 2002. S. 42 и сл.).

Обе части Волыни, возникшие в 1170 г., начали быстро делиться. Увеличение численности правящего рода было естественным фактором, повлекшим за собой необходимость установления общих принципов наследования. Источники, к сожалению, не позволяют многого сказать на эту тему. Однако можно допустить, что в первом поколении Мстиславичей был принят принцип сеньората. В результате бунта против Святослава, предпринятого его младшими братьями, Романом и Всеволодом, при поддержке их матери княгини Агнессы (дочери Болеслава Кривоустого), этот порядок был быстро сломлен (ср., например, взгляды О.Б. Головки [2001. С. 79–91] и А.В. Горобенко [2010. С. 20–27]). После победы

младших братьев на вооружение была принята модель раздела отчины на княжества, принадлежавшие отдельным линиям рода. Старший, Роман, захватив большинство городов и земель Западной Волыни, вместе с тем унаследовал после смерти Святослава Берестейскую волость. При этом его младший брат, князь Всеволод, должен был удовлетвориться Белзской и Червенской волостями. Неожиданная смерть Романа усложнила вопрос о престолонаследии. Лишь после многолетней борьбы его сыновья смогли сплотить в своих руках всю (или почти всю) Волынь.

В отчине Ярославичей был также принят принцип сеньората. Он просуществовал здесь намного дольше, чем на западе Волыни. Наследником на луцком столе старейшего из сыновей Ярослава Изяславича, Всеволода, умершего, вероятно, бездетным между августом 1184 и 1205 г., стал следующий из братьев по возрасту – Ингварь. После его смерти Луцк перешел к третьему по старшинству – Мстиславу Ярославичу Немому (Dąbrowski 2008. S. 276–286), а Ингваревичи должны были перейти на другие княжения. Как представляется, именно Мстислав Немой решил изменить принципы наследования в Луцкой земле. Старейший престол в Луцке он решил оставить в руках своего малолетнего сына Ивана Мстиславича, отдав его под покровительство Даниила и Василька Романовичей. Правда, после смерти Ивана Мстиславича принцип сеньората победил еще раз. Луцк занял, вероятно, старейший на тот момент представитель семьи – Ярослав Ингваревич. Однако Романовичи быстро лишили его власти в Луцком княжестве. Собственно, именно это событие и завершило период политической самостоятельности восточной части Волыни. Власть над захваченным Луцким княжеством Даниил Романович передал своему младшему брату Васильку (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 751).

Итак, хорошо заметно, что за короткое время на Волыни использовались два разных механизма наследования: 1) раздел отчины на отдельные волости-княжения; 2) дробление первоначальных владений в пределах границ княжества с поддержанием его политического единства и определением старейшего стола. Князья брали власть, опираясь на разные основания: обращение к общеродовому праву наследования, использование благоприятной внешне- и внутривполитической конъюнктуры, побуждение предшественника к выгодному для себя, но противоречащему местному обычаю престолонаследия решению. Все это находит аналогии в других древнерусских землях, а также в соседних странах. В целом, система передачи и вступления в права власти

и собственности на Руси была значительно более сложной, чем считает часть исследователей, оперирующих удобными для себя упрощенными схемами.

Источники и литература

- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Головко О.Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001.
- Горбенко А.В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. Тамбов, 2010.
- Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 1–3 (переизд.: Київ, 1992–1993).
- Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
- Кучинко М.* Історія населення західної Волині, Холміщини та Підлашся в X–XIV стт. Луцьк, 2009.
- ПСРЛ. Т. 2. – Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Bieniak J.* Wygaśnięcie książąt halicko-włodzimierskich // Aetas media. Aetas moderna. Studia ofiarowane profesorowi H. Samsonowiczowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin. Warszawa, 2000. S. 387–392.
- Dąbrowski D.* Genealogia Mściśławowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.). Kraków, 2008.
- Dąbrowski D.* Sytuacja polityczna na Wołyniu około 1170 r. // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Історичні науки. Луцьк, 2009. Вип. 22. С. 75–81.
- Paszkievicz H.* Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków, 1925 (переизд.: 2002).

Г.Е. Захаров

ВЕЗЕГОТСКИЕ КОРОЛИ И «АРИАНСКАЯ» ЦЕРКОВЬ В V–VI вв.: МЕТАМОРФОЗЫ ОМИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Варварские королевства, возникшие на территории Западной Римской империи в V–VI вв., сформировались в результате синтеза двух социокультурных традиций, которые обычно именуются «римской» и «германской». Однако условность этих обозначений становится очевидной, если принять в расчет тот факт, что большинство германских племен пересекло Европу в эпоху Великого

переселения сначала с севера на юг, а потом с востока на запад, вобрав в себя по пути различные этнические группы и войдя во взаимодействие с различными культурами, в том числе и достаточно древними (помимо греко-римской, здесь стоит упомянуть как минимум гето-фракийскую и скифо-сарматскую традиции). Контакты германцев с римским социумом также носили неоднородный характер. И дело не только в том, что различные регионы Империи, на границах с которыми или даже внутри которых обитали в различные периоды германские племена, обладали своей социальной и культурной спецификой и автохтонные (кельтская, иберийская, иллирийская, африканская и др.) традиции здесь не были полностью ассимилированы универсальной «римской». В тот период, когда германцы вступили в наиболее интенсивный диалог с римским обществом, т.е. в IV–V вв., оно само переживало глубокую трансформацию под влиянием христианства. Однако парадокс заключается в том, что значительная часть германских племен (т.наз. «восточные германцы»), будучи вовлеченными в этот процесс, восприняли не никейскую традицию, считавшуюся ортодоксальной в V–VI вв. большинством римского населения, а так называемое «омийство», которое поддерживалось в 60–70-е годы IV в. императорской властью в восточной части Империи и исповедовалось значительной частью епископата Иллирика и Фракии, на границах которых и расселялись восточногерманские племена.

Это доктринальное направление, сформировавшееся на рубеже 50–60-х годов IV в. при активном участии императора Констанция II (337–361), ставило своей целью формальное примирение всех противоборствующих в период арианской смуты церковных течений через отказ от обсуждения спорных богословских вопросов и принятие своеобразного вероучительного «минимума», зафиксированного в расплывчатых формулах Аримино-Селевкийского и Константинопольского соборов 359–360 гг. (Ath. De synod. 8; 30; Theodoret. Hist. eccl. II. 21; Socrat. Hist. eccl. II. 37, 41.). Церковная политика императора Констанция трактуется некоторыми исследователями как первое проявление «цезаропапизма» (Pietri. 1995. P. 289), но, учитывая, что император не присваивал себе единоличную власть над церковью, а тем более функций священства и опирался на широкую группу лояльных себе епископов, намного более корректно, на наш взгляд, говорить в данном случае

об «управляемой соборности». Именно традиционный институт церковного собора был фундаментом той модели взаимоотношений императора и епископата, которая была сформирована Константином. При этом, как это прекрасно иллюстрирует история Аримино-Селевкийского собора 359 г., император выполнял в рамках этой модели роль координатора и гаранта церковного единства, а государственные чиновники и епископы из его окружения должны были руководить соборными обсуждениями. Решения же формально принимались от лица всего епископата.

Омийский компромисс был отвергнут никейцами, воспринимавшими его сторонников как скрытых ариан (см., например: *Ath. De synod.* 1, 9–10; *Greg. Naz. Or.* 21. 22), хотя омийские епископы никогда не признавали себя учениками Ария и не принимали в полной мере его доктрину (см.: Brennecke 1993. P. 933; Schäferdiek 1997. P. 185), впрочем, зачастую сближаясь с ним в его тринитарном субординационизме. Однако наименование «ариан» прочно закрепилось за омиями даже в антиеретическом законодательстве императоров Грациана (375–383) и Феодосия I (379–395), в правление которых омийское течение оказалось в положении преследуемой императорской властью секты (*CTh. XVI. V.* 6, 8, 11, 12, 16). Для восточных германцев же, расселившихся на рубеже IV–V вв. в пределах Империи, омийство превращается в средство сохранения своей самобытности в среде преобладающего римского населения. Таким образом, омийство, возникшее в рамках римского мира как инициированный императором вероучительный компромисс, через несколько десятилетий становится важным элементом этнического самосознания германцев. В рамках настоящей работы будет предпринята попытка рассмотрения вопроса о том, какое развитие «омийская» модель взаимоотношения правителя и епископата получила у везеготов, которые были первым германским племенем, принявшим христианство (а точнее – сформировавшимся как христианское сообщество) в конце IV в. (Heather 1999. P. 43–73).

В период правления первых двух везеготских королей, Алариха (395–410) и Атаульфа (410–415), у везеготов уже был свой, если так можно выразиться, «племенной» арианский епископ Сигесарий, известный тем, что именно он по воле Алариха крестил в Италчи узурпатора Атгала (*Sozom. Hist. eccl.* IX. 9. 1), а затем, после убийства Атаульфа, пытался безуспешно спасти его детей от

его врага и преемника Сингериха (Olympiod. 26). В период с 415 по 580 г. прямые свидетельства наличия у везеготов епископата отсутствуют. Представители арианского духовенства именуются в источниках *sacerdotes*, *doctores*, *seniores*, но не *episcopi*. Не засвидетельствованы и церковные соборы, несмотря на то значение, которое придавали этому институту омиийские епископы рубежа IV и V вв. (Diss. Max. 89; 96), а также несмотря на то, что везеготский король Аларих II (484–507) оказал содействие проведению в 506 г. Агдского кафолического собора (PL. Vol. 84. Col. 263). В источниках арианское духовенство (*doctores*) выступает в роли хранителей вероучительной традиции (Salv. De gub. Dei. V. 2), придворных везеготских королей, совершающих вместе с ними (*sacerdotum suorum coetus*) ежедневные моления (Sidon. Apoll. Ep. I. 2. 4) и присутствующих на пирях (*per sacerdotes suos polluta habere convivium*. – Ennodius. Vita Euphrasii 92 // MGH. AA. Vol. 7. P. 95), а также миссионеров среди других германских племен (например, среди свевов проповедовал некий *senior Arianus* Аякс: Hydat. 232). Однако несмотря на всю значимость этого института, в центре социальной и духовной жизни везеготов в рассматриваемый период, безусловно, находится король. Духовенство почти всегда упоминается в источниках в связи с ним, а Сидоний Аполлинарий прямо называет короля Евриха (466–484) главой (арианской) «секты» (*suae sectae teneat principatum*: Sidon. Apoll. Ep. VII. 6. 6). Если центральное место короля в церковной жизни везеготов в полной мере согласуется с омиийской традицией IV в. (при этом сохраняет свою дискуссионность вопрос о том, насколько эта ее особенность может быть связана с присущим ей тринитарным субординационизмом, см., например: Rouche 1998. P. 379; Pietri 1995. P. 311–312), то очевидная деградация или даже исчезновение института епископата требует какого-то объяснения. Обративший внимание на это явление исследователь Р. Матизен предполагает, что у везеготов имело место слияние епископской и пресвитерской степеней священства, в силу того, что в период миграций епископат потерял территориальный характер и превратился в коллегию придворного духовенства и военных капелланов. Поставление же арианских епископов в галльских и испанских городах могло привести к ненужному конфликту с римским населением (Mathisen 1997. P. 681–686; Mathisen, Sivan 1999. P. 39–44). Однако, на наш взгляд, намного более вероятным выглядит предположение о том, что епи-

гесарий просто не смог в силу каких-то (вероятно, трагических) обстоятельств рукоположить себе преемника.

В конце VI в., в правление короля Леовигильда (568–586), ситуация коренным образом изменилась. В результате гонений в арианство перешло значительное число кафоликов и даже один епископ Винцентий Сарагосский (Isid. Sevil. Hist. Goth. 50). И примерно в это же время Леовигильд собирает первый и единственный в истории везеготской «арианской» церкви собор епископов в Толедо (580 г.), устанавливающий новые, более мягкие правила приема кафоликов в арианство (Iohan. Biclár. 580). Судя по актам Толедского собора 589 г., на котором везеготы перешли в кафолическую веру, в 80-е годы VI в. в Везеготской Испании в ряде городов существовали арианские епископские кафедры (PL. Vol. 84. Col. 349). В этой связи вероятным представляется предположение, что переход кафолического епископа в арианство позволил королю восстановить институт епископата у везеготов. Отметим также, что особого осуждения в актах Толедского собора удостоивается Ариминский собор 359 г. (Ibid. Col. 347), наследие которого, вероятно, стало особенно актуальным в 80-е годы VI в. Все эти факты косвенно указывает на своеобразный пусть и кратковременный ренессанс омиийской традиции у везеготов в правление Леовигильда, который стремился к тому, чтобы привести, подобно Констанцию, в своем королевстве кафоликов и «ариан» к церковному единству, демонстрируя свою готовность к доктринальному компромиссу (Greg. Tur. Hist. Franc. VI. 18). При этом опять же, как и Константин, для достижения своей цели готский король опирался на группу лояльного ему епископата и использовал традиционный институт собора. Впрочем, его мог вдохновлять пример и некоторых близких ему по времени византийских императоров, например, Юстиниана I (527–565), добивавшегося не только восстановления Империи в былых границах, но и установления в ней церковного мира.

Литература

- Brennecke H.C.* Homéens // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. P., 1993. Vol. 24. P. 932–960.
- Heather P.* The Creation of the Visigoths // The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century. An Ethnographic Perspective / Ed. P. Heather. San Marino, 1999. P. 43–73.

- Mathisen R.W.* Barbarian Bishops and the Churches 'in barbaricis gentibus' during Late Antiquity // *Speculum*. 1997. Vol. 72. P. 664–695.
- Mathisen R.W., Sivan H.S.* Forging a New Identity: the Kingdom of Toulouse and the Frontiers of Visigothic Aquitania (418–507) // *The Visigoths. Studies in Culture and Society* / Ed. A. Ferreiro. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 1–62.
- MGH – Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi.
- PL – Patrologia latina.
- Pietri Ch.* De la partitio de l'Empire chrétien à l'unité sous Constance: la querelle arienne et le premier «césaropapisme» // *Histoire du christianisme*. P., 1995. T. 2. P. 289–335.
- Rouche M.* Clovis. P., 1998.
- Schäferdiek K.* L'arianisme germanique et ses conséquences // Clovis. Histoire et mémoire. P., 1997. Vol. 2: Le baptême de Clovis, l'événement. P. 185–197.

Т.М. Калинина

ВОПРОСЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА У ХАЗАР*

Современные исследователи полагают, что хазары были частью народа, входившего в состав Западнотюркского каганата. Однако вопрос складывания надплеменной политической организации остается неясным.

Пришедшие на Кавказ и в Восточную Европу племена, по данным сирийских, византийских, армянских письменных памятников, обладали внешними признаками кочевников, жили в шатрах и явились как завоеватели оседлых народов, обитавших в степях Восточной Европы и в землях близ Кавказа (Пигулевская 2000. С. 283–287; Чичуров 1980. С. 61; Мовсес Каланкатвацци 1984. С. 78, 81, 89).

Сведений о государственном строе этого общества завоевателей немного: известны предводители и руководители войск – Чорпан-Тархан, Хазар-Тархан, более мелкие тарханы-военачальники, Хазар-тегин, Алп-Илутвер (*эльтебер* – древнетюркский титул правителя или главы племени, получившего этот почетный титул от хакана хазар) (Новосельцев 1990. С. 118, 239–240, примеч. 369; Кляшторный, Султанов 2004. С. 149). В VIII в. верховным властителем и главнокомандующим был хакан, по сведениям ал-Балазури, Ибн Хордадбега, ал-Мас'уди, ал-Йа'куби, ат-Табари, Ибн А'сама ал-Куфи, Халифы ибн Хаййата.

Это был период активного подчинения окружающих территорий, когда постоянное ведение войны было обычным состоянием общества. Именно к такому периоду относится тезис О. Лэттимора о первой стадии существования кочевого общества, когда государство состоит только из кочевников, живущих набегами и завоеваниями (Lattimore 1940. Р. 521). По мысли А.М. Хазанова, не только такое государство, в котором большинство населения составляют кочевники, может называться кочевым; номадная держава может создаваться и в результате завоевания кочевниками других обществ (Хазанов 2008. С. 250, 253, 401).

Следующим этапом, по О. Лэттимору, был переход от активных завоеваний к взиманию дани с оседлых подданных, что требовало постоянного контроля и, нередко, повторного покорения. В 20-х годах VIII в. хазары подчиняли алан, по данным ат-Табари и Ибн ал-Асира, степень же их повиновения не известна. В VIII в. хазарские войска спорадически появлялись в кавказских землях (Новосельцев 1990. С. 179), однако арабские войска изгоняли хазар. Поэтому отношения хазарских властителей с ненадолго завоеванными народами Закавказья также не ясны, хотя властитель Кавказской Албании Вараз-Трдат выплачивал в конце VIII в. дань и византийцам, и арабам, и хазарам (Гадло 1979). Зависимость крымских территорий от хазар и наличие тудунов в Крыму рядом исследователей оспаривается (Баранов 1990. С. 148; Сорочан 2005. С. 325–395), хотя большинство полагает, что в отвоеванных хазарами у Византии причерноморских городах правили хазарские наместники – архонты, они же тудуны; о существовании такового в Херсонесе упоминает Феофан (Чичуров 1980. С. 129–130, примеч. 344; Археология 2003. С. 53–66). По данным Ибн Русте и Ибн Фадлана, хазары ежегодно совершали набеги на печенегов; буртасы выставляли царю хазар 10 000 всадников. Царь булгар платил правителю хазар дань соболями, славяне же и другие соседи хазар были у царя хазар в подчинении настолько, что он обращался с ними как с рабами. Алмуш, царь булгар, находился в зависимости от хазар и просил возвести крепость от их набегов. 25 жен хазарского царя были дочерьми соседних царей, т.е. данников хазарского властителя. «Повесть временных лет» упоминала о дани хазарам полян, северян и вятичей; подчиненность их и славян лесостепного Подонья подтвердили археологические исследования (Артамонов 2001. С. 277; Винников, Синюк 2003. С. 186–193; Пет-

рухин 2005. С. 166–184). В Письме царя Иосифа говорится о дани с «многочисленных народов». Исследователи предлагают цифры: 28 и даже 40 подвластных племен (Dunlop 1954. P. 141; Noonan 2007. P. 207–244). Можно предполагать некоторое преувеличение их численности. Однако тесные взаимоотношения хазар, народа изначально кочевого, с оседлыми соседями фиксируются как письменными памятниками, так и данными археологии.

Политическая система этого периода известна по источникам. На каком-то этапе политического развития в Хазарии власть перешла от хакана к заместителю – шаду. По сведениям Ибн Русте и Гардизи, зажиточные жители были обязаны поставлять всадников в войско шада. Он первым выбирал себе часть военной добычи. Хакан же утратил реальную власть, управление, и военные силы перешли в руки шада (иша, айшад). В Тексте Шехтера отмечено, что некогда «не было царя в стране Казарии; но того, кто мог бы одерживать победы, они ставили над собой главнокомандующим войска».

Эти сведения соответствуют тезису О. Лэттимора о второй стадии развития государственности кочевников – державе смешанного скотоводческо-земледельческого типа, взимающей дань с оседлых подданных (Lattimore 1940. P. 522). Его поддерживает А.М. Хазанов: возникновение государственности у кочевников тесно связано с соседними земледельческими обществами (Хазанов 2008. С. 18–19).

Третья стадия, по О. Лэттимору, – взимание дани центральной властью и военным контингентом с перешедших к оседлости соплеменников и оставшихся в степи кочевников (Lattimore 1940. P. 523). Ал-Мас'уди зафиксировал существование мусульманской гвардии при царском дворе – выходцев из Хорезма ал-арсийа или ларисийа. Функции этого военного гарнизона заключались в обеспечении царской охраны, однако не исключено и использование этих наемников при сборе дани.

Можно предположить, что этот цикл, по Т. Барфилду, соответствует «имперской конфедерации», верхушка которой ведет внешнюю политику. Прямых свидетельств о внутренних делах, которые основывались бы на принципах совещательности и федерализма, в наших источниках нет. Однако три уровня административной иерархии, как было показано выше, намечаются: 1) имперский лидер и его двор, 2) имперские наместники, назначаемые для контроля за племенами, входящими в империю, и 3) местные племенные вожди (Барфилд 2009. С. 18–19). Этот этап также мож-

но связать с тезисом Н.Н. Крадина о деспотическом государственно-поподобном обществе, созданном «для изъятия прибавочного продукта вне степи», при этом во главу угла ставилось умение организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов (Крадин 2001. С. 240).

Ритуалы, сопровождавшие выезд правителя (в данном случае шада), были свойственны тюркским традициям. По Ибн Русте, при выступлении в поход перед шадом ехал всадник, который вез щит от солнца (или в виде солнца), напоминающий барабан – символ царской власти; процессия сопровождалась звуком бубна. Гардизи изменил текст Ибн Русте: по его сведениям, перед шадом ехал авангард, несший свечи из воска и светильники. В первом случае отмечены явные тюркские традиции, во втором же ритуал более напоминает иудейские церемонии. Изменения произошли, по-видимому, после принятия иудаизма верхушкой Хазарии, что и отразилось в информации Гардизи (Петрухин 2001. С. 78, примеч. 20). По сведениям ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мас'уди, Ибн Фадлана, роль правителя в X в. исполнял бек вместо шада. (Причиной замены титула занимались многие ученые; здесь останавливаться на этом вопросе не будем).

При этом хакан становился лицом сакральным. Статус священной персоны хакана олицетворял государственное процветание; неудачи карались смертью. Такое положение дел отражало традиционную двойственность власти, которая существовала у праболгар, мадьяр, уйгуров, тюркютов и в целом была характерна для обществ тюрков (Голден 1993. С. 220–224; Кляшторный 2003. С. 243). Однако иные исследователи полагали, на основании версии Кембриджского документа, что дуализм возник после принятия иудаизма или как результат смены правящей династии (Артамонов 2001. С. 384–385; Плетнева 1967. С. 180). Эта точка зрения все менее популярна среди исследователей. Можно, скорее, предполагать преемственность государственных традиций, передававшихся от общества хунну к тюркам, а затем к хазарам: 1) сакральной легитимизации верховной власти, 2) системы распределения и делегирования власти, 3) наличия специфических органов управления ставками и кочевьями (Трепавлов 1993), хотя третья позиция менее всего известна на территории Хазарии.

Падение же Хазарии как четвертая, по О. Лэстимору, стадия была неизбежной для кочевого государства. Причинами его были

как внешнеполитические факторы: давление Древней Руси, Хорезма, тюрок-огузов, Ширвана (Новосельцев 1990. С. 219–248; Коновалова 2001. С. 171–190), так и внутренние: обеднение населения, слабость верховной власти.

Выше рассмотрены известия, касающиеся лишь политического строя Хазарского каганата. Выделение некоторых признаков этого механизма, если мерить его мерками только некоторых из множества теорий развития кочевнического общества, приводит к выводу о следовании в государственной конструкции Хазарии старым традициям, идущим из Тюркского каганата, и, следовательно, неразвитости политогенеза, приведшего в результате к краху державы, не сумевшей или не успевшей перейти к более прогрессивной форме государственности.

Примечание

*Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Аланы, хазары и Русь: этнокультурные взаимосвязи народов Восточной Европы в раннем средневековье».

Библиография

- Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2001.
- Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья. Киев, 1990.
- Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова. СПб., 2009.
- Винников А.З., Синюк А.Т.* Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 2003.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.
- Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Коновалова И.Г.* Падение Хазарии в исторической памяти разных народов // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2001. С. 171–190.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
- Мовсес Каланкатваши.* История агван. Ереван, 1984.

- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10.
- Петрухин В.Я.* Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в. // Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Плетнева С.М.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсонес. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1.
- Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. N. Y., 1940.
- Noonan Th.S.* Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. Leiden; Boston, 2007.

А.Л. Каретников

ВЫДЕЛЕНИЕ РОСТОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ИЗ СОСТАВА ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В 1207 г. Всеволод Большое Гнездо выделил своему старшему сыну Константину город Ростов и «инѣхъ 5 городов да ему к Ростову» (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 343). Возможно, это отголосок практики киевских князей, сажавших своих старших сыновей во второй по значимости город – Новгород. Значение Ростова в середине XII в. было подчеркнуто применением к нему эпитета «великий» (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 430–431). По данным археологических исследований, проведенных А.Е. Леонтьевым, площадь города составляла около 200 га (Леонтьев 2003. С. 45). Сравнительные данные показывают, что Ростов был крупнейшим городом

Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. (площадь Владимира – 130 га [Куза 1985. С. 90], Суздаля – 49 га [Там же. С. 89], Белоозера – 54 га [Захаров 2004. С. 65]).

Анализ дальнейших событий показывает, что в 1207 г. Всеволод Большое Гнездо начал реализацию своего плана по разделу княжества между сыновьями. Начался новый этап в истории Северо-Восточной Руси – этап раздробленности. Причинами этого явления В.А. Кучкин считает расширение территории княжества, увеличение населения и материальных ресурсов (Кучкин 1984. С. 98). К этому выводу исследователь пришел, изучая историю границ и градообразования. Его мнение можно рассмотреть на новом материале.

Действительно, в XII в. происходил интенсивный рост городов. Рассмотрим сведения о росте городов, взяв за центр наблюдения Ростов. В XI в. в округе административного центра появляются Ярославль (57 км от Ростова), Углич (76 км), Суздаль (106 км), Клецин (58 км), Усть-Шексна (104 км). В XII в. – Переславль (60 км), Юрьев-Польский (78 км), Нерехта (76 км), Соль Великая (79 км), Кснятин (108 км), Кашин (110 км). Итак, к XIII в. в радиусе от 57 до 110 км вокруг древнего административного центра Северо-Восточной Руси образовалась довольно плотная сеть городов.

Для более правильного понимания причин раздробленности важно также проанализировать информацию на микроуровне, т.е. рассмотреть сведения о топографии городов и их сельском окружении, и выяснить могли ли изменения, произошедшие примерно за сто лет (с 1108 по 1206 г.), стать причиной начала новой эпохи.

В данной работе мы рассматриваем южную оконечность Ростовского княжества, входившую позднее в состав Ростовского, Ярославского и Угличского княжеств. Сейчас это территория в основном Большесельского, Борисоглебского, Брейтовского, Гаврилов-Ямского, Мышкинского, Некоузского, Ростовского, Рыбинского и Ярославского районов Ярославской области, а также Ильинского района Ивановской области.

В XII в. на этой территории происходили важные изменения. Показателен рост Ростова. С середины XI по XIII в. площадь города увеличилась с 15 до 200 га, т.е. в 13 раз (Леонтьев 2003. С. 40, 45). По малым городам княжества данные неполные, хотя и для них исследователи уверенно фиксируют рост (Праздников 2003. С. 214; Томсинский, Турова 2010. С. 31–34). Из городов, не во-

шедших в Ростовское княжество, наиболее показателен пример с основанием Переславля, сменившего Клещин. При этом длина оборонительных сооружений возросла с 0,5 до 2,5 км, т.е. в 5 раз (Дубов, 1985. С. 108.).

Важнейшим источником по истории сельского населения являются курганные могильники. В XIII в. курганный обряд захоронений сменяется погребениями в грунтовых могильниках при церквях, хотя верхняя граница бытования курганов до сих пор является дискуссионной. Оптимальным вариантом является выявление комплекса «поселение–могильник», однако на данном этапе возможно использование сведений только о могильниках, т.к. селища выявлены далеко не равномерно. Курганные могильники Ярославской области изучаются уже около 150 лет, селища же впервые стали выявляться только в 1920–1930-е годы. Исследованы как отдельные памятники, так и микрорегионы их концентрации. Однако попытка обобщить все известные сведения до сих пор не предпринималась. Для подсчета количества курганных групп использовалась Археологическая карта К.И. Комарова (Археологическая карта 2005), с небольшими дополнениями. На рассматриваемой территории было зафиксировано 18 одиночных курганов и сопок и 159 курганных групп, численность насыпей в которых колеблется в основном от 2 до 200. Датировка погребальных сооружений широкая (например, X–XI вв., XI–XIII вв.). Хронология курганных могильников требует специального источниковедческого исследования, однако уже сейчас можно сделать некоторые наблюдения. К начальному периоду славянского освоения территории относятся 11 курганных групп с обрядом трупосожжения, а также 5 предполагаемых сопок и одна группа из длинных курганов. Их датировка укладывается в промежуток с конца IX по XI в. Таким образом, оставшиеся 11 одиночных курганов и 147 курганных групп появились за два столетия – XI и XII вв. Датировка курганных могильников XIII и даже XIV в. спорна. Вещей этого времени в курганах нет. Под 1216 г. Новгородская первая летопись фиксирует церковь св. Марии, находившуюся на окраине Ростовского княжества, в 28 км на юго-запад от Ростова и в 23 км на север от Переславля (Киселёв, Каретников 2009. С. 49–50). Рядом с местом церкви известна курганная группа, состоящая из 194 курганов и датируемая XII в. После постройки церкви эта территория, вероятно, не использовалась для погребения. Картографирование

курганных могильников показывает, что наиболее освоенными были ближайшие окрестности городов, а также бассейны некоторых рек: Нерли, Себлы, Сити. В некоторых микрорегионах плотность населения была настолько высокой, что оно было вынуждено осваивать земли на водоразделе. Нам известны два таких случая. Это междуречье рек Сары и Нерли (Петровское моренно-озерное плато – Михайлова 1993. С. 171–178) и левобережное плато р. Волга (между городами Ярославль и Тутаев – Археологическая карта 2005. С. 248). Третьим таким микрорегионом, возможно, является округа села Ильинское-Хованское, однако, она практически не изучена (Ерофеева 1965. № 166, 174, 183). Таким образом, новые данные подтверждают мнение В.А. Кучкина о социально-экономических предпосылках раздробленности.

Выделение Ростово-Суздальской земли из состава Древнерусского государства существенно сказалось на ее социально-экономическом развитии. Именно в XII в. было основано множество новых городов, сформировалась владими́ро-суздальская школа в архитектуре. Отрицательной стороной процесса дробления стали участвовавшие конфликты. Наблюдаем ли мы похожие процессы в связи с выделением Ростовского княжества из состава Владимиро-Суздальской Руси?

История самостоятельного Ростовского княжества началась с крупных военных конфликтов: противостояние на р. Ишне (весна 1212 г.); захват Соли Великой, Нерехты, сожжение Костромы (весна 1213 г.); второе противостояние на р. Ишне (весна–лето 1213 г.) (ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 129–131); битва на Липице (1216 г.). Особенно интересны два противостояния на р. Ишне, которые показывают, что вооруженные силы ростовского князя не уступали силам двух его братьев. И даже участие муромского князя в конфликте 1213 г. на стороне последних не обеспечило им преимущества.

Статус Ростова как столицы новообразованного княжества, вероятно, существенно сказался на облике города. В 1213–1231 гг. строится кафедральный Успенский собор, в 1214–1218 гг. – церковь Бориса и Глеба на княжьем дворе и сам двор. В то же время, возможно, была построена и каменная церковь Константина и Елены. Благодаря исследованиям археологического отдела Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» удалось датировать ров окольного города первой третью XIII в. (Киселёв

2010. С. 34–35). Вал ограничивал территорию размерами 1,2 × 1,7 км, т.е. более 100 га.

Велось строительство и в Ярославле. В 1209 г. были возведены новые укрепления (Энговатова, Яганов 2008. С. 90–97), в 1215 г. – Успенский собор, в 1216–1224 гг. – Спасо-Преображенская церковь и монастырь. Каменное строительство, вероятно, обуславливалось намерением Константина выделить этот город своему второму сыну. Таким образом, в первой трети XIII в. в истории Ростовского княжества шли те же процессы, что и в середине предыдущего столетия, за исключением строительства городов, поскольку к XIII в., вероятно, была достигнута максимально возможная плотность городских поселений.

Источники и литература

Археологическая карта России: Ярославская область / Сост. К.И. Комаров. М., 2005.

Дубов И.В. Города, величием сияющие. Л., 1985.

Ерофеева Е.Н. Археологические памятники Ивановской области. Материалы к археологической карте. Ярославль, 1965.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Киселёв А.В., Каретников А.Л. Святая Марина / Мария Повести о битве на Липице. Междисциплинарное исследование и проблема локализации летописного пункта // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37).

Киселёв А.В. Отчет об охранных археологических работах на участке строительства пожарного депо по ул. Бебеля, д. 20 «а» в г. Ростове в 2009 г. Ростов Великий, 2010 (Отдел полевых исследований Института археологии РАН).

Куза А.В. Важнейшие города Руси // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Леонтьев А.Е. От столицы княжества к уездному городу (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.

Михайлова Л.А. Коллекция курганных древностей из фондов Ростово-Ярославского музея-заповедника // Сообщ. Ростовского музея. Ростов Великий, 1993. Вып. 5.

Праздников В.В. Ярославская археологическая экспедиция в 1992–2002 гг. // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Томсинский С.В., Турова Е.А. Хронология и историческая топография Угличского кремля (X–XVII вв.) // *Зубовские чтения.* Александров, 2010. Вып. 5.

Энговатова А.В., Яганов А.В. К топографии Рубленого города Ярославля (по материалам археологических исследований 2007 г.) // *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры.* М., 2008.

С.М. Каиштанов

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Мы исходим из теоретического положения, гласящего, что государство возникает тогда, когда общество перестает быть социально аморфным и в нем образуются классы, разделенные антагонистическими противоречиями.

2. Начальный момент образования Древнерусского государства относится, судя по летописным данным, к середине – третьей четверти IX в.

3. До какой степени разложился у восточных славян к этому времени родовой строй и в чем такое разложение выразилось, не ясно. Однако источники X в. – русско-греческие договоры – вполне четко различают в русском обществе следующие социальные категории: князья, бояре, гости, свободные торговцы («имовитые» и «неимовитые»), челядь.

4. Наличие челяди позволяет думать, что одной из причин образования Древнерусского государства могла быть потребность рабовладельцев в защите их классовых интересов перед лицом рабов (челяди).

5. Возникновение частной собственности всегда начинается с движимого имущества, в состав которого постепенно включаются и рабы (*instrumentum vocale*). Недвижимое имущество традиционно остается в собственности семьи, рода, племени, и нужен «революционный сдвиг», а точнее акт прямого насилия, захвата, чтобы эта недвижимость перешла в другие руки.

6. Таким «революционным сдвигом» и был акт образования государства, которое, может быть, не сразу, но достаточно последовательно позаботилось о том, чтобы земля стала собственностью не племени, а князя – главы государства.

7. Необходимо различать социальные предпосылки образования государства и социальные последствия этого акта.

8. Социальные предпосылки образования Древнерусского государства мы видим в том, что к середине IX в. в русском обществе на почве развития частной собственности на движимое имущество возник класс людей, обладающих значительным богатством, в том числе и денежным, о чем говорят многочисленные клады серебряной арабской монеты на территории Руси этого времени.

9. Одним из насущных интересов данного класса было обладание и торговля челядью, главным рынком сбыта которой являлась Византия. Возникшее государство должно было обеспечить более или менее беспрепятственное функционирование торгового пути «из Варяг в Греки», который, судя по данным Константина Багрянородного, был путем конвоирования рабов. Привлекательность византийского рынка могла быть глубинной причиной того, что князь Владимир принял в конце X в. греческий вариант христианства.

10. Внешнеторговые цели Древнерусского государства нашли яркое выражение в устремлениях князя Святослава Игоревича, который, если верить летописцу, хотел сделать своей столицей Переяславец на Дунае, «яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разнообразные, из Чехъ же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь» (ПВЛ под 6477 (969) г.).

11. Совершенно ясно, что предпосылкой образования Древнерусского государства в середине IX в. не могло быть развитие феодализма, которого не существовало в это время ни в форме частной, ни в форме государственной собственности на землю.

12. Вместе с тем возникновение государства и княжение земли стало отправной точкой для развития феодализма на Руси.

13. Базисом феодальной системы отношений является феодальная собственность на землю в сочетании с крестьянским владением земель. Именно такую систему мы видим во взаимоотношениях между князем и смердами. Согласно А.А. Зимину, смерды – это посаженные на землю холопы. Согласно Л.В. Черепнину, смерды – государственные (княжеские, республиканские) крестьяне. Новгородцы упрекали князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича в том, что он «не блюдет смерд» (вероятно, раздавая их в частные руки). Владимир Мономах призывал своих дружинников заботиться о безопасности смердов не как их личных, а как государ-

ственных крестьян. По степени зависимости смерды были подобны французским мэнмортаблям: их выморочное имущество («задница») шло князю. В.И. Ленин говорил, что «землевладельцы кабелили смердов со времен Русской Правды». Это верно с той оговоркой, что не частные землевладельцы, а государство-землевладелец кабалило смердов.

14. Следовательно, можно думать, что феодальный характер (наряду с рабовладельческим) русская экономика начинает приобретать с XI в., когда посаженные на землю холопы под именем смердов становятся объектом эксплуатации со стороны княжеской власти и ее служилого аппарата, который на первой стадии феодализации является коллективным потребителем феодальной ренты, взимаемой со смердов.

15. Что касается сборов дружины с других категорий населения, т.е. разных форм «полкюдья», то их, видимо, надо отличать от ренты со смердов и считать формой налогового насилия.

16. Княжеская земельная собственность Древней Руси была подобна «землям фиска» Франкского государства. Она пошла в раздачу частным лицам, монастырям и церкви лишь на втором этапе феодализации, сосуществуя с более ранней системой «кленов в виде даней» (Маркс).

С.Г. Кляшторный

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Важнейшим фактором политогенеза у кочевых племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредованного воздействия социально более дифференцированной и уже урбанизированной цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II–I тыс. до н.э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело во второй половине I тыс. до н.э. к появлению в северной лесостепной и горностепной зоне, близкой или прилегающей к долинам названных рек, ранней степной государ-

ственности, с почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Первоначально, в V–IV вв. до н.э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военными потенциями юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III–II вв. до н.э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над Степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам, племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной научной литературе термином «вождество» (*chiefdom*), трансформировались в то состояние, которое мы определяем термином «раннее государство» (*early state*), а применительно к обозначенным месту и времени – термином «архаичная империя» (*archaic empire*), объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен VI–V вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенами и китайскими царствами. Основатели государства и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т.е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т.е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т.Дж. Барфилда, не следует преуменьшать сохраняющееся значение племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация» (*imperial confederacy*). Т.Дж. Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны, и они возникают у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для

военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (*subsidies*) или открытию пограничных рынков (Barfield 1992. P. 45–60). Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами (Кычанов 1997. С. 3, 6–37).

Во главе государства гуннов стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту и соблюдение культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владельца окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

В этом очень ограниченном по времени докладе я не могу далее характеризовать другие государственные институты гуннской державы. Однако мне представляется верным наблюдение Дж. Флетчера (1986), считавшего, что «тенденция к империи» в раннегосударственных образованиях центральноазиатских кочевников проявлялась прежде всего во все возрастающей абсолютизации ханской власти и развитии жесткой военизированной структуры их административных и политических формирований (Fletcher 1986. P. 21). И если бы был прав Л.Н. Гумилёв, усмотревший разрыв традиции между сюнну (гуннами) и Тюркским каганатом, так же как и между Тюркским каганатом и империей Чингис-хана (Гумилёв 1967. С. 6, 340), то казалось бы очень странным развитие и усиление

ние в каганатах тех же форм власти главы государства, что и в гуннской державе. В самом деле, рассмотрим, как проявляется в текстах орхонских памятников деяния кагана, определяющие его функции.

Каган был прежде всего гарантом благополучия «вечного эля», а основным условием существования «вечного эля» провозглашены верность кагану бегов и «всего народа». Имя кагана выступает в памятниках как эпоним («в эле Бильге-кагана») и синоним («земля Капаган-кагана») названия государства. Ради «тюркского эля» каган должен «приобретать (т.е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела днем». Война и мир, битва и союз – все решается по воле кагана для благоденствия тюркского эля. Военные и дипломатические prerogatives кагана абсолютны, но ими не исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Олюкен», т.е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране каким-то группировкам иммигрантов (например, согдийцам и китайцам). Главным преступлением народа против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устроение» народа на подвластной кагану территории, т.е. создание политической организации, системы управления.

Связь гуннской и тюркской политических традиций очевидны, никакого разрыва между ними не наблюдается. Что же их связало во времени и пространстве? Здесь следует обратить сугубое внимание на ту группу племен, которая в IV – первой половине VI в. восприняла имперскую традицию и военно-административную систему гуннской державы и включила в эту систему будущих носителей власти, будущих продолжателей степной государственности – тюрков-ашина и гаоцзюй-огузов. А ведь в IV–VI вв., до создания Тюркского каганата, этнополитическую обстановку во Внутренней Азии определяли, прежде всего, сянбийцы-табгачи, власт-

вовавшие над Северным Китаем и ставшие элитной частью его населения, и сяньбийцы-жоужань, создавшие в Монголии и Джунгарии свою степную империю. Язык этих племенных объединений определен и частично реконструирован академиком Л. Лигети, и это был монгольский (протомонгольский) язык (Ligeti 1970. Р. 265–308). Между 424 и 431 гг. табгачи создали в Северном Китае единую империю, завершив период политического распада этой страны. А племена жоужань создали в конце IV в. уже на территории Монголии еще одну степную империю, правитель которой носил титул каган (хан), вполне адекватный по положению и функциям гуннскому титулу шаньюй. Самоназвание *жоужань* реконструируется как *нёкёр*. Главными этнополитическими составляющими жоужаньской империи были прамонгольские племена аваров, сяньби и татар, а также значительная масса покоренных тюркоязычных племен – тюрков-ашина и огузов (гаоцзюй) (подробнее см.: Кляшторный, Савинов 2005. С. 48–60).

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать: 1) сообщества кочевых племен Центральной Азии VIII–V вв. до н.э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных и военно-демократических институтов; 2) коренные изменения в их среде произошли в IV–III вв. до н.э., когда сложилась зафиксированная в источниках новая надплеменная организация – раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией; 3) имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза (эти процессы нашли свое отражение в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии кочевников); 4) после краха гуннской державы трансляция имперской традиции и степной государственности перешла к монгольскоязычным племенам – потомкам древних ухуаней и сяньби (табгачам и жоужаням); 5) своего классического воплощения новая социально-политическая структура достигла в VI–VIII вв., когда в рунических текстах орхонских тюрков и енисейских кыргызов появились собственные термины, обозначающие как государственную поли-

тическую организацию (*эль*), так и сохранявшуюся этноплеменную общность (*бодун*).

Литература

Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Barfield T.J. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge (Mass.), 1992.

Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Vol. 46, N 1.

Ligeti L. Tabgatch, un dialecte de la langue Sien-pi // Bibiliotheca Orientalis Hungarica. Budapest, 1970. T. XIV.

В.П. Коваленко

ДРУЖИННЫЕ ЛАГЕРЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ*

Эпоха становления Древнерусского государства оказалась практически вне зоны внимания отечественного летописания, которое возникло значительно позднее. Вследствие этого ряд проблем этого процесса до сих пор остаются дискуссионными, что увеличивает значение археологических источников при их решении. Среди последних наиболее информативны остатки укрепленных дружинных лагерей, в материалах которых в концентрированном виде нашли свое отражение эти процессы и где, таким образом, скрыты ответы на большинство подобных вопросов. Это объясняется прежде всего тем, что именно процесс распространения таких дружинных центров по территориям присоединенных к Киеву в IX–X вв. племенных земель наилучшим образом маркировал этапы их огосударствления.

Остатком одного из едва ли не наиболее ранних дружинных центров, которые обозначили процесс распространения государственных институций на территорию Северного Левобережья Днепра, является городище на окраине с. Выползов Козелецкого района Черниговской области.

Памятники с. Выползов известны в литературе с конца XIX в. (Самоквасов 1903. С. 95). В 1889–2010 гг. они неоднократно исследовались специалистами (Коваленко, Скороход 2009. С. 66–83). Рассматриваемый комплекс занимает узкий, сильно вытянутый мыс правобережной террасы Десны, высотой 15–20 м, с трех сторон омываемый руслами р. Крымка (правый приток Десны) и старицами последней и на 600 м выдвинутый в пойму. Городище округлой формы расположено на самой оконечности мыса, который на 3–4 м возвышается над террасой. Оно поражает своими миниатюрными размерами – 75 × 90 м по внешнему обрзу валов и всего 30 × 40 м – собственно площадка. С юга к городищу примыкал, занимая остальную территорию мыса, значительный по размерам открытый посад, площадью 75–100 × 300–450 м. У подножья террасы выявлен достаточно обширный (450 × 30–100 м) подол.

На территории комплекса в разное время исследованы более полутора десятков жилищ и хозяйственных построек, а также следы межусадебных оградок. Характер находок, собранных за это время на городище и его посаде (арабский дирхем, бронзовые лунница, бубенчики, пуговицы, широкосрединные перстни, лировидные пряжки и поясные бляшки, наконечники копья, сулиц и стрел, боевые топоры, металлургические шлаки и обломки крицы, серебряные серьги киевского и пастерского типов; пастовые, сердоликовые и хрустальная бусины, серебряные, бронзовые и мраморные крестики, серебряный медальон с изображением св. Варвары, фрагмент тигля, выплески и литейные шлаки цветных металлов, бракованные радимичские лучевые височные кольца и др.) позволяет относить его к числу дружинных лагерей в низовьях Десны. Большинство находок и керамический материал датируют основание городища второй половиной – концом IX в, а уже в середине X в. все его постройки гибнут в огне пожара.

Причины появления Выползовского городища в целом понятны. Закрепившись на Киевских высотах и взяв таким образом под свой контроль трансевропейский путь «из варяг в греки» (и, соответственно, всю восточноевропейскую торговлю с Византией) Олег и его команда начали решительно расширять сферы влияния молодого государства. Как отмечает летописец, данниками Киева вскоре стали, помимо полян, древляне, радимичи и северяне, причем, судя по следам пожарищ на большинстве славянских городищ, это был далеко не мирный процесс (Коваленко 1994. С. 10–

11). Особенную остроту он приобрел на Левобережье Днепра, где проживало многочисленное племя северян, имевшее, к тому же, прочные связи с Хазарским каганатом, через территорию которого в Европу поступало восточное серебро. Историческим центром захваченных Олегом левобережных территорий был Чернигов. Занимая ключевое положение в системе торговых путей Левобережья, по которым поступала основная масса восточного монетного серебра, город играл на левом берегу Днепра такую же роль, как Киев – на правом, прочно закрывая на замок фактически весь бассейн Десны. Поэтому целью политики киевских князей на Левобережье было не только установление своей юрисдикции над Черниговом (и транспортными артериями, которыми двигалось восточное серебро!), но и принятие эффективных мер для его удержания. Для этого нужно было, прежде всего, обеспечить надежный контроль как за водными, так и за сухопутными путями, разместив в наиболее важных стратегических пунктах, особенно – в местах пересечения путей, дружинные лагеря-крепости с небольшими, но профессиональными гарнизонами. Подобные лагеря известны вокруг Чернигова (Гущин, Звеничев, Клонов, Листвен, Оргощ, Сновск и крупнейший среди них – Шестовицкий: Kovalenko 2000. Р. 32–43; Kovalenko 2002. Р. 237–248; Коваленко 2009. С. 11–94).

О роли и значении последнего в процессах огосударствления Северного Левобережья упоминалось уже не раз (Коваленко, Моця 2007. С. 170–180; Коваленко, Моця 2008. С. 111–118). На стремительный подъем Шестовицы в иерархии раннегородских центров Руси, как отмечалось, повлияли главным образом два фактора: близость к Чернигову и размещение в точке максимального сближения водного и сухопутного путей из Чернигова в Киев. Однако расстояние между центром государства и «гегемоном всего Украинского Левобережья» (Грушевський 1928. С. 105) превышало 140 км, что настоятельно требовало создания вдоль этого пути разветвленной сети подобных пунктов. Одним из них и стал Выползов.

Топографическая ситуация, в которой возник Выползов, до мелочей повторяет и даже копирует шестовицкую, правда, в значительно уменьшенном размере: точно такой же узкий, сильно вытянутый мыс, который далеко выдается в заболоченную и прорезанную многочисленными старицами и притоками пойму Десны, что делало его практически неприступным с этих сторон; небольшое округлое городище на стрелке мыса, к которому примыкал

открытый посад, по размерам значительно превышавший крепость; максимальная, по сравнению с другими соседними участками, приближенность к реке и – одновременно – к пути Чернигов–Киев, который проходил через их северные окраины; удобные небольшие старицы или притоки, которые подходили под самое подножье городища; размещение на стыке разных природно-ландшафтных зон (леса, реки, пойменных лугов, относительно плодородных грунтов легкого механического состава, значительных запасов болотных руд и глины), что обеспечивало почти идеальные (для этой зоны) условия ведения хозяйства.

Наконец, в данном случае важную роль сыграли еще два обстоятельства. Прежде всего, Выползов, в отличие от Шестовицы, возник на очень редко заселенной территории, вследствие чего тут не могло быть такого отчаянного сопротивления местного населения, как в районе Чернигова. Это способствовало закреплению киевских дружин сначала в низовьях Десны и в дальнейшем позволяло использовать Выползов как своеобразную «стартовую площадку» для продвижения вглубь северянской территории, что и было блестяще и молниеносно выполнено в последней четверти IX в. Во-вторых, Выползовский мыс «выползает» к Десне как раз напротив устья ее второго по значению (после Сейма) правого притока – р. Остёр, который в то время был едва ли не единственным путем на Задесенье, представлявшее собой сплошной массив непроходимых болот. Наконец, в районе Остра находился конный брод через Десну, известный еще по данным XIX в.

Опираясь на дружинные лагеря Нижнего Подесенья, Олег попытался продвинуться дальше вверх по Десне, но наткнулся на отчаянное сопротивление северян, укрепленные поселения которых выше правых притоков Десны р. Мена и р. Убедь стояли едва ли не на каждом из отрогов Деснинской террасы. Учитывая это, дружины Олега повернули на северо-запад, по правому берегу р. Снов, и в районе летописного Стародуба (дружинные лагеря Левенка и Мериновка) замкнули кольцо с помощью встречного удара из района Смоленска (Гнёздово). Кроме функции контроля над торговыми путями и племенными центрами, эти лагеря служили и своеобразными «накопителями» воинских контингентов для походов на Византию, Хазарию или постоянно бунтовавшие славянские племена, в пользу чего свидетельствует большой процент курганов-кенотафов на их некрополях (32% – в Шестовице, 26% – в Клонове

и т.д.). По мере роста государства возрастали и потребности киевских князей в новых воинских контингентах. Эта задача была блестяще решена Владимиром Святославичем, который не только возвел в конце X в. вдоль притоков Днепра несколько линий таких укрепленных лагерей, но и осуществил массовое переселение в них «мужей лепших» (главным образом из северных регионов Руси).

Как известно, Русь не была в этом отношении каким-то исключением: подобные процессы происходили в это время и в других регионах, находившихся в зоне влияния викингов: в Дании (Аггерсборг, Оденсе, Треллеборг, Фюркат), Ирландии (Аннагасан, Дублин, Карлингфорд, Корк, Лиммерик, Уэксфорд, Уотерфорд), Англии. Как и на Руси, их основание датируется серединой IX – второй половиной X в., а уже в первой половине XI в., после того как племенные территории были полностью покорены, а племенная знать уничтожена или подчинена, потребность в них отпала, что в значительной степени стимулировало завершение эпохи викингов в Европе (Арбман 2006; Джонс 2007; Мюссе 2006).

Примечание

* Статья написана в рамках гранта Государственного Фонда Фундаментальных Исследований Министерства образования и науки Украины Ф25.7/017 «Элиты Киевской Руси: этническое измерение».

Литература

Арбман Х. Викинги. СПб., 2006.

Грушевський М.С. Чернігів і Сіверщина в українській історії: кілька спостережень, здогадів і побажань // Чернігів і Північне Лівобережжя: огляди, розвідки, матеріали. Київ, 1928.

Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2007.

Коваленко В.П. Східнослов'янські гради на зламі тисячоліть // Міжнародний історико-археологічний семінар «Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій в другій половині I – на початку II тисячоліття н.е.»: Тези доповідей та повідомлень. Чернівці, 1994.

Коваленко В., Моця О. «Етнічний казан» на Десні (до інтерпретації Шестовицького археологічного комплексу) // Матеріали VI Міжнародного конгресу українців. Історія. Політологія: 36. наук. ст. Київ, 2007. С. 170–180.

Коваленко В., Моця О. Нові дослідження в Шестовиці // Російсько-Белоруссько-Українське пограниччя: Проблеми формування єдиного соціокультурного простору – історія і перспективи. Брянськ, 2008.

Коваленко В. Шестовиця – табір слов'ян і вікінгів на Десні // Село над Десною – Шестовиця. Ніжин, 2009. С. 11–94.

- Мюссе Л.* Варварское нашествие на Западную Европу: волна вторая. СПб., 2006.
- Самоковасов Д.Я.* Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Черниговская губерния // Изв. Археологической комиссии. СПб., 1903. Вып. 5.
- Kovalenko V.* Chernigiv and Shestovitsa: Slavonic-Scandinavian Contacts on the Left Bank of the Dnieper in the End of IX–X Century // Magdeburg und Europa im X. Jahrhundert. Magdeburg, 2000.
- Kovalenko V.* Černigiv und Šestovica: Kontakte zwischen Slawen und Skandinavien im östlichen Einzugsgebiet des Dnepr am Ende des 9. und im 10. Jahrhundert // Europa im 10. Jahrhundert: Archäologie einer Aufbruchzeit. Internationale Tagung in Vorbereitung der Ausstellung "Otto der Große, Magdeburg und Europa". Mainz am Rhein, 2002.

И.Г. Коновалова

К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИИ РУСИ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.*

Эволюция представлений средневековых мусульманских авторов о русах лучше, чем источники других традиций, отражает усложнение пространственных связей в Восточной Европе IX–X вв. и процесс формирования на этой территории нового политического образования – Древнерусского государства.

Первым в арабо-персидской литературе связным описанием русов, а также их контактов со славянами и другими народами Восточной Европы является рассказ об «острове русов» арабского ученого Ибн Русте (начало X в.: BGA VII. P. 145–147). Сопоставление дошедших до нас многочисленных версий этого рассказа в арабо-персидских сочинениях X–XVI вв. показало, что их первоисточником была так называемая «Анонимная записка», составленная в конце IX в. и характеризующая следующие народы Восточной Европы – печенегов, хазар, бургасов, болгар, венгров, славян (*сакалиба*), русов, жителей Сарира, аланов (Lewicki 1977. S. 11–17).

Практически все исследователи, сформулировавшие те или иные предположения относительно местонахождения «острова русов» (библиографию см.: Коновалова 2001. С. 169–172), исходили и исходят из двух посылок, нуждающихся, на мой взгляд, в пересмотре или, по крайней мере, в уточнении. Во-первых, из представления о том, что русы – это отдельный народ, занимавший

особое место в пространстве. Во-вторых, из уверенности в том, что арабо-персидские авторы, повествуя об «острове русов», описывали некий *реальный географический объект* в пределах Восточно-Европейской равнины и омывающих ее морей – будь то остров (или группу островов), полуостров (ибо арабское слово *джазира* допускает и такой перевод), город с подвластной ему округой или область, расположенную в междуречье крупных рек.

При рассмотрении состава рассказа об «острове русов» мне уже приходилось отмечать, что здесь мы имеем дело не с реальной физической географией, а с представлением о ней. «Остров русов» – это сумма сведений о русах, географический образ, сформировавшийся под влиянием двух традиций арабо-персидской литературы, каждая из которых отражала внешнюю активность русов на разных направлениях – юго-восточном (Нижняя Волга, Каспий, Ближний Восток) и юго-западном (Черное и Средиземное моря) (Коновалова 2001).

Для описания русов составитель «Анонимной записки» использовал два масштаба: первый – микромасштаб, обрисовывающий (вплоть до бытовых деталей) устройство общества русов в их локусе власти; второй – куда более крупный региональный масштаб, показывающий место «острова» в системе торговых отношений Среднего и Нижнего Поволжья. Соответственно, если говорить о пространственной структуре «острова русов» – так, как она предстает в описании Анонима, – то она двучастна. Мы видим, во-первых, ядро «острова» – локус власти, а во-вторых, ресурсную базу русов – славянскую периферию с размытыми границами. Все остальное – совершенно не в фокусе, в частности, то множество расположенных на «острове» городов, о которых говорит Аноним. Образы, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: не приводится ни название «острова», ни наименование хотя бы одного расположенного там города, реки или горы, не указывается название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров». Да и вообще, собственно географические средства, использованные в рассказе об «острове русов», крайне скудны. У Ибн Русте географическими маркерами, с помощью которых определяется пространственное положение «острова», служат всего-навсего два ойконима – Хазаран (т.е. часть города Итиля) и Булгар. В отличие от сообщений о всех других народах региона, в рассказе о русах в «Анонимной записке» нет не

только ни одного указания на расстояния между землей русов и другими странами, но даже простого упоминания о каких-либо соседних с русами народах.

Сообщение Анонима обычно понимается в том смысле, что земля русов – это некое гомогенное «русское» пространство, откуда русы приходят в землю славян. Ибн Русте, действительно, говорит, что русы живут на острове, но этот остров он ни разу не называет «островом русов», т.е. островом, где, кроме русов, никто больше не живет.

Если же обратиться к упоминаниям о русах в других арабских источниках IX – первой половины X в., то мы увидим, что там подчеркивается теснейшая связь русов со славянской средой.

Ибн Хордадбех (IX в.) описывает русов через знакомый арабам этноним «славяне» (*сакалиба*) и называет их «видом» (*синф*) славян. Он также сообщает, что купцы-русы везут свой товар «из самых отдаленных [окраин земли] славян», при этом началом их пути на Восток (Хазария – Каспий – Багдад) является «Река славян» (BGA VI. P. 154). Обрисовывающий сходные торговые маршруты Ибн ал-Факих (начало X в.) вообще не пользуется этнонимом «русы» и приписывает эти торговые маршруты славянам (BGA V. P. 270–271). Тот же Ибн Хордадбех, а также Ибрахим ал-Йа‘куб (вторая половина X в.) отмечают славяноязычие русов (BGA VI. P. 154; Ал-Бакри. С. 336). А в современном Ибн Русте источнике другой языковой традиции, «Раффельштеттенском таможенном уставе» (904/6 г.), также имеется свидетельство тесной связи русов со славянами: согласно этому уставу, купцы-славяне, приходящие в Баварское Подунавье, приходят туда «от руси» (*de Rugis*) (Назаренко 1993. С. 65).

То есть земля («остров») русов в описании мусульманских авторов предстает не чем-то внешним по отношению к земле славян, а напротив, тем, что бывает трудно отграничить от нее. Поэтому «остров русов» можно определить как часть земли славян, где формируется новая идентичность – русы. И географический образ «острова русов» эту новую идентичность и показывает, так сказать, *in statu nascendi*. Использованный в рассказе Ибн Русте термин *Русиййа* – это в первую очередь характеристика ядра, места концентрации характеристик, относимых к «острову русов», описание резиденции кагана русов, название которой осталось для автора «Анонимной записки» неизвестным.

Первые сведения об известных в мусульманском мире по имени городах Руси появляются в рассказе о трех «группах» русов. Этот рассказ, сохранившийся во многих вариантах у авторов середины X – XII в., восходит к недошедшему до нас сочинению ал-Балхи, составленному в 20-е годы X в., а наиболее ранняя известная нам версия содержится в сочинении ал-Истахри (середина X в.) (BGA I. P. 225–226).

Рассказ об «острове русов» обычно не сопоставляется с рассказом о трех группах русов, хотя материал для сопоставления там есть. Это, во-первых, общий канал проникновения сведений о русах в исламский мир – город Булгар; во-вторых, названия групп русов и их городов.

В рассказе говорится о трех группах русов, но наименования этих групп приведены только для двух (*Арсаниййа* и *Славиййа* с центрами – соответственно – в г. *Арса* и г. *Слав*). По своей словообразовательной модели наименования *Арсаниййа* и *Славиййа* в точности соответствуют названию *Русиййа* из рассказа об «острове русов»: все они являются этнопонимами, образованными от относительных («отыменных») прилагательных, имеющих функцию имени. Группа же с центром в г. *Куяба* осталась без названия. Это, на первый взгляд, выглядит противоестественно, т.к. именно *Куяба*, по словам автора рассказа о трех группах русов, была ближайшим торговым партнером Булгара и циркулировавшие в Булгарии сведения о ней в принципе должны были бы быть более детальными, чем данные о двух других группах, одна из которых была вообще недоступна для купцов. Однако это умолчание находит свое объяснение в самом характере информации ал-Истахри.

Рассказ о трех группах русов отражает усложнение пространственных связей в ареале формирования Древнерусского государства и обрисовывает, на первый взгляд, более дробную структуру русских земель по сравнению с той, которая представлена в рассказе об «острове русов». То, что ранее описывалось как «островная» *Русиййа* с безымянным локусом власти, теперь изображается просто в ином масштабе – как город-столица (*Куяба*), занимающий исключительное положение в территориально-политической структуре Руси, с одной стороны, и периферийные области (*Арсаниййа* и *Славиййа*) со своими центральными пунктами – с другой. Их иерархия очевидна – ал-Истахри описывает *Куябу* как самый

бойкий и известный вне Руси центр, *Славу* – как второй по известности, но менее доступный город, а *Арсу* как «медвежий угол», связанный с внешним миром лишь через *Куябу*. Таким образом, и в рассказе о трех группах русов, как и в рассказе об «острове» русов, структура Руси оказывается в итоге опять же двучастной (центр и периферия) – с той лишь разницей, что в описании обеих составных частей со временем появляется более детальная информация.

Аналогичную двучастную структуру земли русов запечатлел современник ал-Истахри – император Константин Багрянородный. В своем трактате «Об управлении империей» он противопоставляет *Киову* всем прочим русским городам, составляющим, по его выражению, «Внешнюю Русь» (Константин. С. 44–45, 50–51). При этом показательно, что Константин не называет *Киову* «Внутренней Русью» (как это следовало бы сделать по логике его повествования: Назаренко 2009) – точно так же, как ал-Истахри оставляет без «регионального» названия *Куябу*, в отличие от городов *Арса* и *Слав*.

Примечание

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00307а).

Литература

- Ал-Бакри – *Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu 'Uбайд al-Bakri* / A.P. Van Leeuwen, A. Fette. Tunis, 1992. Vol. I–II.
- Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 г. М., 2001. С. 169–189.
- Константин – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 411–425.
- BGA I, V, VI, VII – *Bibliotheca geographorum arabicorum* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. T. I; 1885. T. V; 1889. T. VI; 1892. T. VII.
- Lewicki T. *Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. T. II, cz. 2.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

Андрей Боголюбский – один из немногих правителей второй половины XII в., который имел политическую программу по созданию своей «державы» в Северо-Восточной Руси и последовательно воплощал ее в жизнь. Историки неоднократно высказывали мнение о том, что в своих попытках создать некую автократию он, по словам Н.И. Костомарова, возбудил к себе ненависть не только «незначительной партии», но и народа (Костомаров 1990. С. 92). Г.И. Вернадский утверждал, что Андрей Боголюбский родился «на два века раньше своего времени. И в то время, как московские летописцы восхищались им, его современники не были готовы разделять его идеи» (Вернадский 1999. С. 242).

Насколько правомерно считать, что политика Андрея Боголюбского не поддерживалась населением и даже знатью?

Отношение современников в известной степени дают возможность проследить ранние письменные источники – если не всегда современные событиям, то, по крайней мере, недалеко отстоящие от них.

В первую очередь, нужно принять во внимание прямые указания на отношение к Андрею Боголюбскому и его действиям знати и сограждан. Таких текстов немного. Молодой князь прославился ратными подвигами, за что, как говорится в летописной статье 1149 г., «мужи шъни похвалу ему даша велику зане мужьскы створи паче бывшихъ всех ту» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 390–391).

Самое заметное выражение поддержки князя – это сообщение 1158 г. о вечевом решении ростовцев, суздальцев и владимирцев посадить его на «шъни столе», т.е. из владимирского удельного князя он по решению граждан становится князем Суздальского княжества, «зане бѣ прилюбимъ всим за премногую его добродѣтель. юже имѣаше преже к Бѹ и къ всимъ сущимъ под нимъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490–491). Таким образом, наряду с боголюбием отмечается его радение и по отношению ко всем людям. Далее речь идет о его церковном строительстве, утверждении во Владимире епископии и строительстве крепости («городъ Володимерь боги заложити»), и все это, безусловно, ставится ему в заслугу. Акцентация почитания им

памяти Юрия (отцу он «велику память створи», завершил строительство заложенной последней церкви Святого Спаса), скорее всего, не столько утверждение продолжения Андреем отцовской политики, сколько попытка сгладить впечатление об их разногласиях, зафиксированных в летописи ранее.

Важно также, что автор Повести об убиении Андрея Боголюбского объясняет наличие у князя врагов отнюдь не его ошибками и неправотой, а напротив, тем, что «всакии бо держася добродѣтели не можуть бо без многихъ врагъ быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 584). После убийства заговорщики отправляют весть во Владимир – к дружине, предлагая с ними «коньчати», чтобы быть с ними «в тои же думѣ». Владимирцы же отказались иметь дело с убийцами и «разидошася».

Отчасти откликом на широкую политическую и церковную деятельность князя можно считать и эпизод, когда Кузьмище Княнин над телом господина вспоминает, как Андрей Юрьевич приглашал в свою церковь приходящих из Русской земли, из Царьграда, иноземцев от латин, болгар, евреев и «погань».

Кроме отмеченных прямых оценок согражданами поступков Андрея Боголюбского и его деятельности в целом, можно принять во внимание и оценки летописца, поскольку они также отражают не частное мнение, а представления определенного круга – как непосредственно в момент события, так и в ближайшие после этого годы, когда происходит осмысление произошедшего.

При жизни Юрия Долгорукого оценки действий его сына в летописи встречаются, но они касаются в основном его личной доблести в бою. Здесь летописец не скупится на подробности в описании его подвигов в духе былинных богатырей и вместе с тем подчеркивает приличествующую христианину скромность и упование на Бога. Очевидной благожелательностью к князю отличаются сообщения о его посредничестве при установлении мира между Юрием и Изяславом («Андрѣви же Бѣ вложи въ срѣце. сушю бо ему млству на свои родъ. паче же на крстьяны»). Между прочими речами Андрею приписываются и такие нравоучительные сентенции, как: «Бѣ поставилъ насъ волостели. в месть злодѣмъ и в добродѣтель блѣгочтивымъ». Таким образом, здесь звучит мысль о богоданности княжеской власти, и вложена она в уста самого князя. При этом Андрей Юрьевич подчеркивает своё княжеское достоинство: он «не простъ ходатаи», и едва ли старшим князьям

стоит ждать другого посредника: «англа Бѣ не сослеть. а прѣка в нашѣ дни нѣтуть. ни апсла» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392). Именно эта успешная миссия Андрея Боголюбского, в отличие от последующей, не увенчавшейся миром, описана так подробно, что подчеркивает желание летописца представить князя с наилучшей стороны.

Сообщение 1155 г. о ключевом моменте в деятельности Андрея – самовольном уходе из Вышгорода во Владимир – остается лишь в рамках констатации (уходит «без штиѣ воли»), летописец сосредотачивается на рассказе об истории иконы Владимирской Богоматери. Продолжает эту линию восторженный рассказ о завершении Владимирской церкви Святой Богородицы, на строительство, роспись и украшение которой были собраны мастера «из всих земель». Здесь, как и далее в подобных контекстах, князь назван «благочерным» и «боголюбивым».

Рассказ об изгнании князем Андреем братьев, племянников и отцовских «передних мужей», а также епископа Леона, которого князь выгоняет дважды, переданы нейтральным тоном, за исключением пояснения, что братьев и бояр он выгоняет, «хотѣ самовластѣ быти. всѣи Суздальской земли» (ПСРЛ. Т. 2 Стб. 520). Как было показано В.А. Кучкиным, на Суздальщине в силу разных обстоятельств во второй половине 1161 г. «собрались почти все Юрьевичи», и «концентрация в Суздальской земле отичей Ростово-Суздальской земли» была для старшего потомка Юрия Долгорукого крайне неудобной (Кучкин 1984. С. 88). Следует заметить, что негативного смысла само по себе слово «самовластец» в Древней Руси не имело. Так, например, характеризовался в «Повести временных лет» под 1036 г. Ярослав Мудрый, который принял всю власть после смерти Мстислава. Сообщение об оплакивании Андреем умершего брата под 1163 г. – тоже положительный штрих к его портрету, поскольку обычно в летописи проявление таких чувств подчеркивается по отношению к князьям, действия которых одобряются.

Заслуживает внимания и рассказ о походе 1164 г. на волжских болгар, сохранившийся в Лаврентьевской летописи и Цикле сказаний об иконе Владимирской Божией Матери. Князь берет с собой иконы и крест, что придает военным действиям характер некоей христианской миссии.

Как наказание новгородцев «рукою блговѣрнаго князя Аньдрѣа» представляется поход полков, посланных к Новгороду в

1170 г. Андреем Боголюбским, несмотря на то, что эта компания закончилась для объединенных войск крайне неудачно.

В обличительном рассказе о Федорце, которому приписываются самые чудовищные преступления, умалчивается о прежней поддержке его князем. Говорится лишь, что князь хотел тому добра, но Федорец его не послушал.

Известный же рассказ о тяжелом походе на болгар 1172 г., традиционно трактуемый в науке как проявление саботирования оппозиционным боярством: «идучи не идяху», – эту мысль в явной форме не высказывает.

В статье 6681 г. Ипатьевской летописи «самовластное» поведение Андрея Боголюбского уже не только в отношении Суздальской земли, но и Киева, летописцем отмечается, однако не комментируется: Андрею «не любо» сидение в Киеве Владимира, «и насылаше на нь. велѣ ему. ити ис Киева. а Романовѣ. Ростиславичю. велѣше ити. Киеву» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566). Осуществляя сказанное после скорой смерти Владимира Мстиславича, он обращается к Ростиславичам, подчеркивая свое право распоряжаться киевским столом («нарекли мѧ есте собѣ отцемъ») и объясняя свои действия желанием им добра. В дальнейшем развивается конфликт из-за якобы виновных в смерти Глеба бояр, и здесь уже угадывается осуждение позиции Андрея – в том, как представлены поступки Ростиславичей: они въехали в Киев «оузрѣвше на Бѣ и на силу чьстнаго крста и на мѣтву стѣи Бѣѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 570). Закономерно, что в значительно более лояльной к Андрею Лаврентьевской летописи этих текстов нет, говорится только, что Боголюбский послал «Киеву княжить Романа Ростиславича. и приаша его с чтью Кыяне» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 364–365).

Последующие действия князя однозначно осуждаются южно-русским летописцем. Он пишет, что князь, получив поддержку Ольговичей и доверившись им, «исполнивсѧ высокоумьѧ. разгордѣвсѧ велми», «ражѣгсѧ гнѣвомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 572). В приготовлениях последнего похода на Киев князь Андрей, по убеждению летописца, уже в сетях «многолукаваго дѣявола», погубив свой разум неудержимым гневом. Это вызывает у летописателя сожаление, ибо князь Андрей Юрьевич известен как «оумникъ» и «во всихъ дѣлѣхъ добль». Осуждением стороны Андрея Боголюбского завершает пишущий рассказ о неудачном для его войск столкновении: «пришли бо бѣху высокомыслаще. а смирении

ѡидоша в домы своа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 578). Северо-восточная летопись никаких осуждений не высказывает, а говорит лишь, что князь Андрей, узнав про действия «непокорившихся» «воли его» Ростиславичей, послал свои полки к Киеву (см.: ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 365).

Характеристика Андрея Боголюбского в Повести о его убийнии – исключительно апологетическая – неоднократно анализировалась в научной литературе. Важно лишь отметить, что автор Повести проводит аналогию между Боголюбовым и Вышгородом и сравнивает князя как храмостроителя с Соломоном.

Русские князья домонгольского времени довольно редко называются царями, и Андрей Боголюбский здесь выделяется особо. К отмеченным В. Водовым примерам – в рассказе о Федорце, Житии Леонтия Ростовского и Повести об убийнии Андрея (см.: Водов 2002. С. 515–516) – можно добавить еще текст из Проложной статьи на 1 августа: *бл҃гочствѣномѹ ї вѣрномѹ нашѣмѹ цр҃ю и князю Анѣдрю оуставлешю се праздновати съ цр҃емъ Манѣломъ* (Лосева 2009. С. 444).

В дальнейшем отношение к уже погибшему князю, в силу естественного к нему сострадания, развивается в сложение культа – Андрей Боголюбский представляется молитвенником за свою землю. Уже в статье «А се князи Рустии» князь назван святым. Эта тенденция продолжалась в целом ряде памятников, бытовавших и перерабатывавшихся вплоть до начала его официального почитания как святого и составления Жития.

Источники и литература

Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 1999.

Водов В. Замечания о значении титула ‘царь’ применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2, кн. 1. С. 506–542.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. 1.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

REX SACRORUM И ПОЛИТОГЕНЕЗ В РАННЕМ РИМЕ

Возникновению государства в древнем Риме были посвящены конференция 1988 г. в Берлине и дискуссия на страницах «Вестника древней истории» в 1989–1990 гг. Однако проблема римского политогенеза далека от решения в силу особенностей источниковой базы и господства античной концепции становления римской республики, сформировавшейся во II–I вв. до н.э. Руководствуясь моделью мифа основания, она приписывает создание религиозных институтов царям Ромулу и Нуме, гражданских – Сервию Туллию, а политической системы – народной революции, приведшей к разделению царских полномочий между двумя консулами и *rex sacrorum*. Исследовать римский политогенез можно только отвлекаясь от этой концепции, созданной в эпоху борьбы «оптиматов» и «популярлов». Замена царской власти республиканскими магистратами была революцией не в силу восстания народа против тирании, описание которого римские историки смоделировали по образцу Афин конца VI в. до н.э. Революционность этого перехода состояла в отделении римской общины себя от космоса, управлявшегося волей богов, т.е. в превращении общины первобытной в гражданскую. Неясно, однако, на каком этапе от эпохи Сервия Туллия (середина VI в. до н.э.) до уравнивания плебеев с патрициями (начало III в. до н.э.) римское общество достигло стадии государства.

Центральной фигурой догосударственного Рима был царь – *rex*. Этот латинский титул происходит от индоевропейского корня **rēg-* «проводить линию/границу, очерчивать». *Rex* – это тот, кто организует пространство, выделяя подконтрольную ему общину из космоса (Бенвенист 1995. С. 250). Выражение *rex sacrorum* является не новообразованием начала республики, а древним понятием, означавшим, что *rex* имел обязанностью *regere sacra*, т.е. формировать и организовывать культурное (сакральное) пространство. *Rex* ассоциируется с понятиями *rectus* (прямой) и *regula* (правило): царь прокладывает путь, устанавливает право и мораль. Божественную волю царь узнавал, выделяя пространство (*regio*) на небе, которое затем проецировал на землю. Здесь заложена идея, согласно которой царь правил только в том пространстве, которое сам определил (отделил) для себя. Например, *rex Nemorensis* был

царем роши Дианы, внутри которой умещался весь его мир. Римский царь правил в границах померия, которые затем были расширены на *ager Romanus*, его пределами был неримский мир чужих общин или провинций.

На Римском Форуме археологами исследована группа зданий вокруг Регии, которая по предположению Ф. Коарели, некогда образовывала единый комплекс, существовавший в царскую эпоху. Этот комплекс представлял собой дворец, в котором была резиденция царя и связанные с ней культы, в частности атриум Весты, богов Ларов и Пенатов, Марса и Ops Consiva. Первая Регия датируется примерно 625 г. до н.э. Ее постройка была связана с началом урбанизации в Риме, превращением комплекса поселений на холмах в организованный город с центром на *Forum Romanum*. Переместившись с Палатина в Регию, римский *rex* становится руководителем целого сакрального центра, в котором осуществлялся контроль за календарем и ритуалами годового цикла. Власть *rex sacrorum*, связанного с космическими силами, уменьшить которую было не в человеческих силах, была заперта в Регию, откуда *rex* выходил на Комиций лишь для проведения обрядов. Сношения с миром за померием *rex* осуществлял через помощников – жрецов. Первым авгуром был сам *rex*. Коллегия 3-х авгуров была создана, когда структурирование общины на три трибы вызвало потребность в помощниках для царя. В VI в. до н.э. было установлено и ритуальное число курий (30), ставшее образцом для Латинского Союза, римских триб и численности сената.

Свита *rex* из 300 целеров выглядит символическим олицетворением Ромулова календаря из 10 месяцев (зимний «мертвый» сезон не мог быть сакрализован). Лучшие из целеров образовывали коллегии 12 Луперков и 12 Салиев. Коллегии были парными – для ритуальных состязаний, имевших целью поддержать смену времен года. Луперки исполняли ритуалы контакта с иным миром за пределами померия, а Салии – внутри города. Трибун целеров – предводитель военной свиты *rex* выступал в роли его заместителя, когда надо было пересечь границу римской общины и отправиться на войну.

Понтифики сначала были помощниками *rex* в делах, не касавшихся общения с небесными богами. На это указывает их название – букв. «строители мостов» в смысле связей с внешним миром, особенно «иным». Превращение *rex* в пленника Регии фактически по-

ставило все его контакты с внешним миром под контроль старшего понтифика. Особенно это заметно в его руководящем положении по отношению к весталкам. Жрицы богини Весты поддерживали неугасимым пламя ее очага, находившегося в Регии. Этот очаг был открытым входом в пространство, окружавшее культурный мир и наполненное пламенем, богом которого был Вулкан. Весталки, таким образом, обеспечивали магическую связь *rex* с потусторонним миром. Напротив, фециалы были ответственны за связи с реальным чужим миром, лежавшим за границами римской территории. Внутри нее лежал *ager Romanus*, где ритуалы календарного цикла вместо *rex*, не выходявшего за померий, проводились коллегией Арвальских братьев.

Таким образом, ранняя римская монархия имела сакральный характер в том смысле, что главной задачей *rex* было обеспечение устойчивости общины в мировом космическом порядке. Начало разрушению этого порядка было положено развитием военного дела и расширением полномочий военачальников. В отличие от соседних Кампании и Этрурии, Лаций был беден минеральными ресурсами, и чтобы поддерживать стандарт жизни, который сложился у элиты Средней Италии в VII в. до н.э., Рим должен был вступить на военный путь. В позднепервобытном обществе роль армии выполняет инициированная молодежь до того как вступит в брак и обзаведется хозяйством. Военная реформа середины VI в. до н.э., связываемая с именем Сервия Туллия, видимо, обеспечила мобилизацию в римский легион мужчин более зрелого возраста (до 45 лет). Это создало военное преимущество римлян перед соседями, обеспечив приток ценностей для строительства города.

Первоначально военный вождь с титулом *dictator* был одним из заместителей *rex*. В римском календаре первые шесть месяцев назывались именами богов, а следующие шесть – порядковыми числительными. Период растущего солнца рассматривался как сакральный, в отличие от периода уменьшения солнечной активности. *Rex sacrogit* не мог иметь отношения к периоду «умирающего» солнца, все ритуалы с его участием исполнялись с января по июнь. На вторую половину года назначался его заместитель – диктатор. В отличие от *rex*, диктатор был свободен покидать город, и именно под его руководством римляне вели войны. Включение в армию взрослых мужчин создало предпосылку для разделения ритуальной власти *rex* и фактического управления диктатора. Власть

rex была ограничена померием и называлась *auctoritas* (от *auguria*). Власть военного предводителя, который выбирался войском за пределами померия, называлась *imperium*. Будучи лишь бледной тенью *rex* в городе, за его границами диктатор обладал неограниченной властью казнить и миловать. В VI в. до н.э. римский диктатор назывался *magister populi*, что дает основание для гипотезы об этрусском завоевании Рима. Под властью этрусков Рим занял ведущую позицию в союзе латинских городов, новые римские храмы Юпитера на Капитолии и Дианы на Авентине стали союзными центрами, а к римскому диктатору (*magister populi*) перешло руководство союзными войсками.

По данным археологии, Регия была перестроена и уменьшена ок. 500 г. до н.э. Весте, Ларам, Пенатам были построены отдельные храмы. Эта перемена в положении *rex* была связана с постройкой храма Юпитера и перемещением сакрального центра Рима с Форума на Капитолий. Учреждение культа Юпитера должно было узаконить статус диктатора, который был оформлен по образцу власти *rex*. По аналогии с трибуном целеров, сопровождавшим *rex*, для *magister populi* была учреждена должность *magister equitum*, который руководил всадниками. Священный отряд целеров состоял из трех центурий, каждая из которых имела своего предводителя. Рядом с *magister* появились два помощника с титулом *praetor / consul*. Царя сопровождали два отряда по 12 Салиев, и рядом с магистром-диктатором появились два отряда по 12 ликторов, каждый из которых возглавлялся претором. Важнейшей функцией преторов и ликторов было участие в культе Юпитера, поэтому во время военных действий они выступали в роли представителей божества. Первоначально их прерогативой в войске было не руководство боевыми действиями, а обеспечение божественной поддержки, проведение ауспий. Они же выступали главными помощниками магистра и в городской жизни: привычка представлять Юпитера привела к концентрации в их руках судебных полномочий. Связь с божеством делала их полномочия гораздо более авторитетными, чем у трибунов, руководивших обывательской жизнью и войсками своих триб. Переход диктатора на более высокий уровень руководства Латинским Союзом по необходимости сделал преторов высшими магистратами римской республики, позднее за ними закрепилось название «консулы».

Литература

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 76–94.
- Coarelli F. Il Foro Romano. I. Periodo arcaico. Roma, 1983.
- Cornell T.J. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L., 1995.
- Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Akten eines Symposiums 12.–15. Juli 1988 Freie Universität Berlin / Hrsg. W. Eder. Stuttgart, 1990.
- Valditara G. Il magister populi tra monarchia e repubblica // “Magister”: aspetti culturali e istituzionali. Atti del Convegno (Chieti, 13–14 novembre 1997), a cura di G. Firpo e G. Zecchini. Alessandria, 1999. P. 9–26.

А.В. Короленков

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ У САЛЛЮСТИЯ

Как известно, Саллустий уделял в своих трудах немало внимания возникновению государства и ранним этапам его развития. У него почти нет общетеоретических суждений на эту тему. Отмечается лишь, что царская власть – первый вид власти у людей (*in tectis nomen imperi id primum fuit*; ср.: *Aristot. Pol. I. 1. 7*), а также то, что в давние времена люди спорили о том, какой фактор важнее в военном деле – разум, интеллект (*ingenium*), или грубая сила (*corpus*), и лишь со временем стало ясно, что *ingenium* важнее (*Cat. 2. 1–2*). В отношении же остального каждый случай рассматривается *ad hoc*, но это не мешает выделить определенные закономерности и различия. Приглядимся к соответствующим пассажам.

Рим основали (*urbem Romam... habuere*) троянцы во главе с Энеем, которые скитались вместе с аборигенами, не знавшими ни законов, ни государственного строя (*sine legibus, sine imperio*). (Заметим, что «формула» *urbem Romam... habuere* послужит впоследствии образцом для Тацита – *Ann. I. 1. 1: urbem Romam a principio reges habuere*; Ramsey 2007. P. 72–73). «Когда они объединились в пределах городских стен, то, хотя и были неодинакового происхождения, говорили на разных языках (*dispari genere, dissimili lingua*), жили каждый по своим обычаям, все же слились

воедино с легкостью, какую трудно себе представить» (Cat. 6. 1–2; пер. В.О. Горенштейна). Возросшее благосостояние вызвало зависть соседей, начались войны, в которых Рим не только умел защитить себя, но и помогал соседям. Царскую власть, превратившуюся из охранителя свободы и орудия расширения границ государства (*initio conservandae libertatis atque augendae rei publicae fuerat*) в источник произвола (*in superbiam dominationemque se convortit*), заменили ежегодной властью высших магистратов. Молодежь была склонна к состязаниям в доблести, а не распутству и пирушкам, созерцание изображений доблестных предков побуждало ее подражать им, что, как дает понять Саллюстий, и служило опорой мощи государства (Cat. 6–7; Jug. 4. 5–6).

У писателя есть и другой пример становления государства – рассказ о ранней истории Нумидии в 18-й главе «Югуртинской войны». В древние времена в тех краях жили гетулы и ливийцы, не знавшие ни обычаев, ни законов (18.2: *neque moribus neque lege aut imperio cuiusquam regebantur*). При этом гетулы превосходили ливийцев воинственностью (18.12: *Libyes quam Gaetuli minus bellicose*). Вскоре прибывают в войске Геркулеса персы, мидийцы и армяне. Ко вторым и третьим присоединились ввиду близости моря ливийцы, а персы смешались с гетулами, жившими дальше к югу, при этом избегая городской жизни и отказываясь от морской торговли – символом этого стало использование перевернутых днищ кораблей как укрытий (Wiedemann 1993. Р. 52). Мидийцы же, армяне и ливийцы заводят обмен с жителями Испании. В итоге верх берут персы и гетулы, которые становятся народом нумидийцев, прочие же из названных превращаются в мавров. Очевидно, что успех нумидийцев основывается на том, что они меньше подвержены порокам цивилизации, чем мавры. Здесь Саллюстий расходится с Фукидидом, которому в других случаях следует: греческий историк считал близость моря, торговлю, накопление богатств важнейшим фактором успеха в деле создания империй (см.: Thuc. I. 1–21), римский же писатель полагает, что все это наряду с оседлой жизнью и урбанизацией лишь расслабляет и изнеживает. «Могущество обеспечивается не материальными ресурсами, а моральными качествами людей» (Morstein-Marx 2001. Р. 180–185).

Налицо значительное сходство между рассказами о подъеме Рима (Cat. 6–9) и Нумидии. Народ нумидийцев возник в результате смешения туземцев и пришельцев с востока, римляне, в свою оче-

редь, – потомки троянцев (тоже прибывших с востока) и аборигенов. Оба народа обретают власть над соседями, они начинают желать славы. Но различия куда серьезнее. Римляне живут в пределах городских стен (*in ipsa moenia convenere*), с этого у них начинается само становление государства. «*Moenia*, в сущности, равноценна *urbs*, однако [именно] фортификационные сооружения являются тем, что отличает город на ранней стадии его развития, прежде чем он будет отстроен полностью» (Ramsey 2007. P. 74). Нумидийцы же – кочевники, и у них налицо не только отказ от городского образа жизни – он является одним из залогов их военных успехов; заметим в скобках, что Саллюстий заметно уменьшил степень урбанизации Нумидии (Schmal 2001. S. 100) – несомненно, в целях создания определенного образа ее жителей. Римляне усиливались, защищаясь от алчных соседей, любили *virtus* и *libertas*, больше помогали союзникам, чем те – им самим. Нумидийцы же просто страдали от перенаселенности и всегда пребывали в движении, нападая на окрестные страны, об их *virtus* и *libertas* ничего не говорится, о союзниках тоже. Власть нумидийцев держится на военной силе и страхе. Таким образом, они представляют собой параллель римлянам как имперскому народу, но в культурном отношении находятся на другом полюсе (Morstein-Marx 2001. P. 192–194). Не идет речи и об *ingenium* нумидийцев, тогда как в отношении римлян уже ранних времен это качество отмечается (Cat. 6. 6). Не упоминается о стремлении нумидийской молодежи к демонстрации доблести, которое наличествовало у римских юношей прежних времен, а это чрезвычайно важный аспект возвышения Рима в глазах Саллюстия и, что особенно важно, его моральной основы. Если о римлянах говорится, что у них со временем улучшились нравы (Cat. 6. 3: *res eorum... moribus... aucta*), то о нумидийцах опять-таки ничего подобного мы не слышим. Таким образом, если у римлян развитие продолжается, и на первых порах в лучшую сторону, то у нумидийцев оно едва ли не сразу и заканчивается – по крайней мере, в качественном отношении, отмечаются лишь их военные успехи, которые являются результатом их удаленности от пороков цивилизации. Впоследствии, впрочем, те из них, что живут у моря, явно подвергаются разлагающему влиянию связанных с ним соблазнов (Morstein-Marx 2001. P. 183–185), но это уже отнюдь не ранний этап, а потому он остается за рамками нашего рассмотрения.

С ранним этапом развития государств у Саллюстия связан еще один любопытный феномен: «Тогда люди еще жили, не зная честолюбия, каждый был доволен тем, что имел (*etiam tum vita hominum sine cupiditate agitabatur; sua cuique satis placebant*)» (Cat. 2. 1). Казалось бы, все очевидно – перед нами жизнь, лишенная чрезмерных желаний, *vita sine cupiditate* – являющаяся признаком *aurea aetas* (Drexler 1970. S. 54). При этом, как полагает Г.С. Кнабе, в отличие от Сенеки (Epist. 90. 3), Саллюстий даже признает существование уже в те далекие времена собственности – для римских писателей, по мнению Г.С. Кнабе, вопрос о собственности не имел принципиального значения, когда речь идет о «золотом веке» – важнее, что не было связанных с нею вражды и насилия (Кнабе 1985. С. 136 и примеч. 20). Все так, но необходимо внести важное уточнение. По словам К. Хельдмана, обычно «райское» состояние человечества относят к мифическим временам, тогда как Саллюстий имеет в виду явно времена исторические, коль скоро речь идет о царях. Кроме того, «мотив *sine cupiditate* выполняет у него совершенно иную функцию, чем в мифе. Там это объясняет феномен «вечного» мира между людьми, здесь вычленяет эпоху, когда *res militaris* хотя и было уже известно, его сущности еще не понимали, поскольку пока не велись завоевательные войны и не был получен вытекавший из них опыт». Впоследствии то же самое напишет Помпей Трог, который укажет, что вначале власть над племенами и народами находилась в руках царей, но при этом царила умеренность (*moderatio*), не было нужды в законах (Justin. I. 1. 1). «Очевидно, что здесь также речь не о мифической “золотой” древности (*Vorzeit*), а об идеализированных, но уже раннеисторических временах» (Heldmann 1993. S. 30–32). Таким образом, *aurea aetas* оказывается не доисторическим этапом в жизни общества, а важной составной в истории раннегосударственного периода и его отличительной чертой.

Как видим, Саллюстий не дает единой картины возникновения государств, хотя общие черты в его изложении угадываются. Различия же между становлением римской и нумидийской держав вызвано очевидными причинами – стремлением показать различие между ними в пользу первой, и, хотя Саллюстий и признает многие достоинства нумидийцев, им, по его мысли, недостает многого из того, что присуще римлянам – *ingenium, virtus, libertas*. Природа, как говорил Аристотель, «дала человеку в руки оружие – умст-

венную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким» (Pol. I. 1. 12; пер. С.А. Жебелёва). Это и постарался показать Саллюстий в рассмотренном случае.

Литература

- Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // *Культура Древнего Рима*. М., 1985. Т. 2. С. 108–166.
- Drexler H.* Sallustiana // *Symbolae Osloenses*. 1970. Vol. 45. S. 49–66.
- Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell in *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993.
- Morstein-Marx R.* The Myth of Numidian Origins in Sallust's African Excursus (*Jugurtha* 17.7–18.12) // *American Journal of Philology*. 2001. Vol. 122.2. P. 179–200.
- Ramsey J. T.* Sallust's *Bellum Catilinae*. Oxford, 2007.
- Schmal S.* Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001.
- Wiedemann Th.* Sallust's 'Jugurtha': Concord, Discord, and the Digression // *Greece and Rome*. 2nd Ser. 1993. Vol. 40. P. 48–57.

Н.Ф. Котляр

ОБ УДЕЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ НА РУСИ

Речь пойдет об отчинном наследовании земли и прочего имущества в среде древнерусских феодалов: князей, бояр и верхушки дружинников. На мой взгляд, идея отчины и проведение ее в жизнь князьями-Рюриковичами стали мощным стимулом в социальной жизни и государственном устройстве Древнерусского государства, начиная с 60-х – 70-х годов XI в. Однако на первых порах борьба за отчины носила спорадический, спонтанный характер, войдя в практику междоусобиц отношений лишь с 80-х годов XI в.

По мнению М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто и др., раздробленность стала следствием возникновения и развития феодальных отношений в древнерусском обществе. Раздробленность вызревала в недрах общества не одно десятилетие благодаря социально-экономическому прогрессу на всей территории государства, в землях и княжествах. В Киевской земле, в Черниговском, Ростово-Суздальском, Тверском, Галицком, Во-

лынском, Смоленском, Новгородском и других княжествах в течение XI–XII вв. родилась и выросла земельная знать. Феодалы, и не только князья, но и крупные и сильные бояре, сидели в укрепленных усадьбах, а то и в замках, имели собственные вооруженные отряды. Неслучайно наступление раздробленности совпало по времени с началом активного (во многих случаях вооруженного) участия бояр-землевладельцев в социальной и политической жизни государства. Вотчинники-бояре, особенно в удаленных от южных степей землях, перестают быть заинтересованными в общерусских походах на врага, прежде всего на половцев, поскольку, не пускаясь в опасные военные предприятия, получали гарантированную и постоянную ренту от феодально зависимого населения. Отдельные земли государства накануне наступления раздробленности настолько выросли и окрепли, что киевский центр власти с великим князем во главе стал мешать им в проведении внешней и внутренней политики.

Вопреки распространенному мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании механизма раздробленности вижу одну из основных причин ее наступления именно в деятельности князей-Рюриковичей. В источниках отсутствуют сведения о порядке передачи земли и прочего имущества в семьях бояр-землевладельцев. Но естественнее всего думать, что они унаследовали свои земли исключительно по отчинному праву, от отца к сыну, тогда как князья долгое время вынуждены были довольствоваться родовым правом «клевещичного восхождения», когда земли и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же княжеское поколение (сыновья, племянники и др.) не участвовало в этом процессе, многие чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие.

Думаю, что проведение в жизнь отчинного принципа наследования земли и движимого имущества было одной из важнейших причин наступления удельной (феодальной) раздробленности на Руси. Ведь «Ряд» Ярослава 1054 г. не оправдал надежд изгоев. В нем были упомянуты лишь сыновья великого князя. Вероятно, особенно был уязвлен его старший внук Ростислав, сын старшего сына государя Владимира. Ему не досталось ничего из отцовского наследия, если судить по летописи. М.С. Грушевский и другие предполагали, будто он получил от деда часть территории буду-

щей Галицкой земли – то, что на Любечском съезде было закреплено за его сыновьями Володарем и Васильком. Если это было так, тогда почему Ростислав в 1064 г. силой захватил Тмуторокань, где сидел сын Святослава Ярославича Глеб? В следующем году Святослав вернул Глеба в Тмуторокань, но Ростислав вновь выгнал его и утвердился в городе. А в феврале 1066 г. его отравил византийский наместник Херсона. Допускаю, что это было совершено по наущению Святослава. В дальнейшем мы видим в Тмуторокани сыновей Святослава Романа и Олега.

В 1057 г., когда умер младший сын Ярослава Вячеслав, его сын Борис не получил ничего из отцовских владений. Через три года скончался Игорь Ярославич, и его дети также превратились в изгоев. Полку изгоев прибыло после смерти Святослава в 1076 г., три года просидевшего на киевском столе. Его девятеро сыновей в одночасье превратились из наследников киевского стола в бесправных изгоев. Особенно остро переживал свое социальное падение второй по рождению Святославич – Олег. Он одним из первых среди поколения изгоев второй половины 70-х годов взялся за оружие, поднявшись против самого великого князя киевского.

Другой изгой, Борис, также пытался вернуть себе отчину – Смоленскую землю. Весной 1077 г. он ненадолго захватил Чернигов, но был выбит оттуда Всеволодом и бежал в Тмуторокань, где сидел также изгой Роман Святославич. Это стало началом масштабной борьбы изгоев против Всеволода Ярославича, развернувшейся в 1078 г. Сначала Олег и Борис с помощью половецкой орды разбили Всеволода и захватили Чернигов. Всеволоду помог старший брат, киевский князь Изяслав. Вместе они 3 октября 1078 г. в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве вблизи Чернигова наголову разгромили войско племянников. В битве погибли киевский государь и Борис, Олег же с кучкой дружинников бежал в Тмуторокань. Великим князем Киевским стал Всеволод.

Опираясь на сына Мономаха, он принял меры к умиротворению изгоев. Роман Святославич пошел на Киев, но не преуспел, на обратном пути в Тмуторокань его убили нанятые им половцы (скорее всего, по наущению Всеволода). В том же 1079 г. Олег был схвачен хазарами и отослан в заключение в Византию. Однако все эти меры не давали власти должного эффекта. Активизировался старший среди изгоев, сын Изяслава Ярополк. Он вскоре погиб в походе против других изгоев, галицких Ростиславичей.

Отчинный порядок престолонаследования подрывал саму идею и практику единовластной монархии, вел к ее экономическому и структурному ослаблению. Пока жил Всеволод, а Мономах был мечом в его руках, изгои были в основном ему покорны. Но кончина Всеволода в 1093 г. вызвала новую волну усобиц. И взметнули ее, как и прежде, изгои. Придерживавшийся родового порядка занятия столов («лествичное восхождение») Владимир после смерти отца уступил киевский стол старшему Ярославичу – Святополку Изяславичу, сидевшему ранее в глухом и провинциальном Турове, на краю Киевской земли. Это подтолкнуло к решительным действиям Олега Святославича, давно вернувшегося из Византии и ждавшего своего часа. Он потребовал у Мономаха отчий Чернигов и с помощью половецкой орды в 1094 г. получил его. Подняли головы и другие недавние изгои.

Между тем изгои к тому времени обзавелись волостями и перестали быть безземельными Рюриковичами. Иное дело, что почти все они были недовольны имевшимися у них землями и претендовали на лучшие. Любечский съезд 1097 г. уравнил бывших изгоев в правах с прочими Рюриковичами. Но время от времени они по-прежнему предъявляли претензии на те или иные земли (Давыд Игоревич, после съезда ослепивший Василько и пытавшийся отнять у него Теремовльское княжество). Неэффективность действий власти в отношении изгоев, политика то задабривания, то подавления и устрашения ослабляла государство.

К сожалению, почти все процессы, явления и факты жизни Руси в первой трети XII в. скрыты под спудом летописного текста. А тогда происходили очень важные события. В Галицкой земле укрепились галицкие Ростиславичи. В течение этого времени Ольговичи с Давыдовичами овладели громадной Чернигово-Северской землей, и это упрочило их экономически, социально и политически, позволив соперничать с недостижимыми ранее Мономашичами. Младшее поколение Ярославичей составило земельные кланы, оформившиеся к середине 1140-х годов (Мстиславичи, смоленские Ростиславичи, собственно Мономашичи, Ольговичи, Давыдовичи, галицкие Ростиславичи).

Последним изгоем оказался сидевший во Владимире-Волынском Ярослав Святославич, возмущившийся решением Мономаха (киевского князя с 1113 г.) перевести из Новгорода поближе к Киеву старшего сына Мстислава. Его выступление было подавле-

но Владимиром Всеволодичем. Но став киевским князем, сам Мономах отказывается от «лествичного восхождения», желает закрепить стольный град во владении своих потомков. Следовательно, борьба изгоев за отчины в общественном мнении, а затем и в правовом плане, привела к успеху.

Правда, до поры они боролись за областные столы, о Киеве речь не шла. А в Киеве после Мономаха сел его старший сын Мстислав, который по родовому праву был младше своих двоюродных братьев Ольговичей и Давыдовичей. Младший брат Мстислава Ярополк, княживший в Киеве до 1139 г., с каждым годом ощущал возрастающее давление чернигово-северских князей, которые ни на миг не забывали о том, что они прямые наследники Святослава Ярославича, сидевшего в Киеве в 1073–1076 гг. После смерти Ярополка в стольном граде вокняжился было его младший брат Вячеслав, но его силой вытеснил из Киева сын Олега Святославича Всеволод. Его краткое княжение (1139–1146 гг.) ознаменовалось борьбой в кланах Ольговичей и Давыдовичей за волости и старшинство.

После смерти Всеволода Киев захватил энергичный внук Мономаха Изяслав Мстиславич, впервые провозгласивший и проводивший в жизнь принцип наследования главного русского престола от отца к сыну. Он овладел Киевом в обход своих дядьев Вячеслава и Юрия и решительно отрицал права на него других ветвей Рюриковичей – Ольговичей и Давыдовичей. Началась первая на Руси гражданская война (1146–1151 гг.), ознаменовавшая наступление удельной раздробленности Древнерусского государства.

Д.М. Котышев

СТАНОВЛЕНИЕ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

На рубеже IX–X вв. на юге Восточной Европы зарождается обширное протогосударственное образование, которое сначала зарубежные авторы, а позже – и автор-составитель «Повести временных лет» именуют Русью или Русской землей (Гиппиус 2005. С. 57–60; Гиппиус 2006. С. 56–96). В современной исторической

литературе суждения о характере и сущности «Русской земли» как государственного (раннегосударственного или даже догосударственного) образования весьма противоречивы. На мой взгляд, для сегодняшнего «разнообразия мнений» относительно характера древнерусской государственности характерна некоторая «неудовлетворенность» синхростадиальным подходом к истории Восточной и Западной Европы, что и является, собственно, причиной дискуссий.

Говоря о типологизации древнерусской государственности, не могу удержаться от возможности упомянуть точку зрения А.А. Зимина. «Становление государственности, – полагал историк, – происходило в условиях страны, только еще колонизирующейся восточными славянами... Правящий слой образовывался как нанос на торговых путях. Его состав был вненационален...». По мнению А.А. Зимина, правящая элита была способна осуществлять свою власть только в пределах городов, что придавало древнерусской государственности городской характер: «Даже обслуживали элиту холопы, а не крестьяне, которые в силу необозримых просторов страны не могли стать объектом хозяйственного властвования». Вывод, к которому пришел историк, резко расходился с той картиной, которую изображала тогдашняя официальная историческая наука. «Наш античный мир – вот что такое древняя Русь для России. Мир, не имевший прямой преемственности с дальнейшим (сметен варварами-монголами), но оставшийся голубой легендой» (Зимин 2002. С. 11).

Указанные мысли на рубеже 80–90-х годов XX в. развил С.М. Каштанов, заявивший, что «осмыслить русскую ситуацию XIV–XVI вв.» следует «в свете сходства социальных структур на Руси в это время и на Западе в период “высокого средневековья” (VII–IX вв.)». Проводя параллели между Русью XIV–XVI вв. и Франкским государством эпохи Меровингов и Каролингов, С.М. Каштанов полагает, что Россия неуклонно проделывала общеевропейский путь развития, но с опозданием на 7–8 веков (Каштанов 1992).

Рубеж 80–90-х годов XX в. стал переломным для отечественной исторической науки. Кризис ортодоксально-марксистской концепции и связанной с ней традиционной системы аргументации заставил большинство исследователей обратить свои взоры в сторону альтернативных моделей и методологических схем политогенеза. На первый план выдвинулась концепция вожества, которая,

с одной стороны, явилась результатом активных наработок англо-американской политической антропологии (Earle 1987. Р. 279–308; Крадин 1995), а с другой – итогом поисков советских историков и этнографов, активно разрабатывавших компаративный метод на древневосточном и африканском доколониальном материале (Кубель 1988).

Своеобразным «методологическим» рубиконом стали состоявшиеся в апреле 1992 г. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Ключевое значение на указанных чтениях имел доклад Е.А. Мельниковой, оформленный позже в виде научной статьи (Мельникова 1992; 1995). Выбрав отправной точкой механизмы социальной стратификации, описанные М. Фридом, она говорит о том, что в обществах Северной и Восточной Европы (включая восточнославянское) внутриобщинная дифференциация и стратификация приводят к выделению военной аристократии. Эта аристократия становится основным инструментом в деле формирования политической администрации.

Точку зрения Е.А. Мельниковой восприняли не только российские, но и украинские ученые. Так Н.Ф. Котляр, вслед за Е.А. Мельниковой, склонен считать восточнославянские объединения IX–X вв. надплеменными, определяя их политическую форму как «дружинное государство» (Котляр 1995. С. 45).

Наблюдения над историографической ситуацией вокруг проблемы древнерусского политогенеза, на мой взгляд, позволяют заключить, что в современной историографии древнерусской государственности, несмотря на разницу школ и подходов, фактически сложилось единое мнение, что первичная государственность у восточных славян стала результатом межплеменной интеграции и образования потестарных структур вождестского типа. Этот процесс в отечественной историографии называется по-разному: и формированием суперсоюза славянских племен, и складыванием дружинного государства, и т.д. В этом многообразии мнений точка зрения Н.Н. Крадина, полагающего Русь X–XI вв. своеобразной «мультиполитией» – имперской структурой, построенной на подчинении одной политией других (Крадин 2000. С. 146), заслуживает того, чтобы остановиться на ней более подробно.

Все вышесказанное дает мне основание для предположения о том, что на рубеже X–XI вв. восточнославянское общество переживало процесс эволюции от позднеродового строя к раннегосу-

дарственному. Шел процесс превращения потестарных структур в политические. Широко изученный этнологами и антропологами на материалах примитивных обществ, данный процесс отчетливо выявлен современными исследователями и в Древней Руси.

На мой взгляд, есть серьезный резон в замечании И.Я. Фроянова о том, что восточнославянское общество IX–XI вв. было иерархией славянских племенных союзов с полянами во главе (Фроянов 1991. С. 76 и сл.). Скандинавские конунги, опираясь на военную силу своих дружин и поддержку полянской общины, сумели подчинить себе окрестные племенные образования. Такой социум еще не являлся государством в классическом виде и может быть с полным правом отнесен, по моему мнению, к числу сложных вожеств – высшей стадии доклассовой государственности.

Ряд исследователей склонен выделять больше двух уровней в организации такого рода образований. Так Н.Н. Крадин, помимо простых и сложных, выделяет и суперсложные вожества (Крадин 1991). Исследователь называет их территориальными ранними государствами или мультиполитиями, к их числу он относит и Древнюю Русь, и империю Каролингов (Крадин 2000. С. 146). Если рассматривать описанную Н.Н. Крадиным схему применительно к Восточной Европе X в., то можно увидеть очень много схожего. Скандинавская «русь» выступает по отношению к славянам как раз ксенократической прослойкой, опирающейся на военную силу собственных дружинников, которые, как и рядовые скотоводы, описанные Н.Н. Крадиным, составляют костяк аппарата принуждения по отношению к местному славянскому населению. Подобная схема господства и подчинения очень хорошо засвидетельствована данными Константина Багрянородного, четко выделяющего правящую прослойку (росов) и их данников (пактиотов) – славян. При этом уже в указанное время формируются зачатки мультиполитийной структуры, что отмечено также в другом сообщении Константина о «внутренней» и «внешней» Руси (Константин Багрянородный 1989. С. 44–45, 50–51).

В целом, на мой взгляд, можно говорить о том, что на рубеже IX–X вв. на юге Восточной Европы (в районе Среднего Поднепровья) в результате военно-торговой деятельности скандинавских дружин на базе местных славянских вожеств складывается суперсложное вожество или мультиполитийная структура, опреде-

ляемая источниками IX–X вв. как Русская земля. Именно она в конце X в. станет основой территориальной державы, созданной в результате активного государственного строительства Владимира Святославича.

Сложившаяся с конца IX – начала X в. в Среднем Поднепровье вождестская структура базировалась на системе полюдья – регулярном взимании «русью» дани с окрестных славянских племен и ее реализации на международных торговых рынках Багдада и Константинополя. Подобная экстенсивная система эксплуатации во многом схожа с теми, что встречаются в кочевых империях, что дает возможность, как я отмечал выше, усматривать в этом определенные общесторические закономерности (Кобищанов 1995). Примечательно, что в указанное время вплоть до конца X в. постоянной столицы в Среднем Поднепровье не отмечено. На это обращает внимание А.В. Назаренко, проводящий параллель с эпохой Карла Великого, при котором вплоть до последних лет его жизни столицы как постоянного местопребывания правителя не было. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает специфическую систему сложного вождества на юге Восточной Европы, базировавшегося не на производстве, а на перераспределении прибавочного продукта и вследствие этого до поры до времени не нуждавшегося в постоянном административно-хозяйственном центре.

Перелом наступает в конце X в. Принятие Русью христианства означало новую историческую эпоху в истории Русской земли. Она превращается в христианскую державу, в часть «византийского содружества наций» (Obolensky 1971). 90-е годы X – 10-е годы XI в. – это время трансформации суперсложного вождества в раннее государство. Данные процессы находят свое выражение в том, что возникает столица как центр государственного образования, начинается активное оборонительное строительство и основание новых поселений (Белгорода, Василькова, Переяславля). Указанные населенные пункты не являлись племенными центрами, а олицетворяли собой центры властвования, посредством которых киевские правители закрепляли власть главной политики над всей Русской землей. В истории восточнославянской государственности наступал новый этап развития.

Литература

- Зимин А.А.* Недодуманные мысли. Этюды и воспоминания // Отечественная история. 2002. № 1.
- Гиппиус А.А.* К соотношению начальных пассажей Повести Временных лет и Новгородской первой летописи // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти член-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина: Мат-лы конф. М., 2005. Ч. 1. С. 57–60.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести Временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Каштанов С.М.* О типе русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В.Б. Кобрин. М., 1992.
- Кобищанов Ю.М.* Полкудь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Крадин Н.Н.* Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2000.
- Крадин Н.Н.* Политогенез // Архаическое общество. Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. 2.
- Котляр Н.Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. М., 1995.
- Куббель Л.Е.* Потестарно-политическая этнография. М., 1988.
- Мельникова Е.А.* К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (постановка проблемы) // Восточная Европа в древности и средневековье: Образование древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.
- Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. М., 1991.
- Earle T.* Chieftdoms in Archeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308.
- Obolensky D.* Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. L., 1971.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РУСИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МНОГОЛИНЕЙНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Проблема генезиса государственности на Руси в течение длительного времени рассматривалась, главным образом, в контексте теории становления феодализма. Спорным был только один момент – время появления феодализма. Ситуация изменилась после создания в середине 1960-х годов концепции «дофеодального общества» А.И. Неусыхина (1968). А.И. Неусыхин интуитивно имел в виду в своих исследованиях более сложную предгосударственную форму общества, чем пресловутая «военная демократия» Л. Моргана. Фактически он писал о вожествах, не будучи знакомым с этой теорией. Это открытие способствовало появлению ряда новых подходов в исторической науке и формированию в славистике концепции «городов-государств» И.Я. Фроянова и его школы (Фроянов 1980; Дворниченко 1995; Кривошеев 1999). Формально этап городов-государств являлся дофеодальным периодом на Руси. Другим важным шагом стала попытка внедрения в славистику непосредственно концепции «вожества» (Павленко 1989; Мельникова 1995). Совершенно очевидно, что многие так называемые «племенные княжения» по сути являлись «сложными вожествами».

Однако важно иметь в виду, что процесс становления государства мог осуществляться различными путями. Наиболее популярна точка зрения о противопоставлении политогенеза на Западе и Востоке – идея, идущая еще от Ф. Бернье и Ш. Монтескьё. Впоследствии это привело к созданию в рамках марксистской теории истории концепции «азиатского способа производства», появлению достаточно прочной традиции билинейных теорий исторического процесса, которая наиболее солидно была разработана К. Виттфогелем в его «иригационной теории» (Wittfogel 1957) и позднее развита в отечественном востоковедении Л.С. Васильевым (1993).

В последние два десятилетия вместо противопоставления Запада и Востока исследователи стали уделять больше внимания изучению альтернативных иерархии форм управления. Ю.Е. Берёзкин (1995) убедительно показал, что доисторические предгосударственные общества Передней Азии не вписываются в модель вож-

дства. А.В. Коротаев продемонстрировал, что децентрализованные политические системы горских сообществ имеют принципиальное сходство с греческими полисами (1995). Небольшие размеры обществ предполагали прямое участие всех членов общества в политической жизни («закон Монтескьё»). Пересеченный рельеф не способствовал объединению общин горцев в более крупные иерархические структуры (например, в вождества), а также препятствовал подчинению горцев равнинным государствам соседей. Параллельно в зарубежной археологии получила распространение концепция билинейности – выделение *иерархической* и *гетерархической* линий социальной эволюции или *сетевой* и *корпоративной* стратегий (Crumley 1995; Blanton, Fienman, Kowalewski, Peregrine 1996; Ковалевски 2000; Feinman 2001; Бондаренко 2006; и др.).

В чем суть данного подхода? Термин **гетерархия** обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей (Crumley 2001. Р. 24). Исследователи выделяют две стратегии, которые могут быть выделены в разных типах общества. Первая (**иерархическая** или **сетевая**) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерно концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (**гетерархической** или **корпоративной**) стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Важно отметить, что при использовании данного подхода следует избегать нескольких ошибок. Гетерархическую стратегию не следует рассматривать как более эгалитарную в сравнении с иерархией и предшествующую ей. Гетерархия не является менее сложной, чем иерархия. Примером этого могут служить греческие полисы и более поздние торговые города-государства, которые

обладали развитой внутренней организацией и культурой. По этой причине также было бы неправильно распространять эту модель на общества охотников-собираателей.

Представляется, что эти идеи имеют важную эвристическую ценность для интерпретации процессов политогенеза на Руси. Гетерархическое общество (корпоративная стратегия) отличается большим распределением богатства между разными социальными группами, что характерно для городов-государств Древней Руси. Власть в городах Руси была распределена между несколькими политическими силами – князья, бояре, городская элита. Отсутствуют пышные гробницы и захоронения элиты, резко отделяющие их от простых масс. Наличие земледельческих ритуалов плодородия, культы разных богов (Перуна, Велеса, Рода) показывают коллективный характер идеологии, свидетельствуют об отсутствии персонального прославления.

Известно, что гетерархическая структура была характерна для общества викингов (Kristiansen 2007). Бытование данной системы у скандинавов было обусловлено распределением ресурсов на большой территории и трудностью централизованного контроля над ними. Участие в военных походах являлось важным фактором повышения статуса для молодежи, получения и перераспределения престижных товаров для элиты. Немаловажную роль имел контроль над торговыми путями. Все это не могло не оказать влияния на процессы формирования на Руси комплексных обществ, которые по своей природе были не столько «дофеодальными», сколько гетерархическими.

Литература

- Берёзкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 165–187.
- Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 164–183.
- Васильев Л.С.* История Востока. М., 1993. Т. 1–2.
- Дворниченко А.Ю.* К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 294–318.
- Ковалевски С.* Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 171–185.

- Корогаев А.В.* Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 77–93.
- Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.
- Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к феодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 596–617.
- Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества. Киев, 1989.
- Фроянов И.Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Blanton R.E., Fienman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. 1996. Vol. 37, no 1. P. 1–14, 73–86.
- Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington (D.C.), 1995. P. 1–5.
- Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers. N.Y., 2001. P. 151–175.
- Kristiansen K.* The Rules of the Game. Decentralised Complexity and Power Structures // Socializing Complexity: Approaches to Power and Interaction in Archaeological Discourse. Oxford, 2007. P. 60–75.
- Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.

К.И. Красильников

ПРАБОЛГАРЫ В СТЕПНОЙ ПЕРИФЕРИИ КАГАНАТА

Актуальность событий VIII–X вв., касающихся взаимоотношений каганата, сопредельных территорий и этносов, не утратила своей значимости. Они в одинаковой степени затрагивают хазаро-и салтоведение, где наметились неоднозначные позиции.

В одном случае сформировалось понятие салтово-маяцкая культура (СМК), в другом, утверждалась идея хазарской государственной культуры, распространившейся на пространстве каганата и его периферии (Артамонов 1935, 1936, 1940 и др.).

Позднее появились представления о вариантах СМК (Ляпушкин 1958; Плетнёва 1967, 1999). Один из них, как, например, алан-

ский, прочно вошел в науку, другой, болгарский, только обозначился. Параллельно сохранялись взгляды историков в отношении роли «отдельных этносов» (хазары, аланы) в формировании ранне-средневековых обществ (Грушевский, Готье, Афанасьев).

Огромные массивы степей Подонья (150–160 тыс. км²) и Подонцовья (40–45 тыс. км²) в археологическом содержании оставались неизученными. Следовательно, из истории выпал народ, имя которому «праболгары». С надеждами на будущие открытия, И.И. Ляпушкин писал: «Со временем к востоку от Оскола по берегам степных рек бассейна Северского Донца памятники данной культуры будут найдены». Он предполагал, что пространство междуречья Дона и Северского Донца было занято населением, которое в состав Хазарии не входило, но являлось одной из областей, находящихся, по-видимому, в даннических с ней отношениях (Ляпушкин 1958. С. 140, 146–148).

Водораздел взглядов М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина по вопросам места СМК в Хазарии проходил по направлениям: являлась ли салтовская культура одним с хазарами культурно-историческим образованием, либо она, в условиях существования двух культурообразующих этносов алан и болгар, была самостоятельна.

Плотность заселения. На площади около 40 тыс. км² Подонцовья ($\frac{1}{4}$ часть степного Подонья) выявлено более 400 поселений трех известных в СМК типов (стойбища, кочевья, селища) (Красильников 1981. С. 110–125). Средний показатель плотности – одно поселение на 100 км². Статистику населения определить не удастся, так как одни из них, например, кочевья, не более 10 тыс. м², другие, селища – 150–180 тыс. м². Одинаково по-разному на поселениях выглядит плотность застроек, количество и размеры подворий.

Оседлость возникает в последней четверти VIII в., но в основном складывается в IX в. При этом наблюдаем, как часть кочевий преобразуется в крупные селища, другие же замирают. Стойбища как среда обитания праболгар к IX в. исчезают. Не последнюю роль в формировании новых структур, видимо, следует отнести каганату, заинтересованному во включении территории степей в систему стабильного хозяйства. В тоже время нельзя не заметить отсутствия здесь городищ с любой системой фортификации.

Хозяйственная специфика населения определяется природной степной зоной. Играть роль и интересы каганата, регулирующего деятельность населения в системе даннических обязанностей в

пользу Хазарии (Плетнёва 1978. С. 9–10). Основным направлением хозяйства было производство зерна. Планиграфия селищ предусматривает приречные долины; на поселениях участков, задействованных под комплексы-амбары, сосредоточено от 4 до 25 ям-зернохранилищ, обширных (400–500 м²) дворов – свидетельства общинной системы сосредоточения и хранения больших объемов зерна. Факты питания и ритуального одаривания продуктами фиксирует Ибн Фадлан: пища их – «просо, мясо лошадей, но и пшеница и ячмень в большом количестве». Собранное общиной зерно какое-то время было сосредоточено в амбарах. С учетом объемов раскрытых ям до 50 м³, масса зерна в них могла составить 35–39 тонн. Зерно для обеспечения семьи сосредоточено в ямах при жилищах, в жилищах, хозяйственных постройках, даже мастерских. Размеры ям с объемами 1,5–2,5 м³, вмещали от 1,2 до 2 тонн.

Земледелие дополнялось скотоводством с приселищным содержанием скота. Из данных остеологии следует: в стадах преобладает мелкий рогатый скот (60–65%); крупный рогатый скот составлял 25–30%, лошадь только 5–7%. На долю дикой фауны приходится до 3% костей.

Планировку поселений определяет: рельеф, оседлость, ремесленно-промысловая деятельность населения. Постройки (их раскопано более 110) четырех типов: бытовые, хозяйственные, жилые, производственные. Жилые постройки с интерьером и отоплением свидетельствуют о длительном их использовании в адаптации к условиям обитания в степи. Постройки хозяйственного назначения (стойла скота, амбары) – в основном наземные сооружения. Зафиксированы гончарные мастерские.

Сложившиеся в IX в. оседлость, система производящего хозяйства, в первую очередь земледелие, промыслы и ремесла (гончарное) – убедительно говорят о самодостаточности населения в условиях степной среды обитания, удаленной от традиционных центров раннесредневековой культуры.

Этнический состав населения определяется двумя источниками: захоронениями с погребально-обрядовой и инвентарной спецификой и бытом поселений. Статистика ритуальных особенностей погребений свидетельствует о том, что почти 80% из них произведены по обряду, характерному для праболгар (Красильников 1991. С. 62–81). 13% погребений произведено в ямах, но с мусульманской обрядностью (Красильников, Красильникова 2005).

С. 212–215). 1,5% выполнены в катакомбах, в гробах-колодах и рамах. С традициями кочевых народов совпадает – 5%. Наконец, хазарских погребений – до 0,5%.

Погребения дифференцируются и по инвентарному содержанию, но почти 30% могил – без инвентаря. На некрополях выявлены участки погребений элиты этнических праболгар, участки с биригуальными, полиэтноконфессиональными признаками. Общими же признаками погребений степного Подонцовья являются отсутствие военной амуниции, наступательного вооружения, упряжек всадников. Такая ситуация – свидетельство неучастия здешнего населения в системе военных структур. Полиэтнический состав населения, помимо антропологии, обоснован наборами предметов быта: тандыры, манкалы; их внедрение в культуру праболгар связывается с миграциями южан.

Итак, ядром населения СМК степного Подонцовья являлись торко-болгары, иммигранты составляли лишь часть его обитателей. В отличие от алан, которые «служили» хазарам в военно-охранной системе пограничья (Плетнева 1989. С. 7–20; Винников, Плетнева 1998. С. 18–42), праболгары не только не допускались в военные контингенты хазар, но были лишены и защиты собственных территорий и поселений. В их обществе не прослеживается социальной прослойки, имеющей отношение к военному строю: незначительное число находок конской упряжи всадника, невысокий процент костей лошади, полное отсутствие наступательного оружия всадников, в частности, сабель – свидетельства «невостребованности» в степной периферии подвластных Хазарии военных контингентов из числа праболгар. Вопросы защиты территорий, управления ею и торговые дела каганат обеспечивал собственным присутствием.

Итак, население степного Подонцовья не входило непосредственно в каганат, но было подчинено ему как провинция, реальным центром управления которой мог быть Саркел.

Литература

- Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. Л., 1935. Вып. 131.
- Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // Советская археология. 1940. № 6.
- Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. М.; Л., 1958. № 62.

- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Винников А.З., Плетнёва С.А.* На северных рубежах хазарского каганата. Воронеж, 1998.
- Красильников К.И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедончя // Советская археология. 1981. № 4.
- Красильников К.И.* Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. Вып. 2.
- Красильников К.И., Красильникова Л.И.* Могильник у села Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья: Тр. по археологии. Донецк, 2005. Т. 4.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. М., 1958. № 62.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам // Там же. М., 1967. № 142.
- Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1976.
- Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.

А.А. Кузнецов

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Говоря о складывании и развитии Древнерусского государства, исследователи концентрируют свое внимание в основном на IX–XI вв. Из поля зрения выпадают процессы политогенеза, развернувшиеся с наступлением раздробленности. С одной стороны, раздробленность стала этапом развития политических институтов IX–XI вв. в локальных вариациях, с другой – в каждой из земель начинались собственные процессы политогенеза.

В настоящем докладе предлагается взглянуть на особенности передачи власти в Северо-Восточной Руси в XII – первой половине XIII в. В борьбе 1070-х – 1080-х годов принадлежность Северо-Восточной Руси оставалась проблематичной. Ясность внес Любечский съезд 1097 г.: за Мономахом остался Переяславль-Русский с Суздальской землей. Моно-

мах актуализировал их связь, когда отправил в Суздаль сына Юрия в 1108 г. Став независимым правителем Ростовской земли с 1125 г., Юрий Владимирович, как следует из источников, рассматривал ее как базу для достижения Киева. О приоритете киевского интереса для князя свидетельствует тот факт, что в 1134 г. Юрий обменял «Ростовскую землю, но не всю» на Переяславль (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 302; М., 1998. Т. 2. Стб. 295). Лишь вследствие логики политической борьбы Юрий Владимирович был вынужден удовольствоваться Северо-Восточной Русью.

Уход от отца и утверждение во Владимире Андрея Юрьевича также носило случайный и субъективный характер. Андрей Боголюбский стал первым правителем Северо-Восточной Руси, который желал там править. При этом было нарушено намерение Юрия Долгорукого, скрепленное крестным целованием ростовцев, суздальцев, переяславцев и, видимо, владимирцев, о посажении в Залесской земле Михалка и его брата Всеволода (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372; Т. 2. Стб. 595). Об этом намерении сообщается уже после гибели Андрея Боголюбского, когда ростовцы, суздальцы, переяславцы и владимирцы выбрали себе в князья внуков Юрия Долгорукого – Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Насколько достоверно это известие, сказать нельзя, поскольку в летописи оно приведено уже после смерти и Юрия Долгорукого, и Андрея Боголюбского. Оно может быть связано с цитатой из Паримийника, приведенной в Лаврентьевской летописи в связи с победой Всеволода Юрьевича над Мстиславом Ростиславичем на Липице в 1176 г.: «не ведущее яко Богъ дает власть емуже хощеть... аще кая земля управится пред Богом, поставляет еи князя праведна» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 381). Эти слова логически завершают ремарку летописца о нарушении горожанами Северо-Восточной Руси обещания, данного Юрию Долгорукому о том, чтобы его младшие отпрыски получили власть в этом регионе.

После усобиц в Залесской земле в конце 1170-х годов утвердился Всеволод Юрьевич. Всеволод до конца жизни преследовал тех, кто стал на его пути к владимирскому столу. Видимо, он компенсировал недостаток легитимности жестким отношением к соперникам. К концу правления Всеволода (он умер в 1212 г.) из всех потомков Юрия Долгорукого по

мужской линии остались лишь дети и внуки самого Всеволода. Только они за вековой период существования княжества чувствовали себя уверенно, поскольку владели землей, в которой родились и выросли, которой правил их отец. Их укорененность в Залесской Руси не подвергалась сомнению со стороны других князей. Даже после битвы на Липице победивший Мстислав Удатный, утвердив на владимирском столе Константина, не добивался коренных перемен во Владимирском княжестве.

К 1212 г. в Северо-Восточной Руси, при видимом сохранении династии, так и не сложилось механизма передачи власти. Сыновья Юрия Владимировича силой исторических обстоятельств и своей воли занимали владимирский престол. Каждый князь, утверждаясь в XII в. в Залесской земле, в смысле династического наследования являлся случайным, а потому не совсем легитимным преемником предшественника. Предшествовавшая занятию владимирского стола политическая маргинальность Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича обуславливала своеобразие их политического почерка, являя экзотические примеры политических авантур – таких как организация коалиционного похода на Киев Андреем Боголюбским в 1169 г. или попытка Всеволода Юрьевича посадить сына Ярослава на княжение в Рязань в 1208 г. при наличии плененной, но устоявшейся местной княжеской династии (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434). В историографии политическая прерывность в Залесской земле замечена не была, поскольку закрепление обоих Юрьевичей в княжестве потребовало применения силы и властности, что в глазах историков придало им ореол великодержавности и(или) деспотизма.

Выработка механизма передачи власти в Северо-Восточной Руси стала осуществляться к концу правления Всеволода Большое Гнездо. Источники представляют сведения для двух вариантов. Один из них опирается на известия Московского летописного свода (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 108–109). В нем, по мнению А.Н. Насонова, отразился летописец Юрия Всеволодича за 1209–1238 гг. (Насонов 1969. С. 210–225, 266–267). Предполагается, что при «Всеволоде... возникает новый сословный орган, отдаленно напоминающий будущий земский собор... Акт утверждения наследника в присутствии и с

согласия представителей городов и волостей должен был обеспечить единство Владимиро-Суздальской земли после смерти великого князя» (Черепнин 1972. С. 394). Оставляя в стороне проблему тенденции к развитию сословно-представительной монархии, обратим внимание на то, что решение Всеволода, закрепленное «сословным органом», предполагало главенство Юрия над братьями, которым достались отдельные столы. При этом в историографии признается, что власть Юрия номинально распространялась и на Константина, хотя из контекста сведения следует, что последний не подпадал под суверенитет младшего брата. Второй вариант следует из изучения известий Лаврентьевской летописи и Летописца Переяславля-Суздальского (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435–437; М., 1995. Т. 41. С. 129–131). В этом случае получаем весьма архаичное распределение власти. В 1207 г. Константин получил большую часть Северо-Восточной Руси – Ростовскую землю (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434). А на момент смерти Всеволода Владимир, видимо, со значительной частью княжества переходит под власть Юрия, Переяславль – Ярослав, Юрьев – Владимир (Кузнецов 2009. С. 66–96).

Каким бы не было завещание Всеволода, его перечеркнул Константин, стремившийся к старшинству среди братьев и к власти в Залесской земле. В ходе борьбы к 1214 г. сложилось двоевластие в Северо-Восточной Руси: в Ростове – Константин с детьми, во «Владимирской части» – Юрий и Ярослав. Неустойчивое равновесие нарушило вторжение Мстислава Удатного в 1216 г. После Липицы и вокняжения Константина произошло изменение порядка Всеволода Юрьевича – Константин объединил под своей властью Северо-Восточную Русь, а затем передал власть и старейшинство среди братьев Юрию. Трудно сказать, как развивались бы события дальше: вмешался внесистемный фактор Батыева нашествия, приведший к физическому уничтожению великого князя и всей его семьи. Опять-таки неожиданно князем владимирским стал Ярослав.

Своеобразие исторических особенностей Владимирского княжества обусловило отсутствие бесконфликтных механизмов передачи власти. Именно с этим столкнулся Всеволод Юрьевич в последние годы своей жизни: ему надо было предотвратить возможные конфликты среди сыновей. Поэтому и

состоялся династический «эксперимент», вобравший в себя элементы политических практик Руси X–XII вв.

Эти выводы заставляют внимательно рассматривать утверждения о формировании сильной (с полярными оценками в историографии) власти в Северо-Восточной Руси, выводимые из изучения политической практики Андрея Боголюбского и сочинения Даниила Заточника. В исторической науке устоялось мнение, согласно которому в период политической раздробленности домонгольской Руси в северо-восточной ее части начали закладываться основы великодержавной власти. В подобных рассуждениях смущают три момента. Первый – гладкая схема политического развития, которая не объясняет и не вбирает в себя всех фактов политической истории Владимирского княжества. Второй – это то, что с разными оценками историография повторяет идеи летописания XV–XVI вв. (тезис П.Н. Милокова, развитый А.Е. Пресняковым). Третий – это то, что главным доказательством этого мнения является правление Андрея Боголюбского, к которому иногда подвешивается княжение Всеволода Большого Гнездо. При этом совмещаются разновременные и разнохарактерные (внутри- и внешнеполитические) проявления этой державности. Таким образом, устойчивый тезис о формировании и развитии державных тенденций на северо-востоке Руси нуждается в дополнительной проверке.

Отсутствие династической преемственности обуславливало дискретность в политической практике владимирских князей, их поведении на общерусской арене, а значит – и отсутствие передовой для того времени тенденции к формированию сильной власти в Северо-Восточной Руси. В силу этих обстоятельств история Владимирского княжества предстает не столь закономерной, как это казалось раньше. Складывание династическо-политической преемственности и режима сильной власти происходило уже после 1238 г.

Источники и литература

- Кузнецов А.А.* Политическая история Северо-Восточной Руси 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // *Ruthenica*. Київ, 2009. Т. 8.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89.

А.В. Лаушкин

УСОБИЦА КАК «БОЖИЙ СУД» НА СТРАНИЦАХ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XI–XIII вв.

Согласно летописным данным, для древнерусских князей был характерен взгляд на войны друг с другом как на своего рода «поле» – судебные поединки, судьей в которых выступает Сам Бог. Касаясь этого представления, В.О. Ключевский писал, что усобицы воспринимались в качестве одного из юридических механизмов разрешения межкняжеских противоречий наряду с рядами (договорами) и, таким образом, являлись «не отрицанием междукняжеского права, а только средством для его восстановления и поддержания» (Ключевский 1987. С. 191). К сожалению, ни сама эта примечательная черта политической культуры Древней Руси, ни ее связь с практикой судебных поединков, известных у нас по крайней мере с XIII в. (СГ. С. 12, 22 и др.), так и не стали предметами специального исследования. Ниже мы бы хотели указать на некоторые особенности бытования мотива усобицы как «Божьего суда» в основных летописных памятниках XI–XIII вв. – летописях Лаврентьевской (далее: *ЛЛ*), Ипатьевской (далее: *ИЛ*) и Новгородской первой в части до начала XIV в. Выяснение таких особенностей – неременный шаг к изучению явления уже в рамках историко-правового подхода.

1) Все апелляции к «Божьему суду» и прямые указания на него в рассматриваемых памятниках звучат из уст героев повествования, в подавляющем большинстве случаев – из уст князей. При общей тенденции древнерусского летописания по возможности точно передавать княжеские «речи», особенно дипломатические послания с присущей им отточенностью речевых формул (Лихачёв 1986. С. 142, 146–149, 152–153), нет сомнения в том, что мысль о «Божьем суде» как способе разрешения конфликтов не была ис-

кусственно-книжной, а действительно пришла на страницы летописей из реальной политической жизни. Похоже, что и момент произнесения подобных апелляций, и сама их форма регламентировались определенными правилами. Почти всегда слова о «Божьем суде» раздаются в некий начальный момент противостояния (при разрыве мира, подготовке к усобной войне, в начале военного похода или перед битвой) и обращены либо к противнику (порой в форме ультиматума), либо к «своим» (союзникам, войску), реже – к Богу. Но при этом Бог, призываемый на роль нелицеприятного арбитра, в любом случае оказывается главным адресатом таких заявлений. Обычно или сам «истец», или летописец излагает вину «ответчика» – противной стороны. Другими словами, апеллирующая к «Божьему суду» сторона стремится доказать свою правоту, что одновременно является и оправданием нарушения мира или перехода к более активным наступательным действиям. Что же касается устойчивых формул, то летописные тексты сохранили несколько типов речевых оборотов, содержащих отсылку к «Божьему суду». Наиболее распространенным является тип с ядром «Богъ расоудить / расоудилъ / оуправить» («како мя Богъ расоудить с вами», «да како намъ Богъ расоудить», «како мя с ним Богъ оуправить» и т.п.). Часто встречается и другой тип – с ядром «Богъ дастъ» («како ми Богъ дастъ», «како ны с ними Богъ дастъ» и т.п.). Реже используется оборот с ядром «за всем Богъ» («а Богъ боудеть за всим» и т.п.). Этими тремя типами исчерпываются все явные случаи интересующих нас отсылок прямой речи в изучаемых памятниках летописания кроме «Повести временных лет» (о которой мы скажем отдельно). Исключение составляет лишь одна (и единственная в Новгородской первой летописи) формула апелляции к «Божьему суду», произнесенная к тому же не князем, а новгородским посадником Твердиславом во время внутригородской смуты (под 6726 г.): «даже буду виновать, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а Ты мя оправи, Господи». Подавляющее большинство (более $\frac{3}{4}$) случаев использования выявленных речевых формул сконцентрировано в Киевском своде 1198 г. (*ИЛ*). Что же касается «Повести временных лет» (далее: *ПВЛ*), то в ней названных оборотов нет, но сама идея усобицы как «Божьего суда» уже намечена, выражаясь и через апелляцию князя к справедливому Божьему отмщению (в повествовании о борьбе Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным), и через указания летописцев на то, что князь

перед походом уповаает на Бога и «правду» (такие оговорки, явно имеющие отношение к разбираемому представлению, сохраняются в летописании и далее), и посредством уникальной формулы «Богъ / крестъ межи нами» («Богъ промежи нами будетъ», «да буди межи нами крестъ» – под 6604 и 6605 гг.). Как представляется, *ЛВЛ* отразила ту раннюю стадию в развитии явления, когда выработка устойчивых формул, характерных для последующего времени, еще не завершилась.

2) Рядом с указанными устойчивыми формулами в летописи иногда встречаются более развернутые фразы героев повествования или самих летописцев, свидетельствующие о том, что временем совершения Божьего правосудия часто понималось решающее сражение сторон, что еще больше сближает усобицу как «суд Божий» с судебным «полем». Один из таких примеров – реплика идущего на бой посадника Твердислава – мы уже процитировали. Тот же мотив содержат *ЛЛ* и *ИЛ* в описании битвы под Владимиром между полками князей Михалка Юрьевича и Мстислава Ростиславича (под 6684 г.): Бог помог Михалку и тем самым «оправил» его «предо всеми человеки». Приведем еще несколько выразительных чтений из Киевского свода 1198 г. Под 6658 г. он передает слова князя Изяслава Мстиславича, укреплявшего своих бояр перед лицом возможной атаки князей-противников: «с теми суд Божии вижду, а како Богъ розъсудить». Под следующим годом цитируется послание того же князя к сыну Мстиславу, в котором он так сообщает о приближающейся битве с врагом: «се оуже мы идемъ на суд Божии». О битве как времени «судебного разбирательства» говорит под 6688 г. и князь Святослав Всеволодич, предлагавший своему неприятелю князю Всеволоду Юрьевичу после двухнедельного стояния на берегах р. Влены выйти-таки на решающее сражение: «отстоупи дале от речки, тое даи ми поуть, ать ближе к тобе перееду, ать нас росоудить Богъ; мне ли поуте не даси, а язъ тобе дамъ, ты перееди на сю стороноу, а сде насъ Богъ росоудить». Впрочем, спор князей Судия не обязательно разрешал в ходе большой битвы или даже малого кровопролития. Под 6666 г. памятник рассказывает, как князь Изяслав Давыдович начал было подниматься на киевского князя Юрия Владимировича, но получил известие о его смерти. Изяслав посчитал, что его спор с Юрием был решен самим Богом, и порадовался тому, как именно

это случилось: «благословенъ еси, Господи, оже мя еси росудить с ним смерт[ию], а не кровопролитьемъ».

3) Широкое бытование идеи «Божьего суда» позволяет по-новому взглянуть на распространенные в летописи замечания (как героев повествования, так и самих летописцев) о помощи Бога и других небесных сил одной из сторон усобной войны. Эти замечания, как можно догадываться, не столько обнажали некий религиозный цинизм летописцев или их политическую пристрастность (без чего, конечно, дело также не обходилось), сколько – по крайней мере, в некоторых случаях – подводили «юридический» итог столкновения в тех понятиях, через призму которых к делу подходили сами князья. Показательным примером тут может служить рассказ *ИЛ* о знаменитом походе на Киев коалиции князей во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом в 1169 г. Констатация того, что Андреевичу в его борьбе с киевским князем Мстиславом Изяславичем «поможе Богъ», соседствует с эмоциональным описанием страшного погрома Киева, который учинили победители – были ограблены и сожжены церкви, погибли или попали в плен многие мирные горожане, в столице воцарилась «скорбь неоутешимая». Ясно, что ремарка «поможе Богъ» тут относится не к погрому, а лишь к результату столкновения двух Мстиславов, победу в котором Бог отдал Мстиславу Андреевичу.

4) Любопытной представляется хронология бытования рассматриваемого мотива в летописании XI–XIII вв. На страницах *ЛВЛ* идея «Божьего суда», как мы отмечали, предстает скорее на стадии своего начального развития. В текстах первого столетия раздробленности (особенно – южнорусских) она встречается уже систематически и многократно. Более того, именно летописные статьи второй трети XII – первой трети XIII в. дают абсолютное большинство рассмотренных выше литературных проявлений интересующего нас феномена. Летописные же записи, возникшие в первые десятилетия после нашествия Батыя (до начала XIV в.), практически свободны от таких проявлений (два случая в Галицко-Волынской летописи – под 6776 и 6797 гг.). Трудно удержаться от того, чтобы не попытаться увидеть в столь резких переменах отражение меняющейся идейно-политической реальности изучаемой эпохи. Окончательный распад Древнерусского государства во второй трети XII в. и усилившиеся споры о родовом старшинстве в среде потомков Рюрика расшатывали иерархические отношения

между князьями и должны были создавать питательную среду для развития идеи «Божьего суда» – поиска справедливости у престола Того, Чей авторитет оставался незабываемым при любых изменениях политической жизни. Появление же у русских князей в середине XIII в. признанного ими земного сюзерена, при степном дворе которого теперь и стали по преимуществу разрешаться их семейные споры, без сомнения, ослабляло политическую актуальность апелляций к прямому правосудию Божию.

Литература

Ключевский В.О. Сочинения. М., 1987. Т. 1.

Лихачёв Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

СГ – Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ VS. МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ XI–XII вв.

Средневековый династический брак традиционно принято рассматривать как инструмент и индикатор заключения политических союзов разного типа, но, пожалуй, прежде всего – военных. Поскольку браки правителей, так же как и их имена, составляют некоторый минимальный набор данных, фиксируемых в письменных источниках, этот подход зачастую применяется для реконструкции тех событий из жизни правящего рода и государства, подробности и причинно-следственные связи которых в дошедших до нас источниках напрямую не названы. Отнюдь не отрицая продуктивности такого взгляда, мы хотели бы на примере Рюриковичей домонгольской поры продемонстрировать некоторые параметры династического обихода, создающие своеобразные точки напряженности в привычной схеме «семейный союз – союз политический».

На брачную и семейную жизнь христианской династии в XI–XII вв. накладывают отпечаток: во-первых, система канонических запретов (достаточно устойчивая и все же отнюдь не лишенная вариативности и способности к изменению), во-вторых, некие более чем подвижные местные представления о том, какие из цер-

ковных запретов и при каких обстоятельствах могут нарушаться, и, наконец, в-третьих, внутренние ограничения, напрямую не обусловленные конкретным церковным каноном и зачастую вообще не подвергавшиеся эксплицитной формулировке на письме.

Для династии Рюриковичей ограничения третьего типа оказывались как нельзя более актуальными и действенными, хотя, не будучи сформулированы в качестве письменной нормы ни в одном из дошедших до нас памятников, они легче всего ускользают от внимания исследователя.

Так, русский князь не мог, например, *жениться на вдове другого русского князя* (единственным и, на наш взгляд, весьма значимым исключением является случай Владимира Святого, который «залеже жену братьню Грекиню . и бе непраздна . от нея же роди Святополка»). В последующих же поколениях это неписаное правило работает таким образом, что если овдоветь случалось князю, то для него вступление во второй брак представлялось с династической точки зрения безусловно желательным; если вдовой становилась русская княжна, выданная за пределы Руси, то для нее повторное замужество оказывалось делом возможным и вполне обыкновенным. Жена же русского князя, потерявшая мужа, либо навсегда оставалась вдовой, либо дальнейшая ее матримониальная жизнь складывалась за пределами Руси.

Если бы такие ограничения касались только урожденных княжон Рюриковн, можно было бы допустить, что для них порой трудно подобрать жениха, который не приходился бы слишком близким кровным родственником ни ей, ни ее покойному мужу. Однако столь твердый, хотя и нигде не зафиксированный запрет явно объяснялся не только и не столько этим. Это особенно очевидно в тех случаях, когда овдовевшая княгиня была иностранкой или новгородкой, т.е. была связана с Рюриковичами не по крови, а лишь по браку. Тем не менее, ни для кого из таких вдов не находилось пары из числа русских князей.

Подчеркнем, что ни в Византии, ни в Северной Европе, т.е. в тех культурных традициях, которые могли бы выступать как потенциальный источник образцов матримониального обихода для наших князей, дискриминации вдов не существовало в принципе. В самом деле, более благочестивым для христианки считалось, разумеется, сохранять безбрачие после смерти мужа, на ее матримониальные возможности накладывались известные временные

ограничения, однако ни о каком запрете на повторный брак как таковой речи не шло.

Весьма любопытно, что этот неписанный запрет вполне сопоставим по мощности действия с запретами каноническими, если не превосходит их. Так, в летописании, повествующем о событиях домонгольского времени, мы – вопреки весьма выраженной на Руси тенденции к соблюдению канонов относительно браков между родственниками – все же спорадически обнаруживаем случаи матримониальных союзов между людьми, состоящими, например, в шестой степени родства, однако не знаем ни одного упоминания о том, чтобы в эту эпоху Рюрикович женился на вдове Рюриковича.

Нетрудно определить, что означал этот запрет в перспективе устройства каких бы то ни было военно-политических союзов. Родители или другие родственники жены умершего князя были лишены возможности еще раз разыграть эту брачную карту дома и заключить с помощью повторного брака этой своей родственницы какой-либо новый альянс, ее дети не имели шанса приобрести дополнительное кровное родство с какой-либо другой ветвью Рюриковичей в своем поколении, поскольку здесь у них не могло появиться единоутробных сестер и братьев, а следовательно, политической поддержки и т.д. Этот ряд несуществующих возможностей можно было бы счесть не стоящим перечисления, если бы у нас перед глазами не было, например, «скандинавской модели», когда содружество царственных пасынков, отчимов и сыновей от разных браков, обладавших и не обладавших правом на престол, создавало целую вспомогательную сеть, функционировавшую наряду с родством по крови и традиционным свойством.

Подчеркнем, что выделенный нами запрет на браки князей со вдовствующими княгинями это, вообще говоря, не единственное неписаное ограничение, работавшее в династии Рюриковичей на протяжении весьма длительного времени. Так, до начала XIII в. *новорожденный княжич не мог получить родового имени своего живущего отца или деда*, причем такое запрещение было сопряжено с целым рядом других желательных или неперемennых условий выбора имени для наследника. Данный набор правил, не имеющий прямого отношения к возможности заключения различных военно-политических союзов с помощью династического брака, тем не менее сразу же определяет некоторые механизмы закрепления этих союзов в именослове; одни из таких механизмов делаются

невозможными, тогда как другие – почти обязательными. В целом же система именаречения оказывается ориентированной скорее на собственную андроцентрическую родовую линию, нежели на связи, заключаемые путем браков.

Не менее важна для понимания матримониальной стратегии династии и весьма специфическая промежуточная область ограничений, связанная с тем, каким образом в той или иной местной культурной традиции воспринимается возможность отступления от церковных предписаний о дозволенных и недозволенных браках. Иначе говоря, какие нарушения в этой сфере чрезвычайно раритетны и истолковываются как заметные и вопиющие, а какие, напротив, относительно частотны или осуждаются с меньшей строгостью. В целом в качестве «проблемной зоны» для христианского мира XI–XII вв. выделяются браки между лицами, находящимися в отдаленной степени кровного родства (условно говоря, мера неприемлемости брака с троюродной сестрой или с дочерью троюродной сестры), браки между свойственниками и браки между людьми, находящимися в духовном родстве, но не самом ближайшем.

Отношение к такого рода союзам, изначально апеллирующее к общим для всего христианского мира источникам, в это время напряженно обсуждалось на целом ряде соборов как на Западе, так и на Востоке, и отливало в различные редакции собственно церковных и церковно-светских установлений, порой, помимо всего прочего, руководствовавшихся разными схемами исчисления родства. Все это создавало обширное пространство для всевозможных несовпадений и формирования местных изводов даже на уровне зафиксированного на письме права, но в еще большей мере – в конкретных династических практиках. В исследованиях наибольшее (и вполне заслуженное) внимание уделяется «пограничным случаям» кровного родства, потому что именно здесь кажется очевидным поле для политических манипуляций (в случае необходимости брак заключается с «маргинальным» нарушением канонов, в случае же изменения ситуации это нарушение может актуализироваться, а брак, соответственно, расторгаться).

Не менее существенную роль, однако, играет мера соблюдения запретов на матримониальные союзы со свойственниками, т.е. с людьми, принадлежащими к роду, браки с членами которого уже заключались прежде. Большинство канонических уложений свойство приравнивалось к кровному родству, но предписания от-

носителем брачных запретов в ряде местных традиций (в скандинавской, например, и отчасти – в немецкой) знатно соблюдались куда менее строго, нежели запреты, касающиеся кровного родства. Русские же князья в этом отношении придерживались, по-видимому, «византийской модели» брачной стратегии правящих родов, где предписания дозволенных для брака степеней свойства выдерживались достаточно строго, а почти неизбежные отклонения были редки и, как правило, подвергались рефлексии. Иначе говоря, на Руси *князья не брали в жены своих сколько-нибудь близких свойственников* (мы не знаем, в частности, примеров, когда два брата женились на двух сестрах и т.п.).

Таким образом, русские князья, принадлежа к единому роду Рюриковичей и будучи вынуждены соблюдать, помимо всех перечисленных ограничений, еще и базовые запреты на браки с кровными родственниками, оказывались чрезвычайно детерминированы в своей матримониальной стратегии. Разумеется, связь между заключением брака и выбором военно-политического союзника всегда была очень тесной, однако если речь идет о союзах внутридинастических, необходимо учитывать, что при столь высокой степени предопределенности брачных комбинаций в иных случаях эта связь почти неизбежно приобретала, так сказать, обратный характер – выбор потенциального политического союзника определялся возможностью матримониальных отношений. В то же время следует принимать во внимание, что круг замыслов, связывавшихся с междинастическими (пространственно удаленными) браками, в XII, а особенно в XI в. зачастую не ограничивался ближайшими планами военных действий, но мог регулировать более тонкие механизмы передачи власти в правящей семье.

Е.В. Литовских

**ЖЕНЩИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
ДРЕВНЕИСЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА:
АУД ГЛУБОКОМУДРАЯ В «КНИГЕ О ЗАНЯТИИ ЗЕМЛИ»**

Элита древнеисландского общества в первое столетие после переселения складывалась из глав родов первопоселенцев. Вокруг

них формировались новые политические институты – хреппы, гондорды, тинги. Они наделяли землей своих домочадцев, вольноотпущенников и прибывших позднее. Из их среды впоследствии вышли законоговорители и епископы.

Практически все они были мужчинами – главами семейств, причем многие из них – родичами норвежских конунгов, херсиров и ярлов (Byock 1979; Jón Viðar Sigurðsson 1999). В «Книге о занятии земли» упоминается более 400 родов первопоселенцев, составивших будущий круг исландской знати и политической элиты.

«Sturlubók» («Книга Стурлы») – первая редакция «Книги о занятии земли» (*Landnámabók*, см.: Landn.) – была написана около 1275–1280 гг. исландским ученым и политическим деятелем Стурлой Тордарсоном (1214–1284). Главной целью Стурлы при создании «Книги» было описание родов первопоселенцев и мест их расселения для обозначения родственных связей и территориальных владений.

Следовательно, основной контингент персонажей – мужчины как первопоселенцы и наследники. Женщины упоминаются в «Книге о занятии земли» только как жены – связующие звенья между разными родами в генеалогии по горизонтали, и матери – связь по вертикали. Поэтому они даже вводятся в текст через мужчин: в большинстве случаев это фраза типа «жил человек по имени... его женой / дочерью была...» (см., например, сюжет об Асперд, дочь Аскеля Немого и жену Офейга: Landn. K. 89. Bls. 204–205).

Кроме того, при огромном количестве действующих лиц Стурла очень редко останавливается на ком-либо из них подробно. Тем большего внимания заслуживают исключения. Для того чтобы в «Книге о занятии земли» женщина была упомянута не только в генеалогическом перечне, она должна была быть явно незаурядной. При анализе текста «Книги» четко выделяются две категории таких женщин.

Первая, более многочисленная, категория – ведьмы, оказывающие помощь герою, т.е. второстепенные эпизодические персонажи, которые могут даже не иметь имени. И вторая – выдающиеся исландки, оставившие по себе настолько глубокую память, что Стурла Тордарсон счел необходимым поведать о них особо. Таких немного. Это, как правило, оставшиеся после смерти мужа с малолетними сыновьями и, следовательно, управлявшие хозяйством до взросления детей знатные и влиятельные женщины. Сюда можно отнести Турид Полное Плавание (Landn. K. 50. Bls. 109) и Торгерд,

жену Асбьёрна (Landn. K. 84. Bls. 194–195), сюжеты о которых, однако, также не превышают одного абзаца. И даже в этих кратких упоминаниях основной акцент сделан на землях, унаследованных той или иной ветвью потомков, а не на самих женщинах.

Тем ярче на их фоне выделяется Ауд Глубокомудрая, которой Стурла в «Книге о занятии земли» уделил места больше, чем иным выдающимся мужчинам.

Ауд – женщина знатная и влиятельная, принадлежавшая к политической элите Исландии своего времени. Она была дочерью Кетиля Плосконосого, херсира в Норвегии, и в качестве первопоселенки проделала долгий путь до Исландии из Норвегии через Ирландию, Гебридские, Фарерские и Оркнейские острова, возглавив «корабль с двадцатью свободными мужчинами» (Landn. K. 36. Bls. 82–83).

В «Книге» она включена в состав шести наиболее известных первопоселенцев-христиан (Landn. K. 101. Bls. 234) и восьми выдающихся первопоселенцев Западной четверти (Landn. K. 54. Bls. 127). Эти перечни приводятся Стурлой в конце каждой из частей «Книги о занятии земли», и Ауд в них – единственная из женщин на всю Исландию.

«Книга о занятии земли», как можно естественно предположить исходя из значительности фигуры нашей героини, – не единственный источник, где фигурирует Ауд Глубокомудрая. Как знатная первопоселенка, глава одного из четырех знатнейших исландских родов и одна из первых исландских христиан она упоминается в «Книге об исландцах» (Íslendingabók. K. 2. Bls. 3).

Ауд присутствует в генеалогических перечнях и кратко упомянута в связи с земельными владениями родственников или домочадцев, которыми она их наделила, в «Саге о Ньяле», «Саге о людях с Песчаного Берега» (где она ошибочно названа *Djúpúðga* «Глубокобогатая») и «Саге о Харальде Прекрасноволосом».

В «Саге о Греттире» ей посвящен всего лишь один абзац, в котором вкратце пересказаны обстоятельства женитьбы ее внука Олава Волчонка и дана ссылка на то, что ее смерть описана в «Саге о людях из Лососьей Долины» (Gret. K. 10. Bls. 14–15). Фрагмент «Саги об Эйрике Рыжем», посвященный Ауд, также невелик (Eirík. K. 1. Bls. 105) и почти дословно (хотя и местами в несколько сокращенном виде) совпадает с началом интересующего нас фрагмента «Книги о занятии земли».

В сагах подробнее всего об Ауд говорится в «Саге о людях из Лососьей Долины», где она фигурирует под именем Унн. Поскольку описанию Ауд в родовых сагах исследователями было уделено достаточно внимания (см.: Heller 1976. P. 93–124; Jochens 1986. P. 35–50; Thomas 1952. P. 313–317), сосредоточимся на особенностях текста, приведенного Стурлой (Landn. K. 36–40. Bls. 82–88), и его отличиях от фрагмента «Саги о людях из Лососьей Долины» как наиболее развернутого (Laxd. K. 4–7. Bls. 258–262).

Сам сюжет как в «Книге о занятии земли», так и в «Саге о людях из Лососьей Долины» имеет лишь незначительные фактологические расхождения (например, количество приглашенных Хельги). Кроме того, фрагмент, касающийся Ауд, в общих чертах совпадает во всех пяти редакциях «Книги о занятии земли» (Sturlubók. K. 95–110: AM 107. Fol. 21v–24r; Hauksbók. K. 82: AM 105. Fol. 23v–24v; Melabók. K. 27: AM 445b. 4to. 2v; Skarðarbók. K. 95–110: AM 104. Fol. 25v–29r; Þórðarbók. K. 158–172: AM 106. Fol. 16r–17r).

Большинство из все же имеющихся разночтений касаются написания имен собственных (например, *feilan*: Sturlubók. K. 109, *feiland*: Þórðarbók. K. 172; *Merrhæfi*: Sturlubók. K. 95, *Merævi*: Hauksbók. K. 82, *Merhævi*: Þórðarbók. K. 158 и др.) и присутствуют, в основном, в поздней редакции Þórðarbók. В ней же ошибочно указано количество людей, сопровождавших Ауд в переселении в Исландию, – 30 (вместо 20: Þórðarbók. K. 158). Фрагмент же Hauksbók короче версии Sturlubók и заканчивается на перечислении территорий, занятых Ауд, но при этом по своему содержанию полностью совпадает с редакцией Sturlubók.

Достаточно сильно текстологически разнятся по редакциям «Книги о занятии земли» только небольшой фрагмент внутри рассказа об Ауд Глубокомудрой, касающийся Вивилия. Его разговор с Ауд и последовавшее за ним наделение Вивилия земель переданы во всех редакциях различными словами, сохранившими, однако, общую идею сюжета. При этом этот фрагмент в Þórðarbók представляет собой компиляцию редакций Sturlubók и Melabók (Sturlubók. K. 100; Melabók. K. 27; Þórðarbók. K. 163). Следовательно, для нашей задачи целесообразно и достаточно далее рассматривать только первую редакцию «Книги» – Sturlubók.

Главное отличие интересующего нас текста в «Книге о занятии земли» от «Саги о людях из Лососьей Долины» при сохранении

идентичного сюжета состоит в несколько иной форме подачи общего с сагой материала.

Ауд, как и прочие женщины, вводится в текст «Книги» через мужа: «Он [Олейв Белый] женился на Ауд Глубокомудрой, дочери Кетиля Плосконосого» (*Hann [Óleifr] fekk Auðar innar djúpuðgu, dóttur Ketils flatnefs*. Landn. K. 36. Bls. 82).

Дальнейшее повествование по большей части ведется через домоладцев, которых она наделяла землей, а затем и через ее потомков, прямых и боковых. Это было связано с тем, что многие из этих людей стали родоначальниками знатных исландских родов, поэтому и точные границы земли, полученной от нее и наследуемой, а также родословия домоладцев Ауд (в том числе вольноотпущенников) были очень важны.

Кроме того, в «Книге о занятии земли» присутствует подробнейшее и последовательное описание путешествия Ауд по побережью (Landn. K. 37. Bls. 83), что опять-таки имеет свой смысл для идеи «Книги», поскольку оно поясняет местные топонимы: как правило, Ауд их и дает.

Оба сюжета заканчиваются смертью Ауд Глубокомудрой. Рассказывая о ней, Стурла Тордарсон показывает незаурядность характера Ауд, щедрость и выдержку до последней минуты. И это единственный фрагмент, ни коим образом не касающийся проблем заселения Исландии, а просто иллюстрирующий несомненно выдающуюся личность Ауд. При этом описание обряда похорон также отличается от текста «Саги о людях из Лососьей Долины».

Версия Стурлы сохраняет внутреннюю логику (похороны на линии прибоа, потому что Ауд как христианка «не пожелала быть погребенной в неосвященной земле» *því at hon vildi eigi liggja í óvígði moldu or hon var skirð*. Landn. K. 40. Bls. 88), чего нельзя сказать о более живописном и пространном тексте «Саги о людях из Лососьей Долины», согласно которому Ауд хоронят в кургане в ладье с большим количеством добра (Laxd. K. 7. Bls. 261–262). Из этого видно, что Стурла старается придерживаться последовательной и непротиворечивой версии по ходу всего интересующего нас сюжета.

Таким образом, выдающаяся личность Ауд Глубокомудрой подвигла Стурлу Тордарсона на выделение ее не только из ряда знатных исландок, но исландской политической элиты и первопоселенцев вообще. При этом Стурла пытается изложить ее историю

по-своему, отлично от родовых саг. Он не оставляет своей главной цели (рассказ ведется через первопоселенцев конкретных земель и топонимы) и придерживается единой структуры повествования «Книги о занятии земли» (даже заслуги Ауд не заставили его начать посвященный ей фрагмент с нее, а не с ее мужа). И эта версия Стурлы Тордарсона стала основополагающей для изложения сюжета об Ауд в последующих редакциях «Книги».

В целом, и по тексту Стурлы, и по «Саге о людях из Лососьей Долины» своим социальным поведением Ауд ничем не отличалась от мужчин-первопоселенцев: она так же, как и они, занимала определенные территории, давала им имена, наделяла земельными участками своих людей, разрешала возникающие между ними конфликты, женила (и выдавала замуж) своих детей и внуков.

Ее пол никак не повлиял также и на социальный статус ее потомков, которые составляли один из знатнейших исландских родов и, как видно из сказанного выше, стали героями нескольких крупных саг.

Хотя родственники Ауд остались язычниками, скорее всего, на сохранение ее потомками авторитета в исландском обществе (опять-таки в сторону повышения) большое влияние оказало ее христианство, поскольку многие средневековые исландские авторы (и Стурла Тордарсон в том числе), будучи сами христианами, всячески выделяли тех исландцев, кто был христианином до принятия Исландией крещения.

Таким образом, Ауд Глубокомудрая как женщина-первопоселенец обладала всеми теми же правами, что и мужчины-первопоселенцы. Она так же, как и мужчины, участвовала в жизни средневекового исландского общества и выполняла все те функции, которые возлагались на исландскую политическую элиту того времени. Тем самым мы можем говорить о том, что средневековое исландское общество предоставляло равные возможности для реализации своих прав как мужчинам, так и женщинам. Однако последние ими, как правило, не пользовались.

Ауд же заняла свое место в среде исландской политической элиты в силу как выдающихся личных качеств, так и под воздействием сложившейся ситуации (именно она стала считаться главой рода после смерти своего мужа), и подобное стечение обстоятельств в Исландии эпохи заселения оказалось исключительным.

Источники и литература

- Byock J.L.* Governmental Order in Medieval Iceland // *Viator*. Berkley, 1979. Vol. 17.
- Eiríks saga rauða* / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gaf út // *Íslenzk Fornrit*. Reykjavík, 1975. B. 4.
- Grettis saga Ásmundarsonar* / Guðni Jónsson gaf út // *Íslenzk Fornrit*. Reykjavík, 1976. B. 7.
- Heller R.* Laxdæla saga und Landnámabók // *Arkiv för nordisk filologi*. Lund, 1976. B. 89. P. 81–145.
- Íslendingabók* / Jakob Benediktsson gaf út // *Íslenzk Fornrit*. Reykjavík, 1968. B. 1.
- Jochens Jenny M.* The Medieval Icelandic Heroine: Fact or Fiction? // *Viator*. Berkeley, 1986. Vol. 17. P. 35–50.
- Jón Viðar Sigurðsson.* Chieftains and Power. The Icelandic Commonwealth. Viborg, 1999.
- Landn.* – Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út // *Íslenzk Fornrit*. Reykjavík, 1968. B. 1.
- Landnámabók: Ljósprentun handrita* / Jakob Benediktsson gaf út // *Íslenzk Handrit*. Ser. In folio. Reykjavík, 1974. B. 3.
- Laxdæls saga* / Einar Ólafur Sveinsson gaf út // *Íslenzk Fornrit*. Reykjavík, 1974. B. 5.
- Thomas G.R.* Some Exceptional Women in the Sagas. L., 1952–1953. (Saga-Book of the Viking Society; Vol. 13, part 5). P. 307–327.

П.В. Лукин

НОВГОРОДСКАЯ ВОЛЬНОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕСПУБЛИКИ

Характеристика Новгорода как республики (иногда – «феодальной») чрезвычайно распространена не только в научных, но и в научно-популярных изданиях; именно так («Новгородская феодальная республика») называется параграф, посвященный истории средневекового Новгорода, во многих учебниках и учебных пособиях. Еще в старой литературе утвердилась точка зрения о том, что республиканский строй установился в Новгороде после событий 1136 г., когда новгородцы лишили власти князя Всеволода, и прекратил свое существование лишь с падением новгородской независимости в 1478 г

Существенные коррективы в эту картину внесли работы В.Л. Янина, по мнению которого, политический строй Новгорода и место в нем князя претерпели весьма сложную эволюцию. В частности, он полагает, что если до конца XIII в. Новгороде существовала своеобразная «шаткая система двоевластия», то в это время ей на смену приходит «фактическое республиканское устройство», в рамках которого власть князя существенно ограничивается (Янин 2003. С. 244–250; ср., однако: Линд 1997; Горский 2001). В еще более резкой форме против представления о ранней новгородской вольности выступают другие историки (Толочко 1999. С. 179; Paul 2008); высказывается даже мнение о том, что летописцы домонгольского времени чуть ли не сознательно стремились преуменьшить степень влияния князей на Новгород, а новгородцев – представить более самостоятельными, чем это было на самом деле (Вилкул 2002. С. 35).

С другой стороны, в последнее время появились работы зарубежных авторов, которые рассматривают Новгород в общеевропейском контексте и усматривают параллели между его политическим устройством и устройством средневековых европейских коммун и городских республик (Mumenthaler 1998; Leffler 2006). Швейцарский историк Р. Мументалер пришел, например, к выводу о том, что средневековые Новгород и Псков почти полностью вписываются в разработанную Максом Вебером модель западноевропейской городской коммуны, причем в большей степени, чем, например, Мюнхен (Mumenthaler 1998. S. 66–67).

Построению концепций способствует то, что для раннего времени у нас нет практически никаких источников, которые могли бы предоставить конкретные сведения о реальных механизмах внутривластной жизни в Новгороде, за исключением летописей, которые, как и все нарративные источники, обладают особой идеологической «нагрузкой». Поэтому имеет смысл особое внимание обратить на самые ранние документальные источники.

Один из таких источников – ганзейский документ, написанный на латыни и датированный 26 марта 1292 г. (LECUB. Bd. I. Sp. 682–685; LUB. I Abt. T. III. S. 41–44; HUB. Bd. I. S. 377–379). Это отчет представителей ганзейских городов об их миссии в Новгород в связи со спорами вокруг имущества, в захвате которого немцы обвиняли русскую сторону.

Переговоры велись с представителем князя Андреем (сам князь по имени не назван, но ясно, что это мог быть только старший сын Александра Невского Дмитрий, занимавший в 1292 г. владимирский и новгородский столы) и новгородскими представителями во главе с тысяцким. Князь тянул время, а от имени новгородцев дал ответ, в конце концов, староста Семён: «Новгородцы собрались (*Nogardenses convenerant*) и по очереди изложили ваши дела, и стало им ясно, что ваши жалобы не имеют никакой силы». Не ожидав такого ответа, немецкие послы обратились через переводчика уже непосредственно к посаднику и тысяцкому. Последний ответил еще резче, заявив: «Я бы хотел, чтобы вы вернулись домой». Возвращаясь, немецкие послы встретили людей князя, которые разъяснили им всю сложность ситуации. Оказывается, «они шесть раз были от имени князя у новгородцев и просили дать нам ответ, да и князь лично их молил, и князь очень страдал, что они не хотят отвечать, хотя они должны по праву на это ответить, так как дело зависит от тех, кто владеет имуществом». Затем возникла перепалка между одним из княжеских людей литовцем Весцеле и новгородским старостой Семёном. Последний заявлял, что все вопросы должен решить князь, но Весцеле негодовал: «Причем тут князь! У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами (*et ea cum smerdis vestris divisistis*). [Это] ваши смерды и поэтому по закону вы должны отвечать».

Когда немецкие послы уже отъехали на 8 миль, их догнал один из княжеских людей и сказал: «Я должен сообщить секретную информацию от имени князя, которую я скажу без переводчика. Господин князь передает вам, что то, что вы возвратились из Новгорода без ответа, не его вина». Именно новгородцы не хотят отдать захваченное ими имущество, князь же верен крестному целованию с немцами и передает им следующее: «Если вы мужи, воздайте им самим то, что они вам сделали, и оплатите им тем же, насколько сможете (*si viri estis, ipsis reddite, quod vobis fecerunt, et vicem rependite, ut bene potestis*)».

В этом документе как бы запечатлелась реальная ткань социально-политических отношений в самом Новгороде и взаимоотношения между Новгородом и князем – не такими, какими они *должны* быть, а такими, какими они *были* в действительности.

Формально Новгород вроде бы подчиняется князю, фактически же все решения принимаются на собрании новгородцев (оно прямо вечем не названо, но словосочетание *Nogardenses convenerant*, бесспорно, говорит именно о нем). Князь же, с одной стороны, официально держит хорошую мину при плохой игре (ср.: Goetz 1922. S. 57): он ведь сюзерен Новгорода, с другой, тайно дает понять немцам, что *de facto* его юрисдикция на Новгород не распространяется.

Новгородская специфика, республиканский строй, автономия Новгорода по отношению к князьям, даже его фактическая независимость, – все это не выдумки составителей нарративов, а вполне реальное положение дел. Конечно, на это может быть сказано, что эта ситуация могла сложиться поздно, а, например, в XII в. князья могли оказывать большее влияние на Новгород; кроме того, в 1292 г. Новгород мог выйти из-под контроля из-за ожесточенной борьбы между князьями Дмитрием и Андреем Александровичами, которая разворачивалась тогда.

Есть, однако, основания считать, что в собственно политической сфере перемены, если и были, то носили не столь радикальный характер.

Уже в домонгольское время сложилось представление о Новгороде как об особой русской земле, где у князей нет той власти, которой они обладали повсюду. Так думали сами новгородцы, о чем свидетельствуют характерные упоминания в новгородском летописании.

В 1214/15 г., собираясь уходить из Новгорода, один из главных положительных героев НПЛ Мстислав Удатный объявляет новгородцам: «Вы вольни въ князѣхъ» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 53). В 1218 г. посадник Твердислав говорит новгородцам: «вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ [вольнѣ есте]» (Там же. С. 59, 260). Князь выступает здесь как должностное лицо, магистрат; новгородцы имеют право сменять его по собственной воле, и в этом отношении он приравнивается к посаднику.

Была ли это только риторика? Представления о новгородцах как о «мужах вольных» отразились и в актах более позднего времени. В договорной грамоте Казимира IV с Новгородом говорится: «Докончялѣ есми с ними миръ и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ, с мужи волными» (ГВНП. С. 130). В договоре с Иваном III 1471 г. новгородцы дают обещание: Литве «нам, вашей отчинѣ

Великому Новугороду, мужемъ вол[ь]нымъ не отдатися никотороу хитростью» (Там же. С. 46). То же мы видим и в «нарративе». В 1397/98 г. после конфликта из-за Двинской земли новгородский архиепископ Иоанн вел переговоры с московским великим князем Василием I и попросил, чтобы он «от Новагорода от своих мужни от волных нелюбье бы отложиль» (ПСРЛ. Т. 3. С. 390).

Но, что самое главное, так же понимали ситуацию (хотя оценивали ее, естественно, противоположным образом) и в других землях, о чем, например, свидетельствует сентенция в рассказе Лаврентьевской летописи о походе войск Андрея Боголюбского на Новгород в 1170 г.: «Не глаголем же: “Прави суть Новьгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших”, но аще бы тако было, то велѣли ли им преднии князи крестъ преступити, или внукуы, или правнукуы соромляти, а крестъ честнымъ цѣловаше ко внукомъ ихъ и к правнукомъ, то преступати?» (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 362; см. также: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 561). Владимирский летописец, которому принадлежит этот отрывок, полемизирует именно с распространенным, очевидно, представлением о том, что Новгород наделен особым статусом, поскольку еще в древности был освобожден «прадедами наших князей» и поэтому имеет право на вольное поведение в отношении князей современных. Новгородскую самостоятельную политику летописец характеризует очень резко, но его слова однозначно подтверждают, что представления о древней свободе Новгорода по отношению к князьям были хорошо известны в XII в. не только в самом Новгороде, но и по всей Руси (эта сентенция, хотя и в несколько искаженном виде, оказалась и в составе южнорусского летописного свода).

Ничего в этой оценке не изменилось и в более позднее время, даже после потери Новгородом независимости, – если не считать, конечно, удовлетворения от того, что такие новгородские порядки уже в прошлом. В Московском летописном своде конца XV в. читаем под 1170 г. комментарий, добавленный к известию протографа – «Новгородско-Софийского свода»: «Того же лѣта выгнаша Новогородци князя Романа Мъстиславича, таковъ бо бѣ обычаи оканнхъ смердовъ измѣнниковъ» (ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 82). В том, что такой «обычай» действительно существовал в XII в. в Новгороде, московский летописец не сомневался.

Итак, новгородские мужи были вольными и до, и после монголо-татарского нашествия. И точно так же, даже после «коренных преобразований конца XIII в.», княжеская власть в лице наместника не утратила возможностей влиять на внутринагородскую ситуацию. Об этом ясно свидетельствуют два ганзейских документа 30-х годов XIV в. В одном из них, 1331 г., идет, в частности, речь о попытке новгородцев в отместку за гибель одного из них в стычке с немецкими купцами разграбить немецкий двор. Когда новгородцы «пришли с веча с оружием и знаменами» и принялись рушить и грабить Петров двор, именно княжеский чиновник – «судья князя» (*des koniges rechter*), как он назван в документе, «пришел... и прогнал русских со двора» (РЛА. С. 57). А «русские» были не просто шайкой разбойников или толпой участников беспорядков, а вечниками, которые вооружились и действовали, по-видимому, достаточно организованно, о чем говорит упоминание знамен. В дальнейшем немалую роль в решении вопроса играет княжеский наместник и даже получает от немцев взятку в 5 гривен серебра (наряду с посадником, который получил 10 гривен) (РЛА. С. 58; ср.: Янин 2003. С. 248).

В дефектном документе 1337 г., в котором идет речь об имущественном конфликте между новгородцами и ганзейскими купцами, также есть информация об активном участии княжеского наместника в событиях. Послы, пришедшие на Немецкий двор с веча, заявляют: «Епископ и наместник (*de amestnicke*)... и весь Новгород, которые нас прислали к вам, чтобы вы столько добра, сколько было взято у наших братьев, выплатили в качестве залога» (HUB. Bd. 2. S. 264; LECUB. Bd. VI. Sp. 113). Лакуна находится на том месте, где наверняка упоминались посадник и тысяцкий (*de borchgreve, de hertoge*), следовательно, при перечислении должностных лиц наместник стоит перед ними и сразу после епископа. После того, как конфликт был урегулирован, на вече «наместник, посадник, тысяцкий и истцы поцеловали нам (немцам. – *П.Л.*) крест, нам и приезжим купцам в том, чтобы быть в безопасности, торговать, приезжать и уезжать без помех...» (HUB. Bd. 2. S. 264). Здесь наместник назван вообще первым (но епископ не упоминается).

Таким образом, княжеский наместник и в XIV в. не отделен от новгородской администрации, активно влияет на внутривластную жизнь Новгорода, участвует в вече, вступает в переговоры с иностранными купцами. Княжеские чиновники следят за порядком

в городе. Это заставляет несколько смягчить категоричный тезис В.Л. Янина о том, что после «реформ 1290-х годов» воцаряется «безусловная номинальность княжеской власти» (Янин 2003. С. 250). С другой стороны, нет оснований считать, что новгородская вольность возникла только в позднее время. Ее проявления фиксируются в нарративных источниках уже в XII в. (а отдельные элементы – еще раньше). Как только у нас появляются документальные материалы, содержащие сведения о внутрисполитическом строе Новгорода (конец XIII в.), там основные черты новгородской вольности *уже* есть.

Эта двойственность прекрасно сознавалась внимательными наблюдателями извне. Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа, побывавший в Новгороде зимой 1413 г., с одной стороны, называет Новгород «вольным городом и владением общины» (*ville franche et seignourie de commune*), с другой, замечает, что у новгородцев «нет другого короля или правителя, кроме великого короля Московского, правителя Великой Руси», добавляя, впрочем: «которого они, когда хотят, признают правителем, а когда не хотят, – нет» (*De Lanooy. P. 33*).

Дискуссия тем самым может идти только о степени новгородской самостоятельности, о конкретном содержании в разные периоды новгородской истории этой вольности. И тут можно высказывать предположение, что не меньшее значение, чем какие-либо «коренные реформы», имело фактическое соотношение сил «здесь и сейчас». Новгородская же республика, которую современник из страны, где свободные города, несомненно, имелись, называл вольным городом и владением коммуны, имеет полное право на то, чтобы остаться в учебниках истории.

Источники и литература

- Вилкул Т.Л.* Новгородцы и русские князья в летописании XII в. // *Russia mediaevalis*. 2002. Т. X, 1.
- Горский А.А.* К вопросу об этапах складывания республиканского строя в Новгороде // *Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой*. М., 2001.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Линд Дж.Х.* К вопросу о посаднической реформе Новгорода около 1300 г. и датировке новгородских актов // *Древнейшие государства Восточной Европы*, 1995 г. Мат-лы и исслед. М., 1997.

- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РЛА – Русско-ливонские акты (= Russisch-Livländische Urkunden) / Собр. К.Е. Напьерским. СПб., 1868.
- Толочко П.П. Киев и Новгород в XII–XIII вв. в новгородском летописании // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
- De Lannoy – Œuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste, recueillies et publiées par Ch. Potvin avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878.
- Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. 5).
- HUB – Hansisches Urkundenbuch.
- LECUB – Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch.
- LUB – Codex diplomaticus Lubecensis (= Lübeckisches Urkundenbuch).
- Leffler R. Novgorod – eine europäische Kommune? // Städte im östlichen Europa. Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von C. Goehrke, B. Pietrow-Ennker. Zürich, 2006.
- Mumenthaler R. Spätmittelalterliche Städte West- und Osteuropas im Vergleich: Versuch einer verfassungsgeschichtlichen Typologie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. 1998. Bd. 46.
- Paul M.C. Was The Prince of Novgorod a “Third-Rate Bureaucrat” after 1136? // Ibid. 2008. Bd. 56.

В.И. Матузова

НАЧАЛО ГОСУДАРСТВА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ

Государство Тевтонского ордена в Пруссии образовалось в период так называемых «северных» крестовых походов. В начале XII в. походы были направлены против полабских славян, в конце того же столетия они обратились против балтских и угро-финских племен в Ливонии. В начале XIII в. в Пруссии появились миссионеры из ордена цистерцианцев (один из них, Христиан, в 1215–1216 гг. стал первым прусским епископом). Спустя несколько лет миссия оказалась под угрозой: пруссы-язычники стали нападать на своих обращенных в христианство собратьев, тревожили границы Мазовецкого княжества и даже заняли Хелминскую (Кульмскую –

в немецких источниках) землю. По-видимому, для отражения нападений пруссов около 1228 г. был создан Добжиньский орден, который, как повествует Петр из Дусбурга, не оправдал возложенных на него надежд (в 1237 г. остатки «добжиньцев» вошли в состав Тевтонского ордена). Именно тогда, в конце 20-х годов XIII в. в Хелминской земле появились первые крестоносцы, братья Тевтонского ордена.

В «строительстве» государства Тевтонского ордена в Пруссии было задействовано немало внешних и внутренних сил, переплетение которых делает картину в целом весьма пестрой, и обычно в исследованиях данной темы останавливаются на одной стороне, или одной линии, или даже одном документе, но в любом случае работа (от статьи до монографии) отличается масштабностью. Обычно в раннем периоде истории государства Тевтонского ордена в Пруссии различают два этапа: 1230–1249 гг. и 1249–1309 гг. Остановимся на первом из них.

Тевтонский орден, созданный в 90-е годы XII в. с одобрения и при участии представителей династии Штауфенов (Генриха VI и Фридриха II) и высшей европейской знати, с самого начала своего существования стремился обрести свое собственное территориальное государство. Попытки его создания предпринимались на Кипре, в Святой Земле и, наконец, в Венгрии, где закончились крахом в 1225 г. В Пруссии для претворения в жизнь этой задачи перед орденом открывались совершенно новые горизонты. Здесь сразу надо сказать, что на всех этапах создания собственного государства Тевтонский орден всегда искал и получал юридическое подтверждение своим действиям. Так, в оправдание своего вторжения в Пруссию орден добился того, что в 1226 г. император Фридрих II издал так называемую Золотую буллу из Римини, согласно которой Тевтонский орден получал во владение все прусские земли со всем к ним принадлежащим и со всеми правами. Император наделял верховного магистра ордена теми же правами, что и князей Империи, при этом освобождая орден от всех податей и повинностей. Золотой булле посвящено немало исследований, и она признана в науке базовым, основным законом будущего государства Тевтонского ордена.

Впрочем, необходимо сразу отметить и то, что свои первые шаги Тевтонский орден в Пруссии делал в период противоборства императора Фридриха II и папства. Судя по всему, одним из объ-

ектов жестокой борьбы между папой и императором была Пруссия, и удивительно, что этот мировой конфликт не смог помешать ордену, возглавлявшемуся в то время верховным магистром Германом фон Зальца (1209–1239), заложить основы будущего государства. Герману фон Зальца, которого считают основоположником государства Тевтонского ордена в Пруссии, также посвящено множество научных работ.

Поводом к вторжению послужило в 1230 г. приглашение Тевтонского ордена князем Конрадом Мазовецким для отражения прусских набегов. Вторжению предшествовали переговоры, в результате которых была издана грамота князя Мазовецкого (так называемый Крушвицкий договор), согласно которой он жаловал Тевтонскому ордену Кульмскую землю и все, что ему еще только предстоит завоевать в Пруссии; при этом князь отказывался от своих прав на эти территории. Таким образом, грамота как бы подтверждала условия, уже оговоренные ранее в Золотой булле императора. Впрочем, до сих пор не решен вопрос о достоверности грамоты, изданной Конрадом. И этому вопросу также посвящена обширная научная литература. Так или иначе, но тевтонские рыцари мечтали о большем – о собственном автономном государстве. Однако перспектива обрести в качестве собственного владения всю Пруссию открылась только после устранения епископа Христиана. (Ведь в 1231 г. епископ, мнивший себя хозяином нового региона, пожаловал Тевтонскому ордену треть еще не завоеванных им земель; таким образом, орден становился вассалом епископа). В начале 1234 г. папа Римский Григорий IX издал в Риети буллу в поддержку Тевтонского ордена, в которой совершенно «забыл» о Христиане, находившемся в плену у пруссов. Согласно булле, папа брал земли, завоеванные орденом в Пруссии, под свою защиту как собственность св. Петра. Передавая ордену Пруссию в свободное владение, папа наделял орден широкими правами, но с оговоркой, что он никому никогда не отдаст это владение. Тем самым исключалась как власть польского князя, так и власть императора. Однако наряду с этим папа оставил за собой учреждение епископств на территории орденской Пруссии, для чего ордену предстояло уступить часть полученных им в держание земель. Далее, была четко обозначена верховная власть папы над пожалованными ордену землями; орден должен был ежегодно платить папе подать в знак признания его единственным правителем Пруссии.

Поразительно, как во всех означенных выше документах сталкивались интересы разных сторон, и как ордену удавалось в любой ситуации отстоять собственные интересы. Так, князь Конрад мечтал о завоевании Пруссии с помощью крестоносцев, но орден стремился к самостоятельности и в конце концов добился своего, не встретив при этом, как ни странно, сопротивления князя. Император и папа Римский каждый по-своему благословили Тевтонский орден на завоевание Пруссии, при этом император в дальнейшем не принимал участия в судьбе ордена, а папа прямо заявил о своих правах на «пожалованные» земли. И все же история ордена в Пруссии на его раннем этапе показывает, как верховные магистры, постоянно лавируя между двумя высшими властями средневековья (особенно этим отличился Герман фон Зальца), все-таки смогли заложить основы самостоятельного государства.

Ранняя история ордена в Хелминской земле и далее – в Пруссии, судя по «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга, – это история освоения завоеванных земель. Согласно сообщению хроники, первым укреплением Тевтонского ордена был Фогельзанг (он стоял на Висле, в левобережной части современного Торуня), построенный в 1230 г., затем – Нешава (Нессау). В 1231 г. появился Старый Торунь, вначале представлявший собой укрепление, выстроенное, как сообщал Петр из Дусбурга, «на дубе». Итак, завоевав очередную территорию, крестоносцы возводили на ней замки и укрепления, которые становились стратегическими пунктами для дальнейшего наступления. Так были завоеваны прусские земли Помезания, Погезания, Вармия, Натангия и Барта. Тевтонские рыцари готовы были начать наступление на Самбию, но в 1243 г. вспыхнуло первое восстание пруссов, во главе которого встал князь Западного Поморья Святополк. В опасной для Тевтонского ордена ситуации папство выступило в его поддержку. Папа Иннокентий IV направил в Пруссию легата Вильгельма Моденского, который успешно создал коалицию кувявских, мазовских и великопольских князей против Святополка. Преемником Вильгельма в 1245 г. стал Опицо, аббат из Медзано. Папство стремилось захватить инициативу в Пруссии, с одной стороны, поддерживая крестовый поход против язычников, с другой – стараясь не допустить усиления коалиции польских князей. В период войны с князем Святополком (1242/43–1248 гг.) орден получил и новые права со стороны папства. Первого октября 1243 года папа Иннокен-

тий IV издал буллу для верховного магистра Герхарда фон Мальберга (1240–1244), которая не только подтверждала буллу Григория IX от 1234 г., но и вводила инвеституру верховного магистра и принесение им клятвы верности. И инвеститура, и клятва упрочивали связь верховного магистра с папством. Эта булла стала поистине охранной грамотой для Тевтонского ордена: ведь теперь, нападая на орденские владения, Святополк покушался на владения самого святого Петра.

Восстание закончилось заключением мира в 1249 г. в Христбурге. В Христбургском договоре орден и пруссы, согласно заявлению Римской курии, формально выступают как равные стороны. В нем детально оговаривается положение пруссов. Представитель папства гарантировал пруссам право собственности, наследства и судопроизводства наравне с немецкими поселенцами, а также им предоставлялась возможность обрести духовный сан. Пруссы, вышедшие из знатных семей, имели право быть посвященными в рыцари. И хотя в Христбургском договоре не говорится о вероотступничестве (именно так тевтонцы называли восстания пруссов), все же получить все права и свободы пруссы могли только при одном условии: они должны были принять христианскую веру и не восставать против ордена. Это нашло отражение в «Хронике» Петра из Дусбурга, в главе, названной «О милости, оказываемой язычникам, обратившимся в веру Христа», которой он подытоживает завоевание Пруссии (1283 г.): простой прусс, не отступивший от веры и оставшийся преданным ордену, мог получить знатность и свободу и, наоборот, знатный прусс, совершивший вероломство и выступивший против ордена, мог потерять свои права и свободу.

На завоеванных Тевтонским орденом территориях возникла сеть городов, население которых (немецкие переселенцы) составляли в основном горожане-рыцари. Свободные пруссы и немецкие переселенцы получали от ордена землю, которой владели на Кульмском праве, согласно одной из статей которого и те, и другие были обязаны нести военную службу в пользу ордена.

Так в общих чертах закладывались правовые основы и складывалась социальная структура государства Тевтонского ордена в Пруссии.

Литература

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Подг. В.И. Матузова. М., 1997.

Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер., предисл., коммент. В.И. Матузовой. М., 2004.
Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach: Władza i społeczeństwo / Redakcja naukowa M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008.

А.Г. Мельник

МЕСТА ПОГРЕБЕНИЙ ИЗБРАННЫХ ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ В РУССКИХ МОНАСТЫРЯХ XI–XIV вв.

Выбор мест для захоронения умерших избранных подвижников благочестия характеризует некоторые черты религиозности и устроений людей Древней Руси. Рассмотрим под этим углом зрения обычаи выбора таких мест в русских монастырях XI–XIV вв. Следует оговориться, что подвижниками благочестия в настоящей работе называются люди, которые в момент смерти еще не могли считаться святыми, но оказались признанными таковыми позже. Этими подвижниками в указанное время, как правило, являлись монахи – основатели или настоятели монастырей и архиереи. Под избранными понимаются подвижники, получившие общественное признание при жизни. Основными источниками по данной теме являются летописи, жития святых и данные археологии.

При этом важно различать выбор мест для захоронения тел умерших подвижников и выбор мест для установки рак с мощами святых. Такие раки нередко ставили не над тем местом, где первоначально находились могилы последних. Различия заключались в следующем. В первом случае выбор определялся представлениями современников о том, где следует хоронить весьма значимое духовное лицо; во втором – где должно находиться раке прославленного или, как стали говорить в новое время, канонизированного святого. Разумеется, здесь речь не идет о тех случаях, когда пустая рака-кенотаф ставилась над мощами, находившимися под спудом, или, иначе говоря, над первоначальной могилой, содержащей останки святого. Начнем наше рассмотрение с самых первых известных русских подвижников.

Основатель Киево-Печерского монастыря Антоний умер в 1072/73 г. и был похоронен в пещере, в которой прежде жил.

Игумен того же монастыря Феодосий, умерший в 1074 г., был погребен в пещере, являвшейся его жилищем. Она находилась на значительном удалении от монастырского Успенского собора. В этой обители, как известно, еще во второй половине XI в. сложилась традиция хоронить монахов в пещерах за пределами храмов.

Основатель новгородского Антониева монастыря Антоний Римлянин, умерший в 1147 г., погребен в Рождественском соборе этой обители, который «сам созда». Как видим, в данном случае произошел явный отказ от предшествовавшей традиции и зарождение новой. Самое существенное в этой перемене состояло в том, что погребение в храме было наделено намного более высоким статусом, чем погребение на обычном монастырском кладбище.

Основателя новгородского Хутынского монастыря Варлаама, умершего 6 ноября 1192 г., погребли в построенном им монастырском Спасо-Преображенском соборе. Из сопоставления материалов археологических исследований и письменных источников следует, что эта могила находилась на правой (южной) стороне помещения для молящихся.

Согласно археологическим данным, наиболее вероятным временем погребения преп. Никиты Переславского является вторая половина XII – первая половина XIII в. Житие этого подвижника сообщает, что его похоронили в Переславском Никитском монастыре, в церкви Никиты мученика – «близь олтаря, одесную страну святых дверей», т.е. справа от царских врат иконостаса. Иными словами, в помещении для молящихся храма, южнее упомянутых царских врат.

Алексей, митрополит всея Руси, умерший в 1378 г., был погребен в соборе Чуда архангела Михаила московского Чудова монастыря.

Основатель и первый настоятель вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Димитрий умер 11 февраля 1392 г. Его похоронили «во святей церкви» этой обители «честно в ней близ олтаря на десней стране».

Сергия Радонежского, умершего 25 сентября 1392 г., погребли в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря «на правой стране». Так поступили по желанию монахов обители и по повелению московского митрополита Киприана.

Стефан, епископ Пермский, умерший в 1396 г., похоронен в монастыре Спаса, что в Московском Кремле, «въ церкви каменной, входящим в церковь на левой стране».

Итак, традиция хоронить подвижников благочестия внутри церквей, сформировавшаяся в середине XII в., преобладала до конца XIV в. Не всегда, но часто их могилы устраивали на правой (южной) стороне помещения для молящихся, а иногда – в юго-восточной части этого помещения. Среди всех вариантов мест расположения могил в храме указанная сторона воспринималось тогда как одна из наиболее сакрально значимых. Вместе с тем степень сакральности на южной стороне нарастала от запада к востоку – к алтарю. Значит, могила подвижника, расположенная на южной стороне пространства для молящихся, близ алтаря, точнее – близ алтарной преграды, наделялась наивысшей сакральной значимостью. Важно, что по своему статусу погребения подвижников того времени не уступали погребениям князей, которых издревле было принято хоронить в различных частях храмов.

В начале XV в. некоторых подвижников еще погребали в монастырских церквях, но других уже – за их пределами, как, например, – Евфимия Суздальского в 1404/05 г. В последующем, до конца названного столетия, господствовал обычай хоронить подвижников благочестия вне монастырских храмов, либо к югу, либо к северу, либо к востоку от их алтарей, либо между церквями.

Таким образом, в начале XV в. произошел переход от старой к новой традиции выбора мест для могил подвижников благочестия. В источниках обнаруживаются признаки того, что идейно этот переход был подготовлен в предшествовавшее время. В частности, по свидетельствам, восходящим к Троицкой летописи, упомянутый митрополит Алексей «не повеле положити себе въ церкви, но внеуду церкви за олтаремъ, тамо указа место и ту повеле положити ся, конечнаго ради и последняго смирення». А согласно «Слову похвальному Сергию Радонежскому», этот преподобный «заповеда учеником своим и не повеле им в церкви положити ся, но вне церкви тако просто повеле погresti ся с прочими братиами». И хотя, как мы помним, оба эти завещания не были выполнены, тем не менее, они свидетельствуют, что примерно в последней четверти XIV в. в церковной среде происходило переосмысление сложившейся традиции выбора мест для захоронений подвижников благочестия.

Ключом к пониманию устремлений, приведших к этому переосмыслению, служат цитированные выше слова «конечнаго ради и последняго смирення», которые летописец вложил в уста уми-

рающего митрополита Алексея. Очевидно, эти слова надо понимать как «ради крайнего смирения» или «ради высшей степени смирения». Получается, что завещание похоронить себя в храме для служителя церкви даже такого высокого ранга, как глава русской митрополии, могло быть расценено как проявление несмирения или, иначе говоря, гордыни. Тем более это относилось к выбору мест для могил основателей и настоятелей монастырей. Потому-то Сергей Радонежский и велел похоронить себя «просто» рядом с могилами обычных монахов.

По-видимому, в монашеской среде к началу XV в. основательно укоренилось представление о необходимости подчеркнутого смирения в выборе мест для могил подвижников благочестия. Поэтому их и стали хоронить за пределами церквей. Описанная перемена во многом порождена ростом самосознания и сдвигами в характере религиозности монашества и шире – верхнего слоя русского общества в последней четверти XIV – начале XV в.

Е.А. Мельникова

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ*

В 1992 г. на очередных Чтениях памяти В.Т. Пашуто, посвященных спорным проблемам образования Древнерусского государства, в ряде докладов (Н.Ф. Котляра, Е.А. Мельниковой, М.Б. Свердлова), была поставлена под сомнение сложившаяся в 1930-е – 1950-е годы и продолжавшая доминировать в отечественной исторической науке модель образования раннесредневековых европейских государств, прежде всего, Руси (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, В.Д. Королюк, Б.Н. Флоря, и др.; критику этой концепции еще до придания ей «официального» статуса см.: С.В. Юшков, С.В. Бахрушин). В соответствии с этой моделью, Древнерусское государство возникает в IX в. как изначально классовое и феодальное по своей природе, исключительно (или почти исключительно) на основе внутренних экономических предпосылок. Однако даже сторонники этой модели находили затруднительным аргументировать наличие на Руси X и даже XI в. таких основополагающих признаков классовых (в первую очередь феодальной)

формаций как феодальный способ производства, основанный на частной (или государственной) земельной собственности, внеэкономическое принуждение, оформившиеся классы и др. (что явилось отправным пунктом для концепции И.Я. Фроянова), и вынуждены были экстраполировать явления, фиксируемые для конца XI – XII в. на предшествующее время. Даже введение понятия «переходный период» (от племенного строя к государственному), принятый в западноевропейской медиевистике (период «варварских королевств», по А.И. Неусыхину), применительно к Древнерусскому государству встретило возражения как нарушающее «чистоту» формационной схемы (Л.В. Черепнин).

Эта модель образования Древнерусского государства теперь уже эксплицитно не высказывается в современных трудах по отечественной истории, но она и не подверглась систематическому пересмотру и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями) возникновения и формирования Древнерусского, равно как и других европейских средневековых государств.

Ныне не подлежит сомнению, что политии, к которым принадлежит Древняя Русь (по крайней мере, до конца XI в.), не могут быть охарактеризованы в рамках какой-либо формации. В то же время они обнаруживают черты, свойственные государству (если понимать его не как, прежде всего, репрессивный аппарат, а более широко – как институционально оформленную политическую систему, обеспечивающую функционирование общества): сильную центральную власть, осуществляющую военные, административные, фискальные и другие функции, фиксированную территорию и пр. Обращение к моделям государствообразования, предложенным в политической и исторической антропологии – введение понятия «вождество» и представлений об эволюции вождеств от простых к суперсложным, – было, безусловно, продуктивным (Н.Ф. Котляр, Е.А. Мельникова, Е.А. Шинаков и др.), однако предпринимаемые на их основе реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам, поскольку, в первую очередь, столкнулась с острым недостатком источников, которые позволили бы аргументировано восстановить социальную и политическую структуру восточнославянских общностей и их эволюцию до XI в., особенно в VIII–IX в. – определяющем периоде в переходе восточных славян к государственному устройству.

Проблема источников в последнее десятилетие встала особенно остро. С одной стороны, резко увеличился объем археологических материалов, существенно пополнивших источниковую базу исследований восточнославянского общества в VIII–XI вв. Принципиально важную роль для освещения генезиса Древнерусского государства имеют региональные исследования, круг которых сильно расширился. Наряду с всегда имевшими большое значение раскопками городов: Киева (М.А. Сагайдак, Г.Ю. Ивакин, В.Н. Зощенко; новые данные, полученные при раскопках 2000-х годов, как кажется, радикально меняют наши представления о процессах, протекавших в Среднем Поднепровье и тесно связанных с образованием Древнерусского государства), Городища и Новгорода, Ладоги, Пскова, Гнёздова и Смоленска, Суздаля, Чернигова и мн. др., возникновение и ранние этапы истории которых тесно связаны с формированием государства, ныне внимание археологов в большей мере сосредоточилось на широкой округе городских центров: Поволжье и Приильменье (Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий), Черниговщина (В.П. Коваленко, А.П. Моця), Посеймье (В.В. Енуков) и др., и племенных территориях: древлян (Б.А. Звиздецкий), северян (А.В. Григорьев, И.Г. Сарачев), радимичей (А.С. Щавелёв, А.А. Фетисов) и др. Эти материалы формируют принципиально новую картину славянского расселения в Восточной Европе (по письменным источникам исследовано А.А. Горским), возникновения и характера социально-политических общностей (А.А. Горский, В.Я. Конецкий, А.П. Моця, Е.А. Шинаков).

Однако археологические материалы еще далеки от сколько-нибудь систематического осмысления и обобщения, что делает крайне затруднительным их использование в исторических исследованиях, которые, как мне представляются, не могут ныне опираться только на письменные источники.

Это тем более справедливо, что, с другой стороны, традиционные письменные источники находятся сейчас в процессе серьезного пересмотра. Реконструкция ранней, IX–X вв., истории Руси основывается по преимуществу на сообщениях одного единственного источника – «Повести временных лет», место которой в истории летописания определялось до последнего времени в соответствии со схемой А.А. Шахматова (1908 г.), ныне претерпевающей, во-первых, существенные изменения в отношении и датировок отдельных сводов, и – что особенно важно – их соотношения и

отнесения к ним тех или иных частей «Повести» (О.В. Творогов, А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, А. Тимберлейк). Во-вторых, общая констатация того, что в основе сообщений «Повести временных лет» лежат устные предания, сменилась систематическим изучением устной традиции, использованной летописцами при создании «начал Руси» (Е.А. Мельникова, А.С. Щавелёв). Казавшиеся ранее достоверными, известия, используемые как основа для исторической реконструкции последовательных этапов образования Древнерусского государства, оказываются результатом осмысления летописцем XI в. устного предания, сложившегося столетием раньше, подвергшегося трансформации в процессе устного бытования и адаптированного летописцем в соответствии с его историософскими представлениями. В-третьих, требует дополнительного источниковедческого и – особенно – лингвистического исследования другой важнейший источник по ранней истории Руси: договоры с Византией первой половины X в. Признание того, что сохранившиеся тексты являются переводами конца XI в. с греческого языка (Я. Малингуди, С.М. Каштанов), лишает статуса аутентичности, прежде всего, их терминологию, но также выдвигает необходимость в более критическом подходе и к текстам в целом. Наконец, далеко не полностью использованы еще возможности, открываемые зарубежными источниками, среди которых особую ценность в контексте проблем образования Древнерусского государства представляют восточные и византийские источники IX–X вв., отразившие процессы эволюции социально-политического строя восточнославянских народов.

Таким образом, в изучении процессов образования Древнерусского государства современное состояние дел обнаруживает парадоксальную ситуацию: существенные достижения медиэвистики и, особенно, политической и исторической антропологии в осмыслении процессов политогенеза, которые способны составить теоретическую основу для исследования перехода восточнославянских обществ к государству, не могут быть пока полноценно использованы в силу недостаточной изученности самих этих обществ, простирающейся – во всяком случае частично – из проблем, объективных и субъективных, источниковой базы.

Тем не менее, новые археологические материалы и многочисленные конкретные исследования отдельных аспектов истории вос-

точнославянских обществ выдвинули целый ряд актуальных проблем, которые непосредственно связаны с процессами политогенеза.

Принципиально важное значение имеет отмеченная в работах Е.А. Шинакова разноразвитость развития отдельных восточнославянских общностей – базовая концепция для всей совокупности проблем перехода от племенного строя к государственному. Как правило, восточнославянское пространство рассматривается как некое единство, в котором процессы государствообразования протекают синхронно или почти синхронно от Ладоги до Переяславля Южного. Между тем, имеющиеся источники в своей совокупности с отчетливостью указывают на существеннейшие различия в развитии отдельных восточнославянских общностей, причем не только стадийном (как, например, поляне и вятичи), но и в предпосылках и механизмах государствообразования (в частности, у полян и у новгородских словен).

С этим частично связан и следующий вопрос, почему восточнославянская материальная культура практически не отражает стратификацию общества: среди массовых малоинвентарных погребений нет захоронений, резко выделяющихся погребальным обрядом или инвентарем, что является первым признаком стратификации общества, нарастающим по мере ее углубления. Явные признаки стратификации (так называемые дружинные курганы, знаменующие выделение профессионального военного слоя) появляются только после появления скандинавов. Является ли эгалитарность погребального обряда отражением общественного строя или какой-то – нетипичной – особенностью восточнославянской культуры? Высказанное Е.Н. Носовым предположение, что крупная насыпь (курган, сопка) сама по себе маркирует элитное погребение, пока еще не получило развития.

Установление разноразвитости развития восточнославянских общностей дает прочную основу для обсуждения вопроса о центрах возникновения государственности у восточных славян. Среднеднепровский (полянский) моноцентризм, восходивший еще к представлениям летописцев XI–XII вв., сменился в последние десятилетия бицентризмом: к Среднеднепровскому региону добавилось Поволховье, которые ныне в части российской историографии представляется едва ли не как главный регион зарождения государственности у восточных славян. Можно предполагать, что таких центров в восточнославянском мире было не два, а больше:

так, например, до сих пор не до конца ясно, что представляла собой полития древлян, конкурировавшая с полянской в Среднем Поднепровье; какой уровень развития полоцких кривичей отражает отмеченная недавно на их землях иерархия поселений и т.д.

Решение этих вопросов в значительной степени зависит от продолжения и углубления исследований «племенных» территорий.

Следующий круг актуальных проблем связан с историческим и геополитическим контекстом образования Древнерусского государства. Постепенно преодолевается «рускоцентричный» взгляд на прошлое Восточной Европы, когда главным, если не единственным (за редкими исключениями: см. в частности, работы Е.А. Рябикина, А.Е. Леонтьева), объектом исследования была Древняя Русь. Однако как ее возникновение, так и дальнейшая эволюция проходили не в изолированном пространстве. Восточнославянский мир теснейшим образом взаимодействовал с другими народами, населявшими Восточную Европу: финнами и балтами на севере и западе, кочевниками на юге, и уже сложившимися государствами Восточной Европы, прежде всего, с Хазарским каганатом и Волжской Булгарией. Изучение этих государств, практически прекратившееся во второй половине XX в. (исключение составлял труд М.И. Артамонова), стоит сейчас в центре внимания историков и археологов Москвы, Харькова, Казани и существенно продвинулось. Однако сколько-нибудь полной картины этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний в Восточной Европе периода образования Древней Руси пока еще нет, хотя не вызывает сомнений, что изначально Древнерусское государство, как и древнерусская элитная культура формируются на полиэтнической основе.

Одним из важнейших, но также недостаточно изученных факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования у восточных славян, признается их геополитическое положение. Густая речная сеть с единым водоразделом трех крупнейших рек – Волги, Днепра и Западной Двины, соединявших Балтийское, Черное и Каспийское моря, позволила Восточной Европе занять исключительное положение в средневековом мире после того, как средиземноморская торговля с Востоком была прервана арабскими завоеваниями в VII–VIII вв. и основной трансконтинентальный путь переместился на Балтийское море и реки Восточной Европы. В результате изменения геополитической обстановки на Восточноевропейской равнине создаются экономиче-

ские и интенсифицируются социально-политические предпосылки возникновения политики в Волховско-Ильменском регионе. Не случайно, на территории славянского расселения в IX–X вв. области, в которых идет бурный процесс зарождения предгосударственных образований, связаны с узловыми участками трансконтинентальных торговых путей, Балтийско-Волжского и Днепровского. Эта интерпретационная модель восточнославянского политогенеза, по крайней мере для Волховско-Ильменского региона, получила распространение.

Публикация большого числа зарубежных источников по истории Древней Руси, а также масштабные археологические работы дали прочную основу для разносторонних исследований взаимодействия восточнославянского мира с другими регионами Европы: скандинавским, западнославянским, восточным, как в период образования государства, так и на всем протяжении его развития. Изначальное участие народов Восточной Европы в трансконтинентальной торговле, главной движущей силой которой были скандинавы, вылилось в интенсивный культурный взаимообмен, способствовавший ускорению процессов восточнославянского политогенеза и заложивший прочные основы интегрированности Древнерусского государства в европейский средневековый мир.

Наконец, важное значение для изучения проблем восточнославянского политогенеза имеют сравнительно-типологические исследования, поскольку, с одной стороны, они до определенной степени могут компенсировать недостаток источников, с другой – разрушают популярный историографический миф об «особом пути» развития восточнославянской, а затем русской государственности.

Главным критерием сравнительного анализа, как представляется, должна быть схожесть исторических условий, в которых происходят процессы государствообразования. Для европейских народов важнейшим фактором, определившим начальные этапы возникновения и особенности структуры ранних государств, было наличие или отсутствие синтеза с позднеантичной цивилизацией. Поэтому наиболее продуктивным представляется сопоставление процессов становления государственности у восточных славян и тех народов, которые не испытали на себе или испытали в слабой степени социальные, политические, культурные влияния Рима (континентальные германцы) и Византии (южные славяне). Это, прежде всего, западные славяне, скандинавы, до определенной степени

англо-саксы. Выделение «северного», от Британских островов до Восточноевропейской равнины региона (ср. концепцию циркумбалтийской цивилизации: Г.С. Лебедев) основывается не только на его «бессинтезности», но и на его объединении с VIII в. трансъевропейским путем, связывавшим Западную Европу с арабским Халифатом и эксплуатируемым в значительной степени скандинавами, а также скандинавской экспансией на западе и востоке, благодаря которой как материальные, так и культурные импульсы распространялись по всему этому огромному региону.

Вместе с тем, развитие каждой из входящих в этот регион областей, в значительной степени обуславливалось особенностями их заселения. Завоевательный характер переселения англо-саксов на Британские острова в V–VI вв. вызвал распад кровнородственных общностей, глубокую стратификацию общества, резкое обогащение военного слоя во главе с вождем, формирование обширного фонда «королевских земель», и образование ряда политий – «королевств» уже к концу VI в. Восточнославянская земледельческая колонизация, напротив, носила мирный характер, не вызвала военизации общества (с вытекающими из нее последствиями) и, вероятно ослабляя кровнородственные связи (А.А. Горский полагает их распад), не разрушала их полностью. В то же время взаимодействие с аборигенным населением усилило племенную дифференциацию: так, в роменской (северянской) культуре присутствует значительный салтовский (хазарский) элемент, тогда как в культуре кривичей прослеживаются балтские влияния. Северогерманские же племена не меняли основной территории своего обитания, ограниченная колонизация (островов Северной Атлантики, областей в Англии и Франции) не оказала существенного влияния на их социально-политическое развитие, отличавшееся консервацией родовых отношений. Экспансия викингов, однако, резко усилила роль профессионального военного слоя, выделившегося уже в первые века н.э., и углубила имущественную стратификацию.

Сопоставление отдельных явлений и процессов в разных частях региона представляется весьма продуктивным, причем принципиально важное значение имеют не только выявляемые сходжения (на них обычно и концентрируется внимание), но и различия, интерпретация которых выявляет специфику каждой из областей. Приведу несколько примеров.

В условиях военного завоевания формирование частной собственности на землю проходит в Англии весьма интенсивно, в первую очередь, выделяются земли, собственником которых является король. Уже в VIII в. фиксируются королевские земельные пожалования церкви и частным лицам. Иная картина характерна при мирной колонизации или стабильном расселении. В Скандинавии в период политогенеза целиком и полностью господствует общинная и семейно-родовая (одадь) собственность на землю; конунг не имеет права на какие-либо земельные владения, кроме собственных усадеб, и вплоть до XIII в. не претендует на распоряжение землей. Для Руси поземельные отношения до конца XI в. совершенно неясны из-за отсутствия источников. Однако обеспечение церкви только десятиной после принятия христианства Владимиром и длительное отсутствие земельных пожалований в ее пользу говорит, вероятно, о том, что земля вплоть до конца XI в. (по В.Л. Янину) находилась в общинной собственности, и князь не имел права отчуждать ее.

Королевская власть в Англии является развитием власти военного вождя, и уже в первых судебныхниках (конец VI в.) король – судя по вергельдам – получает особый статус, который неуклонно повышается. Скандинавские конунги – представители родовой знати, и их статус продолжает определяться обычаем, не закрепляясь законодательно вплоть до XII или XIII в. Древнерусские князья IX–X вв., скандинавы по происхождению, вероятно, сохраняют то же положение: так, князь не является субъектом права ни в Правде Ярослава, ни в последующих судебныхниках.

Основные функции верховной власти, военная, административная, фискальная и др., в англо-саксонских полициях очень рано начинают дифференцироваться: первая выполняется дружиной и ополчением, остальные – королевскими чиновниками. В Скандинавии и на Руси, по крайней мере до начала–середины XI в. все эти функции осуществляет дружина верховного правителя, что приводит к корпоративности военной элиты (А.А. Горский).

На Руси, как кажется, значительно позже складывается система территориально-фискальных округов, нежели в Англии и Скандинавии, где она формировалась прежде всего для нужд военной организации общества.

Наконец, многочисленные сходства/различия обнаруживаются и в конкретных проявлениях исторических процессов: механизме

сбора податей (полюдь/вейцла на Руси и в Скандинавии; в Англии – регулярное налогообложение), установлении верховной власти (избрание конунга/«ряд» с Рюриком и дальнейшее приглашение князей Новгородом; отсутствует в Англии), харизматичности (сакральности) «королевского» рода (повсеместно) и его легитимизации с помощью династических легенд (ср. легенды о призвании основателя династии на Руси и в Англии) и мн. др.

Подавляющее большинство названных явлений никогда не исследовались в сопоставительном плане, хотя отмеченные, равно как и многие другие сходства и различия в социальном строе, политической организации, административном управлении, наконец, в культуре Руси, Англо-Саксонской Англии и Скандинавских стран способны пролить новый свет на белые пятна ранней истории Руси и значительно углубить в целом наше понимание процессов европейского политогенеза.

Примечание

*Работа выполнена в рамках проекта «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Д.Е. Мишин

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭЛИТЕ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Настоящий доклад имеет целью предложить возможную интерпретацию некоторых данных источников о составе элиты Сасанидского государства в ранний период его существования. Недостаток сведений не позволяет идти далее и считать что-то однозначно установленным. Поэтому высказываемые здесь построения носят характер рабочих гипотез.

1. Высшие государственные должности.

Мы имеем некоторое понятие о них главным образом из надписей царей Шапура I (в Накш-и-Рустаме) и Нарси¹. Эти надписи были своего рода официальными сообщениями, вследствие чего можно предполагать, что они точно передают реалии своего вре-

мени. В обеих надписях обнаруживаются списки сановников, построенные по иерархическому принципу. При этом надпись Шапура I содержит списки сановников как его самого, так и его предшественников – Папака и Ардашира I, основателя Сасанидского государства. Тем самым, данные, которыми мы располагаем, покрывают почти весь III век.

При Ардашире I и Шапуре I высшими сановниками считались *битахш* и *хазарбад*. Обе эти должности были военными. *Битахш*, как показывает очевидная аналогия с *vitaxa* и *magister equitum* Аммиана Марцеллина (Ammien Marcellin etc. 1849. P. 201), был командиром конницы. *Хазарбад*, судя по названию должности, был тысячником, т.е., видимо, командиром некоего элитного подразделения. В списке приближенных Ардашира I они следуют за «царицей цариц», сестрой и женой царя, в перечне сановников Шапура I – за принцами из царствующего рода. Кем являлись они сами? Надписи не дают ответа, однако предложить его можно, как кажется, на основе изучения их имен. Суммируя данные надписей, мы имеем:

должность / царь	Ардашир I	Шапур I	Нарси
<i>битахш</i>	Ардашир	Шапур	Папак
<i>хазарбад</i>	Папак	Папак	Ардашир

(Herzfeld 1924. P. 97, 99; Maricq 1958. P. 322–323, 326–327).

Нетрудно заметить, что все указанные имена – чисто сасанидские, причем уже со времен Ардашира I. Это важно в следующем отношении. При Шапуре I мы видим представителей ведущих парфянских родов, названных, видимо, из верноподданничества, по имени основателя Сасанидского государства. Представители великих парфянских родов Варазов, Суменов и Каренов носят имя Ардашир (Maricq 1958. P. 326–327). Но едва ли такие имена давали до утверждения Ардашира I, значительная часть правления которого прошла в борьбе за установление его власти во всех владениях Парфянской державы. Поэтому наиболее вероятным кажется то, что и *битахш*, и *хазарбад* были родственниками Ардашира I, т.е. Сасанидами. Это соответствует логике времени вооруженной борьбы, в которой Ардашир I опирался на ближайших родственников. Таковы были цари Абаршахра, Мерва, Кермана и Систана,

из которых трое последних носили имя Ардашир. Их принадлежность к Сасанидам явствует из того, что они возглавляют список приближенных царя и стоят перед «царицей цариц» (Ibid. P. 326–327). От ат-Табари мы знаем, что Ардашир-царь Кермана был сыном Ардашира I, назначенным на правление отцом (Annales 1964. P. 817). То, что Сасаниды ставили своих родственников правителями подчиненных земель, подтверждается известным высказыванием Агафия Миринейского (Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque 1828. P. 260–261).

Если исходить из того, что место в списке отражает положение сановника, можно предложить ответы и на некоторые иные вопросы. С одной стороны, Сасанидом должен являться и высший сановник Нарси *харгупат*, который в надписи помещается перед сасанидским принцем Нарси (возможно, речь идет о сыне Нарси по имени Адур-Нарси, который известен и по другим источникам) и носит «сасанидское» имя Шапур (Herzfeld 1924. P. 97, 99). Напротив, фигурирующие в надписях *испахбады* к Сасанидам определенно не относятся. Два из трех *испахбад*-ов имеют несасанидское имя Рахш. В списке сановников Ардашира *испахбад* стоит после представителей парфянских родов, а в надписи Нарси – после одного из них, Сурена (Ibid. P. 97, 103; Maricq 1958. P. 322–324, 326–327). Если считать слово *испахбад* именем нарицательным и трактовать его как «командующий войском», получается, что важнейшая (особенно – в период вооруженной борьбы) должность главнокомандующего была отдана представителю стороннего рода. Учитывая манеру Ардашира и его преемников назначать на важнейшие посты членов своего рода, мы можем заключить, что люди, именуемые в надписях *испахбад*-ами, не были командующими войсками. Видимо, речь идет о представителях одного рода (на что в какой-то мере указывает и повторение имени Рахш через поколение), которым должен являться парфянский род Испахбадов.

2. *Шахрдар*-ы, *васпур*-ы и *вазург*-и.

Помимо списков сановников, надписи содержат иные указания на членов правящей элиты, в надписях Шапура I (в Хаджиабаде) и Нарси несколько раз упоминаются разряды аристократии, причем последовательность их всякий раз такова: *шахрдар*-ы – *васпур*-ы – *вазург*-и (Herzfeld 1924. P. 87, 109, 117). Представители их не называются, вследствие чего определение состава разрядов вызывает трудности.

Мы начнем анализ со «средней» категории *васпур*-ов. В литературе можно встретить утверждение, что к ним относились Сасаниды и представители крупнейших аристократических родов. Соответственно, к *васпур*-ам помимо Сасанидов причисляются семь крупнейших аристократических родов, о которых упоминает Феофилакт Симокатта (Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo 1834. P. 153–154; Herzfeld 1924. P. 170–173; Christensen 1907. P. 23–29; Christensen 1944. P. 103–110).

При всем уважении к авторитету Э. Герцфельда и А. Кристенсена, автор этих строк не имеет оснований поддержать эту точку зрения. В надписи Нарси *васпур*-ами называются только Нарси, прямо причисляемый к Сасанидам (Адур-Нарси – см. выше) и Пероз, который стоит перед ним и, соответственно, тоже должен принадлежать к правящей династии (Herzfeld 1924. P. 99). В кратком пехлевийском тексте *Абар стайинндари-и-сур африн* («Похвальное слово с выказыванием уважения к трапезному столу»), известном также как *Сур-сахван* («Застольное слово»), где приводится список первых лиц Сасанидского государства, *лус-и-васпур* определенно означает наследника престола, т.е. принца из правящего рода (The Pahlavi Texts 1913. P. 157). Если считать, что передачей персидского *васпур* с помощью пехлевийских идеограмм было *бэрбэйт* (посирийски – отпрыск дома, т.е. рода), то к *васпур*-ам будут отнесены упомянутые в списках приближенных Шапура I Валахш, два Сасана и два Нарси, которые, судя по их более высокому положению по отношению к *битахш*-у и *хазарбад*-у, тоже являются Сасанидами (Maricq 1958. P. 326–327). В другом перечне, где фигурируют члены правящего рода, мы находим *бэрбэйт* Пероза и Нарси (Ibid. P. 320–321).

Необходимо сказать, что в надписи Шапура I в Накш-и-Рустаме упоминаются люди, именуемые *васпуриган* – Пачихр и Папак (Ibid. P. 324–325, 328–329). Между тем, *васпуриган* в данном случае является скорее именем собственным, что делает данный случай особым и исключает его из рассмотрения.

Против трактовки Э. Герцфельда и А. Кристенсена можно привести и иные возражения. Легенду о семи родах можно найти и у ат-Табари, где мы читаем, что Гистасп, назначив семь высших сановников, среди которых были Сурен, Карен и Испахбад, назвал их '*узама*' (Annales 1964. P. 683; см. также: Marquart 1895. S. 635), что и

в рамках построений А. Кристенсена, и по лексическому значению соответствует понятию *вазурган* (*вазург-и*), а не *васпуран* (*васпур-ы*).

Если предположить, что *васпур*-ами являются сасанидские принцы, а *вазург*-ами – представители великих аристократических родов (Карены, Сурены, Испахбады и т.п.), оставшаяся часть картины складывается сама собой. *Шахрдар*-ами, т.е. правителями областей, которые, как указано выше, стояли в иерархических списках выше всех, должны являться Сасаниды, управлявшие подчиненными землями (цари Абаршахра, Мерва, Кермана и Систана в списке приближенных Ардашира, цари Адиабены, Кермана и Ивирии и, возможно, царица Майсана в списке приближенных Шапура I, см.: Maricq 1958. P. 326–327).

Ниже *вазург*-ов стоят *азад*-ы (буквально – благородные) и *кадагхвадан*. Первый термин должен означать аристократов, не достигавших уровня *вазург*-ов, второй – удельных правителей досасанидской эпохи (см., например: The Kamnab 1896. Пехлевийский текст, с. 1). В надписи Нарси слово *кадагхвадайн* означает, вероятно, потомков удельных правителей, подчинившихся Сасанидам. Интересно, что в одном случае *азад*-ы стоят перед *кадагхвадайн*-ами (Herzfeld 1924. P. 109), а в другом – после них (Ibid. P. 97). Видимо, в обширной среде знати, стоявшей ниже *вазург*-ов, были разные по положению и богатству люди и роды, и ни одна из указанных двух групп не имела однозначного превосходства над другой.

На основании изложенного хотелось бы предложить следующую реконструкцию элиты Сасанидского государства III в.:

1. Царь;
2. Члены рода Сасанидов (правители областей – *шахрдар*-ы, принцы – *васпур*-ы, высшие сановники – *битахш*, *хазарбад*, *харгупат*);
3. Представители великих аристократических родов (*вазург*-и);
4. Прочие вельможи (*азад*-ы и *кадагхвадан*).

Примечание

¹ Хронология Сасанидов, особенно ранних, остается спорной. Свои соображения на этот счет автор надеется изложить в отдельной работе.

Источники и литература

Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque. Bonn, 1828.
Ammien Marcellin, Jornandès, Frontin (Les stratagèmes), Végèce, Modestus avec la traduction français. P., 1849.

- Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir *at-Tabari*. Prima series. Leiden, 1964.
- Christensen A.* L'empire des Sassanides. Le peuple, l'état, la cour. København, 1907.
- Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944.
- Herzfeld E.* Paikuli. Monument and Inscription of the Early Ages of the Sasanian Empire. B., 1924. Bd. 1.
- The Karname i Artakhshir i Papakan. Bombay, 1896.
- Maricq A.* Classica et orientalia. 5. Res gestae Divi Saporis (Pl. XXIII–XXIV) // Syria. 1958. Vol. 35, N 3.
- Marquart J.* Beiträge zur Geschichte und Sage von Erān // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1895. N 49.
- The Pahlavi Texts. II. Bombay, 1913.
- Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo. Bonn, 1834.

А.Л. Осипян

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ АРМЯНСКИХ ТОРГОВЫХ КОЛОНИЙ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XIV в.

Монгольские завоевания 1220–1250-х годов в Передней Азии и Восточной Европе привели к существенным изменениям в трансконтинентальной торговле. В 1240-х – 1250-х годах в ставках Сартаха и Бату на Волге побывали многие армянские князья (некоторые дважды) как самостоятельно, так и в свите претендентов на грузинский престол. В конце 1253 или в 1254 г. у Сартаха и Бату побывал король Киликийской Армении Гетум I, ехавший в Монголию к великому хану Мангу (Гандзакеци 1976. С. 167–168, 194–195, 218–219, 222–224, 226). Среди тех, кто обращался к Бату-хану за справедливостью, летописец упоминает и купцов: «Затем начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил его, все области, вотчины и владения и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» (Гандзакеци 1976. С. 218). В средние века, купцы часто путешествовали под защитой посольства или в свите правителя. Таким образом, уже в середине XIII в. армянские купцы могли бывать в Нижнем Поволжье. После смер-

ти Бату-хана и Сартаха в 1255–1257 гг. и воцарения ильхана Хулагу в Персии и Армении в 1256–1258 гг., и особенно в результате войны между Берке и Хулагу в 1260–1265 гг., поездки армянских князей в Золотую Орду прекратились. Однако армянские купцы продолжали коммерческую деятельность на торговом пути Табриз – Сарай, проходившем через Дербент. Известно, что в обеих монгольских столицах бывал богатый армянский купец («мецатун»), известный в источниках как Шадин / Шахабадин / Шнорхавор, сын Саравана. Он пользовался настолько большим доверием у Хулагу, что в 1259–1265 гг. был фактическим правителем Тбилиси и Восточной Грузии (Маргарян 1982. С. 64–72). В 1230–1260-х годах происходит быстрый рост армянской общины в Тифлисе. В 1243 г. богатый армянский купец Умек / Асил переселился в Тифлис из Карина / Эрзерума после разгрома города монголами. В 1251 и 1267 гг., соответственно, Умек и Шадин возводят на свои средства вторую и третью армянские церкви в Тифлисе (Маргарян 1982. С. 66–67, 70–71), что, по нашему мнению, отражает приблизительно трехкратный рост числа армян в городе.

Через Тифлис и Трапезунд проходили торговые пути к Черному морю, а оттуда в Каффу, Судак, Солхат и Тану / Азак, также связанные торговлей с золотоордынскими городами на Волге. Здесь возникают новые и численно растут старые армянские колонии. В актовх записях генуэзских нотариов Каффы с апреля 1289 по июнь 1290 г. упомянуты 3 случая фрахта армянскими купцами (объединения в 2, 3 и 10 компаньонов) генуэзских кораблей в Каффе для доставки больших партий пшеницы, проса, соли (из Чиприко на Керченском полуострове) и прочих товаров из Крыма в Трапезунд (Balard 1973. P. 68, 109, 233–234). Крымские армяне не только арендовали корабли у итальянцев, но и заключали с ними разнообразные сделки (Ibid. P. 105, 120, 160, 215, 220, 233–234, 301, 304, 309, 337, 375). Итальянские купцы закупали у армянских дубильщиков Каффы большие партии бычьих кож (5, 14, 18 и 21 кантар), выдавая авансовые суммы и получая гарантии поставки товара через год или на Пасху 1291 г. (Ibid. P. 160, 301, 309, 337). В 1316 г. в Каффе было уже 3 армянских церкви (Юргевич 1863. С. 827). В 1320-х годах в источниках упоминаются армянские епископы в Каффе, Солхате и Сарае (*episcopus Armenorum in imperio Tartarorum lusbeck*. Richard 1998. P. 92, 159–160). В 1330-х годах армянский клирик Тертер Ереванци пе-

ребрался в Азак / Тану, где уже была армянская церковь св. Григория Просветителя (Памятные 1950. С. 329–330). Францисканец Паскаль из Виттории в 1336–1337 гг. проживал в Сарае и, выучив кыпчакский язык, в 1338 г. отправился по Волге и Каспийскому морю далее на восток для проповеди среди иноверцев: «Погрузившись на корабль с какими-то армянами, я отплыл оттуда по реке называемой Тигрис, а затем вдоль берега моря именуемого Ватук, пока через 12 дней не добрался до Сарайчика. Оттуда я ехал в повозке, влекомой верблюдами, и на пятидесятый день достиг Урганча». (Letter 1914. P. 83–85). Таким образом, армянские купцы не только бывали в Сарае, но и добирались до Сарайчика и Ургенча.

С началом периода междоусобиц в Золотой Орде 1360–1370-х годов, и особенно после разгрома основных торговых центров Тамерланом в 1395–1396 гг., основной поток восточных товаров пошел через Самарканд, Табриз, Эрзерум, Трапезунд, а оттуда по Черному морю в Константинополь или через Каффу в Монкастро / Аккерман, Ликостомо и Килию и далее по суше через Львов и Краков в Западную Европу. Именно на последнем направлении активную деятельность развернули крымские армяне. В 1340–1370-х годах армянские купцы фигурируют в сделках, заключенных в Килии, Аккермане и Ликостомо (Balard 1980. P. 58, 107–108, 111, 193–194; Balbi 1973. P. 102–103, 197, 200–201; Кучук-Иоаннесов 1903. С. 66). В 1356 г. польский король Казимир III, даровав Львову магдебургское право, в своей грамоте закрепил за общинами не-католиков (в том числе армян) возможность сохранить автономный суд своей «нации» (Привілеї 1998. С. 27–28). В 1363 г. армянские купцы из Крыма подарили армянской общине Львова новую каменную церковь, возведенную на их средства (Obertyński 1934. P. 41–42). В грамоте-кондаке католикоса Теодороса II от 13 августа 1388 г. обозначены приходы Львовской епархии, включающие Львов, Сирет, Сучаву, Каменец, Луцк, Владимир, Киев, Молдавию и Ботин, а также Ени-Сарай (Дашкевич 1992. С. 10). Большинство этих городов располагалось на «Молдавском» торговом пути, который через Килию и Аккерман соединял Галицкую Русь и Подолье с Каффой и Константинополем. С 1372 г. отдельные армяне фигурируют среди жителей Кракова (Otmianie 2003. S. 5). Активному переселению крымских армян на земли Молдавского княжества и Польского королевства способствовала и политическая нестабильность в Крыму в 1360-е годы (Sanjian 1969. P. 93, 94, 97–98).

Литература

- Гандзакеци Киракос. История Армении. М., 1976.
- Дашкевич Я.Р. Давній Львів у вірменських та вірменсько-кипчацьких джерелах // Україна в минулому. Київ; Львів, 1992. Вип. 1.
- Кучук-Йоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Тр. Восточной комиссии Имп. Моск. Археологич. общ-ва. М., 1903. Т. 2.
- Маргарян А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» // Кавказ и Византия. Ереван, 1982. Т. 3.
- Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С. Хачикян. Ереван, 1950.
- Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М. Капраль. Львів, 1998.
- Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 году // Зап. Одесского общ-ва истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5.
- Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. P., 1973. Т. 1: Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290; P., 1980. Т. 2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo, 1360.
- Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973.
- Letter from Pascal of Vittoria, a Missionary Franciscan in Tartary, to his Brethren of the Convent of Vittoria, 1338 // Cathay and the Way Thither / Ed. H. Yule; Rev. ed. by H. Cordier. L., 1914. Vol. 3.
- Obertyński S. Die Florentiner Union der Polnischen Armenier und ihr Bischoffskatalog // Orientalia Christiana. 1934. Vol. 36, no 1.
- Ormianie w średniowiecznym Krakowie. Wypisy źródłowe / Wyd. B. Wyrozumski. Kraków, 2003.
- Richard J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles). Rome, 1998.
- Sanjian A.K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. Cambridge (Mass.), 1969.

М.В. Панкратова

КОНФЛИКТ КОРОЛЕВСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОБЫЧНОГО ПРАВА В НОРВЕГИИ XI–XIII вв. (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В Норвегии XI–XIII вв. господствовало обычное право, существовавшее в устной форме до первой половины XII в. Юридический консерватизм проявлялся в восхвалении обычая как «добро-

го старого права». Правовые взгляды сливались с религиозными представлениями. У каждого сословия было свое собственное право.

Уже с конца IX в. выделились четыре основные области действия локального права (Гулатинг, Фростатинг, Боргартинг, Эйдсиватинг). Некоторые нормы областных судебников старше самих текстов и уходят корнями в дописьменную эпоху. Политическая отсталость средневековой Норвегии, ее «недоразвитость» по сравнению со странами «классического феодализма» позволяют представить более отчетливо как догосударственное родовое право, так и момент перехода к королевскому законодательству.

Привилегии и нормативные акты, исходившие от верховной власти, не были широко распространены в Норвегии (Helle 1993. P. 6–7). Королевское законодательство шло по иному пути, через так называемые «исправления законов», постепенно внедряя в традиционное право христианскую идеологию и изменяя древние права полноправного населения на обязанности и повинности в пользу короля, светских и церковных чиновников, чье положение становилось по закону более привилегированным.

Правовая и судебная система раннесредневековой Норвегии была основана в первую очередь на институте тинга – всеобщего собрания полноправных членов общины; такие ассамблеи контролировались местными вождями. В процессе формирования государственной власти происходили существенные изменения в древней правовой и судебной системе: обычное право было кодифицировано, законодательная власть закрепилась за королями, были введены королевские суды с чиновниками во главе.

Этим изменениям способствовало и распространение христианской идеологии, в которой почетное место верховного судьи и законодателя отводилось королям. Однако королевского суда искали скорее представители знати, поскольку новое законодательство защищало их интересы, в то время как основная масса крестьянского населения по-прежнему прибегала к соседскому мировому суду для решения своих споров и конфликтов (L VII, 24, 25).

Согласно Снорри Стурлусону, автору свода саг о норвежских конунгах «Круг земной», процесс объединения страны под властью одного короля начался с правления Харальда Прекрасноволосого (вторая половина IX в.). С этого времени государи делают первые попытки подчинения права своим интересам (Панкратова 2005). Происходит разрушение древних традиций и формирова-

ние новых правил, которые воспринимаются привычными и «добрыми» уже при следующем правителе, внесшем изменения в «старые законы».

Королевские нововведения вступают в противоречие с традиционным правом. На практике, если верить Снорри Стурлусону, дело доходило даже до вооруженных конфликтов между бондами – свободными крестьянами и королем с его дружиной.

Так, на первом этапе становления королевской власти произошло изменение статуса одаля – родовых земельных владений («отнятие одаля» конунгом Харальдом Прекрасноволосым). А.Я. Гуревич считал, что представление о собственности конунга на землю всех подданных начинает складываться около середины XI в. (Гуревич 2006. С. 211). В результате все бонды были обязаны платить подати королю.

Это вызвало трансформацию целого ряда правовых категорий, в частности, норм, касающихся объявления вне закона. В соответствии с обычным правом, объявление вне закона считалось крайней мерой воздействия на совершившего преступление в случае невозможности прийти к мировому соглашению с родом пострадавшего (G 153, 189). После провозглашения всей земли Норвегии королевским «одалем» власть использовала институт объявления вне закона для борьбы с личными врагами государя. Поскольку одаль объявленного вне закона стал отчуждаться в пользу короля, такая форма наказания быстро превратилась в источник обогащения казны (Гуревич 2006. С. 164). Данная практика, в конечном счете, привела к возникновению целого рынка земельной собственности и расслоению крестьянства на собственников земли и безземельных арендаторов.

Одним из первых налогов, введенных королевской властью, был «лейданг» (*leidangr*), денежный сбор на содержание морского ополчения. Областные законы позволяют проследить процесс подчинения народного ополчения нуждам короля. Как видно из законов, случаи уклонения от такой службы не были редкостью (G 302, 309, 311).

Подтверждение податей (*landskyldir*), введенных предыдущими правителями, и утверждение новых, как следует из «Круга земного», регулярно осуществлялось норвежскими королями, начиная с Олава Святого (начало XI в.). Введение подушного налога (*þegngildi*) четко осознавалось бондами как ущемление лич-

ных прав и приводило к вооруженным стычкам на тингах. Вопрос об увеличении размера налогов – наиболее болезненный с точки зрения Снорри Стурлусона. Однако в областных законах их размеры не зафиксированы.

Сами тинги претерпевают значительную эволюцию, направленную в сторону ограничения широкого участия бондов в судопроизводстве и местном управлении. Уже с начала XI в. институт тинга оказался под контролем королей (G 3, 32, 34, 35, 37, 131). В течение XI–XIII вв. был урезан состав участников, а делегаты назывались представителями короля.

В связи с этим стала изменяться система судопроизводства и наказаний. Уже в областных норвежских законах прослеживается тенденция к закреплению наиболее высоких штрафов в пользу короля. Характер преступлений, за которые взимались такие платы, свидетельствует о том, что король воспринимался не только как представитель определенного знатного рода, но и как субъект государственности, охранявший общественную безопасность, а нарушение мира считалось в таком случае криминальным актом против публичной власти.

В течение XII–XIII вв. происходила постепенная передача судебных и исполнительных функций королевским чиновникам, подчинение суда карательной системе королевской власти с использованием физических наказаний (*refsing*) (L IV, 15, 16).

Снорри вкладывает в уста одного из представителей тронхеймских бондов слова о том, что бонды передали конунгу Хакону Доброму (X в.) право «распоряжаться всеми законами и правом в стране» (*Hákonar saga góða* // *Heimskringla*. Kap. XV). Однако это привело к конфликту в законодательной сфере. Этот конфликт заключается в противоречии между делегированным королю со стороны населения правом издавать новые законы и обязанностью короля соблюдать установленную им же законность («поддерживать закон, который ты нам дал... и мы утвердили») (*Ibid.* Kap. XV). Согласно Снорри Стурлусону, каждый последующий король «ломал старые законы народа» (*Óláfs saga Tryggvasonar* // *Heimskringla*. Kap. LIV).

Несмотря на то, что норвежские короли предлагали новые законы, для их утверждения требовалось народное согласие вплоть до второй половины XIII в. В «Законах Фростатинга» даже суще-

ствуется предписание участникам тинга оказывать сопротивление королю, навязывающему несправедливые законы.

Процесс формирования на территории Норвегии социальной общности населения проходил драматично и сопровождался гражданскими войнами, вызванными в большой мере неупорядоченностью престолонаследия. Именно законы о порядке престолонаследия являются первыми четко выраженными законодательными инициативами норвежских королей.

Время правления короля Хакона Хаконарсона (1217–1263) ознаменовало конец борьбы политических лидеров за подчинение королевства власти одного короля. А период, когда королем был его сын Магнус Исправитель Законов (1263–1280), связан с масштабной продуманной законодательной реформой: кодификацией древнего обычного права и разработкой новых законов для всей страны («Ландслов»).

Перед законодателем возникла проблема сочетания идущего от верховной власти законодательства с традициями социальной саморегуляции в рамках обычного права, источником которого являлся открытый и всеобщий судебный процесс. В таком случае норвежский судебник XIII в. «Ландслов» можно рассматривать как компромиссный итог в борьбе королевского законодательства с протодемократическими традициями древней юридической системы.

Согласно новому судебнику, упорядочение порядка престолонаследия служило гарантией сохранения гражданского мира. Замена кровной мести денежными выплатами оказала смягчающее воздействие на способы урегулирования конфликтов при сохранении «горизонтального правосудия» и примирительных судов. Таким образом, утверждавшиеся в «Ландслове» принципы королевского законодательства и судопроизводства уживались с сохранением правотворческой активности населения и оставляли место для традиционных форм самоуправления.

Источники и литература

G – Gulatingslova. Den eldre Gulatingslova. (Norrøne texter N 6) / Bj. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994.

Heimskringla // Íslenzk fornrit / Bjarni Einarsson. Reykjavík, 1979. Bd. XXVI–XXVIII.

Helle K. Norge blir en stat, 1130–1319. Oslo, 1993.

L – Landrecht des Königs Magnus Hakonarson / R. Meißner // Germanen-rechte. Neue Folge. Abteilung Nordgermanisches Recht. Weimar, 1941. Bd. XXVIII.

Гуревич А.А. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. М., 2006.

Панкратова М.В. Этапы законотворческой деятельности норвежских королей до XIII в. (обзор источников) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источникововедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина, Москва, 19–22 апреля 2005 г.: Тез. докл. М., 2005. Ч. 1. С. 127–129.

В.В. Пенской

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В IX–X вв. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Выбирая тему для выступления на Чтениях, мы руководствовались тезисом, который сформулировал американский социолог Р.Л. Карнейро. Анализируя различные концепции происхождения государства, он отмечал, что «остается мало сомнений, что в той или иной степени война сыграла решающую роль в подъеме государства». И, развивая свою мысль далее, исследователь указывал, что война может рассматриваться как «механизм образования государства» (Карнейро 2006. С. 58–59). Наблюдения за развитием военного дела, изменениями в тактике и стратегии (насколько эти термины приложимы к характеристике военного искусства той эпохи), в комплексе защитного и наступательного вооружения и пр., позволяют сделать определенные выводы относительно изменений в самом обществе, его социальном, политическом, культурном устройстве. Учитывая же те бурные споры и оживленные дискуссии, которые уже длительное время идут вокруг проблемы происхождения русской государственности, обращение к анализу развития военного дела у восточных славян в эпоху раннего средневековья представляется весьма многообещающим с точки зрения изучения механизмов, способствовавших возникновению Древнерусского государства.

Характеризуя состояние военного дела восточных славян в раннее средневековье, прежде всего, сошлемся на мнение, пожалуй, крупнейшего отечественного специалиста по древнерусскому военному делу А.Н. Кирпичникова. Он отмечал в одной из своих работ, что «прогресс вооружения нередко определял такти-

ку боя и перевороты в способах его ведения» (Кирпичников 2007. С. 319). Но если принять это в качестве аксиомы, то тогда вполне закономерно встает вопрос: а сопровождался ли такой прогресс в комплексе вооружения восточных славян аналогичными серьезными переменами в тактике? И, абстрагируясь от частных деталей, ответ на него, по нашему мнению, может быть только утвердительным: да, в военном деле славян Восточной Европы действительно произошла не только «техническая революция» (термин А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева).

Из анализа доступных византийских и арабских письменных источников следует, что славяне в VI–VIII и на протяжении большей части IX в. в случае войны выставляли преимущественно легковооруженную пехоту – лучников и метателей дротиков, а также немногочисленную конницу, и это подтверждается данными археологии. Раскопки раннесредневековых славянских поселений дают преимущественно наконечники стрел и копий, тогда как находки прочих видов оружия единичны (см., например: Археология Украины 1986. С. 145, 170–171, 184, 199, 206; Археологія Беларусі 1999. С. 310, 331–332, 342–343, 355, 400, 406, 416). Примечательно и то, что металлургия и железоделательное производство у славян в это время были развиты достаточно неплохо (см., например: Археология Украины 1986. С. 150, 163–164; Седов 1982. С. 240–241; Археологія Беларусі 1999. С. 335), однако предметов оружия находится немного.

В соответствии с комплексом вооружения находилась и тактика славян. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, поскольку это уже было сделано А.К. Нефедкиным (Нефедкин 2003. С. 79–91), отметим лишь, что на поле боя для них было характерно стремление вести дистанционный бой посредством метания дротиков, прикрываясь щитами (обычными и/или стационарными ростовыми – этот вопрос требует дополнительного изучения). Лук, который, судя по всему, был обычным охотничьим, использовался достаточно редко, и еще реже славяне переходили к рукопашному бою, к которому они не были готовы ни технически (из-за отсутствия в сколько-нибудь большом количестве доспехов и холодного оружия ближнего боя – боевых топоров, мечей, кинжалов и больших ножей типа германских скрамасаксов), ни психологически, т.к. слой профессиональных воинов у них, судя по всему, в лучшем случае только начал формироваться (см., на-

пример: Горский 1989. С. 26–27; Седов 1982. С. 247). Отсюда естественным образом вытекала и «большая» тактика славян, уклонявшихся от «правильных» сражений в открытом поле строй на строй и стремившихся к «малой» войне на пересеченной местности, в лесах, стремнинах и узкостях с ее неожиданными нападениями из засад, изматыванию неприятеля набегами внезапными атаками и т.п.

На протяжении нескольких столетий военное дело славян изменялось крайне медленно (напрашиваются аналогии с процессами, проходившими примерно в это же время, например, у саксов. См.: Гуревич 2007. С. 293). Однако в IX в. начинаются перемены, причем перемены достаточно радикальные. Примечательно, что А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, касаясь проблем анализа развития комплекса вооружения восточных славян, писали, что «большинство форм и видов оружия IX–X вв. не имеют местных корней в культуре предшествующей поры. Объясняется это тем, что боевые средства славян VI–VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период. У обитателей Восточной Европы середины I тыс. н.э. преобладали лук и стрелы, метательные дротики; мечи, шлемы и кольчуги почти отсутствовали...» (Кирпичников, Медведев 1985. С. 320). Между тем комплекс вооружения, в равной степени наступательного и защитного, именно в эти два столетия, в IX–X вв., радикально изменяется и складывается столь привычный нам внешний облик древнерусского воина – тяжеловооруженного бойца, комплекс защитного и наступательного вооружения которого сориентирован преимущественно на «ближний» бой.

Изменения в вооружении и, как следствие, в тактике восточных славян были замечены соседями. Резким контрастом с Прокопием Кесарийским и Псевдо-Мавриkiem выглядят сведения византийского историка второй половины X в. Льва Диакона. В своей «Истории» уже в первом описании воинов киевского князя Святослава он сообщает, что они вооружены щитами и мечами (Leo Diac. Hist. V. 2). Регулярно Лев Диакон упоминает и воинов-русов в кольчугах, шлемах, вооруженных мечами, боевыми топорами и длинными копьями (Ibid. VI. 11–13; VIII. 6; IX. 2, 5, 8).

Его информация подтверждается данными археологии. Анализ материалов, собранных и сведенных воедино А.Н. Кирпич-

никовым почти полстолетия назад, показывают, что на тот момент в ходе раскопок было обнаружено 108 мечей, 17 сабель, 9 скрамасаксов, 290 наконечников копий и 13 сулиц, 211 боевых топоров, 27 кольчуг и 8 шлемов, относящихся к X–XI вв. (Кирпичников 1966–1971. Вып. 1. С. 23, 71, 91–93; Вып. 2. С. 16, 40, 99; Вып. 3. С. 8, 83–84). Таким образом, за относительно короткий по историческим меркам период количество всевозможного оружия, обнаруженного при раскопках, возрастает в разы, причем некоторые его разновидности, например, шлемы, и вовсе появляются впервые.

Не менее радикальными стали и перемены в тактике. Тот же Лев Диакон неоднократно подчеркивал, что русы Святослава стремятся к рукопашному бою, видят в нем едва ли не единственный способ решить исход битвы и войны (*Leo Diac. Hist. V. 2; VI. 12–13; VIII. 4, 72, 9–10; IX. 2, 5–6, 8–10*). О стремлении русов к «ближнему» бою и об их тяжелом вооружении (копье, щит, меч, «оружие наподобие кинжала» – скрамасакс?) говорит в описании их нападения на Барда‘а в 943–944 гг. и перс Ибн Мискавайх (Ибн Мискавайх 2009. С. 101).

Обращает на себя внимание тот факт, что Лев Диакон сравнивает строй русов в сражении под Доростолом со стеной (*Leo Diac. Hist. VIII. 9*). Случайно ли такое сравнение? Не связана ли «стена» Диакона с хорошо известной из истории военного дела раннесредневековых германцев и скандинавов «стеной щитов» (др.-англ. *Scildburh*)? Случайно ли появление не только нового комплекса оружия, «заточенного» на ближний бой, но и совпадение по времени переворота в военном деле на востоке Европы с началом активной норманнской экспансии в этом регионе (Седов 2002. С. 286; Славяне и скандинавы 1986. С. 35–41)? И если учесть, что в это же время формируется и Древнерусское государство, то совпадение этих процессов при пристальном рассмотрении отнюдь не выглядят случайным. Напрашивается вывод, что так или иначе, но без скандинавов здесь дело не обошлось. Обладая определенным военно-техническим превосходством над населявшими Восточную Европу славянскими и иными племенами, они не только оказали серьезнейшее воздействие на развитие военного дела восточных славян, изменив его вектор, но и сыграли роль своеобразного «катализатора» государствообразующих процессов в этом регионе (см например: Горский 2004. С. 48–49; Петрухин 1995. С. 108–109).

Литература

- Археалогія Беларусі. Мінск, 1999. Т. 2.
Археология Украины. Киев, 1986. Т. 3.
Горский А.А. Древнерусская дружина (к истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.
Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // *Гуревич А.Я.* Избр. тр. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. С. 189–349.
Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55–70.
Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1, 2; Л., 1971. Вып. 3.
Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 316–320.
Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 298–363.
Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2009. Т. 3: Восточные источники.
Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // Византийский временник. 2003. № 62 (87). С. 79–91.
Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М.; Смоленск, 1995.
Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.
Славяне и скандинавы. М., 1986.

С.М. Перевалов

АНТИЧНАЯ ИБЕРИЯ (КАРТЛИ): УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЦАРСТВА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Возникновение кавказского государства Иберия (нынешняя восточная Грузия) в последних веках до нашей эры можно отнести к числу наиболее примечательных феноменов древней истории. На границе с Кавказом – этим рубежом Европы и Азии (в современном значении), цивилизации и варварства, оседлости и кочевничества, возникло самое северное государство Передней

Азии и античного (в восточном варианте, греческого) мира. Каковы были импульсы, вызвавшие к жизни этот феномен, не до конца понятны. Относительно характера древнеиберийской государственности в литературе нет единого мнения. Распространенной является точка зрения, согласно которой Иберия в античную эпоху являлась национальным государством древних грузин, защищавшим самобытность своего народа с местной, кавказской культурой (например: Амиранашвили 1938) Это представление в значительной степени основано на данных средневековой грузинской исторической традиции, но страдает модернизаторством, стремлением трактовать события далекого прошлого сквозь призму современных проблем национальных государств Южного Кавказа.

Античный период в истории Иберии охватывает время с последней трети IV в. до н.э. (походы Александра Македонского и установление эллинистических правлений в Передней Азии) до начала IV в. н.э. (христианизация кавказских обществ). В древнейших греческих источниках, повествующих о Кавказе (труды Гекатея, Геродота, Ксенофонта), упоминаются лишь некоторые племена, давшие начало древнегрузинскому этносу – колхи, мосхи, тибарены (два последних, видимо, мигрировали в долину Куры с территории восточной Анатолии), но политического (либо административного) образования Иберия эти авторы еще не знали. В эпоху Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) южные территории позднейшей Иберии, населенные этими племенами, согласно Геродоту (Hdt. 3. 94), входили в 19-ю сатрапию Дария I. Появление независимого древнегрузинского государства источники связывают с распадом державы Ахеменидов и установлением македонского владычества на Востоке.

Более или менее связный рассказ о появлении собственной царской власти в кавказской Иберии (термин встречается в античных источниках, грузинский эквивалент – Картли) содержится в средневековой грузинской исторической традиции, главными источниками для нас являются хроника «Мокцевай Картлисай» и свод «Картлис Цховреба». Согласно их данным, основателем первой династии Картли явился Фарнаваз, возглавивший освободительное движение картлийцев против ставленника «греков» и самого Александра Великого, и одновременно «патрикия» (sic) Азо или Азона (имя, скорее всего, производное от имени фессалийского героя Ясона, являвшегося, по античной мифоло-

гической традиции, прародителем ряда кавказских народов). Овладев картлийским престолом около 300 г. до н.э., Фарнаваз перенес столицу в Мцхету, в районе горы Багинети, на правом берегу Куры, и стал проводить собственную политику в интересах только что созданного государства. Фарнавазу приписывают централизацию власти в древнегрузинском обществе, состоявшем до того из полусамостоятельных племен, административную реформу с разделением государства на восемь округов (*эриставства*), укрепление сословия *азнаутов*, создание древнегрузинской письменности (*мхедреули*). В религиозной политике Фарнаваз и его преемники придерживались проперсидской ориентации, поддерживали зороастрийское огнепоклонничество и культ Армази (аналогичный Ахурамазде). Династия Фарнавазидов, судя по грузинским источникам, правила в Картли как минимум до I в. н.э., период I–II вв. н.э. не содержит ясных указаний на родословную царей, а с конца II в. н.э. к власти приходят цари из рода (парфяно-армянского) Аршакидов, которых сменили персидские Хосроиды. Согласно таблице, составленной Г.А. Меликишвили, с конца IV в. до н.э. до начала IV в. н.э. картлийский престол занимали более тридцати правителей, включая спорных, альтернативных и анонимных (Меликишвили 1985).

По оценкам специалистов, сведения грузинских хроник о событиях античности малодостоверны, и ими можно пользоваться только в случае, если их удастся синхронизировать с другими источниками. «Использование сведений названных грузинских летописей правомерно лишь в том случае, если мы имеем возможность контролировать их с помощью других источников» (Ломоури 1981. С. 21–22). Такими источниками являются греческие и латинские, появляющиеся в период Митридатовых войн, особенно III Митридатовой (74–63 гг. до н.э.), которая привела римские легионы к горам Кавказа. В кампании 65 г. до н.э. Помпей, нанося удар по союзникам Митридата Евпатора, прошел через центр Иберии, разгромил ее войска и поставил государство в вассальные («клиентские») отношения с Римом. С тех пор в течение нескольких веков имели место довольно интенсивные военно-политические и культурные контакты Рима и Иберии, продолжавшиеся и в византийскую эпоху. Благодаря греческим и латинским нарративным и эпиграфическим источникам удастся определить имена иберийских царей римского времени: Артага

(Артока времени похода Помпея), Фарнабаза (36 г. до н.э., побежденного легатом Марка Антония П. Канидием Крассом), Митридата (известен по событиям иберо-парфянской войны 35 г. н.э.), Фарасмана (середина I в. н.э., упоминается у Тацита), Митридата (75 г. н.э., упомянут в греческой надписи на территории Мухеты), Митридата (ок. 114–115 г., известен из греческой эпитафии), Фарасмана (130-е годы, упомянут Аррианом и Дионом Кассием), Хсефарнуга (середина II в., фигурант армазской билингвы) и некоторых других.

Выводы, полученные путем комбинации греко-римских и грузинских источников, позволяют говорить о том, что формирование и существование иберийского государства в античный период определялось несколькими обстоятельствами, несводимыми к концепции Иберии / Картли как предтечи более позднего национального грузинского государства. Судя по имеющимся данным, кавказскую Иберию следует рассматривать как вариант сложносоставного эллинистического государственного образования. Можно выделить следующие факторы, определившие развитие Иберии в античный период.

Население. Даже судя по грузинским источникам, можно сказать, что население древнекартлийского государства никоим образом не было автохтонным, но смешанным и неоднородным. Например, имя второго царя Картли Саурмага определенно указывает на скифо-сарматские корни. Несколько имен грузинских *питиахшей* первых веков нашей эры содержат скифо-сарматские корни. Ясное свидетельство многонационального характера населения Иберии мы находим у Страбона, который пишет: «На Иберийской равнине обитает население, более склонное к земледелию и миру, которое одевается на армянский и мидийский лад; горную часть, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием» (Strabo. 11. 3. 3. Р. 500; пер. Г.А. Стратановского).

Иранское влияние. Территория Кавказа находилась под сильным влиянием иранской культуры, начиная с Ахеменидов, утвердившихся в Малой Азии и прилегающих областях в середине VI в. до н.э., и до Сасанидов, чье господство над большей частью Кавказа отражено в надписях Шапура I (ок. 240–272) и закреплено ирано-византийским разделом Армении 387 г. н.э. Обычно

считается, что Иберия, в силу географической удаленности, испытывала меньшее влияние Ирана. Стоит, однако, заметить, что археологические находки в не менее отдаленном г. Вани (Колхида) показывают широкое распространение иранских мотивов в декоре изделий мастеров уже в V–IV вв. до н.э.; то же впечатление производят данные некрополя эллинистическо-римского времени (основные находки от II–III вв. н.э.) в Армазисхеви близ Мцхеты. Следует отметить и наличие в грузинском госаппарате такой фигуры, как *питиахш* (визирь), один из которых назывался Папак – имя, совпадающее с именем основателя Сасанидской династии (с 224 г.), Ардаширом I Папаканом. Иберийская ономастика, в частности, отраженная в армазской греко-арамейской билингве II в. н.э. (арамейский язык был официальным языком персидской бюрократии), показывает широкое распространение иранских имен в Иберии в первые века нашей эры. В религиозном плане следует отметить сильное влияние зороастризма на протяжении всей античности. К особенностям, связанным с иранским влиянием, следует отнести монархическую природу высшей власти, наследственные привилегии аристократии и отсутствие развитой полисной структуры – основы античной цивилизации.

Греческое и римское влияние. Как сказано, уже сама (грузинская) традиция о возникновении династии Фарнавазидов включает историю Иберии в мир эллинизма. Иберия (по грузинским источникам) возникла в результате восстания против ставленника Александра Азо(на), в котором некоторые видят представителя малоазиатского Понтийского царства. Согласно «Картлис цховреба» (I. 23–33), царь «Антиох» (есть предположение, что здесь подразумевается Селевк I Никатор) помог Фарнабазу свергнуть диктатуру Азона. План Селевка I проложить канал между Каспием и Черным морем (Plin. HN. 6. 31), возможно, предполагал контроль Селевкидов над Колхидой и Иберией. Другим свидетельством в пользу Селевкидского протектората (контроля) над Иберией может служить сообщение Полибия о том, что границы сатрапии Мидия доходили до Черного моря (Pib. 5. 44. 8–10; 10. 27. 4). Установленные затем, в результате походов Помпея (65 г. до н.э.) и последующего обустройства кавказских государств в эпоху империи (особую роль сыграли реформы Веспасиана по учреждению обширной военизированной провинции Галатия-Каппадокия, обращенной к Кавказу), «клиентские» отношения кавказских

(включая Иберию) династов с Римом определили «правила игры» в межгосударственных отношениях на Кавказе, являвшиеся продолжением эллинистических традиций. В какой мере случай эллинистическо-римской Иберии может быть примером особого, «третьего» (между античным и восточным миром) пути развития (предложение Н. Гарсоян: Garsoian 1999. P. 16), пока остается предметом дискуссий.

Литература

- Амиранашвили А.И.* Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 161–173.
- Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. Ч. 1: Политические взаимоотношения.
- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Меликишвили Г.А.* Список царей древней Картли // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985. С. 164–168.
- Garsoian N.* Iran and Caucasia // Transcaucasia, nationalism and social change: essays in the history of Armenia, Azerbaijan, and Georgia / Ed. by R.G. Suny. Ann Arbor, 1999. P. 7–23.
- Wheeler E.L.* A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994–96. Vol. 6–7. 1997. P. 51–78.

В.Я. Петрухин

ИУДЕЙСТВО И ВАРВАРСТВО НА ЮГЕ РОССИИ: О СУДЬБАХ ИУДАИЗМА КАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ В ХАЗАРИИ*

Главной загадкой начальной истории Хазарского каганата остаются время и обстоятельства выбора иудейской веры хазарским каганом. Рассказ царя Иосифа (в еврейско-хазарской переписке) о хитроумном правителе Булане, выбравшем иудаизм, чтобы сохранить конфессиональную и политическую самостоятельность меж «двух огней» – между Халифатом и Византией, воспринимался как литературный топос («проделка хитреца») даже после признания аутентичности еврейско-хазарской переписки. Открытие так называемых моисеевых дирхемов (клад 840-х годов в Спиллингс, Готланд) – хазарского чекана с куфической легендой *Муса расул алла* «Моисей посланник всевышнего» (Моисей упо-

мянут вместо Мохаммеда традиционного мусульманского чекана) обнаружило исторические основы хитроумной конфессиональной политики хазарского правителя: легенда, демонстрирующая иудейскую конфессиональную принадлежность инициатора чекана, не противоречила исламу. Датировка монет нуждается в уточнении – Р. Ковалёв (Kovalev 2005) отнес чекан к 837 г., но эта датировка не может напрямую относиться ко времени обращения хазар.

Время обращения традиционно увязывается в историографии с контекстом письма Иосифа – окончанием арабо-хазарской войны 730-х годов; согласно ал-Куфи, потерпевший поражение от арабского полководца Марвана каган принял ислам. Неясно, насколько это известие соотносится с реалиями эпохи выбора веры, а насколько – с представлениями об обращении неверных как закономерном итоге победоносной «священной войны» (ср.: Гараева 1997).

Армянские и персидские авторы сообщают о переселении десятков тысяч еврейских семей в Закавказье и Иран (ср.: Аликберов 2011; Топчян 2010), тот же ал-Куфи рассказал об арабском войске Марвана, которое прошло через всю Хазарию до «реки славян» и пленило там 20 тысяч семей славян (ас-сакалиба) и других неверных (Кляшторный 2006. С. 550–552).

Последние известия позволяют конструировать гипотезы об исконном славянском расселении в Поволжье и даже на Кавказе (Марван переселил пленников в район Дербента), сведения же о переселениях евреев соотносятся с данными Кембриджского документа о закавказском (Армения) происхождении хазарских евреев и хазарского иудаизма. Характерная для древних авторов «щедрость на нули» не позволяет буквально воспринимать их данные по численности переселенцев. Нет данных о присутствии на Северном Кавказе в раннее средневековье ни славян, ни евреев (ср.: Семёнов 2009).

Регионом, где концентрировалось еврейское население в античной древности и раннем средневековье, являлся Боспор – Таманский полуостров, о чем свидетельствует (под 679/680 г.) «Хронография» Феофана (Чичуров 1980. С. 60) и многочисленные археологические находки, в первую очередь – надгробия с иудейской символикой (около 300). Иудейские памятники датируются античным временем (самые поздние могут относиться к IV–V вв.),

ни один из них не открыт *in situ*: продолжаются поиски разрушенного распашкой некрополя в станице Вышестеблиевская (Кашовская, Кашаев 2011), античные надгробия, обнаруженные в раннесредневековых слоях Таматархи / Тмуторокани, использованы для позднейших конструкций. Боспор был важнейшей контактной зоной, где иудеи общались с «варварами» – по данным манумиссий известны случаи прозелитизма, рабы отпускались на свободу при условии принадлежности к иудейской общине (Даншин 1993). Вероятно, с этноконфессиональной ситуацией на Боспоре была связана и хазарская миссия Константина Философа (ок. 860 г.), но археологических свидетельств присутствия евреев в Хазарии до сих пор не обнаружено (кроме нескольких сомнительных рисунков: Петрухин, Флёров 2010). Этот источниковедческий парадокс – известия восточных авторов (и Кембриджского документа) о массовой миграции иудеев на Кавказ и отсутствие данных археологии и синхронных источников о еврейской миграции – приводит к противоположным построениям в историографии: от представлений о еврейской колонизации хазарской степи до отрицания распространения иудаизма в Хазарии вообще.

Более того, археологические раскопки могильников салтовского (хазарского) времени в донецкой степи обнаружили массовые и практически безынвентарные ямные захоронения, обряд которых напомнил исследователям известный по более поздним памятникам (монгольского времени) обряд мусульманских погребений (Красильников, Красильникова 2011). Впрочем, те же комплексы сопоставлялись с христианскими могилами; при близости погребальной обрядности у представителей «авраамических религий» (и отсутствии данных об иудейском погребальном обряде в раннем средневековье) трудно решить вопрос о конфессиональной принадлежности безынвентарных комплексов.

О специфике хазарского иудаизма и, в частности, о приверженности прозелитов традиционным «языческим» ценностям, свидетельствует официальный хазарский документ – письмо царя Иосифа; Иосиф – прямой потомок Булана, тюркского правителя хазар, принявшего иудаизм, писал, что он – не семит, потомок Авраама, каковым должен считать себя всякий, ставший иудеем (прошедший гийюр): Иосиф сообщал, что он происходит «из сынов Иафета, из потомства Тогармы» (Коковцов 1932. С. 91). Для правителя каганата невозможно было отказаться от тюркского

аристократического происхождения, дававшего право на власть в многоплеменной «империи» (Петрухин 2010). Соответственно быт кагана, в том числе несовместимые с иудаизмом традиционные представления об умерщвляемом во благо подданных «священном царе», продолжали существовать в государстве, официальной религией которого стал иудаизм. В этих обстоятельствах, учитывая привязанность евреев к городским центрам Византии и халифата (где были гарантированы их права), невозможно представить еврейскую колонизацию Хазарии: у населения хазарских степей господствовали традиционные «языческие» обычаи, возможно и затронутые воздействием «авраамических» религий.

Присутствие еврейских общин в городах на контролируемом хазарами Боспоре, в ставках кагана и особенно в пограничном Киеве (о чем свидетельствует письмо киевской еврейско-хазарской общины: Голб, Прицак 2003) реанимирует, однако, старые историографические конструкции о хазарском происхождении европейских евреев ашкеназов. Романтическую послевоенную конструкцию о хазарских иудеях как «тринадцатом колене Израиля» ее автор А. Кестлер оправдывал благородной целью – настаивая на несемитском (хазарском) происхождении ашкеназов, он хотел продемонстрировать абсурдность нацистского антисемитизма. Иное направление схожая конструкция приобретает в растиражированной ныне как сенсация книге Ш. Занда (Занд 2010): автор настаивает на тюркском (хазарском) происхождении ашкеназов, отрицая их право на государство на Ближнем Востоке. Никаких оснований для подобных конструкций, предполагающих миграции массы хазарских прозелитов в Центральную и Западную Европу в раннее средневековье, не существует.

Примечание

* Материал подготовлен при поддержке Программы ОИФН РАН «Аланы, хазары и Русь: этнокультурные взаимосвязи народов Восточной Европы в раннем средневековье».

Литература

- Аликберов А.К. Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. М., 2011.
- Гараева Н.Г. О дате принятия ислама хазарами // Язык, духовная культура и история тюрков: Традиция и современность. Тр. междунар. конф. М., 1997. Т. 3. С. 214–217.

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В.Я. Петрухина. 2-е изд., испр. и доп. М.; Иерусалим, 2003.
- Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 59–72.
- Занд Ш. Кто и как избрал еврейский народ? М., 2010.
- Кашовская Н.В., Кашаев С.В. Иудаизм на Боспоре – археологический контекст // Хазары: миф и история. М., 2011.
- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Красильников К.И., Красильникова Л.И. Идентифицирующие признаки населения степного Подонковья в структуре хазарского каганата // Хазары: миф и история. М., 2011.
- Петрухин В.Я. Библейские генеалогии в средневековой политической истории: Хазария и Русь // Medieval Christianitas: different regions, 'faces', approaches / Ed. Ts. Stepanov a. G. Kazakov. Sofia, 2010. (Mediævalia Christiana; 3). P. 31–41.
- Петрухин В.Я., Флёров В.С. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Иерусалим; М., 2010. С. 151–161. Т. 1: От древности до раннего нового времени.
- Семёнов И.Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2009. Т. 8. С. 289–314.
- Топчян А. Евреи в древней и средневековой Армении // История еврейского народа в России. Иерусалим; М., 2010. Т. 1: От древности до раннего нового времени.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Kovalev R.K. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages / Ed. F. Curta. Ann Arbor, 2005.

П.В. Петрухин

О ДАТИРОВКЕ СПИСКА А СМОЛЕНСКОЙ ДОГОВОРНОЙ ГРАМОТЫ 1229 г.

Мнения специалистов о времени и обстоятельствах появления так называемой «готландской» редакции договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом

1229 г. и, в частности, старейшего списка этой редакции – списка А – значительно расходятся. Так, П.В. Голубовский и Л.К. Гётц считали данный список оригиналом договора 1229 г., того же мнения придерживаются составители издания смоленских грамот 1963 г. Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин, а также авторы новейшего издания смоленско-рижских актов А.С. Иванов и А.М. Кузнецов. В то же время предлагались и другие датировки. Н.П. Лихачёв на основе анализа печатей грамоты отнес ее ко времени около 1284 г., т.е. ко времени правления смоленского князя Фёдора Ростиславича (1280–1297). В.А. Кучкин также полагает, что грамота представляет собой поздний список договора и предположительно датирует ее временем княжения Михаила Ростиславича (1277–1279) – непосредственного предшественника Фёдора Ростиславича. В докладе будут изложены новые аргументы в пользу поздней датировки списка А. Как представляется, новые данные подтверждают справедливость гипотезы, высказанной Н.П. Лихачёвым.

Литература

- Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1985.
- Иванов А.С., Кузнецов А.М.* Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica – Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги. Рига, 2009.
- Кучкин В.А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103–114.
- Лихачёв Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1.
- Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963.
- Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts; Bd 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften; Bd 6).

А.В. Подосинов

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ ПОЛИСА К ЦАРСТВУ*

Весьма показательный пример для уяснения типологии политогенеза вообще и в античном мире в частности представляет со-

бой возникновение Боспорского царства – крупнейшего государства Восточной Европы в античности. Греки, мигрировавшие в начале VI в. до н.э. на берега Боспора Киммерийского (совр. Керченский пролив), происходили из малоазийских городов, в основном из Милета. Для городов Малой Азии этого времени был характерен полисный государственный строй со всеми атрибутами демократического устройства. В первый век своего существования поселения греческих колонистов, развившись в типичные полисы, сохраняли политические институты метрополии, мало чем отличаясь от городов коренной греческой цивилизации. Однако ок. 480 г. до н.э. к власти на Боспоре пришли некие Археанактиды – династия, которая правила Боспором 42 года. Около 438 г. до н.э. власть на Боспоре захватил Спарток, основавший новую династию – Спартокидов, при которых возникло крупное государство, состоявшее из многочисленных греческих городов и поселений по обоим берегам Керченского пролива, а также ряда «варварских» племен (синдов, меотов, скифов). Расширение территории Боспорского царства было как мирным, так и военным; так, например, греческие города Нимфей и Феодосия были насильственно присоединены боспорскими царями к своим владениям. Это государство оказалось весьма стабильным, в лучшие свои времена оно располагалось на территории около 5 000 км², объединяя около 30 городов и поселений, и просуществовало много веков, пав под ударами гуннов в IV в. н.э.

Таким образом, на месте суверенных демократических полисов возникла надполисная власть, объединившая их под скипетром одного правителя, – он долгие годы (до III в. до н.э.) назывался «архонтом» греческих городов, в чем можно видеть реликты полисного государственного устройства, в то время как для местных варварских племен (а с III в. до н.э. и для греков) он выступал как «царь». Наследственность власти решительным образом противоречила принципам эллинской демократии и обусловила трансформацию традиционного полиса в монархию. Столицей царства стал один из городов Керченского пролива Пантикапей (совр. Керчь) – крупный полис, имевший особенно удобное географическое положение. Там располагалась резиденция боспорских царей, центральные службы и государственные органы.

Что же произошло, каковы причины такой трансформации? Историки давно отметили сходство боспорской формы государ-

ственного устройства с установившейся после походов Александра Македонского (т.е. на полвека позже) новой формой правления – эллинистической монархией, с которой исследователи связывают новый этап в развитии античного общества – эллинизм. Как «предвосхищение» эллинизма рассматривали боспорскую форму правления уже Э. Миннз и М.И. Ростовцев, позже В.Д. Блаватский четко сформулировал тезис о протоэллинизме на Боспоре и попытался проследить это явление на многих окраинах греческой ойкумены (в частности, на Сицилии, в Кари и Македонии), видя в нем некий исторический период. В истории Боспора этот период занимал, по Блаватскому, время между второй четвертью IV в. и концом того же века. Основными признаками, сближающими «боспорский феномен» с позднейшим эллинизмом, считались эллино-варварский характер государства, синтез двух культур, приток населения из греческой метрополии и развитие градостроительства. Блаватский ясно видел и отличия протоэллинизма от эллинизма (в первом случае уровень развития варваров был ниже, чем это было на Ближнем Востоке и в Египте, размеры протоэллинистических монархий были скромнее, формы государственности могли быть несколько иными). Несмотря на это, его теория вызвала негативную оценку у большинства российских историков. Один из самых активных критиков теории «протоэллинизма» Ф.В. Шелов-Коведяев видит в сходных чертах истории Боспора и эллинизма не однозначные в генетическом и типологическом плане явления, а внешнее сходство результатов различных исторических процессов. Эллинистические черты появляются на Боспоре, согласно этой точке зрения, только с Митридатом Евпатором во II в. до н.э.

Итак, сторонники протоэллинизма на Боспоре, сравнивая исторические условия, в которые попали греки в Северном Причерноморье, с теми, которые возникли на Ближнем Востоке после Александра, отмечают те черты, которые в историографии эллинизма признаны характерными для эллинизма (см. также: Яйленко 1990. С. 308–309). Противники теории протоэллинизма, соглашаясь в принципе с наличием сходства в образовавшемся в конечном итоге политическом устройстве там и здесь, указывают на различия в генезисе и эволюции и на лишь внешнее сходство образовавшихся общественно-политических моделей.

Не претендуя на какое-то новое толкование «боспорского феномена», я хотел бы еще раз подчеркнуть **ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ** сходство происходивших на Боспоре явлений с процессами, имевшими место при образовании эллинистических монархий с их специфическими социально-политическими институтами, отражающими взаимодействие эллинских и местных (восточных) начал, сочетание и синтез их идеологических и культурных достижений. Представляется, что каждый раз, когда греки оказывались в окружении местных варварских народов, которым были чужды демократические принципы организации политической жизни, и, более того, включали их в сферу своего влияния, возникала необходимость трансформации полисной жизни в другую, которая была бы приемлемой для местного населения, а также позволяла сохранить свою идентичность и мирную жизнь – попросту выживать – в условиях варварского, часто враждебного окружения. Как могли недавно образованные, еще слабые в экономическом, военном и демографическом отношении греческие полисы Боспора сохраниться, находясь рядом с воинственными скифами-кочевниками, время от времени прибегавшими к прямой военной экспансии (как раз для времени правления Археанактидов фиксируется «период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новых кочевнических орд с востока... Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанактидами» – Виноградов 2009. С. 66).

Отметим также относительно высокую «кучность» расположения греческих поселений на берегах Керченского пролива, когда нападению врагов подвергался, как правило, не один полис, а несколько. Эта особенность географического расположения боспорских городов также делала естественным их объединение (это отметил и В.П. Яйленко – 1990. С. 249), как и тот факт, что большинство их происходило из одной метрополии – Милета.

В этих условиях консолидация греческих полисов перед лицом скифской угрозы под эгидой твердой центральной власти и основание надполисного государственного образования способствовали выживанию и мирному экономическому развитию полисов, хотя они и лишались многих своих прерогатив – права монетной чеканки (им обладал только Пантикапей), права внешне-

политических сношений, права иметь оборонительные стены и некоторых других, при сохранении, может быть, в своей юрисдикции вопросов муниципального уровня (заметим в скобках – как в эллинистических монархиях). У нас нет почти никаких свидетельств функционирования в боспорских городах традиционных для греческого полиса народного собрания и совета. Присоединение обширной варварской (синдо-меотской) сельскохозяйственной территории (хоры) к Боспорскому царству создавало условия для возникновения экстерриториальной по отношению к традиционной полисной хоре «царской земли». Все большее значение приобретала наемническая армия, в распоряжении архонта-царя находились также воинские контингенты, сформированные из местных племен. Их племенная верхушка пользовалась особым расположением царей, нередко входя в их ближайшее окружение. Таким образом, греко-варварский симбиоз не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа, как это и случилось на Востоке после Александра, где одной из главных особенностей государственно-го устройства был синтез экономических, социальных и культурных достижений Европы и Азии.

Вывдвижение в качестве одного из важнейших аргументов против сходства боспорской модели управления с эллинистической факта завоевания Александром Азии, в то время как на Боспоре ситуация будто бы была иной, не убедительно. Ведь не важно, как греки и варвары оказались в одном государстве (кстати, в обоих случаях греки пришли – мирно или как завоеватели – в земли варваров), важно то, как это сказалось на характере социально-политического устройства вновь образованных государств. Встреча греков с варварами произошла на Боспоре раньше, чем на Востоке при Александре Македонском, и уже тогда возникла необходимость создания адекватных ситуации форм государственности. Таким образом, и там, и здесь налицо типологически сходные предпосылки и стимулы.

Так же не может служить доводом против типологического сходства тезис о кризисе греческого полиса как предпосылке эллинизма и отсутствие такового кризиса на Боспоре. Ведь кризис полиса может быть как внутренним, так и внешним. Неспособность полисной государственной организации эффективно отражать натиск варваров в условиях варварского окружения была

предпосылкой возникновения надполисной монархической власти на Боспоре. В этой-то неспособности и следует видеть «кризис» полиса, если под кризисом понимать любую опасность для существования полиса, исходит ли она из того, что полис сам не может справиться со своими внутренними проблемами, или же она грозит его существованию извне.

Мы не знаем и можем только догадываться, какой характер носил захват власти Археанактидами и позже Спартокидами – было ли это установление тиранического режима сначала в одном полисе (Пантикапее) с присоединением потом других городов, происходило ли это везде насильственно, как в Нимфее и Феодосии, или, как правило, добровольно, была ли это сначала амфиктиония (оборонительный союз городов), переродившаяся затем в тиранию и далее в монархию. Один факт несомненен – разрозненные полисы были объединены в одно надполисное государственное образование, которое доказало свою жизнеспособность, из чего следует, что такое объединение было военно-политической и социальной необходимостью. При этом кажется разумным говорить о политическом дуализме правления Спартокидов, когда складывается «территориальная монархия» при определенном сохранении полисных традиций (ср.: Завойкин 2007. С. 45), и это тоже черта, роднящая Боспорское царство с эллинистическими монархиями.

По-видимому, если и можно говорить о тираническом (как полагают некоторые исследователи в противовес тезису о протоэллинизме) характере власти на Боспоре, то только относительно первых этапов возникновения объединенного государства. Ведь, став передаваемой по наследству – а это произошло уже при Археанактидах, – власть становится монархической, что подтверждается и титулатурой Спартокидов, известной по эпиграфическим источникам (о «наследственной монархии» государства Спартокидов говорит Ю.А. Виноградов – 2009. С. 66). Пример Сицилии, где сиракузский тиран Дионисий Старший, создавший мощную державу, попытался передать власть своему сыну Дионисию Младшему, не сумевшему, однако, удержаться на престоле, только подчеркивает реальность раннего превращения на Боспоре тирании в монархию. И вообще, если рассматривать, как делают некоторые исследователи (Ю.Г. Виноградов, Ф.В. Шелов-Коведяев, Т.В. Блаватская, В.А. Анохин, С.Ю. Сапрыкин), прав-

ление Археанактидов и Спартокидов как тираническое, да еще в рамках полисной структуры, мы получим растянувшуюся на несколько веков тиранию, что было бы совершенно уникальным в истории античного мира явлением (см. о «преходящем характере тирании»: Фролов 1990. С. 51). Ведь государство Спартокидов просуществовало до конца II в. до н.э. и сохранило ту же модель государственного устройства при других династах до конца античности; при этом обычно как исключение отмечают длительность тиранической власти Орфагоридов в Сикионе, которые правили в течение 100 лет (Писистратиды в Афинах – 50 лет, прочие – еще меньше). Как отмечал И.Е. Суриков (2007. С. 156), обычная тирания подразумевала дуализм и равновесие двух центров власти – единоличного правителя-тирана и гражданского коллектива полиса, и «подобное равновесие, конечно, никогда не могло длиться вечно», в этом противостоянии побеждал, как правило, полис. «Боспорский феномен» в этом свете заключается именно в победе тиранического принципа над полисным, а это предполагает перерождение тирании в монархию (А.А. Завойкин также называет правление Спартокидов «наследственной монархией» – 2007а. С. 220). Недаром исследователи отмечают трудность отнесения тирании Боспора к Старшей тирании или Младшей: типологически она более сходна со Старшей, хронологически же ее сближают с Младшей; более того, она возникает в период, когда первая уже сошла с исторической сцены, а другая еще не началась (Суриков 2007. С. 140–156).

Не следует также забывать, что источник нашей информации о правлении Археанактидов и Спартокидов прямо называет их «царствовавшими» (βασιλεύσαντες), а их власть – ἀρχή, при этом у нас нет весомых причин сомневаться в адекватности этой титулатуры; ср.: Завойкин 2007. С. 36: «...исследователь не вправе перекраивать на свой вкус данные этого источника без серьезных на то оснований (а таковых выявить не удалось)».

Таким образом, думается, что, если и не называть «царский» период истории Боспора до эллинизма «протоэллинизмом», то типологически это явление одного порядка с эллинизмом. Возможно, следует отказаться от категорического объяснения эллинизма как внезапно наступившего феномена, как принципиально нового этапа в истории Греции. Возможно, это лишь наиболее яркое, взрывное проявление того, что существовало всегда в той

или иной форме в различных регионах греческой ойкумены, особенно на ее периферии, где греки в результате колонизации вошли в прямое соприкосновение с варварами.

Примечание

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00307а)

Литература

- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959.
- Блаватский В.Д.* Период протоэллинизма на Боспоре // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 109–122.
- Блаватский В.Д.* О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // Там же. С. 123–132.
- Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Л., 1992. С. 111–128.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. С. 5–90.
- Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 150–180.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007. С. 219–243. (а)
- Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 227–336.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // Вестник древней истории. 2003. № 1. С. 11–35.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10: К 60-летию проф. Е.А. Молева. С. 140–156.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI –

- первой половине V в. до н.э.) // Вестник древней истории. 1984. № 3. С. 24–48.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984 г.: Мат-лы и исслед. М., 1985. С. 5–187.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. Т. 1. С. 249–309.
- Фролов Э.Д.* Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. Т. 1. С. 14–58.
- Podossinov A.V.* Am Rande der griechischen Oikumene: Geschichte des Bosporanischen Reiches // Das Bosporanische Reich: Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / Hrsg. von J. Fornasier und B. Böttger. Mainz am Rhein, 2002. S. 21–38.
- Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. V. Chr. // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 63–100.

Р.Ю. Почекаев

РОЛЬ «ЧИНГИЗИЗМА» В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВ XIII–XV вв. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОММЕНТАРИЙ К КОНЦЕПЦИИ В.П. ЮДИНА)

Известный советский востоковед В.П. Юдин, анализируя особенности политогенеза средневековых тюрко-монгольских государств, в частности – Золотой Орды, вывел концепцию «чингизизма», который он определяет как «новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений», а в более узком смысле – как обозначение «новой веры» (Юдин 1992. С. 16). Предложенный им термин представляется весьма удачным для характеристики особенностей политического развития этих народов, однако позволим себе не согласиться с определением его как религии: анализ последующего политогенеза тюрко-монгольских народов Евразии показывает, что «чингизизм» был политико-правовой, но никак не религиозной концепцией.

Прежде всего, нельзя согласиться с утверждением В.П. Юдина, что Чингис-хан признавался божеством в государствах его потомков (Юдин 1992. С. 17). Вопрос о поклонении духу Чингис-хана неоднократно рассматривался исследователями, пришедшими к

обоснованному выводу, что он воспринимался не как божество, а именно как великий предок, основатель династии и великого государства. Соответственно, последующие поколения тюрко-монгольских правителей использовали в качестве базового фактора легитимности своей власти родовую харизму, первым обладателем которой считался именно Чингис-хан. Одни исследователи для обозначения этого явления используют термин «покровительство небесного пламени» (Григорьев 1977. С. 133–135), другие – собственно «харизма» (Скрынникова 1995. С. 143). Подобный фактор легитимации был распространен в большинстве стран Европы и Азии, где наследственные монархи признавались «божьими помазанниками», но ни в коей мере не божествами. Думается, аналогичная ситуация складывалась и в отношении рода Чингизидов и его основателя.

Следует также вспомнить, что официальной религией в государстве Чингис-хана и его первых преемников стал тенгризм – вера в единого бога, воплощением которого считалось Вечное Синее Небо (Тенгри). Об этом культе как официальной государственной религии Монгольской империи сообщают и европейские дипломаты, побывавшие у монголов в середине XIII в. (Рубрук 1997. С. 169). Можно ли, в таком случае, отождествить «чингизизм» и тенгризм? Анализ религиозной ситуации в чингизидских государствах XIII–XIV вв. не позволяет сделать это. Установленная «сверху» официальная религия так и не прижилась ни в империи Чингис-хана, ни в государствах, сменивших ее – в отличие от политических основ, созданных тем же Чингис-ханом. Так, во времена Чингис-хана и его ближайших преемников монголы, формально признав тенгризм, продолжали исповедовать свои прежние шаманистские культы, что нашло отражения, в частности, в их погребальных обрядах (Рыкин 2010. С. 240–242). В империи Юань тенгризм сосуществовал с буддизмом, которому покровительствовали и многие императоры-Чингизиды, придерживавшиеся политической системы, созданной их родоначальником (Bira 2007). Аналогичную картину мы наблюдаем и в Золотой Орде, где тенгризм постепенно был вытеснен исламом уже в первой половине XIV в., однако имперские принципы организации власти сохранялись вплоть до конца XV в.

Соответственно, не вполне корректным представляется мнение о том, что принятие какой-либо мировой религии (в частности,

ислама) в качестве государственной означало отказ потомков Чингис-хана «от чингизидской идентичности» (Юрченко 2009. С. 110). На самом деле ислам и «чингизизм» – категории, на наш взгляд, из разных плоскостей социально-политической сферы, а потому не могут трактоваться как взаимоисключающие. В данном случае следует согласиться с мнением В.П. Юдина о том, что «чингизизм... легко образовывал симбиоз с любой идеологической системой, подчинявшейся ему, или инкорпорировался в ее состав в приемлемых для него формах и масштабах» (Юдин 1992. С. 17). Примеры тому мы наблюдаем и в «имперскую» эпоху тюрко-монгольских государств (XIII–XV вв.), и позднее. Так, например, ногайские правители XVI в. именовали Ивана Грозного, присоединившего к этому времени к Московскому государству Казанское и Астраханское ханства, Чингизидом и утверждали, что он, московский царь, так же как и они, поступает в соответствии с идеологическим наследием Джучидской державы, которое они называли «адат-и чингизийе». Подобная идеологическая конструкция позволяла ногайским правителям обосновать свое сотрудничество с христианским Московским царством, а не с единоверцами – Османской империей и Крымским ханством, которые, по мнению ногайцев, не разделяли эту «чингизидскую» идеологию (Трепавлов 2004. С. 283).

Анализ политико-правового развития тюрко-монгольских государств XIII–XV вв. позволяет свести концепцию «чингизизма» к трем основным положениям: 1) сохранение верховной власти за потомками Чингис-хана; 2) действие Великой Ясы – свода законов, созданного Чингис-ханом, как основного имперского законодательства; 3) религиозная толерантность. Опора на эти постулаты обусловила сохранение имперских политико-правовых структур в отдельных государствах Чингизидов, в том числе и после распада Монгольской империи во второй половине XIII в. Именно такими являлись Золотая Орда, империя Юань в Китае, Чагатайский улус в Средней Азии. Их имперская природа сохранялась, пока действовали все три вышеперечисленные принципа «чингизизма», потому что как только происходило нарушение одного из них, соответствующее государство Чингизидов трансформировалось и приобретало совершенно иную природу. Именно этот процесс и начался на рубеже XIV–XV вв.

Так, например, в результате распада Золотой Орды после междоусобных войн и нашествия Тамерлана во второй половине XIV в. ряд ее регионов принял на вооружение мусульманские традиции управления, другие же вернулись к государственно-правовой системе, базировавшейся на обычном праве тюрко-монгольских племен, существовавшем еще до империи Чингис-хана. В результате золотоордынская империя распалась на ряд «местных» ханств, политический строй которых строился не на принципах «чингизизма», поэтому одни из них превратились в типичные монархии мусульманского Востока (Казанское, Астраханское, Крымское ханства), другие же, опиравшиеся на степное обычное право, вообще могут рассматриваться даже не как государства, а как вождества, хотя и довольно сложные с точки зрения политогенеза (Сибирское и Казахское ханства, Ногайская Орда). Попытки восстановления имперских государств в результате воссоединения оседлых мусульманских регионов и кочевых, в которых преобладал шаманизм, в отсутствие единой политико-правовой идеологии изначально были обречены на провал.

С утратой имперского характера государственности оказалась невостребованной и Великая Яса Чингис-хана: это законодательство попросту перестало быть актуальным в государствах, которые уже не объединяли представителей различных народов, культур, конфессий и пр. (Почекаев 2009. С. 36–37). Характерно, что Яса применялась еще в XVI в. в государствах, претендовавших на статус «чингизидской» империи – в частности, в Бухарском ханстве, стремившемся объединить под своей властью ряд прежних чингизидских улусов (Мавераннахр, Хорезм, Казахстан и пр.).

Дольше всего действовал принцип сохранения верховной власти за потомками Чингис-хана (Бейсембиев 1991. С. 27), который продолжал применяться вплоть до XIX в., когда уже и речи не шло о государственных образованиях имперского типа. Можно отметить, что уже с рубежа XV–XVI вв. Чингизиды, ранее являвшиеся «наднациональной» правящей верхушкой, стали постепенно ассоциировать себя с теми народами, которые они возглавляли в качестве монархов. В результате появились Чингизиды крымские, казанские, астраханские, сибирские, казахские, узбекские и пр. Принцип сохранения трона за потомками Чингис-хана сам по себе уже не может характеризоваться как проявление «чингизизма» и поэтому весьма обоснованно определяется как «инерция» (Трепавлов 2009).

Таким образом, следует рассматривать «чингизизм» как политико-правовую концепцию (идеологию) тюрко-монгольского мира, с применением которой связан целый период в политогенезе народов Евразии в XIII–XV вв. – период существования чингизидских государств имперского типа.

Литература

- Бейсембиев Т.К.* Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1991. № 4. С. 26–32.
- Григорьев А.П.* Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение. 1977. Вып. 3. С. 132–156.
- Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009.
- Гийом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М., 1997.
- Рыкин П.О.* Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к небытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб., 2010. С. 239–301.
- Скрынникова Т.Д.* Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1995. Вып. 15. С. 142–160.
- Трепавлов В.В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. von A. Kappeler. Wiesbaden, 2004. S. 279–292.
- Трепавлов В.В.* Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1. С. 11–15.
- Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–56.
- Юрченко А.Г.* Какой праздник отметил хан Узбек в 1334 г. // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1. С. 110–126.
- Bira Sh.* The Mongolian Ideology of Tenggerism and Khubilai Khan // ТҮҮвэр зохиолууд. Collection of Selected Papers. Улаанбаатар, 2007. X. 118–131.

Е.В. Пчелов

КАКУЮ ДАНЬ «ИМАХУ» «ВАРЯЗИ ИЗЪ ЗАМОРЬЯ»?

Скандинавы-варяги играли важную роль в процессе образования Древнерусского государства. Первые князья (скандинавская

по происхождению династия Рюриковичей, Аскольд и Дир, Рогволод и др.), представители дружинной элиты (о чем свидетельствуют имена в русско-византийских договорах 911 и 944 гг.), купцы (на что недвусмысленно указывают восточные авторы) и даже первые христиане (первые киевские мученики – варяги) были скандинавами. Взаимоотношения варягов с местными славянскими, а также финно-угорскими племенами строились на даннической (летописные известия) и договорной («ряд» с варяжскими князьями) основах. Еще в середине X в. Константин Багрянородный называет славян «пактиотами», т.е. данниками-союзниками росов.

Сведения о дани, собираемой варягами с племен севера Руси, содержатся уже в начальном летописании. В «Повести временных лет» (ПВЛ) это известие приурочено к 859 г.: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всехъ, кривичехъ. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичехъ, имаху по беле(и) веверице от дыма», т.е. от семьи. Сам предмет дани понимался по-разному: или по «беле и веверице», или по «белеи (т.е. белой) веверице». Первое прочтение принято в классическом издании ПВЛ в переводе Д.С. Лихачёва. Оно опирается на мнение Б.Д. Грекова, считавшего, что в данном случае речь идет о двух видах платежей: беле – серебряной (белой) монете и беличьей шкурке. Второе прочтение обосновывал, в частности, В.К. Трутовский. Высказывалось предположение, что в этом случае имелась в виду шкурка зимней (т.е. полинявшей зимой) белки с наиболее прочным, серым мехом.

Упомянутый пассаж ПВЛ, думается, должен анализироваться в контексте других ранних летописных упоминаний о дани. В 883 г., завоевав древлян (что не удалось сделать Аскольду и Диру), Олег наложил на них дань «по черне куне». Рассказывая о киевском мятеже 1068 г., Лаврентьевская летопись отмечает, что горожане разграбили княжеский двор, «множество злата и сребра, кунами и белью». В Новгородской I и Ипатьевской летописях это место звучит как «кунами и скарюю (скорою)», «скора» – это «шкура», по-видимому, пушного зверя. Ясно, и на это уже обращали внимание исследователи, что в известии 1068 г. бель – синоним шкуры (или меха). Причем, что немаловажно, золото здесь как бы соотносится с кунами, а серебро с белью. Дань, наложенная на древлян, была таким образом выше, чем дань когда-то сбиравшаяся варягами с племен севера Руси – это и подчеркивает летописец. Видимо, та-

кое положение было связано с непокорностью древлян киевским князьям. Согласно Новгородской I летописи, древляне платили дань Свенельду, установленную Игорем, по черной куне «от дыма» (данное уточнение в ПВЛ, которая приписывает установление этой дани Олегу, отсутствует). Соотнесенность черной куны и белой веверицы не оставляет сомнений, что в известии 859 г. имеется в виду именно «белая веверица» (а не «бела и веверица») и подразумевается под ней именно шкурка белки. Следовательно, варяги собирали дань с племен пушшиной – белками и куницами, что естественно для лесной полосы (ср. ясак, взимаемый с сибирских народов в период Московского царства). Судя по тексту Лаврентьевской летописи, слова о белой веверице относятся, казалось бы, и к варяжской, и к хазарской дани.

В то же время некоторые племена платили дань другими «единицами». ПВЛ под 885 г. отмечает, что радимичи платили дань хазарам, а затем Олегу «по щелягу». Под 964 г. сказано, что «по щелягу», причем «от рала», платили дань хазарам и вятичи. При этом летопись как бы противоречит сама себе – ведь под 859 г. сказано, что вятичи платили хазарам по белой веверице. То же вроде бы делали и северяне. Между тем, в известии ПВЛ под 884 г. о наложении Олегом дани на северян не говорится о самом характере этой дани, а просто сказано – «възложи на нь дань легку». О щеляге существует несколько мнений: одни исследователи полагают, что это слово восходит к европейскому (польскому) названию монеты и связывают летописные слова с отмеченным в летописи, якобы, польским происхождением близкородственных радимичей и вятичей. Другие (А.П. Новосельцев) усматривают в щеляге искажение хазарского слова со значением «белый», «серебренику», т.е. арабский дирхем. Такая связь возможна, учитывая, что и радимичи и вятичи платили дань именно хазарам. Во всяком случае ясно, что характер дани, взимаемый с этих племен, был иным, а само слово щеляг означает монету, а не мех.

Противоречия летописного текста объясняются историей и текстологией летописания. В Новгородской I летописи (в которой отразился так называемый Начальный свод) упоминается только о дани варягам словен, кривичей, мери и чуди по белой веверице «от мужа». Древляне платят Свенельду по черной куне «от дыма», а вятичи хазарам по щелягу «от рала». В ПВЛ (Лаврентьевская, Ипатьевская летописи) в известие 859 г. искусственно была встав-

лена информация о дани полян, северян и вятичей хазарам, в результате чего фраза оказалась разорвана надвое, и получилось, что и хазарские данники платят дань также по белой веверице (отсюда противоречие с известием о дани вятичей под 964 г.). Об искусственности вставки свидетельствует повторение глагола «имаху». С.М. Каштанов, тщательно проанализировав известие 859 г. о дани в разных летописях, высказал предположение, что дань одних племен варягам называлась «веверицей», а дань других племен хазарам – «векшей». Между тем, существенных оснований считать, что упомянутые в известии 859 г. хазарские данники платили дань тоже беличьими шкурками, нет. Кроме того, по всей видимости, сам термин «векша» (финно-угорское или булгарско (хазарско?)-чувашское заимствование), также означавший белку, более поздний, нежели «веверица» (слово, имеющее, по всей видимости, более древние индоевропейские корни).

При этом в ПВЛ обозначение «от мужа» было изменено на «от дыма». Скорее всего, такая замена была обусловлена более ранним по тексту летописи рассказом о полянской дани хазарам мечами «от дыма». Известие о дани древлян, напротив, лишилось в ПВЛ определения «от дыма», а представление о дани вятичей хазарам «по щелягу» было перенесено также на близкородственных им радимичей (возможно, вполне обоснованно). Таким образом, можно считать, что северорусские племена платили дань белой веверицей варягам, а располагавшиеся южнее – щелягом (как вятичи и радимичи хазарам) или черной куной (как древляне Киеву).

О пушнине как предмете торговли русов говорят восточные авторы. Так, по сведениям Ибн Хордадбега, относящимся к 840-м годам, купцы-русы «везут меха бобра (или заячьи шкурки), меха черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славян к морю Румийскому». В рассказе об острове русов Ибн Русте упоминает, что «единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочей пушниной, которую они продают желающим». Тот же автор пишет о жителях Волжской Булгарии, что в качестве дирхемов они используют куниц, поскольку не имеют собственной монеты. Наконец, подтверждением раннему использованию белки в качестве платежного средства на Руси является известие «Записки» Ибн Фадлана (начало 920-х годов), дошедшее в трудах более поздних персидских авторов: «Дирхемы русов – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, а также соболи». Под

«соболями», а, возможно, и под «черными лисицами», у арабских авторов, быть может, подразумевалась куница («черная куна»). А «серая белка без шерсти» – это и есть, видимо, «белая веверица», которой собирали дань скандинавы-варяги с племен северной Руси. Если это так, то «белая веверица» представляла собой не меховую шкурку белки, а, по сути, беличью мездру, белую по определению.

По-видимому, обозначение «белая веверица» и стало основой более позднего наименования «белка», хотя для этого и не обязательно полагать, что под «белой веверицей» в летописном известии 859 г. подразумевалась серебряная монета (как считает И.Г. Добродомов). Тем более неправдоподобной в этом контексте выглядит предположение С.И. Климовского о том, что под «веверицей» имелась в виду вообще не белка, а лесная соя.

Д.А. Радивилов

ИБАДИТ ХАЛИД б. КАХТАН ОБ ОТСТАВКЕ ИМАМА АС-САЛТА б. МАЛИКА

Государство ибадитов Омана, существовавшее в период с 793/794 по 893 г., зиждилось на хрупком политическом союзе местных племен, к числу которых, помимо аздитов, принадлежало весьма влиятельное североарабское племя сама б. лу'айй б. галиб. В ходе политического кризиса, разразившегося на исходе правления ас-Салта б. Малика ал-Харуси (851–886 гг.) – аздита из бану йахмад, и продолжавшегося в правление двух последних имамов, также йахмадитов, – Рашида б. ан-Надра (886–890 гг.) и 'Аззана б. Тамима (890–893 гг.), одна из группировок, участвовавших в конфликте, представители бану сама б. лу'айй, обратилась за помощью к наместнику халифа ал-Му'тадида в Бахрейне – Мухаммаду б. Нуру. В решающем сражении с его войском ибадиты потерпели сокрушительное поражение, после чего в Омане была восстановлена власть 'Аббасидов.

Среди источников, обычно привлекаемых в этом случае, помимо всеобщих историй (ат-Табари, Ибн Мискавайх, Ибн ал-Асир, Ибн Халдун), дающих крайне неполное и довольно сбивчивое освещение событий в Омане, хроник оманских авторов – Сирхана б. Са'ида ал-'Абри (вторая половина XVII – начало XVIII в.), Ху-

майида б. Мухаммада б. Рузайка (ум. в 1873 г.), ‘Абдаллаха б. Хумайида ас-Салими (1866–1913 гг.), – которые, хотя и содержат обильный материал о предмете нашего интереса, имеют, все же, гораздо более позднее происхождение, ведущее место принадлежит *сирам* – произведениям особого жанра, получившим широкое распространение в литературе ибадитов Омана. В отличие от произведений историко-биографического характера, оманские *сиры*, в своем исконном виде, представляют собой доктринальные послания, в которых знатоки ибадитской традиции, обращаясь к единоверцам, разъясняют им положения вероучения и права, заявляют о собственном мнении по тому или иному вопросу.

Важным источником, восходящим непосредственно ко времени *имамата* ас-Салта б. Малика, является *Сира* Абу Кахтана Халида б. Кахтана ал-Хиджари (ум. в начале X в.) – выдающегося ‘алима, внесшего существенный вклад в становление религиозно-политической доктрины ибадитов. Его имя упомянуто в «*Иснаде* людей спасения» (*Иснад ахл ал-фауз*) – документе, окончательно оформившемся в конце XII – начале XIII в., – среди столпов ибадизма, передававших подлинный ислам от самого пророка Мухаммада и асхабов.

Халид б. Кахтан, йахмадит из бану харус, был свидетелем отставки имама ас-Салта б. Малика и принимал активное участие в полемике, разгоревшейся по этому поводу в ученых кругах ибадитов, последовательно выступая на стороне своего соплеменника. Идейным вдохновителем передачи власти Рашиду б. ан-Надру – йахмадиту из малозначительного рода ал-фаджх, стал ‘алим Муса б. Муса из бану сама б. лу’айй. По мнению Абу Кахтана, ас-Салт б. Малик был низложен без достаточных правовых оснований в результате происков Мусы б. Мусы, а Рашид б. ан-Надр возглавил общину оманских ибадитов незаконно.

Сочинение Абу Кахтана можно разделить на две части, приблизительно равные по объему: в первой части *Сиры* рассматривается история человечества от сотворения мира до халифата Му’авийи и выступлений против него различных группировок хариджитов; во второй половине излагаются события ибадитского прошлого: от антиумайядского восстания в Йемене под руководством Талиб ал-Хакка до падения ибадитского *имамата* в Омане и наступления «смутных времен» (*фитна*). Наиболее подробно Халид б. Кахтан останавливается на характеристике правления ас-

Салта б. Малика и обстоятельств отстранения его от власти, что объясняется полемической задачей сочинения.

Прежде чем перейти к отставке ас-Салта, Халид б. Кахтан рисует идиллическую картину его правления: ас-Салт во всем действовал по закону; неизвестно, чтобы кто-либо из мусульман перечил имаму или выказывал недовольство его властью. Абу Кахтан сожалеет, что благочестивые шейхи, «светочи мусульман, желавшие жизни будущей», первыми поддержавшие *имамат* ас-Салта и присягнувшие на верность ему, ушли из жизни. Им на смену пришло новое поколение мусульман, которые «проявляли покорность, не будучи благочестивыми, и выставляли веру напоказ, скрывая любовь к благам дольней жизни».

События, связанные с конфликтом вокруг отставки ас-Салта, Халид б. Кахтан считает испытанием, заблаговременно уготовленным мусульманам самим Всевышним. При этом Аллах намеренно избрал своим орудием человека известного и образованного – им стал Муса б. Муса, происходивший из знатной и благочестивой ибадитской семьи.

Абу Кахтан в подробностях описывает тактику, избранную Мусой в целях дискредитации действующего имама: «Муса б. Муса объявился среди оманцев. Он стал красноречиво изъясняться, мелькать в местах собраний и кричать, то осыпая упреками имама и *кади*, то ругая наместников и *шурат* (гвардия имама?) <...>. При этом Муса не уточнял, какое именно преступление совершил имам или кто-то из его сподвижников. Он не называл имама *кафиром*, но и не давал никаких разъяснений на счет того, к чему призывал, заявляя при этом, что желает добра государству и людям».

Весьма любопытно, как Халид б. Кахтан объясняет тот факт, что имам ас-Салт, судя по данным самого источника, не предпринимал каких-либо серьезных действий, чтобы пресечь активность Мусы б. Мусы: «Ас-Салт был добр, терпелив и снисходителен к Мусе, учитывая заслуги его отца. Ас-Салт не мог и подозревать, что Муса хочет разрушить государство».

Через некоторое время Муса «возвысился», а собрания, на которых он поносил власть, «стали многолюдными». Возглавив своих сторонников, Муса отправился с ними в Фирк, расположенный в непосредственной близости от Низвы – столицы *имамата*. Там он обратился к местным жителям с призывом выступить против ас-Салта, однако, как и ранее, не уточнил, какие именно преступления

совершил имам. По всей видимости, численное превосходство находилось на стороне противников имама, т.к. после прибытия Мусы в Фирк ас-Салт предпочел покинуть резиденцию и укрылся в доме своего сына Шазана. Абу Кахтан признает: ас-Салт, будучи полноправным имамом мусульман, оставил войско, т.е. пренебрег своей прямой обязанностью – возглавить *джихад*, – но тут же предлагает разобраться в мотивах, побудивших ас-Салта пойти на такой шаг. С этой целью Абу Кахтан приводит обширную цитату из послания ас-Салта б. Малика своему другу, некоему ал-Джумхуру б. Сандже, в котором имам описывает сложившуюся ситуацию и делает важное заявление: он и не думал слагать с себя полномочия, а покинул резиденцию с единственной целью – предотвратить столкновение, не санкционированное ибадитскими юристами. Халид б. Кахтан видит в признании ас-Салта не что иное, как покаяние (*тауба*) или извинение (*'узр*) за совершенный проступок, и принимает его.

Отъезд ас-Салта стал предметом дальнейших споров, разделивших ибадитских ученых на три группы: тех, кто принял оправдания ас-Салта и считал его легитимным имамом до самой смерти (889 г.) даже после прихода к власти Рашида б. ан-Надра; тех, кто встал на сторону Мусы б. Мусы, полагая, что ас-Салт, устранившись от дел, фактически добровольно ушел в отставку (*и'тазала*); а также тех, кто предпочел воздержаться от окончательных выводов о статусе ас-Салта, т.е. занял позицию *вукуфа*. Примкнув к первой группе и окончательно порвав со сторонниками Мусы и Рашида, Абу Кахтан, тем не менее, оставляет место для примирения с группой воздержавшихся, считая их своими друзьями (*йтаваллахум*).

Мусульмане вправе низложить законно избранного лидера лишь в трех случаях:

- если имам совершил проступок, свидетельствующий о его неверии (*куфр*). При этом *'алимы* обязаны предоставить доказательства вины имама. Мусульмане не могут сместить имама сразу же, после того как им стало известно о его прегрешении, – проявляя благоразумие, они должны призвать имама к покаянию (*тауба*). Лишь в том случае, если имам не желает раскаяться, либо, совершив формальное покаяние, все же «упорствует во грехе», его следует отстранить от власти;

- если он совершил преступление, точная мера наказания (*хадд*) за которое предусмотрена непосредственно в Коране и сунне пророка Мухаммада;

– наконец, если имам имеет значительный физический недостаток: глух, слеп или нем, – либо нездоров психически.

Абу Кахтан утверждает, что ни одно из приведенных условий не применимо в случае с ас-Салтом б. Маликом. Даже преклонный возраст имама не мог послужить поводом для его отставки, поскольку «немота имама была вызвана болезнью ног, а что касается слуха и зрения, а также способности мыслить здраво и дара речи, то неизвестно, чтобы он лишился их, либо чувствовал в этом какой-то недостаток».

Свое обращение к ибадитам Омана Халид б. Кахтан заключает призывом не идти на поводу у племенных интересов (*'асабийя*) и отречься от Мусы и Рашида.

Итак, по мнению Абу Кахтана, Муса б. Муса и его сторонники преступили закон: прежде чем выдвигать в имамы своего ставленника – Рашида б. ан-Надра, они должны были предъявить конкретные и неопровержимые доказательства греховности действующего имама – ас-Салта б. Малика, которые теоретически могли бы стать основанием для его отставки. Вместе с тем, спекуляции на тему физического и умственного здоровья имама, подробно изложенные в *Сире*, позволяют предположить, что решающим доводом противников ас-Салта б. Малика стал его преклонный возраст и/или тяжелое заболевание, вероятно болезнь ног, а также связанная с этим неспособность ас-Салта выполнять в полном объеме обязанности руководителя мусульман. К тому же, в разгар политического противостояния, ас-Салт удалился из резиденции, фактически самоустранившись от управления общиной, что могло восприниматься его оппонентами как добровольная отставка, открывающая путь к легитимному избранию нового имама.

Несмотря на то, что аргументы сторон, приводимые в сочинении Абу Кахтана, находятся в плоскости юридической, сообщаемые факты и мнения косвенно свидетельствуют о глубинных причинах конфликта вокруг отставки ас-Салта б. Малика, которые, несомненно, лежат в области социальных и межплеменных противоречий, накопившихся в ибадитском государстве за годы правления имама.

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОГО АНГЛО-САКСОНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ НОРТУМБРИИ

Характеристика единого англо-саксонского государства X – первой половины XI в. остается дискуссионной темой в современной медиевистике. Дж. Кемпбелл известен утверждениями о том, что королевство Англия являлось централизованным и унифицированным государством с четкими границами (Campbell 2000. P. 10). Другие историки более осторожны, признавая английское королевство сравнительно сильным и единым для своего времени (Loyn 1984. P. 81), но контролировавшим более скромную территорию, чем границы, на которые оно притязало (Stafford 1989. P. 128). Наиболее очевидным признаком спорности характеристики Англии как единого государства является неоднозначное положение ее северного региона – Нортумбрии.

К IX в. на территории будущей Англии сложились четыре англо-саксонских королевства: Уэссекс, Мерсия, Восточная Англия и Нортумбрия. Однако экспансия скандинавов на Британские острова привела к покорению большинства местных королевств в 860-х годах. Успешная защита Уэссекса под руководством короля Альфреда (871–899) позволила отразить натиск скандинавов и подчинить Уэссексу многие захваченные ими территории. Процесс образования единого англо-саксонского государства начался на рубеже IX–X вв. как следствие военной экспансии Уэссекса на север. Она завершилась в 954 г. изгнанием из центрального города Нортумбрии, Йорка, последнего скандинавского правителя.

На территории Нортумбрии к северу от реки Тис расселение скандинавов было очень незначительным. В этой северной части Нортумбрии власть сохранила правящая династия англов, чьей опорой являлось селение Бамбург. Представитель дома Бамбурга, Осульф, после подчинения Йорка английскому королю Эдреду (946–995) стал наместником всей территории древнего королевства Нортумбрия, формально вошедшего в состав единого английского государства. По мнению ряда историков, передача Йорка под власть Осульфа со стороны короля была вынужденной (Fletcher 2003. P. 41; Rollason 2003. P. 266–267). После смерти Осульфа в

966 г. правление Йорком было изъято у дома Бамбурга и передано отдельному должностному лицу, назначавшемуся королем. Очевидно, королевская власть стремилась усилить свой контроль над южной Нортумбрией, отделив ее от традиционной сферы влияния дома Бамбурга.

Степень социально-экономической интеграции Нортумбрии в английское государство второй половины X – первой половины XI в. становится видна при сравнении данного региона с остальной Англией.

Экспансия Уэссекса велась с опорой на возводимые бурги – укрепленные поселения, служившие военными, административными и торговыми центрами. Система бургов, созданная в присоединенных районах, а также механизм привлечения ресурсов для их возведения считаются свидетельством сильной и продуманной центральной власти (Campbell 1975. P. 39). В Нортумбрии бурги были возведены лишь в самой юго-западной ее части. Установлено, что они не являлись административными и торговыми центрами, и служили скорее для прикрытия южных территорий, нежели для утверждения центральной власти на местах (Rollason 2003. P. 258).

На присоединенные территории переносилось присущее Уэссексу административное деление на шири – будущие графства, – центрами которых и являлись бурги. Унификация местного управления Англии отмечается как достижение королевской власти и показатель ее могущества (Campbell 1975. P. 43). Единственным широм в Нортумбрии являлся Йоркшир, который занимал всю ее часть к югу от Тиса с центром в Йорке и сохранил в себе более мелкие административные единицы скандинавского происхождения. Северная Нортумбрия, очевидно, вовсе не была затронута делением на шири.

Ширь также являлись единицами фискальной системы, развитость которой позволяла собирать внушительные для средневековой денежные суммы, что является признаком эффективности англо-саксонского государственного аппарата (Campbell 1975. P. 41). Йоркшир подлежал королевскому налогообложению, в отличие, впрочем, от северной Нортумбрии. Однако размер налогов здесь традиционно был существенно меньше, чем в остальной Англии. Попытка увеличить его, предпринятая в середине XI в., стала одной из причин восстания в Нортумбрии, а по мнению некоторых – основной его причиной (Kapelle 1979. P. 96; Stafford 1989. P. 98).

Денежное обращение в Англии осуществлялось при помощи единой монеты, право выпуска которой было монополизировано королем. Способность королевской власти управлять денежным обращением в масштабах страны служит доказательством сохранения контроля над ее территорией (Campbell 1975. P. 39–40). Из примерно семидесяти центров чеканки монеты лишь один – Йорк – находился в Нортумбрии.

Как можно видеть, королям Англии не удалось глубоко интегрировать Нортумбрию в социально-экономическое единство созданного ими государства. Следует ожидать, что и политическая интеграция этого отдаленного от центральной власти региона также не являлась прочной.

В X в. в Англии сложилась административная система, при которой отдельными обширными областями страны правили эрлы – наместники короля. Хотя эрлы назначались и смещались королем, они, как правило, происходили из местной знати и передавали свой статус по наследству (Loyn 1984. P. 133). Эрлство Йоркшира выглядело довольно неустойчивым: все три эрла, назначенные после 966 г., являлись чужаками, при этом двое из них были смещены. Совершенный контраст этому составляла северная Нортумбрия, все эрлы которой на протяжении, по крайней мере, второй половины X в. представляли дом Бамбурга. Нет признаков того, что они назначались королем или могли быть им смещены (Kapelle 1979. P. 13; Rollason 2003. P. 267).

Общепризнано, что поздняя англо-саксонская церковь полностью контролировалась королем, использовавшим церковную иерархию как механизм управления (Barlow 1979. P. 34). Король в своих интересах распределял епархии, назначал архиепископов Кентерберии и Йорка. При этом все архиепископы Йорка со второй половины X в. назначались королем извне Нортумбрии. Считается, что центральная власть опасалась союза этого религиозного центра с местной аристократией (Kapelle 1979. P. 14; Fletcher 2003. P. 43). Напротив, религиозный центр северной Нортумбрии – епархия св. Кутберта – избирал своего главу без участия короля до начала XI в. и был тесно связан с домом Бамбурга.

Нортумбрия была плохо интегрирована в политическую систему англо-саксонского государства к концу X в. Однако вывод о том, что короли Англии рассматривали Нортумбрию как периферийную зону своих интересов (Rollason 2003. P. 274), выглядит не-

верным. Центральная власть прилагала очевидные усилия к удержанию внешнего контроля над Йоркширом, хотя северная Нортумбрия явно находилась за пределами ее досягаемости. Изменение ситуации в начале XI в. шло параллельно второй волне скандинавской экспансии в Англии и утверждению на ее троне Датской династии.

После смещения очередного эрла Йоркшира в 1006 г. король Этельред (978–1016) передал данную область бамбургскому эрлу Утреду, укрепив его лояльность династическим браком. Предполагается, что центральная власть теряла контроль над полускандинавским населением Йоркшира в обстановке скандинавских набегов (Kappelle 1979. P. 16). В ходе завоевания Англии датским конунгом Кнудом (1016–1035) Утред был убит, и Йоркшир, вновь отделенный от Нортумбрии, возглавил назначаемый королем эрл. Дом Бамбурга сохранил независимую власть в северной Нортумбрии, хотя его отношения с Йорком обострились.

Короли Датской династии предприняли меры к политической интеграции Нортумбрии. Поход короля Кнута в Шотландию в 1031 г., вероятно, попутной целью имел подчинение эрла Бамбурга (Kappelle 1979. P. 25; Fletcher 2003. P. 133). Убийство последнего при королевском дворе в 1041 г. позволило объединить Нортумбрию, теперь под управлением эрла Йоркшира, назначаемого королем. Постепенно была упразднена независимость епархии св. Кутберта: от утверждения королем избранного общиной епископа до возведения кандидата короля на кафедру без выборов.

Непрочность достигнутых успехов проявилась в царствование Эдуарда (1042–1066). Причиной стала попытка полностью интегрировать регион в английскую политическую систему, передав его под управление доминировавшему в королевстве дому Годвина. Последовавшее восстание в Нортумбрии в 1065 г. расценивают как откровенно сепаратистское (Kappelle 1979. P. 101) или же направленное лишь против усиления давления центра (Stafford 1989. P. 99).

Характеристика положения Нортумбрии в англо-саксонском государстве не сводится к «некоторой размытости северной границы» (Campbell 2000. P. 10). Процесс создания единого государства, объединивший прочие регионы Англии в X в., не был завершен в Нортумбрии и к середине XI в. Южная Нортумбрия продолжала оставаться географической и этнической окраиной, отсталой в социально-экономическом плане и проявлявшей полити-

ческий сепаратизм. Почти полное отсутствие активности центральной власти в северной Нортумбрии до начала XI в. позволяет утверждать, что данный регион лишь в это время начал входить в сферу влияния англо-саксонского государства.

Литература

- Barlow F.* The English Church, 1000 – 1066. 2nd ed. L.; N.Y., 1979.
- Campbell J.* Observations on English Government from the 10th to the 12th Century // Transactions of the Royal Historical Society. 1975. Vol. 25. P. 39–54.
- Campbell J.* The Late Anglo-Saxon State: a maximum view // *Campbell J.* The Anglo-Saxon State. L.; N.Y., 2000. P. 1–30.
- Fletcher R.* Bloodfeud: Murder and Revenge in Anglo-Saxon England. Oxford, 2003.
- Kapelle W.* The Norman Conquest of the North. The Region and its Transformation, 1000–1135. Chapel Hill, 1979.
- Loyn H.* The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford, 1984.
- Rollason D.* Northumbria, 500–1100: Creation and Destruction of a Kingdom. Cambridge, 2003.
- Stafford P.* Unification and Conquest: a Political and Social History of England in the 10th and 11th Centuries. L., 1989.

А.А. Сазонова

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТОГЕНЕЗА В АНГЛО-САКСОНСКИХ КОРОЛЕВСТВАХ VI–VII вв.

Позднее происхождение письменных источников по раннему англо-саксонскому периоду является основной проблемой при изучении этнополитогенеза у островных германцев. Дополнительную сложность привносят широко обсуждаемые трудности интерпретации археологического материала V–VI вв. (Carver 1989; Namegou 2005) и явное несоответствие сохранившимся письменным свидетельствам многочисленных данных ранней англо-саксонской топонимики.

Поэтому особую значимость приобретает исследование по письменным источникам внешних влияний на англо-саксов. Сильное франкское влияние (политическое союзничество, династические связи, письменная кодификация законов, двусторонний религиозный обмен, престижность франкской материальной культуры) носило комплексный характер и способствовало формированию

гибридной «кентской культуры». Скандинавские влияния наиболее полно представлены в археологическом материале из Саттон-Ху, хотя отмечается и наличие здесь римско-франкских предметов (Thacker 2005. Р. 474). Самобытный путь раннего этнополитогенеза у западных саксов и северных и срединных англов проходил в разных формах, но типологически их объединяли постоянные военные контакты с кельтским населением и значительная роль ирландского и бриттского духовенства в местной низовой и церковно-административной христианизации.

В современной историографии обозначилась проблема «династического стыка» – тех имен, которыми «надстраивались» королевские генеалогии для периода ранее второй половины – конца VI в. К числу наглядных характеристик процесса политогенеза у германцев на Британских островах можно отнести особенности генеалогического имянаречения в англо-саксонских правящих династиях. По моему предположению, именно во второй половине VI в. происходят значительные социокультурные изменения в этой традиционной сфере: переход на двучленные «благородные» имена в среде англо-саксонской знати и осознанное конструирование особого родословного именослова во всех королевствах.

Так, применительно к кентской династии и местной знати, помимо франкской традиции «общего» имянаречения (Хлотарь) и ярко выраженного нейстрийского акцента на первом компоненте Ercin- (Эорконберт), можно отметить использование вплоть до середины VII в. архаического компонента Hermin- (Эорменред). Подобное обращение к имени полупоупоколенного правителя Кента первой половины – середины VI в. Эорменрика позволяло кентским эскингам идеологически возводить к нему свое происхождение, хотя эта отсылка уже не несла такой смысловой нагрузки, как апеллирование к германскому богу войны Ирмину.

Совсем другая модель была использована в королевской династии западных саксов в VI – первой половине VII в. В источниках в качестве внешнего влияния на гевиссиев в историографии называют бриттов – вспоминают полубриттские-полугерманские имена королей Кердика, Кинрика, Кевлина (Stenton 1985. Р. 25; Kirby 1991. Р. 16). По данным сохранившихся источников, в поколении представителей западносаксонского королевского рода, родившихся в первой четверти VII в., впервые массово появляется начальный именной элемент Cen- («народ»), который пришел на смену ар-

хаическим компонентам Cyth- и Cyne- («род»), Seol- («защита»). Это знаковое явление, по моему мнению, наглядно отразило идеологические и политические переоценки в самосознании правящей сакской элиты: от узкой «родо-племенной» организации эпохи переселения-завоевания и расселения к новой – этнически более широкой – форме этно-территориальной «народности».

Третий – самый архаичный – вариант династийного именослова связан с сохранением при конструировании родовых двучленных имен упоминаний племенного бога-хранителя. Это компонент Saex/Sax- (Саберт, Саксред) от имени сакского бога Сакснота у восточных саксов и Os- (Освальд, Осрик, Осхер) от имени богов-асов в королевских англских родах Дейры и Берниции, а также Хвикки. Четвертая модель именослова (известная на более позднем примере Мерсии) характеризуется смешением различных принципов имяназачения – социально-родового, этнически-соседского и родственного заимствования.

Другой ракурс исследования связан со сравнительно-историческим анализом местных особенностей организации и функционирования верховной власти, форм и механизмов взаимодействия королевских династий с родовой знатью. Так, западносакское королевство в полной мере продемонстрировало уникальную потенцию сакского этнополитического саморазвития – периодическую актуализацию института парного соправительства.

Данная особенность уэссекского политогенеза косвенно прослеживается на протяжении всего периода V–VII вв., но лучше всего возможные варианты совместного правления «старшего» верховного короля с его «младшим» соправителем-наследником видны на примере VII в. Это Кинегисл и Квихельм (отец и сын), Кенвалла и Кутред (дядя и племянник), Кенфус и Эсквин (отец и сын). Примеры братского соправительства были известны для германцев на Альбионе со времен легендарных вождей-завоевателей Хенгеста и Хорсы и дожили до упоминаний в «Видсиде» и «Беовульфе» скандинавской пары Хродвульф–Хродгар. Для кентской династии это единичный пример Эорконберта и Эорменреда; парность правления Эанфрида и Эанхера, королей Хвикки, могла быть связана с их сакским происхождением; для восточных саксов известен пример правления трех сыновей Саберта.

Историческая практика бытования у саксов в Британии в течение двух веков института соправительства свидетельствует не толь-

ко об особой родовой традиции гибкого подхода к наследованию власти (прямым и косвенным – по поколенческому старшинству – порядком), но и об устойчивом сосуществовании влиятельного слоя этнически монолитной территориальной знати и внутренне сплоченной королевской династии, отличавшейся многочисленностью своих представителей. Актовый материал и ранняя историография отразили властную иерархичность политической терминологии англо-саксов: *rex, regulus, subregulus, patricius, dux, princeps*.

Генетически модель социо-политических взаимоотношений внутри круга гевиссеев-этелингов могла восходить к широкому слою сакской родоплеменной знати на континенте (нобилям-эделингам Саксонской правды: Неусыхин 1974). Политическая и этническая консолидация континентальных саксов относится почти к тому же времени, что и у их островных сородичей, – к концу VI в. (Колесницкий 1985. С. 24).

Иной – «единоличный» – тип политического механизма действовал при династическом наследовании в Кенте и Нортумбрии. Кентская королевская династия демонстрировала верность франкской модели престолонаследия по прямой линии (причем с характерными для Меровингов издержками в виде ожесточенной внутрисемейной борьбы и близкородственных убийств). Ситуация с преемством верховной власти в северной Британии была осложнена таким фактором, как присоединение Берницией другого англоскотов королевства – Дейры.

В качестве одной из исторических особенностей англо-саксонского политогенеза следует признать начальный этап процесса христианизации германцев на Альбионе. На материале политической истории Англо-Саксонской Британии VII в. можно с исключительной степенью детальности увидеть обе стороны процесса христианизации германцев: христианизацию «сверху», по инициативе государства, и регулярные на протяжении всего VII в. рецидивы язычества на высшем властном уровне. Архаические элементы германского язычества насквозь пронизывали формирующуюся англо-латинскую культуру, «знаково и символично» проникая даже в христианские богослужебные книги через руническую письменность (Мельникова 2001. С. 100–101).

Для большинства англо-саксонских королей принятие крещения носило политически вынужденный характер. К череде исторических обстоятельств, требовавших от королей принятия креще-

ния, относятся: заключение династического брака, установление внешнеполитического союза, условие для оказания военной помощи, подтверждение отношений территориальной зависимости и политической субординации, идеологическое оформление межличностных отношений правителей не на основе родства, свойства или усыновления, а через новую религиозную форму (отношения крестного-крестника).

Рецидивы язычества, характеризующие поверхностность воцерковления королей, вызывались экстраординарными причинами – мором и голодом, порабощением и войной, что в дальнейшем требовало повторной «государственной» христианизации. В подобных обстоятельствах наиболее адекватной и гибкой представляется политика тех правителей, которые либо практиковали официальное двоеверие (Рэдвальд в 610-х годах), либо принимали крещение на пороге смерти (Кэдвалла в 689 г.).

Таким образом, континентальные этнополитические различия у завоевавших Британию германцев получили ускоренное развитие в V–VII вв. под влиянием местных исторических особенностей и иноэтнических влияний, которые первоначально консервировали межэтнические отличия, но затем ушли на задний план под напором реализации внутренних потенций англо-саксонского политического и государственного строительства.

Литература

- Колесницкий Н.Ф.* Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 2001.
- Неусыхин А.И.* Саксонские фрилинги и эделинги (в свете фризских, англосаксонских и скандинавских параллелей) // *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Carver M.* Kingship and Material Culture in Early Anglo-Saxon East Anglia // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms.* Leicester, 1989.
- Hamerow H.* The Earliest Anglo-Saxon Kingdoms // *The New Cambridge Medieval History.* Cambridge, 2005. Vol. 1.
- Kirby D.* The Earliest English Kings. L., 1991.
- Stenton F.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1985.
- Thacker A.* England in the Seventh Century // *The New Cambridge Medieval History.* Cambridge, 2005. Vol. 1.

СМЕНА ЭЛИТ В ДЕШТ-И-КИПЧАК

История древней и средневековой Руси неразрывно связана с историей кочевых народов. Географическое расположение восточнославянских племен в контактной зоне Леса и Степи обусловило постоянное взаимодействие, которое носило не только враждебный характер (военные конфликты), но и находило мирное выражение (торговые операции, брачные союзы).

Процесс завоевания Восточной Европы рассмотрен в работах А.И. Иванова, Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, В.В. Каргалова, А.Г. Юрченко и др. Однако смена элит в ходе формирования кочевой империи не рассматривалась.

В то же время свидетельства источников, как правило, сохраняют информацию о наиболее значимых персонах, лидерах своего времени, определявших политическое, экономическое, культурное развития стран, государств и народов, т.е. об элите. Показательно в этом плане суждение Фернана Броделя о том, что всякое общество определенного размера имеет свои страты и «не существует общества без каркаса, без структуры». Причем на вершине этого каркаса, этой структуры мы «видим... горстку привилегированных. Обычно к этой крохотной группе стекается все: им принадлежит власть, богатство, значительная доля прибавочного продукта; за ними – право управлять, руководить, направлять, принимать решения...». Немаловажным является вывод автора о том, что «иерархический порядок никогда не бывает простым, любое общество – это разнообразие, множественность».

Здесь необходимо отметить, что к элите в общетеоретическом эмпирическом смысле принято относить меньшинство, на законных или незаконных основаниях сконцентрировавшее в своих руках власть, богатство и привилегии.

Однако господствующее и привилегированное положение, лидерство в странах и регионах не остается неизменным. На протяжении веков мы наблюдаем смены элит в ходе завоеваний, революций, экономических и культурных экспансий. Причинами подобных изменений являются различные процессы, но мы, в большинстве своем, видим только их внешнее выражение, последствия и результаты.

Весьма показательна для нашей темы теория циркуляции элит, предложенная В. Парето. Согласно итальянскому исследователю, главной движущей силой циркуляции элит, приводящей к политическим и социальным изменениям, являются дисфункции и ошибки управления, имманентно связанные с внутренними особенностями находящейся у власти элиты. Кроме того, циклы циркуляции элит соотносятся с экономическими циклами роста / экспансии и стагнации / упадка, а также с циклами централизации и децентрализации.

При этом немаловажное место занимает жизнь и смерть правящего меньшинства: «история обществ есть большей частью история преемственности аристократий». Причины же гибели элит следующие: 1) многие аристократии, будучи военными аристократиями, истреблены на полях сражений; 2) через несколько поколений аристократии теряют жизнеспособность или способность пользоваться силой – внуки и правнуки тех, кто завоевывал власть, с рождения пользуются своими привилегиями и теряют способность к поступкам, которых требует общество. Таким образом, согласно В. Парето, циркуляция или смена элит – закономерный политический и социальный процесс.

В истории кочевых народов наиболее ярко проявляется смена элит в результате завоевательных войн, когда массы населения степей обретают новую аристократию, сохраняя свои быт и нравы, традиции и верования. При этом, однако, система управления и политические институты кардинально меняются, а политическими и социальными лидерами становится узкий слой представителей иного племени, другого государства.

Характерный пример, имеющий прямое отношения к заявленной теме, – это завоевание монголо-татарами в XIII в. казахских и причерноморских степей, имеющих историческое название Дешт-и-Кыпчак – Степь кипчаков или Половецкая степь.

Данную территорию в X–XI вв. заняли кипчаки, куманы или половцы, выстраивая свои политические институты и развивая активную внешнюю политику. Постоянное взаимодействие с соседними государствами, в том числе, с русскими княжествами обусловило значительное влияние половцев на процессы в широком регионе Евразии.

Однако в начале XIII в. их поступательное самостоятельное развитие было прервано вторжением очередной волны кочевников – монголо-татар – построивших на огромных пространствах Евразии

свою кочевую империю. Данный факт привел к значительному изменению этнополитической ситуации в регионе. Во-первых, образовалось многонациональное государство с мощной административной структурой. В результате на всех подвластных великому хану землях были проведены определенные унификационные мероприятия. Они касались как представителей кочевых, так и покоренных земледельческих народов. Их целью было приведение к единому стандарту военно-государственного устройства всех подвластных великому каану народов для более простого управления.

Во-вторых, господствовавшие до этого времени на данной территории тюркские племена были покорены монгольскими завоевателями. Это означало включение в состав политических структур Монгольской империи массы тюркского (в том числе половецкого) населения степей. Данное население стало той самой управляемой, эксплуатируемой частью социума Орды, которую возглавили представители монгольской аристократии – вновь сформированной в ходе деятельности Чингиз-хана и завоевательных войн элиты империи. Как показано в исследовании В.П. Костюкова, половцы не стали преобладающим этническим элементом Орды. Однако уже к концу XIII в. мы наблюдаем отторчивание населения Джучиева Улуса. При этом, как отметил Г.А. Фёдоров-Давыдов, после завоевания мы не встречаем в источниках имен половецких князей, половецкой знати.

Арабский автор XIV в. Ибн Фадлаллах ал-Омари красочно и образно описал сложившуюся после завоевания ситуацию: «в древности это государство было страной Кипчаков, но когда ими завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они [Татары] смешались и породнились с ними [Кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [Татар], и все они стали точно Кипчаки, как будто от одного [с ними] рода, оттого, что Монголы [и Татары] поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их [Кипчаков]». Перед нами именно картина смены элит, когда новая политическая система, носителями которой являются завоеватели, постепенно становится традиционной системой управления, а сами пришельцы ассимилируются местным населением, утратившим свои социальные институты.

Подобным образом социально-этническую ситуацию в Орде описал Ибн-Баттута, посетивший двор Узбека в 1330-х годах. Перечис-

для состав жителей столицы государства, г. Сарай, арабский путешественник отмечает: «В нем (живут) разные народы, как то: Монголы – это (настоящие) жители страны и владыки (ея)... Асы... Кипчаки; Черкесы; Русские и Византийцы». Таким образом, монголы представлены в данном рассказе именно как правящая элита государства.

Подтверждают слова арабских авторов и свидетельства русских летописей, которые нередко определяют Орду – степное пространство Евразии – в данный период не иначе как «мѣста Половечская», но «предѣлы Татарския». Значит, ордынское государство есть место жительства половцев, однако административно и политически они являются «татарскими» – во главе управления этими землями и людьми стоит монголо-татарская знать.

Массой населения владеют и управляют именно монгольские аристократы, монгольская элита. Так образом, мы наблюдаем смену элиты в ходе внешнего вооруженного вторжения. Уцелевшая в ходе войн аристократия завоеванных народов была уничтожена, продана в рабство или включена в состав элиты Джучиева Улуса.

Вполне закономерно, что одной из первостепенных задач новой элиты было избавление от прежней, способной к организации масс людей и сопротивлению, знати вновь завоеванных сообществ, племен и народностей Евразии. Об избавлении от знати покоренных племен свидетельствуют Плано Карпини и Рубрук. О происхождении ряда мамлюкских правителей Египта от проданных в рабство в качестве гулямов половцев сообщают арабские авторы (например, Ал-Айни).

Однако ряд плененных половецких князей был отправлен в Монголию. По свидетельству Рашид-ад-Дина, после завоевания половецких степей Менгу поручил Мункасар-нойону: «...знатных кипчаков, дабы он увел их вперед и доставил в ставку [великого хана]». Таким образом, одной из демонстраций одержанной победы была доставка к трону монгольского каана покоренной, плененной элиты половецких племен. Об инкорпорации данных представителей аристократии в состав знати Монгольской империи или Джучиева Улуса свидетельств нет.

Однако тот же Рашид-ад-Дин упоминает о кипчаках, служивших Чингиз-хану и его ближайшим потомкам. По свидетельству персидского автора, Кунджек и его сын Кумурбиш-Кунджи «[оба]... принадлежат к роду государей кипчаков». Кунджек назван «старейшиной [михтар] зонтикодержателей Чингиз-хана», а его сын,

Кумурбиш-Кунджи, «был искусный охотник». Кроме того, известно, что он выступал послом «к государю Ислама» – ильхану Ирана. В.П. Костюков отметил, что среди большого количества упомянутых Рашид-ад-Дином джучидских хатуней только одна имеет кипчакское / половецкое происхождение (Турбачин-хатун – одна из жен седьмого сына Орду – Хулагу).

Таким образом, мы видим, что среди знати Монгольской империи кипчаки / половцы оказываются среди ближайшего окружения каана и включаются тем самым в состав элиты государства. Однако родоначальниками подобных кланов оказываются люди, поступившие на службу лично к Чингиз-хану, т.е. до завоевания Дешт-и-Кыпчак монгольскими войсками в 1235–1241 гг. Покоренная половецкая знать не фигурирует ни среди аристократии империи, ни в составе элиты Джучиева Улуса.

М.В. Скржинская

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАВА СУЩЕСТВОВАНИЯ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СКИФИИ

Во второй половине VII – VI в. до н.э. на северных берегах Черного моря появилось много ионийских поселений, из которых со временем образовались государства Тира, Ольвия и Боспорское царство. Земли, заселенные колонистами, эллины называли Скифией. Так было на заре колонизации и вплоть до римского времени. Гекатей Милетский (fr. 153) на рубеже VI–V вв. до н.э., перечисляя греческие города на Понте, назвал Керкинитиду скифским городом, имея в виду не ее население, а местоположение (ср. его определение фокейской колонии Массилии как лигурийского города). Представление о жизни на скифской земле отразилось и в стихах местных поэтов эллинистического времени. В одной эпитафии из некрополя Пантикапея сказано, что покойного укрыла скифская земля (КБН. № 117), а в надгробной надписи Мойродора говорилось, что его родиной была Ольвия в Скифии (IOSPE I². № 226).

Время появления колоний на Черном море совпало с началом возникновения у греков научного и философского познания мира, но прежде сложившееся мифологическое восприятие окружающей

среды еще долго продолжало играть огромную роль. В среде колонистов возникали разные мифы, связанные с новой родиной, и среди них появились предания о праве греков на владение землями в Скифии. Это право обосновывалось включением Северного Причерноморья в греческую мифическую историю, предшествовавшую колонизации. Таковыми стали сказания о пребывании в Скифии Ахилла и Геракла, самых знаменитых героев Эллады. В их реальное существование эллины верили на протяжении всей античности.

Древнейший пласт подобных мифов относился к деяниям Ахилла. В гимне Алкея, написанном на рубеже VII–VI вв. до н.э., Ахилл назван «владыкой Скифской земли»; те же слова читаются на граффито, вырезанном на чернолаковой чаше V в. до н.э. из Тиры (Самойлова, Кожакару 2002. С. 212). Таким образом, мы имеем весьма ранние свидетельства о том, что новая родина колонистов в их представлении издавна находилась под властью прославленного героя.

Ольвиополиты более прочих греков в Северном Причерноморье чтили Ахилла. Его святилища на границах хоры государства появились уже в VI в. до н.э. (Буйских 2004. С. 10). Одно из них находилось на острове Ахиллов Дром, где несколько столетий в честь героя проводились атлетические состязания. Два местных мифа по-разному объясняли происхождение топонима, но в обоих говорилось о посещении героем окрестностей Ольвии. В наиболее распространенной версии Ахилл одержал морскую победу близ северных берегов Понта, и в честь этого события он вместе с друзьями устроил состязания в беге на Тендровской косе, получившей наименование Ахиллов Дром (Plin. NH. IV, 83; Mela. II, 5; Амт Магс. XXII, 8, 41). В более редком варианте рассказывалось, как Ахилл бежал по этому острову за своей невестой Ифигенией (Schol. Ad Dion Perieg. 306).

Гилея, лесная область в окрестностях Ольвии, изображалась в фольклоре местом, которое посетил Геракл. Здесь, согласно преданию, он встретил местную змееногую богиню, и она родила от героя трех сыновей. Они стали родоначальниками племен скифов агафирсов и гелонов, с которыми греки встретились при заселении Северного Причерноморья (Her. IV, 8–10). Таким образом, Геракл не только побывал в Скифии но и стал прародителем ее населения. Геракл принадлежал к поколению, предшествовавшему современникам Троянской войны, т.е. получалось, что он приходил в Скифию раньше Ахилла.

Территория Боспорского царства также издавна была связана в глазах греков с деяниями Ахилла и Геракла. Местные мифы объясняли, почему на азиатской части Боспора появилось селение Ахиллий, в котором находилось святилище героя (Strab. VII, 4, 5; XI, 2, 6); там безусловно существовали мифы, о содержании которых, к сожалению, ничего не известно. В Фанагории, боспоряне построили святилище Афродиты Апатуры, и в нем среди прочих храмовых мифов рассказывали местный вариант сказания об участии Геракла в борьбе с гигантами: боспоряне показывали пещеру, куда Афродита заманивала гигантов, и там Геракл их уничтожил (Strab. XI, 2, 10).

Активный период мифотворчества в Северном Причерноморье, как и во всей греческой ойкумене, закончился в период эллинизма. По скудным упоминаниям античных авторов удастся восстановить некоторые мифы, возникшие в среде ионийских колонистов на их новой родине. Лишь по записи в «Истории» Геродота можно составить представление не только о сюжете ольвийского мифа о Геракле в Скифии, но и о приемах устного повествования. Содержание мифов, созданных на заре колонизации, не забывалось на протяжении многих столетий, о чем говорят упоминания у авторов римского времени.

Источники и литература

Буйських С.Б. Святилища extra-urban епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 2004. № 3.

КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

Самойлова Т.Л., Кожакару В. и др. Исследования античной Тире и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ, 2002.

IOSPE – *Latyschev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

Е.Г. Сосновцева

О ПОЧИТАНИИ В УГЛИЧЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БОЛЬШОГО (НА МАТЕРИАЛЕ МЕСТНОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)

В угличской рукописной традиции история княжения и гибели удельного князя Андрея Васильевича Большого представлена в двух основных видах. Один из них известен из составленного в конце

XVIII в. Угличского летописца. Вопрос о том, насколько надежны сведения, содержащиеся в летописце, какую роль в его создании сыграли местные предания и письменные источники, в разное время обсуждался в работах (Русинов 1996; Горстка 1998; Томсинский 2004). И.В. Сагнак выделяет две редакции пространного Угличского летописца: Барсовский (по списку ГМЗРК. Р-48) и Музейный (по списку РГБ. Муз. № 934) (Сагнак 2005. С. 250). В статье, посвященной княжению Андрея Большого, Угличский летописец, основываясь, по-видимому, на местных источниках, сообщает о каменном строительстве в Угличе этого периода, устройении Покровского монастыря, Кассиановой пустыни, обретении мошей князя Романа Владимировича. О «поимании» князя Андрея в 1491 г. сказано: «...потом же прииде и благоверный князь Андрей Васильевич с Углича с благоверною своею княгинею Еленою в великодержавный град Москву, еже бо умирится с братом своим великим князем о гневе его, слышал бо что великий князь на него в непослании ратныя силы гнев держит велий... Той же не прият никаких его молений и прошений о мире, но наипаче гневом враждебных кипя, повеле изымати его и с княгинею и посадити их за караул в казенной приказ» (ГМЗРК. Р-48. Л. 41 об.-42. Рукопись в настоящее время готовится к публикации И.В. Сагнаком, который любезно предоставил мне возможность ознакомиться с этим текстом). Это сообщение лишь в общих чертах перекликается с известными сообщениями летописей конца XV – XVI в., которые, невзирая на различия в интерпретации (Лурье 1994. С. 180–226), все же позволяют восстановить канву событий от начала княжения Андрея Васильевича до 1491 г. (Экземплярский 1891. С. 414–437; Зимин 1977. С. 163–165). Например, Московский летописный свод конца XV в. сопровождает рассказ о «поимании» князя Андрея перечислением случаев, когда князь «чинил измену перед братом своим старейшим» и преступал крестное целование (ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 333), а в Устюжской летописи (Архангелогородском летописце) детально описана сцена ареста (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 91–92). Поздний Угличский летописец игнорирует сообщение летописей о кончине княгини Елены Романовны в 1483 г. (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 202; Т. 25. С. 330) и не вполне точно передает причину гнева великого князя: «Прилучися великому князю Ивану Васильевичу Московскому, брату благоверного князя Андрея, брань с татары. Он же, великий князь, посылая по братии своей, дабы на

помощь ему пришли на ту брань с воинскими людьми. И тогда благоверный сей князь Андрей не поспе прийти к нему с ратными людьми на помощь противу татар» (ГМЗРК. Р-48. Л. 41 об.). Однако для сохранившихся угличских рукописных источников принципиально именно упоминание о том, что князь Андрей умер и был погребен в Москве, в Архангельском соборе, т.к. группа местных агиографических памятников передает эти события по-другому. При этом из Краткого летописца (РНБ. Тит. № 3538; БАН. 17.16.5) упоминание о Москве исчезает, а в рукописи № 3538 сообщается: «Отец же их благоверный велики князь Андреи Васильевич преставися в лето 7002-е ноября 6-го дня, а где преставися и погребен о том известия неотыскано» (Л. 32 об.).

Судьба большинства угличских святых так или иначе связана с именем князя Андрея Васильевича Большого – это его современники преподобные Паисий Угличский и Кассиан Учемский, сын Андрея Васильевича князь-инок Иоанн-Игнатий, князь Роман Владимирович, живший в XIII в., мощи которого были обретены князем Андреем при строительстве каменного Преображенского собора. М.Д. Каган пишет о том, что пантеон угличских святых формируется на рубеже XVI–XVII вв. (Каган 1992. С. 379). С этим временем можно связать ранние, в основном краткие, редакции угличских житий. Более поздние редакции этих памятников известны в составе сборников XVIII–XIX вв., и именно они с наибольшей полнотой отражают формирование в Угличе традиции почитания официально не канонизированного князя Андрея: «но и тяжкая узы на блаженных яко осужденников наложи, еже ту и преставися святыи и благоверный князь Андрей Васильевич ... но последи благоверными мужи со святыми равне сей блаженный князь Андрей Углецкий почтется» (Житие Романа Угличского. РНБ. Собр. Александро-Невской лавры. А-47. Л. 178 об.; выделение наше). Некоторые из этих сборников происходят, по-видимому, из старообрядческой среды Углича. Известное в единственном списке житие князя Андрея (ГИМ. Увар. № 818) также читается в составе старообрядческого сборника XVIII в. В этой же рукописи помещено житие младшего сына князя Андрея, Димитрия, также не канонизированного, но стихийно почитавшегося в Вологде (и, очевидно, в Угличе) вместе с братом, Иоанном-Игнатием (Романова 2008. С. 8–10).

Жития, в отличие от летописных источников, сообщают, что князь Андрей был схвачен князем Дмитрием Ивановичем Жилкой в Угличе, где и умер в заточении, и был погребен в Угличском Преображенском соборе. Большинство списков пространной редакции жития св. Паисия отмечают, что обряд погребения совершил сам преподобный. Именно таким образом представлены эти события и в житии князя Андрея.

Житие князя Андрея, по-видимому, является самым поздним из агиографических памятников угличского цикла. Основные его части представляют собой компиляцию из нескольких житий угличских святых (притом, как правило, в поздних редакциях). Так, в текст включен отрывок из раздела чудес пространной редакции жития Паисия Угличского. Описание «поимания» и смерти князя Андрея заимствовано из пространной редакции жития Кассиана Учемского (1-ая пространная редакция в исследовании Е.Л. Алексеевой: Алексеева 2008. С. 39): «посла бо сына своего Дмитрия со множеством войньским на Углечь и повеле ему дядю своего с престола согнати и заточити в темницу. Той же, вскоре шед, с войньскоу силою и нападе на благоверного нечаянно нощию пришед бо ко граду, и стражю скрыша, и пришедше ко двору княжескому, и обступивше вокруг дворца, и в палаты яко дивии зверие устремишася, благоверному же нощное свое правило совершающу и Господеву молящуся, тогда вспочившии лютии воинсии людие и ухвативши блаженного в единой срачице, и вон ис царских палат, яко волцы, незлобиваго агница, повлекше» (ГИМ. Увар. Л. 162).

Источник легенды о преставлении и погребении князя Андрея в Угличе не установлен. В основе ее, возможно, лежит устное предание, однако оно было распространено настолько (и в рукописной традиции в том числе), что во второй половине XVIII – первой половине XIX в. писатель и историк Григорий Дмитриевич Серебrenников (Тихомеров) считал необходимым ее опровергать на полях списка жития Паисия Угличского (РНБ. Собр. Вяземского. Q-37. Л. 45–45об.). При этом именно эта версия событий в наибольшей степени соответствует образу праведного князя-мученика и приближает текст к агиографическому канону.

Упоминания о князе Андрее, включенные в большинство произведений угличского цикла, отражают представления угличан о тридцатилетнем княжении князя Андрея в Угличе как о времени процветания и благоденствия. Имя князя постоянно сопровождает

ется эпитетами *святой* и *благочестивый*. Заточение и смерть угличского князя описываются как несомненное злодейство Ивана III и как трагедия для всех угличан («Зри: князя Андрея Васильевича и княгиню Елену его супругу князь московский Иван Васильевич в темнице нечаянную смертью уморил, и княжение углическое неправдою восхитил... Пребеззаконное сие есть дело», – замечает автор Летописца на полях (БАН. Собр. Лукьянова. № 77. Л. 31); «воста брат его родный князь Иван московский и согнав брата своего благочестивого и великаго князя Андрея с престола и с Углича града» – Житие Паисия Угличского. РНБ. Собр. Вяземского. Q-37. Л. 45). Изложение сведений исторического характера, по-видимому, восходит к местным преданиям и, возможно, к неизвестным на сегодняшний день письменным источникам также местного происхождения. Традиция почитания князя Андрея отражается в памятниках угличской письменности начиная с конца XVII – XVIII в. Вероятно, «Житие князя Андрея Васильевича Угличского и чад его, князей Иоанна и Дмитрия, новых страстотерпцев» является своеобразным итогом формирования этой традиции. Написанное в XVIII в., житие князя Андрея составлено в соответствии с принципами организации средневекового агиографического текста.

Примечание

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, гранты НШ-3433.2010.6 и МК-1404.2010.6.

Литература и сокращения

Алексеева Е.Л. Рукописная традиция жития Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель. СПб., 2008.

БАН – Библиотека Академии наук

ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Горстка А.Н. Из истории культурной жизни Углича времени Андрея Васильевича Большого // Документальные собрания Углича (статьи, публикации). Углич, 1998.

Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977.

Каган М.Д. Житие Романа Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГБ – Российская государственная библиотека

- Романова А.А.* Житие Игнатия (Иоанна) Вологодского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель. СПб., 2008.
- Русинов Н.Д.* Письменная культура угличан средневековья и XVIII века // Книжная культура Углича (статьи, публикации). Углич, 1996.
- Сагнак И.В.* Угличские Летописцы: предварительные исследования и наблюдения над рукописями и текстами // Сообщ. науч. конф. Угличского музея, 2002, 2003, 2004. Углич, 2005.
- Томсинский С.В.* Углече поле в IX–XIII веках. СПб., 2004.
- Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. СПб., 1891. Т. 2.

П.С. Стефанович

«БОЛЬШАЯ ДРУЖИНА» В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Термин «большая дружина» предложил в 1960-х годах чешский историк Франтишек Граус. Подразумевался особый вид дружинной организации, характерный для раннего государства в Чехии и Польше, – дружина правителя, отличавшаяся многочисленностью по сравнению с дружинами разного рода вождей и знатных людей. Эта дружина выросла из «классической» дружины до- или предгосударственного периода и сохраняла главные ее черты, т.е. была объединением воинов под началом предводителя, который брал на себя их содержание и правовую защиту. Принципиальным отличием «большой дружины» была именно ее многочисленность. Но за этой ее чертой стояла важная особенность раннегосударственных политических образований – содержать такую дружину можно было только за счет «сверхдоходов», которые доставляли, как правило, грабительские походы в соседние регионы и обложение подчиненного населения данью. «Большие дружины» были, по Ф. Граусу, главным инструментом правителей чешского и польского государств X – начала XI в. в подчинении населения и укреплении их власти (Graus 1965. S. 12).

Как на наиболее яркое свидетельство о «большой дружине» Ф. Граус указывал на сообщение из записок арабо-еврейского путешественника Ибн Якуба о дружине Мешка I – первого исторически достоверного правителя Польши. Согласно Ибн Якубу, Мешко содержал за счет податей со своих подданных 3 тысячи тяжело-вооруженных воинов. Они получали от него ежемесячно денеж-

ные выплаты, а также одежду, оружие, коней и все необходимое. Князь брал на себя и заботу об их детях, выплачивая вено (Ibn Jakub 1946. S. 50). 3 тысячи – это, скорее всего, преувеличенная цифра, но то, что количество дружинников Мешка достигало тысячи человек и более, подтверждают и некоторые другие данные.

Понятие «большой дружины» прочно вошло в чешскую и польскую историографии. В уточненном виде чешские медиевисты Д. Тжештик и Й. Жемличка использовали его в предложенной ими «среднеевропейской модели» государства высокого средневековья (см.: Třeštík, Žemlička 2007). По их мнению, эта «модель» сформировалась в Польше и Чехии к середине XI в. в результате кризиса первоначальных государств трибутарного типа. Такой кризис последовал в Чехии в самом начале XI в., а в Польше в 1030-х годах. После кризиса правители уже не содержали «больших дружин» (хотя какие-то группы воинов или слуг в их прямом «личном» подчинении сохранялись) и опирались на знать.

Попыток применить это понятие к древнерусской истории не было, за исключением недавней работы Е.А. Шинакова, который допускает существование многочисленных княжеских («больших») дружин на Руси с 960-х до 1030-х годов. Однако рассуждения историка в развитие этого тезиса носят чисто гипотетический характер. Конкретно он ссылается только на указания источников о концентрации в руках Святослава Игоревича значительных финансовых средств (добытых военными походами), за счет которых князь мог содержать «большую дружину» (Шинаков 2009. С. 295–297). Эти указания можно расценивать как свидетельство о *возможности* содержания «большой дружины» (наличие «сверхдоходов»), но доказательством ее существования они быть не могут. В настоящем докладе обращается внимание на некоторые данные, которые, на мой взгляд, могут служить таким доказательством.

Наиболее показательным в ряду этих данных является известие «Повести временных лет» под 6601 (1093) г. Известие написано современником, и нет сомнений в его достоверности. Летописец рассказывает о вокняжении Святополка Изяславича в Киеве и его первых попытках противостоять половцам. Действия Святополка выставляются необдуманными, зато превозносятся мнение киевских «мужей смыслених» во главе с Янем Вышатичем. Святополк начал собирать войско для борьбы с половцами, а «мужии смыслении» стали отговаривать его от войны, ссылаясь на недос-

таток собранных «воев». Святополк же им возразил: «имею отрокъ своих 700, иже могут противу имъ (т.е. половцев. – П.С.) стати». Однако следующая речь киевских бояр заставила его обратиться за помощью к Владимиру Мономаху: «аше бы пристроиль и[х] 8 тысячь, не лихо то есть, наша земля оскудела есть от рати и от продажъ. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогль» (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 218–219). Перевод на русский язык речи бояр Д.С. Лихачёвым неадекватен: «Если бы выставил их и 8 тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж...» (ПВЛ. С. 230). Смысл речи другой, и его можно передать, несколько дополняя краткий летописный текст, таким образом: «Вот если бы ты выставил их 8 тысяч, это было бы не плохо – ведь наша земля оскудела от войны и от штрафов. Но (имеется в виду: поскольку ты этого не можешь) пошли лучше за помощью к Владимиру».

Текст приведен по Лаврентьевской летописи. Ипатьевская летопись дает одно существенное отличие: численность отроков в словах Святополка указывается не 700, а 800 (цифрой вместо буквы «пси» «от») (ПСРЛ. СПб., 1908. Стб. 209). В пользу варианта Ипатьевской летописи говорит то, что цифра 800 соотносится с приведенной ниже в словах киевских бояр цифрой 8 000 (Свердлов 1983. С. 204).

Таким образом, киевский князь в последнем десятилетии XI в. имел в своем распоряжении отряд «отроков» численностью в 800 человек, который он считал способным даже противостоять половцам. Это и была его дружина, которая, если употреблять слово в его собственном (научном) смысле, отличалась от знати (бояр).

Еще одно свидетельство – это известное летописное сообщение о «гридях» Ярослава Владимировича под 6522 (1014) г. Незадолго до смерти Владимира Ярослав, княживший в Новгороде, отказался предоставлять в Киев отцу причитающиеся деньги: «Ярославу же живушу в Новегороде и урокомъ дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новегороде гридемъ раздаваху, и тако даяху вѣси князи новгородстии, а Ярославъ сего не даяше къ Киеву отцу своему» (НПЛ. С. 168). Как справедливо указывается в литературе, гридями могли обозначаться те же военные слуги князя, которые могли называться «отроками» (Горский 1989. С. 49–50). Речь идет о той же княжеской дружине. Только в данном случае такую дружину содержит не киевский князь, а его сын, наместничавший от его имени (причем содержит за счет дани: ср. сообщение Ибн Якуба о дружине Мешка).

Можно приблизительно рассчитать численность дружины, если сравнить указание о сумме, которую тратил Ярослав на содержание своих «гридей», с данными «Саги об Эймунде» о жалование, которое получали наемные скандинавы, заключившие договор с Ярославом (Мельникова 1978. С. 293). Это жалование состояло из эйрира серебра в год одному воину, а кормчий корабля получал полтора эйрира. Отдельно предоставлялось жилье и пропитание. Эйрир – скандинавская весовая единица, равная $\frac{1}{8}$ марки, т.е. около 27 грамм.

25–30 грамм серебра составляли около половины древнерусской гривны. Допускаем, что гриди Ярослава, о которых говорит летопись, получали примерно столько же, сколько и наемные скандинавы, – последние, вероятно, ориентировались на общепринятые нормы оплаты профессионального военного «труда». Тогда жалование одного гридина Ярослава составляло полгривны. В сообщении речь идет о годовой дани – значит, жалование было годовым. На что именно «раздаваху» деньги Ярослав, не говорится. Могло подразумеваться одно только жалование, но вероятнее кажется, что этой тысячею гривен покрывались также расходы на пропитание, оружие и одежду, а может быть, и коней (ср. Ибн Якуба). Упоминание саги о кормчем заставляет предполагать, что размеры жалования могли быть выше для командного состава. Учитывая эти обстоятельства, надо думать, что на тысячу гривен содержались несколько сотен военных слуг. Если такое число дружинников содержал Ярослав в Новгороде, то его отец в Киеве наверняка располагал дружиной еще более внушительной. На это намекает и дальнейший летописный рассказ, в котором указывается, что, как только возникла угроза войны с Владимиром, Ярослав посчитал необходимым, «пославъ за море», еще привести варягов (т.е. собственно наемников – тех, о ком рассказывает «Сага об Эймунде»), – очевидно, собственных гридей Ярославу для борьбы с отцом не хватило бы.

Эти два летописных свидетельства вместе с некоторыми другими данными позволяют предполагать существование «большой дружины» на Руси приблизительно с начала X до рубежа XI–XII вв. Князья могли позволить себе содержать «отроков» или «гридей» в количестве, на порядок превышающем численность «частных» (боярских) «дружин» (сотни vs. десятки). Исходя из аналогий с другими регионами, можно поставить вопрос о харак-

тере древнерусского государства X–XI вв., элементом которого была «большая дружина», и его трансформации в начале XII в.

Источники и литература

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Мельникова Е.А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. М., 1978. С. 289–295.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачёва; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. СПб., 1996.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.

Graus F. Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // Československý časopis historický. 1965. T. 13, č. 1. S. 1–18.

Relacja Ibrahîma Ibn Ja'kûba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrîego, wydał T. Kowalski // Pomniki dziejowe Polski. Seria II. Kraków, 1946. T. 1.

Třeštilík D., Žemlička J. O modelech vývoje přemyslovského státu // Český časopis historický. 2007. T. 105, č. 1. S. 122–164.

Л.В. Столярова

РОЛЬ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ В ОРГАНИЗАЦИИ КНИГОПИСАНИЯ НА РУСИ В КОНЦЕ XIII в.

Характер участия князей в книгописании в конце XIII в. не был одинаковым в разных регионах Руси. Рязанская кнг. Анастасия, вдова кн. Романа Ольговича, с сыновьями Ярославом и Федором Романовичами упомянута как заказчица наряду с епископом Иосифом (1284 г.; Кормчая). Владимиро-волинский кн. Владимир Василькович фигурирует как инициатор книгописных работ вместе с женой кнг. Ольгой Романовной (1287 г.; Кормчая, или «Номоканон»). Неизвестная по другим (кроме выходной записи) ис-

точникам кнг. Марина (1296 г.) указана в записи писца Захарии как единоличная заказчица Псалтыри. Новгородский кн. Дмитрий Александрович упоминается как лицо, «повелевшее» переписать Кормчую на средства («стяжанием») архиепископа Климента (так называемая Синодальная или Климентьевская кормчая, ок. 1285–1291 гг.).

Обращает на себя внимание, что в трех из четырех зафиксированных в записях писцов случаях участия князей в книгописании, переписывались именно Кормчие книги. Все они были изготовлены в 80-е годы XIII в., причем почти одновременно в разных регионах Руси – в Рязани, Новгороде и Владимире Волынском. Отмеченный выходными записями Владимиро-Волынской и Новгородской климентьевской кормчей интерес к переписыванию сборников церковно-юридического характера ознаменован созданием еще в 60-е – 70-е годы XIII в. Русской редакции Кормчей. Появление рязанского списка Кормчей Сербской редакции (1284 г.) связано с новым этапом в составлении корпуса церковного права на славянском языке в условиях восстановления церковной организации во второй половине XIII в. после монголо-татарского нашествия 1237–1240 гг.

Как известно, Сербская кормчая была выписана из Болгарии митрополитом Кириллом II, несмотря на то, что на Руси давно и хорошо была известна Древнеславянская кормчая. Важной причиной внимания, проявленного Кириллом II к Сербской кормчей было то, что прежде известные Кормчие на Руси содержали ранние (до X в.) памятники права, переводы которых были весьма несовершенны и полны противоречий. Новая Кормчая включала в себя новейшие установления (XI–XII вв.) и имела удобный сокращенный текст в ясных переводах, сопровождаемый комментариями XII в. Русская редакция кормчей построена на основе материалов Сербской кормчей, однако в ней использованы известные на Руси с XI в. переводы Древнеболгарской кормчей, а также переводные и оригинальные памятники права. В конце XIII в. (т.е. едва ли не одновременно с созданием Русской редакции Кормчей) материалы Сербской кормчей вошли в состав Мерила Праведного.

Появление в последней четверти XIII в. списков Русской редакции Кормчей М.Н. Тихомиров рассматривал как показатель развития русской письменной и правовой культуры в условиях монголо-татарского ига. Ученый показал, что в это время переводные

памятники права адаптировались на Руси к местным условиям. Одновременно создавались новые рукописные сборники, соединившие оригинальные русские правовые произведения с традиционными. Я.Н. Щапов установил, что во второй половине XIII в. происходили значительные и многократные переработки текста Кормчей на местах – в Киеве, на Волыни, в Северо-Восточной Руси, в Новгороде, Пскове и др. В процессе создания Русской редакции Кормчей был расширен состав оригинальных памятников права за счет включения сочинений Кирилла Туровского, древнерусских правил о браке, поучений к попам и епископам и пр. При этом в местных списках Кормчей появились произведения не только церковного, но и светского происхождения.

В состав Климентьевской (Синодальной) кормчей впервые был включен текст Русской Правды в ее Пространной редакции. Наряду с нею новгородский Синодальный список пополнился списками Устава Владимира, Закона судного людем, Сказаний Кирилла Туровского, русской обработки Летописца вскоре патриарха Никифора, Правил митрополита Кирилла, Уставной грамоты Святослава новгородской епархии и др. Уникальность Климентьевской кормчей подчеркивается тем, что новгородская обработка Кормчей Русской редакции происходила тогда, когда в Новгороде уже сложилась боярская феодальная республика с отличной от других русских земель системой государственных учреждений. Специфика политического строя Новгорода последней четверти XIII в. потребовала соединения кодекса княжеского права с церковно-юридическим сборником, регулирующим внутреннюю жизнь церкви и многие догматические и обрядовые вопросы. Сфера юрисдикции новгородского архиепископа в это время значительно расширилась и вышла за пределы традиционно принадлежащих церкви административных и судебных функций, распространившись на дела, прежде находившиеся в сфере княжеского суда. Расширение владычной юрисдикции на светский суд (внешнеполитические дела, сношения с русскими землями, суд по гражданским делам) отчетливо просматриваются не только в памятниках письменности, но и в сфрагистике.

Интерес князей, проявленный к составлению местных списков Кормчей, свидетельствует об их безусловном внимании к разделению сфер юрисдикции между светской и церковной властью в последней четверти XIII в. Я.Н. Щапов показал, что в княжеском су-

де в XII–XIV вв. значение Кормчей (до включения в нее светских произведений права, прежде всего, Русской Правды) было минимальным и ограничивалось разделением сфер церковной и княжеской юрисдикции. По его мнению, в указании записей на участие князей в изготовлении Кормчих нельзя видеть заинтересованности светской власти в практическом использовании этих сборников церковного права. Ученый справедливо поставил роль князей в изготовлении местных списков Кормчей в один ряд с такими традиционными действиями светской власти, как церковное строительство и пожалования церкви книг, а также движимого и недвижимого имущества.

Совершенно уникально значение владими́ро-волы́нского кн. Владимира Васильковича и его жены Ольги Романовны в создании списка Кормчей на Волыни. Судя по выходной записи, сохранившейся в нескольких позднейших списках, они повелели переписать кодекс и финансировали книгописание без участия главы местной епархии. Причины такой заинтересованности в изготовлении Кормчей следует искать в особенностях взаимоотношений светской и церковной власти во Владимиро-Волинском княжестве в последней четверти XIII в.

С деятельностью Владимира Васильковича, по-видимому, вообще следует связать распространение правовой и письменной культуры во Владимиро-Волинском княжестве во второй половине XIII в. Именно с его именем связано появление самых ранних княжеских завещаний: двух «рукописаний» ок. 1287 г., не сохранившихся в подлинниках, но известных в составе текста Ипатьевской летописи. Имеются основания считать, что соединение галицко-волынского летописания с Киевским сводом 1198 г. также произошло в княжение Владимира Васильковича.

Деятельность Владимира Васильковича в качестве заказчика книг вообще не имеет аналогов в истории Древней Руси. В летописном некрологе ему содержится уникальный перечень из 38 книг, которые он жертвовал в духовные корпорации своего княжества. При этом состав белзского вклада Владимира Васильковича скрыт в формуле «так о ж и у Бельскоу пооустрои церковь иконами и книгами», не позволяющей уточнить точное число книг, специально созданных или приобретенных готовыми по инициативе князя для этого пожалования.

Кормчая 1287 г. в некрологе не указана. Скорее всего, этот ко-

декс не отличался особой художественностью, не имел драгоценного оклада, не был вкладным, а потому и не попал в упомянутый перечень, хотя его значение в истории правовой культуры Руси трудно переоценить.

Все книги Владимира Васильковича, упомянутые в некроложном перечне, – из традиционного богослужебного набора и в основном предназначены для храмового богослужения. Сам факт наличия в некрологе перечня книг, пожалованных Владимиром Васильковичем церкви, позволяет предположить, что современники воспринимали его деятельность заказчика и вкладчика не только как грандиозную, но и как совершенно необычную. Нет оснований усомниться в достоверности этого перечня: в нем нет ни явно преувеличенных цифр, ни глухих обобщений типа «книг многих». Главное же свидетельство высокой степени достоверности этого перечня – его абсолютно богослужебный состав: любая церковь в первую очередь нуждалась в «рабочих» храмовых экземплярах книг.

Таким образом, в организации книжного дела в конце XIII в. особое место отводилось переписыванию наряду с богослужебными книгами сборников церковно-юридического характера. Последние изготовлялись по инициативе и на средства князей, причем в Галицко-Волынской Руси – без участия в этом деле главы епархии. Это было обусловлено особым интересом князей к разделению сфер юрисдикции светского и церковного суда и связанных с ним доходов.

И.Е. Суриков

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА: АФИНЫ В VIII–VII вв. до н.э.

Прекрасно известно, что для процесса политогенеза в античной Элладе архаическая эпоха была ключевым временем. Соответствующий термин «архаическая революция» в какой-то степени даже уже набил оскомину: он постоянно используется, им злоупотребляют, и в результате сам термин может утратить какую-либо эвристическую ценность. Более конструктивным представляется подход, предложенный выдающимся антиковедом, основателем направления «новой классической археологии» Энтони Снод-

грассом, который в своей замечательной книге (Snodgrass 1981) указал, что резоннее говорить о двух «архаических революциях», которые имели место соответственно в начале и в конце периода архаики.

Развивая эти соображения Э. Снодграсса, мы в другом месте (Дементьева, Суриков 2010. С. 10 и сл.) высказали идею о том, что в ходе первой из этих двух «революций» формировался греческий полис как таковой, причем пока еще в форме архаического полиса. Этот процесс в основном завершился к середине VII в. до н.э.; вторую же половину архаической эпохи охватывает складывание уже классического полиса (последний в типологическом плане отличен от архаического), закончившееся в передовых регионах эллинского мира к рубежу VI–V вв. до н.э.

Исследование сложных перипетий становления полисной государственности (к тому же имевшего, разумеется, в различных областях Греции свою специфику) наиболее эффективным может быть при комбинированном использовании нарративной традиции и данных археологии. В настоящее время ощущается некоторая, на наш взгляд, чрезмерная акцентировка второй из названных двух категорий источников. Психологически это вполне понятно – как реакция на нередко встречавшееся ранее пренебрежение археологическим материалом со стороны антиковедов, что порождало негативные последствия; ныне же изучение греческой архаики преимущественно находится именно в руках археологов (см. оценку тенденций: Davies 2009).

Никому не может прийти и в голову усомниться в огромном значении достижений современной археологии для лучшего понимания истории архаической Греции. Но тем не менее любая односторонняя крайность вредна, особенно когда абсолютизация археологических данных сочетается с гиперкритическим отношением к письменным источникам, вплоть до их игнорирования. А примеры подобного рода – не редкость. Так, Иан Моррис, второй по авторитетности после Э. Снодграсса представитель «новой классической археологии», убедительно показал на чисто археологическом материале, в основном путем анализа погребений (Morris 1987), что в середине VIII в. до н.э. в Афинах имели место чрезвычайно серьезные изменения социально-политического плана. В них он видит именно рождение полиса, и это совершенно верно. Но И. Моррис так и остается на чисто археологической почве, по-

скольку он даже не попытался – из-за субъективного гиперкритического настроения – сопоставить свои выводы с сообщением традиции, относящим как раз к этому времени (к 753–752 гг. до н.э.) такую принципиальную реформу афинского государственного устройства, как ликвидация пожизненной царской власти и переход к десятилетнему архонтату, иными словами, то же самое рождение полиса со свойственной ему системой магистратур из примитивной протополисной монархии (нашу критику см. также: Суриков 2007а. С. 44 и сл.).

Продолжим рассмотрение идей И. Морриса, высказанных в его этапной книге. На тех же археологических данных он приходит к парадоксальному заключению: в отличие от большинства развитых регионов Греции (Аргос, Коринф и др.), где полис, возникнув в середине VIII в. до н.э., далее так и продолжал развиваться, в Афинах данный процесс в конце того же столетия был свернут усилиями консервативной аристократии, и афинское государство надолго, на целый век перестало быть полисом, а вновь стало таковым лишь в результате реформ Солона 594 г. до н.э. Таким образом, для Афин здесь постулируется совершенно уникальный, не имеющий параллелей в эллинском мире вариант развития, приобретшего на определенном этапе регрессивный характер.

В рассматриваемой монографии, относящейся к ранним работам И. Морриса, изложенный тезис высказывается с большим полемическим задором; в последующих своих исследованиях этот ученый стал куда осторожнее, значительно смягчил свою позицию (например: Morris 2009). Однако его идея об отсутствии полисных структур в Афинах в VII в. до н.э., – насколько можно судить, именно в силу своей необычности, экзотичности – была с энтузиазмом воспринята некоторыми другими специалистами. Бывает так, что представление, на момент своего возникновения являющееся «еретическим», со временем превращается едва ли не в «новую ортодоксию»; нечто подобное довольно быстро произошло и в рассматриваемом случае. Ныне это представление подчас уже воспринимается как доказанный факт, как нечто само собой разумеющееся и служит уже опорой для дальнейших концептуальных построений (например: Stanley 1999; Almeida 2003). При этом ссылаются не на какие-то факты или новые появившиеся данные, а, по сути, единственно на сам тезис И. Морриса, как на *ultima ratio*.

А что же все-таки говорят нам факты, сохраненные традицией? Характерно, что из них вырисовывается картина полярно противоположная взглядам И. Морриса и его последователей. На протяжении VII в. до н.э. в Афинах, во-первых, происходило дальнейшее развитие системы архонтских магистратур. Еще в конце предшествующего столетия получили право становиться архонтами не только члены бывшей царской династии Кодридов-Медонтидов, как прежде, но и все другие афинские евпатриды. Далее, в 683 г. до н.э. архонтат был сделан годичным, и это очень важный шаг. Еще некоторое время спустя коллегия архонтов сформировалась в своем окончательном, «классическом» составе: эпоним, базилей, полемарх и шесть фесмофетов (обо всем этом круге проблем см.: Суриков 2007б).

Назовем и ряд иных новых явлений. К 636 г. до н.э. относится первая попытка установления в Афинах тирании – известный мятеж Килона, который, впрочем, окончился неудачей ввиду упорного сопротивления гражданского коллектива и, несомненно, был преждевременным. В 621 г. до н.э. Драконтом введен первый свод письменных законов. Еще лет через 10–15 (ср.: Суриков 2010. С. 31 и сл.) Афины впервые предпринимают попытку включиться в Великую греческую колонизацию: отправляют морскую экспедицию в Геллеспонт. Все перечисленное, подчеркнем, имело место еще до реформ Солона.

Ну и где же здесь хоть малейший намек на то, что Афины VII в. до н.э. не были полисом? Факты, как видим, свидетельствуют совсем об ином: Афины в этом столетии развивались как совершенно нормальный архаический полис, и в них происходили все те же процессы, что и в других полисах этого времени. Среди этих процессов – формирование магистратур; законодательство; колонизация; межаристократическая борьба, чреватая тиранией. Да, пожалуй, развитие полисных структур в Афинах шло несколько более медленными темпами, чем, например, в Коринфе или Мегарах, но зато более быстрыми, нежели, допустим, в городах соседней Беотии. Иными словами, афинский полис до солоновских преобразований эволюционировал средними темпами, что, в общем, вполне находится в рамках традиционных представлений, с которыми полемизируют ученые «школы И. Морриса».

Разумеется, становление полиса в Афинах имело свою специфику. Но сказать это – значит всего лишь сказать банальность, ибо

становление *каждого* эллинского полиса имело свою специфику, и двух «полисов-близнецов» в Греции не было. А fortiori это относится к Афинам, в которых уже такой фактор, как очень крупный (по греческим полисным меркам) размер территории, диктовал некоторые особенности в ходе развития. Но эти особенности не выходили все же за рамки общих закономерностей, характерных для рассматриваемой эпохи.

Насколько нам представляется, главная методологическая ошибка И. Морриса и его сторонников, из которой вытекает и ущербность их остальных построений, заключается в том, что они смешивают понятия полиса и демократии. Для них полисом является только такое античное государство, в котором низшие слои населения уравнины с высшими и пользуются одинаковыми с ними гражданскими правами. В демократических, эгалитарных полисах действительно так и было. Но последние характерны для классического периода истории Эллады; в эпоху же архаики преобладали олигархические. Разумеется, таковым следует считать и Афины VIII–VII вв. до н.э. А отказывать олигархическому полису в праве являться и называться полисом абсолютно неправомерно; это означало бы – отвергать всю античную традицию во главе с Аристотелем и выдвигать на ее место собственные, в известной мере произвольные выкладки. Если придерживаться подобных критериев, в античной Греции (на родине полиса!) и полисов-то почти не останется, поскольку лишь очень немногие из них дошли до степени столь радикальной демократии, что предоставляли всю полноту прав, скажем, неимущим беднякам. Нежизнеспособность того или иного выдвинутого в науке положения можно продемонстрировать и так – доведением его до абсурда.

Литература

- Дементьева В.В., Суриков И.Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2010.
- Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007 (а).
- Суриков И.Е. Эволюция афинского архонтата // Иерархия и власть в истории цивилизаций: Третья междунар. конф.: Ст. и тез. докл. М., 2007. Ч. 2. С. 28–48 (б).
- Суриков И.Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // Античный мир и археология. Саратов, 2010. Вып. 14. С. 20–48.

- Almeida J.A.* Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003.
- Davies J.K.* The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece. Oxford, 2009. P. 3–21.
- Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987.
- Morris I.* The Eighth-century Revolution // A Companion to Archaic Greece. Oxford, 2009. P. 64–80.
- Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 1981.
- Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999.

С.Н. Темушев

РОЛЬ ПРАВЯЩИХ ДИНАСТИЙ В РАЗВИТИИ РАННИХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

К концу X в. повсюду в славянском мире четко обозначилась исключительность прав отдельных династий на осуществление власти. Едва ли не у всех славян мы наблюдаем схожую картину постепенного выделения одной правящей династии, вытесняющей конкурирующие роды местных племенных князей и проводящей политику централизации формирующегося государства. Верховную власть в славянских государствах осуществлял, согласно правовым воззрениям тогдашней эпохи, старший генеалогически и по возрасту член правящего рода-династии. С правовой точки зрения правящий род (династия) представлял институт публичного права, которое только за этой группой признавало исключительное субъектное право к осуществлению верховной власти в стране. Отсюда следовало частноправовое (патримониальное, вотчинное) отношение династии к государственной территории, весьма характерное для славянского мира. Институт верховной власти имел исключительное значение в деле формирования государственности и развития феодальных отношений. Более того, для раннефеодального периода можно говорить о совпадении институтов государственности и верховной власти. Правитель олицетворял собой само государство, именно он распространял свою власть на определенные земли, составлявшие государственную территорию. Государственный аппарат формировался на основе личной дружины правителя,

его ближайшего окружения. Исчерпывающей представляется мысль о том, что «князь физически представлял собой государство» (Жемличка 1991. С. 29), отражающая реалии перехода общества от родового строя к феодальному.

По мере укрепления государственности (т.е. властных полномочий представителей правящих династий) происходило расширение функций верховной власти. На ранних этапах развития института княжеской власти фигура князя представляется исключительно служебной. Князь выполняет общественно значимую «работу», которую ему поручает население. Показательны в этом отношении многочисленные примеры призвания князей, заключавших «ряд» с населением, со стороны. Князь во всех славянских общностях – изначально военный предводитель. Постоянное ведение внешних войн было необходимо князю в первую очередь для консолидации вокруг себя правящего слоя, который участвовал в распределении доходов (военной добычи, податей и служб) с подвластного населения и положение которого определялось службой князю. Ведение войн, кроме всего прочего, важно было князю для повышения своего собственного авторитета (а значит и власти) внутри общества, и в целом любые внешнеполитические акции государства «воспринимались прежде всего в идеологическом контексте “славы” и “чести” короля или князя» (Ронин 1991. С. 55, 58). Кроме активных действий за пределами территории, на которую распространялась его власть, верховный правитель должен был предпринимать меры по укреплению обороноспособности страны путем строительства градков, устройства других защитных сооружений на пути вторжения врага (земляные валы, лесные засеки), мобилизовывать силы населения для отпора агрессору, в том числе и путем поддержания постоянного воинского контингента – дружины.

Об исполнении славянскими правителями в дохристианские времена жреческих функций источники говорят весьма смутно. Лишь данные лингвистики позволяют судить об этом определенно: так, в польском языке слово *ksiądz* долго означало как духовное лицо, так и светского правителя (Brückner 1970. S. 277). С введением христианства князь поручает функцию защиты интересов населения перед лицом Бога особому кругу иерархически организованных лиц, которым выделяет десятую часть своих доходов (Флоря 2007. С. 9–36). При этом христианство становится господствующей идеологией политических образований только в услови-

ях наличия достаточно сильной верховной власти, способной силой (лишь насильственным путем можно было заставить общество отказаться от освященных традицией прежней идеологии, обычаев предков) навязать религию не только в высших, но и в низших слоях общества. Для этого требуются весьма значительные материальные и военные ресурсы. Таким образом, христианство не только являлось важным фактором усиления верховной власти, но и само нуждалось в поддержке правителя.

Об осуществлении князем судебной функции имеются безусловные свидетельства источников. Князь выступает в роли арбитра, сглаживающего, устраняющего противоречия между различными слоями общества и индивидуумами. Суд являлся своеобразным способом обороны общества изнутри, его защитой от внутренних раздоров, могущих привести к распаду (Неедлы 1947. С. 89).

Еще одну функцию верховного правителя славянских государств можно определить как обеспечение экономических взаимосвязей с внешним миром (Безрогов 1992. С. 62). Именно верховный правитель регулировал внешнюю торговлю, обеспечивая охрану торговых путей, заключая международные договоры, учитывавшие и экономические интересы государств. Нарушение нормального функционирования внешней торговли вызывает важные акции правителей, заинтересованных в ее восстановлении и обеспечении привилегий своих купцов.

Верховный правитель представляет свое государство за границей. Одним из средств поддержания контактов или осуществления политического сближения были матримониальные связи правящих династий. Посредством династических браков повышается как личный статус правителя, так и стабильность положения государства, которое таким образом может находить себе союзников в лице других государств, с которыми установлены прочные династические связи.

Правящая династия, кроме всего прочего, способствовала консолидации общества, генезису национального самосознания. Правящая особа представляет собой естественный символ страны, именно с ней ассоциировалось отношение к государству, формировалось чувство патриотизма.

Политика первых князей раннефеодальных славянских государств, стремившихся к единоличному управлению определенной территорией (государством), что часто проходило в довольно жесткой форме братоубийственной войны, объективно способство-

вала укреплению государства, усилению его способности противостоять внешней опасности. Самовластные устремления являлись не только следствием личной политики отдельных князей, но имели более глубокие основания. В объединении территории под одной властью были заинтересованы высшие, наиболее влиятельные круги, сгруппированные вокруг княжеского двора, задействованные в управлении государством. Но важнее то, что в сильной княжеской власти нуждались все слои раннефеодального общества. «Общество стояло стеной за династию; пользовалась она авторитетом не только среди можных, рыцарства, горожан, но и среди широких народных масс..., несмотря на притеснения и злоупотребления со стороны чиновников, да и самого княжеского двора» (Łowmiański 1986. S. 266). В средневековом обществе глубоко чувствовалось согласие института верховной власти с потребностями и ожиданиями населения. Именно этим ожиданием определенного поведения представителей правящей династии, а отнюдь не личными достоинствами правителей, было обусловлено всеобщее признание их авторитета и легитимности власти. Среди славянского населения в раннее средневековье широко распространилась вера в зависимость его благополучия от личности правителя. С традиционными верованиями связана также идея об идентификации государства с вертикально распростертым телом, где князь является головой, земля – туловищем, подданные – ногами.

В целом средневековое славянское государство можно полностью идентифицировать с правящей династией. Подходящей для всего славянского мира представляется мысль украинского историка А.П. Толочко, выдвинутая им применительно к восточнославянскому региону: «Семья – это и была форма государства. Рюриковичи, которые получили полноту власти в Восточной Европе на протяжении X в., были сакральным княжеским родом, для которого власть есть имманентной сущностью, а государство – единственно возможным способом существования» (Толочко 1994. С. 23).

Правящая династия являлась необходимым и, более того, обязательным элементом нормального функционирования славянского общества. Показательна в этом отношении судьба тех потестарных образований, которые не смогли создать устойчивых институтов верховной власти, наделенных соответствующими полномочиями и распространявших власть на всю территорию объединения (полабские славяне). В то же время власть так организует об-

щество, чтобы поддерживать самую себя, создает особую служебную организацию, определенные подати, концентрируя при этом вокруг себя группу профессиональных воинов – дружину, компетентных советников. Представители дружины и ближайшего окружения князя постепенно начинают выполнять государственные функции. Можно говорить о своеобразном симбиозе: верховная власть осуществляет определенные функции в интересах всего общества (не только его верхнего, наиболее влиятельного слоя), в свою очередь население обязуется выполнять в пользу государственной власти все более дифференцированные обязанности.

Литература

- Безрогов В.Г.* Экономические функции королевской власти в ранней Ирландии (Опыт построения модели для переходного периода от древности к раннему средневековью) // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. М., 1992. Ч. 1. С. 58–64.
- Жемличка Й.* Государственная идеология пржемысловской Чехии и формирование национального сознания // *Раннефеодальные славянские государства и народности*. София, 1991. С. 28–34.
- Неедлы З.* Возникновение чешского государства // *Славянский сборник*. М., 1947. С. 74–124.
- Ронин В.К.* Идеологические аспекты внешней политики славянских раннефеодальных государств Центральной Европы // *Раннефеодальные славянские государства и народности*. София, 1991. С. 54–68.
- Толочко О.П.* Образ держави і культ володаря в Давній Русі // *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. Київ, 1994. Т. 3. С. 17–46.
- Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М., 2007.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.
- Łowmiański H.* Dynastia Piastów we wczesnym średniowieczu // *Łowmiański H. Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich*. Poznań, 1986. S. 234–285.

С.Ю. Темчин

«МОЛИТВА» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ДАТИРОВКА

«Молитва» Владимира Мономаха, составляющая третью, заключительную часть его знаменитого «Поучения», сохранившего-

ся лишь в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» (под 1096 г.), представляет собой компиляцию из богослужебных песнопений, заимствованных в основном из Постной триоды (см.: Шляков 1900). Однако гимнографические источники некоторых фрагментов «Молитвы» до сих не обнаружены, а одно из установленных соответствий создает дополнительную хронологическую проблему.

Р. Матъесен установил, что в «Молитве» присутствует текст 4-го тропаря 9-й песни «Канона молитвенного» Кирилла Туровского, писателя второй половины XII в., что послужило основанием для датировки «Молитвы» временем не ранее второй половины XII в. (Матъесен 1971), т.е. заведомо после смерти Владимира Мономаха. Этот вывод не получил всеобщего признания, поскольку не исключено, что и текст «Молитвы», и текст «Канона» Кирилла Туровского восходят к общему источнику: их совпадающий фрагмент весьма близок «Поучению» Владимира Мономаха, так что, по словам А.В. Назаренко, «осторожнее было бы предположить, что В[ладимир] В[сеславич] и свт. Кирилл независимо друг от друга процитировали какой-то 3-й, пока еще не выявленный источник» (Назаренко, Романенко, Самойлова 2004. С. 685).

Последняя мысль дополнительно обоснована А.Ю. Карповым: «...обращает на себя внимание тот факт, что с «Каноном» Кирилла Туровского совпадает лишь часть фразы «Молитвы» (со слов: *Помилуй мя, Господи, помилуй...*), тогда как в «Молитве» фраза начинается словами: *Дѣво Пречистая...*, соответствие которым не найдено. Между тем в остальных случаях фрагменты молитвенных песнопений включены в «Молитву» полностью. Следовательно, нельзя исключать наличие общего источника и для «Молитвы», и для «Канона» Кирилла Туровского» (Карпов 2006. С. 120).

Иначе решает вопрос о происхождении данного текста А.А. Гиппиус, согласно которому фрагмент, предположительно восходящий к «Канону» Кирилла Туровского, равно как и иные неатрибутированные фрагменты, может являться позднейшей вставкой в первоначальный авторский текст «Молитвы» Мономаха, возможно, сделанной Андреем Боголюбским (Гиппиус 2006).

Однако рассуждения А.Ю. Карпова и предположение А.А. Гиппиуса оказываются излишними, поскольку существует более надежное доказательство обоснованности их стремления защитить авторство Мономаха. Дело в том, что песнопение общее для «Молитвы» Мономаха и «Канона» Кирилла Туровского, давно опублико-

вано И.В. Ягичем по рукописному источнику, хронологически предшествующему обоим этим произведениям – по Новгородской служебной минее на сентябрь 1095/96 г., где оно присутствует в службе ап. Кодрату (21 сент.). Ниже фрагменты «Молитвы» приводятся вместе с их нумерацией, введенной Т. Матъесеном.

«Молитва» Мономаха	«Канон» Кирилла Туровского	Служба ап. Кодрату (21 сент.)
13. помилуи ма г(с)и помилуи егда хоше- щи судити. не ѡсуди ме[не] въ ѡгнь. ни обличи мене яр- остью си. моли(т) та Дѣа ч(с)таа рожшаа та Х(с)е. и мно(ж)ство ан҃глѣ и мѣнкѣ зборѣ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256)	Помилуй мя, Боже, помилуй, егда хо- щещи ми судити, не осуди мене в огонь, ни обличи мене яростью Си: молить Тя Дева чиста, ро- жъшия Тя, Христе, и множество ангел и мученик сбор (Макарий 1995. С. 596).	Песнь 9, бог. (гл. 2): Пощади ма, ги, по- щади ма, югда хо- щещи ми соудити, и не ѡсуди мене въ огнь, ни яростию си обличи мене. молить та дѣваа чѣта, рожъшиа та, хе, ан҃глѣ множество, и съ прѣкы мѣнѣи (Ягич 1886. 0172).

Этот богородичный тропарь встречается в следующих службах: а) минейных: ап. Кодрату (21 сент.), преп. Домнике (8 янв.), св. Агафье Катанской (5 февр.), св. Севастийским мученикам (9 марта), Иакову Исповеднику (21 марта), преп. Лампаду (5 июля), Фоме Малеину (7 июля); б) триодных: вторника 1-й недели Великого поста; 3-го воскресенья по Пасхе (мироносиц); среды недели Пятидесятницы; в) октоишной: в службе понедельника (бесплотным силам) 2-го гласа.

Положение Т. Матъесена о том, что интересующий нас тропарь «Канона» Кирилла Туровского не может быть заимствованным из более раннего источника, поскольку в «Каноне» вообще отсутствуют заимствованные песнопения (Матъесен 1971. С. 197), оказывается несостоятельным. Тем самым снимается главное препятствие для датировки «Молитвы» временем, предшествующим второй половине XII в., и, следовательно, для признания полного ее текста произведением Владимира Мономаха.

Ниже указываются гимнографические источники еще двух ранее не отождествленных фрагментов текста «Молитвы» Мономаха:

«Молитва» Мономаха	Служба свв. Прову, Тараху и Андронику (12 окт.)
11. пощади ма Спсе рожышаса и схр(а)нь рожышою та нетлѣнну по рож(с)твѣ и кгда садеси судити дѣла моя тако безгрѣшенъ и мл(с)тивъ. тако Бѣ и члвколюбѣць (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256)	Песнь 9, богородичен (гл. 8): Пощади мене, спсе, родивый са и съхранивъ родивъшоую та нетлѣнну по рожествѣ, егда садеси соудити дѣломъ моимъ, <u>безакониа презыра и грѣхы моя</u>, тако безгрѣшными млствъ бѣ и члвколюбѣць (Ягич 1886. С. 90)

Этот богородичный тропарь используется в минейных службах св. Прову, Тараху и Андронику (12 окт.), Даниилу Столпнику (11 дек.), Ермилу и Стратонику (13 янв.), Порфирию Газскому (26 февр.), преп. Елисавете (24 апр.), 3-му Обретению главы Иоанна Предтечи (25 мая), Ермолаю, Ермиппу и Ермократу (26 июля).

Приведенное выше сопоставление текстов показывает, что дошедший до нас текст «Молитвы» содержит пропуск некоторых слов (в тропаре они подчеркнуты), обусловленный, вероятно, параблесисом. Впрочем, в «Молитву» Мономаха песнопение могло попасть уже в испорченном виде.

Следующий пример:

«Молитва» Мономаха	Служба св. Фоме Малену (7 июля)
12. дво прч(с)таа неискусна браку. Бѡвбрадованаа. вѣрны(м) направленье спс ма погыбшаго. к Сну си вопыющи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256)	Песнь 7, богородичен (гл. 2): Дво ч(с)таа браконейскоусянаа. ч(с)таа и б(лс)наа. падающихъ исправление. <u>сѣгрѣшающихъ избавление</u>. спси ма блѡуднаго <u>спси сви си възывающи бл(с)нь кси</u> (РГАДА. Ф. 381. № 122. Л. 26 об.–27)

Здесь в тексте «Молитвы» также обнаруживаются некоторые пропуски, самый значительный из которых обусловлен параблессом. Несколько иной вариант этого тропаря используется в минейной службе преп. Иакову Исповеднику (21 марта).

Итак, вновь выявленные гимнографические источники «Молитвы» Владимира Мономаха снимают высказывавшиеся ранее сомнения в ее авторстве и датировке. До сих пор остается неизвестным гимнографический источник лишь фрагмента № 3 этого произведения: «Надеже и покрове мои. не презри мене б(л)гага. тебе бо имуще помощницу в печали и в болѣзни. и ѿ злы(х) всѣ(х). и тебе славлю препѣта».

Литература

- Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. III // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 186–204.
- Карпов А.Ю.* Великий князь Владимир Мономах: Слово Мономаха. Князь Владимир Всеволодович глазами современников и ближайших потомков. Легенда о Мономаховых дарах. Взгляд из Нового времени. М., 2006.
- Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 1.
- Матъесен Р.* Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. С. 192–201.
- Назаренко А.В., Романенко Е.В., Самойлова Т.Е.* Владимир (Василий) Всеволодович Мономах // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 681–688.
- Шляков Н.В.* О Поучении Владимира Мономаха // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 329. Май. С. 96–138; Июнь. С. 209–258; Ч. 330. Июль. С. 1–21.
- Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

А.С. Усачёв

«НАСЫЩЕНИЕ СОБЫТИЯМИ» ПЕРВЫХ ВЕКОВ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVI в.

Одним из самых острых вопросов в изучении истории складывания Древнерусского государства является вопрос о степени дос-

товерности так называемых уникальных известий, содержащихся в памятниках историографии XVI в., но отсутствующих в более ранних русских летописях. Рассмотрение всего комплекса этих известий представляет самостоятельную исследовательскую задачу, решение которой необходимо начать с их выявления и систематизации (в историографии предпринимались попытки рассмотрения либо отдельных рассказов, либо уникальных известий отдельных памятников, например, см.: Клосс 1980. С. 183; Турилов 2006; Усачёв 2003; Флоря 2006). Ниже мы предпримем попытку ответить на более частный вопрос: какие известия по древнейшему периоду русской истории появляются в исторических сочинениях эпохи позднего средневековья и как они влияют на общий взгляд на нее?

Чудо о нетленном Евангелии и крещении Руси встречается в ряде памятников XVI в. Рассказ фиксируется в славяно-русском переводе «Паралипомена» Зонары, который послужил источником соответствующего фрагмента Русского Хронографа 1512 г. (ок. 1516–1522 гг.) (Творогов 2010. С. 75–76; ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 352). Данный фрагмент получил достаточно широкое распространение: из Хронографа он был заимствован в Никоновскую летопись (ок. 1526–1530 гг.) (ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 13); последняя послужила источником пространной редакции Жития Ольги (середина XVI в.) (ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 350 об.), из которой данный фрагмент был позаимствован составителем Степенной книги (рубеж 50-х – 60-х годов XVI в.) (Степенная. С. 228).

Сходный рассказ содержится также в славяно-русском переводе «Окружного послания» патриарха Фотия, согласно Д.М. Буланину, выполненном Максимом Греком; памятник сохранился в ряде списков середины XVI в. Его материал был включен в Степенную книгу, правда, с некоторой правкой. Если в «Окружном послании» фигурирует епископ, то в Степенной подчеркивается, что от патриарха Фотия Русь получила не одного епископа, а целую церковную организацию – митрополита и епископов. Также в соответствующий фрагмент Степенной вставлены некие безымянные «русские самодержатели», под руководством которых Русь совершила поход на Константинополь (Буланин 1981. С. 52; Степенная. С. 225).

О походах языческой Руси на соседей сочинения XVI в. содержат и иные рассказы. В наиболее концентрированном виде они представлены в 8 гл. 1 ст. Степенной книги («Царю Феодосию

брань съ Русию»). Она повествует о войнах византийского императора Феодосия Великого с «русскими воями», о походах Руси на Византию, а также о войнах Руси с царем «Хоздроем Персидским» (Степенная. С. 226; подробнее см.: Усачёв 2003. С. 352–356). Если происхождение последнего сообщения не совсем ясно, то источники прочих рассказов устанавливаются – речь идет об использовании книжником материала Чудес Дмитрия Солунского и Жития Стефана Сурожского, на которые он прямо ссылается. О войнах же неких «русских воев, преже крещения ихъ» с Феодосием сообщает послание митрополита Фотия великому князю Василию I (ок. 1410 г.) (РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 296). Цель включения рассказов об этих событиях русской истории в Степенную очевидна – ее составитель специально подчеркивает, что «и преже Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка» (Степенная. С. 225).

Легенда о происхождении Рюрика от Пруса представлена в ряде памятников: впервые она фиксируется в «Послании о Мономаховом венце» митрополита Спиридона-Саввы (10-е годы XVI в.), из которого она вошла в «Сказание о князьях Владимирских» (первая четверть XVI в.), в Воскресенскую летопись (начало 1540-х годов) и Степенную книгу; неоднократно эта легенда использовалась и в посольской документации (см.: Дмитриева 1955. С. 162, 175; Степенная. С. 221–222; Ерусалимский 2006. С. 686–685, 703, 707–708, 713–714, 717–720, 727). Вероятно, появление данной легенды на Руси было связано с фактами биографии Спиридона-Саввы, который в свою бытность в Литве, судя по всему, познакомился с преданием о происхождении литовских князей. Если последнее сообщало «о родстве литовских правителей (Гедимина и его потомков) с римским аристократическим родом Колонна, возводившим свое происхождение к античной аристократии, то русских правителей следовало поднять на большую высоту, сделав их родственниками самого императора» (Флоря 2008. С. 573–574).

Рассказ о мятеже Вадима в Новгороде вскоре после призвания Рюрика фиксируются в Никоновской летописи (под 6372 г.), из которой он был позаимствован в Степенную книгу (ПСРЛ. Т. 9. С. 9; Степенная. С. 222).

Новгородского старейшину Гостомысла упоминает «Послание» Спиридона-Саввы, которое, по-видимому, послужило источником соответствующих отрывков «Сказания о князьях Владимир-

ских» и Воскресенской летописи (6367 г.) (Дмитриева 1955. С. 162, 175; ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 262, 268).

Сообщения о княжении в Киеве Аскольда и Дира представлены в Никоновской летописи, рассказывающей об убийстве болгарина сына Аскольда (6372 г.), о голоде в Киеве и победе киевских князей над печенегами (6375 г.) (ПСРЛ. Т. 9. С. 13).

Подробности правления Ярополка Святославича в Киеве содержатся в Никоновской летописи, повествующей о его победе над печенегами (6486 г.), о приходе к нему печенежского князя Ильдея, а также о посольствах из Рима и Византии к киевскому князю (6487 г.) (ПСРЛ. Т. 9. С. 39; известие о греческом посольстве читается и в Воскресенской летописи, см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 292). Историчность, по крайней мере, двух последних известий не исключена (они подтверждается данными иностранных источников, см.: Назаренко 2001. С. 339, 356–360, 411, 433–434).

Сообщения о посольствах киевского князя Владимира Святославича представлены в Никоновской летописи. Она повествует о послах из Рима (6500 г.) и отправленных русских посланцах в Рим (6502 г.), о послах от «Болеслава Ляцкого» и «Андриха Чехскаго» (6500 г.), а также от венгерского короля (6508 г.; этим же годом Никоновская датирует и повторные посольства из Рима и Чехии). Позднее часть этих известий вошла в Степенную книгу (ПСРЛ. Т. 9. С. 64–65, 68; Степенная. С. 288, 325). Не вдаваясь во все тонкости вопроса о степени соответствия этих известий реалиям X в. (об этом см.: Назаренко 2001. С. 359–360), зафиксируем, что они служат яркими мазками на полотне истории Древнерусского государства, которое, согласно памятникам книжности XVI в., уже в древнейший период своей истории было связано дипломатическими узами с крупнейшими государствами Европы.

Известия о приходе к Владимиру печенежских князей Метигая и Кучуга впервые фиксируются в Никоновской летописи (под 6496 и 6499 гг. соответственно), из которой они были заимствованы в Степенную книгу. К этим сообщениям примыкает и рассказ о крещении в Киеве четырех князей «от Болгар», представленный в этих же памятниках (в Никоновской под 6498 г.) (ПСРЛ. Т. 9. С. 57–58, 64; Степенная. С. 288, 303).

Рассказ о богатырях князя Владимира Святославича представлен в Никоновской летописи, из которой он был заимствован в Степенную книгу. В Никоновской содержатся отдельные известия

о служащих киевскому князю «богатырях»: о смерти Рагдая Уда-лого (под 6508 г.), о победе Александра Поповича и Яна Усмош-веща над печенегами (6509, 6512 гг.), о смерти Малвреда Сильного (6510 г.) и Андриха Добрянкова (6512 г.) (ПСРЛ. Т. 9. С. 68). Со-ставитель Степенной книги материал своего источника подверг правке – летописные известия были объединены в рамках одного связного рассказа («О храбрых мужех», 65 гл. 1 ст.), а описания богатырей были дополнены библейскими характеристиками вои-нов ветхозаветного царя Давида (ср. 2 Цар.: 23: 8–39) (Степенная. С. 322–324). Как отмечается в Степенной, служащие киевскому князю богатыри ничем не уступали мужам Давида (подробнее см.: Усачёв 2009. С. 394–396, 602).

Уникальные сообщения о начале Русской церкви, представ-ленные в Никоновской летописи, из нее были заимствованы в Сте-пенную книгу. К их числу относятся рассказы о крещении Руси при патриархе Фотии, о первом киевском митрополите Михаиле и первых русских епископах (6496, 6499 гг.), о согрешившем и пока-явшемся иноке Адриане (6512 г.) (ПСРЛ. Т. 9. С. 57, 64, 68; Степен-ная. С. 287–288, 298, 300, 304, 321). Вслед за Б.М. Клоссом нельзя исключить возможность использования митрополичьих материа-лов если не во всех, то, по крайней мере, в части соответствующих рассказов (Клосс 1980. С. 183). Возможно, к числу подобных исто-чников Никоновской относились памятники церковного права, несомненно, находившиеся при митрополичьей кафедре в XVI в., при которой эта летопись и составлялась. Так, списки «Правила о церковных людях» указывали на Фотия как патриарха, при кото-ром Русь приняла крещение, а Церковный устав в некоторых ре-дакциях, как писал Я.Н. Щапов, наряду с патриархом Фотием упоминает и Михаила как первого русского митрополита (Древне-русские. С. 15–16, 19, 21, 42, 46, 54, 69, 76, 154; Щапов 1989. С. 192, примеч. 1; также см.: Назаренко 2001. С. 622).

Подводя итоги краткого обзора рассмотренных выше известий о Древней Руси, появляющихся в памятниках XVI в., отметим сле-дующее.

1. Оставляя за скобками вопрос о степени соответствия исто-рическим реалиям рассмотренных сообщений, отметим, что их включение в памятники исторической мысли давало возможность создать предельно подробный рассказ о первых веках русской исто-рии. Как явствует из «Сказания о князьях Владимирских», Ни-

коновской летописи, Степенной книги и прочих памятников, русская история оказывается гораздо более древней и в большей степени связанной с прочими странами и народами, нежели об этом повествуют ранние летописи. Вероятно, это обуславливалось стремлением книжника XVI в. конкретным историческим содержанием наполнить тезис о том, что «и прежде Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка». Как нетрудно заметить, основная часть уникальных известий относится к сфере политической истории (прежде всего, к описанию деятельности первых русских князей, в том числе и не принадлежавших к роду Рюрика).

2. Факт появления комплекса рассмотренных известий в памятниках исторической мысли XVI в. свидетельствует, с одной стороны, о желании книжников этой поры уделить большее внимание, чем их предшественники, «древности» и «славе» «русского имени» в древнейший период. С другой стороны, очевидно, что реализация этого желания стала возможной лишь благодаря двум обстоятельствам. Первым было использование при создании исторических сочинений материала известных и ранее источников для создания более полной картины древнейшего периода русской истории (Житие Стефана Сурожского, Чудеса Димитрия Солунского, памятники церковного права, послание митрополита Фотия Василию I, вероятно, материалы митрополичьего архива). Вторым обстоятельством стала активизация на рубеже XV–XVI вв. книжных связей Руси с православными балканскими странами, а также с землями, входящими в состав Великого княжества Литовского. Их следствием явилось появление на Руси списков памятников, содержащих соответствующие известия («Паралипомена» Зонары, «Послания» Спиридона-Саввы и «Окружного послания» Фотия).

Примечание

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 10-04-00260а).

Источники и литература

Буланин Д.М. «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI–XVII вв. // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. София, 1981. Т. V, вып. 2. С. 35–54.
Дмитрієва Р.Л. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976.
- Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 664–731.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РИБ – Русская историческая библиотека.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1.
- Творогов О.В.* Паралипомен Зонары: текст и комментарий // Летописи и хроники. Новые исследования, 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 3–101.
- Турилов А.А.* Русь IX–XI вв. на страницах Никоновской летописи // Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Мат-лы конференции. М., 2006. С. 80–82.
- Усачёв А.С.* Образ языческой Руси в Степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С. 349–364.
- Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.
- Флоря Б.Н.* Убийство Игоря древлянами и месть Ольги в памятниках позднего русского летописания // Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Мат-лы конф. М., 2006. С. 90–91.
- Флоря Б.Н.* Римляне на Балтийском море // Образ Византии: Сб. ст. в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 567–576.
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.

А.М. Филипчук

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ РУСОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В X в.: КОНТАКТЫ, ТОРГОВЛЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Несколько волн экспансии русов сместили к началу X в. центр притяжения их торговли в Константинополь. С этого времени от

результатов торговли с Византией зависело не только благосостояние древнерусского княжеского рода, торговых элит, но и само существование ранней Руси. Участие в столь выгодном и, судя по всему, весьма опасном занятии требовало огромных вложений, которые могли полностью окупиться только при условии содействия со стороны византийского императора. Чтобы избавиться от повальных грабежей русов, уже Лев VI Мудрый предполагал откупиться от них, выдав им хрисовул с условиями регламентации торговли и найма на военную службу. Так же поступили в последствии Роман I Лакапин и Иоанн Цимисхий. Эти три аутентичных византийских акта, которые в новейшей литературе именуются русско-византийскими договорами, не сохранились в оригинале, но волей случая дошли до нас славянском переводе, в составе «Повести временных лет» (ПВЛ). Они и являются нашим главным и порой единственным источником о роли политической элиты в процессе древнерусского политогенеза. Возникает, однако, немало сложностей: трудности перевода наименований социальных групп русов в текстах договоров, привлекательность отождествления статуса русов в Константинополе и на Руси, проблема идентификации византийских чиновников, наконец, восприятие общества русов в византийской дипломатике. Поскольку появление полного «обратного» перевода текста договоров на среднегреческий, надемся, дело уже недалекого будущего, здесь мы рассмотрим только следующие проблемы.

1. οἱ βαλτιομένοι Ῥῶς. Неизвестная для 911 (912) г., группа крещеных русов появляется только в заключительной части текста договора 944 (945) г.: *мы же елико насъ крѣтиса есмъ. кляхомсѧ цркъвю стго Ильи въ зборнѣи цркви. и прѣдълежаци чѣтныи крѣтомъ. и харотѣю сѧ. ∴ ∴ или князь. или инъ кто. или крѣченъ или не крѣченъ. да не имать ѿ Бѧ помощи. ∴ ∴ а не крѣщении Рѹсь. да полагають шиты свои и мѹи свои нагы. и шврѹчи свои* (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 41). Встретив в тексте договора упоминание о церкви св. Ильи, автор ПВЛ сделал ложный вывод, что русы клялись в Киеве, а не в Константинополе (Malin-goudi 1994. Р. 49–50): *и наѡтрѣга призва Игорь сли. и приде на холъмъ кде стоѡаше Перѹнъ. и покладоша. шрѹжыа свои и шиты. и золото. и ходи Игорь ротѣ. и мѹжи его. и елико поганъи Рѹси.*

а хрѣтианю Р҃чь водниша въ цркви стго Ильи. ꙗже естъ надъ
ручьемъ конѣць Пастыньчѣ вѣсѣды. и Козари. се во вѣ сворната
цркви (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 42). Скорее всего, для автора ПВЛ само
существование этой группы «крещеных русов» было труднообъ-
яснимым фрагментом текста договора. Его объяснение, что мнози
во вѣша Варази хрѣтиани отсылало к статье о варягах-мучениках
под 6491 г. (Там же. Стб. 69–70). Больше ничего об этой загадоч-
ной группе мы так и не узнаем из ПВЛ.

В главе II, 15 «*De cerimoniis*» (DC) в связи с описанием приема
послов, «прибывших из Тарса для обмена пленных и заключения
мира, 31 мая, в воскресенье, IV индикта» (31 мая 946 г.; о «друзь-
ях-тарситах» см.: Kresten 2000. Р. 20–34; Назаренко 2001. С. 233–
240; там же см. библиографию) специально упоминается о не-
большом отряде «крещеных росов»:

... πλόϊμοι βαστάζοντες δόρκας, φοροῦντες καὶ τὰ ἑαυτῶν σπαθία.
εἰς δὲ τὸν τρίκλινον τῶν σχολῶν ἔνθεν κάκειθεν ἔστησαν πλόϊμοι
βαστάζοντες δόρκας, φοροῦντες καὶ τὰ ἑαυτῶν σπαθία. ἔσωθεν δὲ
τῆς χαλκῆς πύλης ἔστησαν ἔνθεν κάκειθεν οἱ Τουλμάτζοι μετὰ
φλαμούλων, βαστάζοντες δόρκας, φοροῦντες τὰ ἑαυτῶν σπαθία καὶ
τοξοφάρετρα. ἔξωθεν δὲ τοῦ καγκέλλου τῆς χαλκῆς ἔστησαν πάχω-
μα, οἱ μὲν πρὸς τὸ μέρος τῶν νουμέρων, οἱ δὲ πρὸς τὴν καμάραν
τοῦ μιλίου. οἱ λοιποὶ πλόϊμοι καὶ οἱ περισσοὶ τῶν Ταλματζίων καὶ
οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς μετὰ φλαμούλων, βαστάζοντες σκουτάρια, φο-
ροῦντες καὶ τὰ ἑαυτῶν σπαθία) (DC. Р. 579.12–579.22).

Между крещеными русами договора 944 г. и οἱ βαπτισμένοι
Ῥῶς 946 г. существует связь, которая осталась без всякого внима-
ния в литературе. Не следует ли считать, что крещеные росы, слу-
жившие императорам Константину и Роману 31 мая 946 г., и были
той социальной группой, которая клялась императорам Роману,
Константину и Стефану в 944 (945) г.? На наш взгляд, положи-
тельный ответ не ведет ни к каким противоречиям. Наемный от-
ряд, οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς, если полностью положиться на краткое
замечание DC, относился к «морьякам» (πλόϊμοι) и имел собствен-
ные флаги (φλαμούλων), т.е. был уже ранее сформированным объ-
единением. Его обособленный статус среди русов не вызывает ка-

ких-либо сомнений, как и то, что крещение открыло им путь к присутствию среди гвардейских отрядов во время церемониала.

Таким образом, именно наемный отряд, крещеные росы, составили одну из групп, представители которых, приняли участие в заключении договора 944 (945) г. Этот вывод непременно должен скорректировать как наши представление о влиянии наемников на формирование политической элиты ранней Руси, так и «обратный» перевод текста договора 944 (945) г. В свою очередь мы не теряем надежды, что οἱ βαλτισιμένοι Ῥῶς заменят один из миражей современной литературы: «киевских христиан» середины X в.

2. οἱ ἀποκριτάριοι καὶ οἱ πραιποσιτοῦνται («слы и гостие»). Сфера контактов послов и гостей русов, если следовать текстам договоров, ограничивалась людьми црѣва вашего ѿместо нашего) и так называемым црѣвымъ мы*мъ. Кого из византийских чиновников следует искать под црѣвымъ мы*мъ? Впервые «цесарев муж» встречается в реконструированном автором ПВЛ договоре 907 г. (ПСРЛ. СПб., 1997. Т. 1. Стб. 31). Более подробное свидетельство о них содержится уже в тексте 944 (945) г.:

да послѣть црѣво ваше. да испишетъ имена ихъ. и тогѧ възмуть мѣсцное свое. сн слѣбное свое. а гостѣ мѣсцное свое. ѿ...: и да вхѡдѣть в горѡ шдинѣмн вороты. съ црѣвомъ мужемъ. безъ оружѣя. ѿ мужъ. и да творѣть кѹплю. тако же имъ надобѣ. и пакы да исхѡдѣть. и мужъ црѣства вашего да хранитъ ѿ (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 37)

вхѡда же Рѹсь в городъ да не творѧ пакости и не имѣють власти кѹпити паволокъ. и лишѣ по пѣтидѣсѣтъ золотникъ. и ѿ тѣхъ паволокъ аще кто кѹпитъ. да показѣть црѣвѹ мужевн. и тѣ ѿ запечатѣеть. и дасть имъ (Там же. Стб. 37–38)

Из приведенных статей очевидно, что «цесарев муж» выполняет различные функции: 1) составляет списки (ἀπογραφή) послов (οἱ ἀποκριτάριοι) и купцов (οἱ πραιποσιτοῦνται); 2) сопровождает русов от городских ворот к рынкам; 3) осуществляет контроль над их торговлей; 4) запечатывает свинцовой печатью куски шелка, купленного русами. Приписывать

всю эту деятельность одному лицу вряд ли возможно – это слишком разные по уровню ответственности и своему характеру обязанности. На наш взгляд, «цесарев муж» (ἄνθρωπος τοῦ βασιλέως) – это обобщающий «термин» для разных групп чиновников в текстах русско-византийских договоров. Таким образом, в первом случае речь идет, скорее всего, о тех мелких легатариях, которые встречаются только в DC (DC. P. 738.17, 750.8, 753.3). Другой не менее вероятный вариант – императорский нотариус и симпон (ср. печать: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ Βασιλείῳ / ἀσηκρήτῃ βασιλικῷ νοταρίῳ καὶ συμπόνῳ [Laurent II. № 1060; также: Zacos II. № 384]). В его же компетенции находилось осуществление контроля над торговлей русов в Константинополе, а именно составление списка приобретенных ими товаров с обязательным указанием цен (ср. печать: βασιλικῷ <νοταρίῳ> τῆς μετὰξως [Laurent II. № 654]).

Теперь перейдем к более загадочному фрагменту договора 944 (945) г.:

великѣи князь Рѣкъи и воеводѣ его да посылають на то въ Грекъ к великѣи цѣрѣи Грецкѣи корабля елико хотѣтъ съ послы своими и гостями тако нѣ уставлено естъ ношахѣ слы печати златѣ а гостие серебряны нѣны же ѡбѣдѣти естъ князь нашъ посылати грамотѣ къ цѣрѣи вашей иже посылаемы бѣвають ѿ нихъ послы и гостеи да приносятъ грамоту (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 36–37).

Что за печати и грамоты находились в распоряжении «послов» и «гостей»? Особенно важно то, что печать здесь точно соответствует греческому σφραγίς. Одно это обстоятельство делает частые попытки видеть в этих печатях «бронзовые бляшки-подвески» со знаками Рюриковичей или перстни с изображением птицы не состоятельными (Перхавко 2003. С. 54–55). На наш взгляд, золотые и серебряные печати послы и купцы русов получали не от киевского князя, что в принципе невозможно (поскольку сами князья используют печать не раньше эпохи Владимира Святославича), а от византийского императора или, что касается серебряных печатей, от подручных ему ведомств. Именно на такую возможность указывает Лиутпранд: «Сказав это и сделав, они поручили мне передать вам χρυσοβούλιον, то есть письмо, напи-

санное и запечатанное золотом, но, как мне думается, недостойное вас. Они передали мне также другие письма, запечатанные серебром» (Лиутпранд. С. 144). Подобную аналогию к «печатам» послов и гостей находим в условиях соглашения между императором Михаилом I и правителем болгар Крумом 812 г., согласно которым, по словам Феофана, нельзя торговать на территории Византии без сигилия и печати (διὰ στυλλίων καὶ σφραγίδων) (Theophanis. P. 775). Не соответствовали ли грамоты (τὸ γράμματιον) русов сигилию?

Источники и литература

- Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. и коммент. И.В. Дьяконова. М., 2006.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Перхавко В.Б.* Древнерусские купеческие «печати» X века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4. С. 54–55.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- DC – *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae libri 2 /* Rec. I.I. Reiske. Bonnae, 1829.
- Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. P., 1963. Vol. 2: L'administration centrale.
- Malingoudi J.* Die Russisch-Byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus Diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.
- Theophanis chronographia.* Bonnae, 1841.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals / Ed. by J.W. Nesbitt. Bern, 1984. Vol. 2.

Б.Н. Флоря

ДВА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ, ОТНОСЯЩЕМСЯ К ИСТОРИИ ПОЛЬШИ XIV в. И РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XV–XVI вв.)

1. Период развитого и позднего средневековья – время политического объединения целого ряда ранее разделенных на отдельные «земли»-княжества европейских стран. С их объединением в один политический организм перед государственной властью возникала важная задача формирования общегосударственной поли-

тической элиты, связанной с интересами государства в целом, а не только той или иной «земли». Изучение конкретного материала, относящегося к истории Польского королевства и Русского государства в эпоху, непосредственно следовавшую за объединением, позволяет говорить о двух разных путях решения проблемы.

2. Польское королевство XIV в. складывалось из ряда «земель» – бывших княжеств членов княжеского рода Пястов – со своими органами управления и иерархией должностей. Большая часть этих органов как и иерархия должностей продолжали сохраняться на протяжении всего XIV в. Как показал анализ биографий многих десятков представителей политической элиты, они занимали должности на территории той земли, где находились владения их рода и где они сменяли на должностях носителей власти своих отцов и дедов. Их продвижение по иерархической лестнице также происходило в рамках земли. Свои должности они занимали длительные сроки и покидали их, как правило, в связи с повышением на иерархической лестнице. Эта практика, согласно которой должности на территории земли могли занимать только местные землевладельцы, была узаконена Кошицким привилеем 1374 г. Даже относительно поста наместника земли (старосты), представлявшего в своем лице особу самого монарха, дворянство земли добивалось, чтобы и он принадлежал к числу местных уроженцев. В результате в первое столетие после объединения политическая элита Польши продолжала существовать как совокупность политических элит отдельных земель. Для отдельных земель создавались свои сборники законов, в международных переговорах участвовали представители знати той земли, которой эти переговоры касались. Некоторые элементы общегосударственной элиты создавались с образованием центральных органов управления, чья компетенция распространялась на всю территорию страны (королевская канцелярия, казначейство), но люди, работавшие в них, составляли лишь небольшую часть политической элиты и среди них был высок удельный вес духовных лиц.

3. Иной путь формирования общегосударственной политической элиты обрисовывается на русском материале. Правда, и здесь государство первоначально складывалось из отдельных земель – бывших княжеств, где существовали свои органы управления и свои «дворы», члены которых занимали административные должности на территории своей земли. Так обстояло дело в Твер-

ской земле в конце XV в., но уже в 1504 г. правитель не посчитался с интересами Тверской земли, разделив ее между своими сыновьями. В дальнейшем четко обозначилась политика, резко отличная от политики польских правителей. Источники позволяют проследить на разных уровнях последовательную практику, когда представители политической элиты, как правило, получали административные должности не там, где находились их родовые владения, а сами должности предоставлялись на достаточно краткие сроки. В этих условиях управление территорией оказывалось в руках людей, не связанных с местным обществом. В отношениях с населением такой администратор мог рассчитывать лишь на поддержку власти, от которой он получил свою должность. Все это способствовало тому, что член политической элиты общества переставал воспринимать себя как традиционного представителя верхушки своей земли и ее особых интересов, а становился участником формирующегося общегосударственного аппарата. Формированию общегосударственной элиты способствовала практика пожалований за службу земель на поместном праве на тех территориях, где у них не было родовых владений. Так укреплялась их связь с государственной властью и одновременно они становились видными фигурами в обществе разных земель. Ко второму десятилетию XVI в. в состав Боярской думы – высшего органа власти в Русском государстве – вошли представители знати разных регионов России. К середине столетия окончательно сложился «двор» – организация, объединявшая в своем составе верхи дворянского сословия со всей территории Русского государства. В составе двора люди делились на группы в соответствии с местонахождением их владений, но при этом получали военные и административные назначения, никак не связанные с территорией, где эти владения находились.

4. Обозначившиеся различия в политике государственной власти по отношению к социальной верхушке общества есть основания связывать с разным уровнем развития светского землевладения и разным характером его статуса в обеих странах. В Русском государстве большую часть земельного фонда составляли государственные – «черные» земли, которые раздавались в кормления боярам и детям боярским. Это давало государственной власти в России сильные рычаги воздействия на социальную элиту. В Польше, где большая часть земельного фонда находилась в руках

светских и духовных землевладельцев, а система кормлений практически распалась, государственная власть таких рычагов воздействия не имела. Не имела место в Польше и практика земельных пожалований на разных территориях, которая способствовала бы формированию общегосударственной элиты. В отличие от русских землевладельцев, польские приобрели в период политической раздробленности широкие податные привилегии, которые они сохранили за собой и в едином государстве. В этих условиях государственная власть стремилась укрепить свои позиции, расширяя территорию домена и повышая его доходность. Разумеется, отдельные пожалования представителям знати имели место, но такой способ воздействия на политическую элиту не мог получить широкого распространения.

А.А. Хлевов

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВОИНСКОЙ ЭЛИТЫ В НОРВЕГИИ РИМСКОГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

«Североевропейский путь» политогенеза позволяет говорить о наличии вполне аутентичной модели общественного развития. Трансформация родового общества Северной Европы в раннегосударственное приобрела ощутимую динамику лишь в конце I тыс. н.э. Но деятельность конунгов-«собирателей земель» – яркая и драматичная – является лишь завершением процесса, регистрацией, постановкой точки. В известном смысле возникновение государства в Северных Странах – лишь процесс узурпации и концентрации доселе рассеянной власти в руках наиболее харизматичных и/или агрессивных конунгов.

Можно выделить четыре важнейших аспекта раннего политогенеза: демографический, ландшафтно-хозяйственный, сакральный и военный. Остальные составляющие процесса в той или иной степени поглощаются перечисленными аспектами и распределены между ними. Аграрность и повышенная конфликтность стали причиной формирования весьма специфических социальных структур феодального типа. Этот процесс может быть представлен и как генезис профессиональной и эффективной военной элиты в условиях достаточно острого дефицита ресурсов. Начальная его фаза прослеживается вполне детально на материале скандинавской истории и археологии.

Непосредственно после начала нашей эры в Северной Европе развивается весьма обширная внутренняя колонизация. Очевидны расширение вовлеченных в хозяйственный оборот земель и демографический рост. Если учесть, что отток населения на континент в эти столетия должен был быть весьма существенным, то описанный процесс был еще более масштабным. Около 200 г. н.э. происходит стабилизация этой активности. Видимо, именно в этот период сложилась поселенческая структура и связи между микрорегионами, которые будут актуальны в течение нескольких столетий.

Норвежский вариант политогенеза в период римского железного века (I–IV вв.) наименее изучен. Можно с уверенностью говорить о наличии четырех регионов устойчивого и продолжительного заселения на территории Норвегии в первые века н.э., где складывались предпосылки появления локальных элит и протогосударственной традиции. Это, прежде всего, берега Осло-фьорда и тянущиеся от него к северу (как продолжение фьорда) озерные долины вплоть до Вальдреса, окрестностей оз. Мьоса и верховий Согне-фьорда. Далее – юго-запад страны и всего Скандинавского полуострова – регион Агдир–Ругалани–Хёрдалани. Кроме того, несомненно, существовали многочисленные поселения на территории Трённелага и на южной оконечности Лофотенского архипелага. Этими регионами не ограничивалась демография архаической Норвегии в целом (Skre 1996. Р. 55), однако трудно говорить о политогенезе за их пределами. В этих областях наличие традиционной власти земельных конунгов надежно фиксируется либо позднейшей письменной традицией, либо явственными археологическими следами социальной дифференциации.

Это регионы, непосредственно прилегающие к морским пространствам или расположенные (как Вальдрес) на берегу внутриконтинентального фьорда. Три зоны из перечисленных отличаются наличием достаточных (по норвежским меркам) земельных ресурсов. За исключением Лофотен, региона относительно поздней колонизации, повсеместно наличествуют или земли долин, или равнинные участки, лежащие в вершинах фьордов, либо на их берегах.

Фонд земель, которые могли становиться объектом передела, отчуждения, обложения рентой или нерегулярных взиманий даней, создавал более благоприятные условия для расширения властных полномочий и appetитов старой родовой аристократии. С другой стороны, внешняя открытость регионов предоставляла их

обитателям возможность достаточно легкого выхода на оперативный простор, что провоцировало нападения жителей фьордов на заморские территории (прежде всего Ютландию и зону Датских проливов) и оформление профессиональных дружин. Внутренние долины такой возможности не давали, возможности внутреннего грабежа здесь были ограничены, в силу чего глубинные регионы полуострова в перспективе оказывались пассивным элементом в процессе политогенеза.

В III–VI вв. военная активность в Северных странах не снижается. Об этом свидетельствуют как многочисленные жертвоприношения военной добычи в болотах, так и продолжающиеся захоронения с оружием (Randsborg 1995. Р. 47–60). Все большее значение приобретают укрепленные поселения – такие как Рунса (Уппланд, Центральная Швеция) или многочисленные укрепленные поселения на Эланде. В девяти из них обнаружены следы постоянного проживания людей, нередко весьма значительные. В Экторпе раскопано 53 длинных дома с резиденцией вождя в центральной части, в Исманторпе – 83 длинных дома (Bente 2003. Р. 14). Эти укрепления – часть системы властных структур, основанных на мелкой дружинной организации, в которую также входили большие курганы с захоронениями вождей и камерные погребения.

Интересна интерпретация массовых находок оружия в болотах. Так, болото в Иллерупе (Южная Ютландия) содержит уникальную коллекцию из 15 000 предметов вооружения (в основном 200–500 гг.); значительная группа артефактов связана с предполагаемым вторжением армии из Южной Норвегии. Вероятно, взятое в качестве трофеев вооружение этой армии (не менее 1000 человек на нескольких десятках кораблей) и было в начале III в. затоплено в озере. В дальнейшем эта «коллекция» многократно пополнялась путем аналогичных жертвоприношений более скромного масштаба.

В 1990-е годы были предложены решения по соотношению качества декора оружия с социальным статусом его владельца (Ilkjaer 1990, 1993; von Carnap-Bornheim, Ilkjaer 1999). Амуниция, снабженная серебряными украшениями с золотым покрытием, связывалась с предводителями армий. Более многочисленные владельцы оружия с бронзовыми украшениями идентифицировались как «офицерский корпус», профессиональные дружинники. Наконец, простым железным оружием, по мысли авторов гипотезы, владели рядовые воины. Основанием для такой классификации вы-

ступили количественные показатели каждой категории оружия: элитарные комплекты исчисляются в 5–6 единиц, им соответствуют 35–40 комплектов среднего уровня и около 350 наборов вооружения рядовых воинов. 12 наборов конской упряжи были соотнесены с соответствующим процентом всадников (см. также: Stylegar 2007). Сходная с Иллерупом картина прослеживается в Эйсбёле (Jensen 2003. S. 571). Процентное соотношение находок различных прослоек воинов иное, однако различия эти не носят качественного характера. Соотношение между высшим и средним сословием воинов примерно 1:8, и почти такое же соотношение между средней и низшей категорией воинов. Аналогии с системой римских *contubernium* («отделений») интересны, однако к ним следует относиться с известной осторожностью: сомнительно столь буквальное копирование имперских воинских структур.

Другая категория археологических памятников, имеющих прямое отношение к данному вопросу – погребения с оружием. В Дании и Южной Скандинавии число погребений с оружием постоянно возрастает в период раннего римского железного века (до 7%), снижаясь в позднеримский период до 2%. Примечательно, что дольше всего традиция удерживается именно на Западе Южной Норвегии, в Вестфольде и Телемарке, а также вокруг озер Мьоса и Раннсфьорд. Интересны и продуктивны попытки идентификации социального статуса по разнообразию номенклатуры оружия в погребальном инвентаре, наличию или отсутствию шпор и т.д. (Hedeager 1992. P. 160; Jorgensen 1988. P. 17–53 и др.). Явным минусом этой методики является необходимость закрытых комплексов для сколько-нибудь убедительного анализа, что в норвежских условиях встречается нечасто. Кстати, именно для юго-восточных регионов Норвегии характерен весьма слабый разрыв между численностью групп воинов, снабженных одним, двумя и тремя видами вооружения (по данным Ф.-А. Стюлегар – 41%, 27% и 32% соответственно). Возможно, такие показатели – следствие милитаризации общества, насыщения его большим количеством предметов вооружения. При оценке находок по богатству декора наблюдается очень близкое сходство между датским и норвежским материалом. В Дании и Норвегии доля высшей категории воинов, соответственно, 1,5% и 0,7%, средней – 9% и 12%, неприлеγειрованной – 89% и 88%.

На основании высокой степени унификации массового рядового вооружения в Иллерупе был сделан вывод о централизованном снабжении из вождеских «арсеналов» больших контингентов скандинавских войск. Возможно, мы в состоянии примерно локализовать точки, где могли происходить такие события.

Вызывают чрезвычайный интерес не менее 22 поселений с кольцевой планировкой (*tunanlegg, ringformet tun*), обнаруженные на побережье фьордов Юго-Запада и Запада Норвегии, от Агдира до северных фюльков (Grimm, Stylegar 2004. P. 111–121; Skre 1996. P. 58–62; Johansen, Søbstad 1978. P. 11–25). Группы строений вытянутой формы образуют круг или овал с площадью в центре, на которую выходят расположенные на торцах зданий двери. Сомнителен их аграрный характер и, напротив, – очевидна связь с резиденциями будущих конунгов и локальной элиты. Судя по всему, подобные комплексы жилищ, вмещавшие от 150 до 300 человек (Johansen, Søbstad 1978. P. 47–51), и являлись теми пунктами, где собирались крупные подразделения, в дальнейшем сливавшиеся в армии, устремлявшиеся в морские походы в первые века нашей эры. Эта категория памятников выступает, таким образом, как дальний прообраз знаменитых датских круглых лагерей X–XI вв.

Таким образом, даже беглый взгляд на исторические процессы рассматриваемого времени подтверждает характеристику этого социума как стоящего на стадии классической военной демократии, постепенно кристаллизирующей внутри себя устойчивые властные структуры и военную элиту. Устойчивое соотношение между высшим, средним и низшим сословиями воинов в примерной пропорции 1:9:89 заставляет вспомнить термин «херад» («сотня») как базовую единицу земельного, административного и воинского устройства. Это, кажущееся чересчур условным, соотношение, на самом деле, строго выдерживалось, если говорить о взрослом боеспособном свободном мужском населении Северной Европы. Картографирование подобных первичных очагов власти на сегодняшний момент представляет вполне разрешимую задачу, а Норвегия неожиданно предстает как весьма многообещающее поле для такого рода исследований.

Литература

Bente M. Dwellings and Settlements: Structure and Characteristics. The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century // An Ethnographic Perspective. Melton Woodbridge, 2003.

- Grimm O., Stylegar F.-A.* Court Sites in Southwest Norway – Reflection of a Roman Period Political Organisation? // Norwegian Archaeological Review. 2004. Vol. 37, issue 2. P. 111–133.
- Hedeager L.* Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford, 1992.
- Ilkjaer J.* Illerup Aadal. Die Gurtel. Aarhus, 1993.
- Ilkjaer J.* Illerup Aadal. Die Lansen und Speere. Aarhus, 1990.
- Jensen J.* Danmarks oldtid. Aldre jernalder 500 f.Kr–400 e.Kr. København, 2003.
- Johansen O.-S., Søbstad T.* De nordnorske tunanleggene fra jernalderen // Viking. 1978. Vol. 41. P. 9–56.
- Jorgensen L.* Family Burial Practices and Inheritance Systems. The Development of an Iron Age Society from 50 BC to AD 1000 on Bornholm // Acta Archaeologica. København, 1988. N 58.
- Randsborg K.* Hjortspring: Warfare and Sacrifice in Early Europe. Aarhus, 1995.
- Skre D.* Raknehaugen. En empirisk loftsrydding // Viking. 1997. Vol. 60. P. 7–42.
- Skre D.* Rural Settlements in Medieval Norway, AD 400–1400 // Ruralia 1. Supl. 5. Praha, 1996. P. 53–71.
- Stylegar F.-A.* Scandinavian Armies in the Late Roman Period // <<http://arkeologi.blogspot.com/2007/11/scandinavian-armies-in-late-roman.html>>.
- von Carnap-Bornheim C., Ilkjaer J.* Import af romersk militaerudstyr til Norge i yngre romertid // Et hus med mange rom. Stavanger, 1999. Vol. A.

В.М. Хусаинов

КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ «ЗАКОН О ВИРАХ» И ДАТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА XII–XIII вв.

Согласно традиционному представлению датских историков конца XIX – XX в. об эволюции государственности в Дании, комплекс источников, фигурирующий в датской историографии под названием *Vederlov* («Закон о вирах» – мой вольный перевод), рассматривается как свидетельство институирования датской знати (*Aristokrati*) в особую общественную силу, наряду с королевской властью (*Kongemagt*) и церковью (*Kirke*). Считается, что окончательное оформление в качестве политического института датская знать получила в середине XIII в., что зафиксировано в 1282 г. в манифесте короля Эрика V Клиппинга (1259–1286) об учреждении датского парламента (*Hofили Danehof*). В то же время в датской историографии принято считать «Закон о вирах» одним документом, сохранившимся в трех различных вариантах – Wither-

lax gæt («Право закона о вирах») [WR] на древнедатском языке, «Lex curiae» Свена Аггесена («Закон двора») [Sven LC] и «Lex curiae» Саксона Грамматика [Saxo LC] на латыни. Предполагается, что все три варианта были составлены на исходе бытования этого памятника, не позднее времени правления Вальдемара I Великого (1157–1182) и его преемника Кнута VI (1182–1202).

Действительно, три указанных текста настолько близки по смыслу и содержанию, что их родство не может вызвать никакого сомнения, и их можно назвать вариантами одного документа, раскрывающего отношения внутри средневековой датской знати. Однако к этому своеобразному «ядру» цикла «Закон о вирах» примыкают указы датских королей середины XIII в., содержащие в себе нормы, развивающие положения вышеназванных текстов о штрафах за преступления, совершенных в рамках королевского двора – это указ короля Абеля (1250–1252) от 1251 г. [AF 51], указ короля Кристофера I (1252–1259) [ChF], два специальных указа Кристофера I [ChFoM] и Эрика V [EGFoM] о преступлении против величества. (В историографии нет единого мнения о том, каким временем следует датировать эти указы. Я принимаю датировку, предложенную Э. Кроманом в DR). При исследовании «Закона о вирах» эти документы незаслуженно упускаются из вида.

По моему убеждению, все перечисленные источники (три варианта «Закона о вирах» и более поздние королевские указы) следует рассматривать как единый цикл памятников, генетически связанных между собой и сохранявших актуальность по меньшей мере до конца XIII в. В доказательство этого тезиса мне бы хотелось рассмотреть здесь проблему преемственности на терминологическом (адресаты законодательства) и концептуальном (развитие нормы *læsæ majestatis*) уровнях. Вопрос о соотношении данного цикла документов с манифестом короля Эрика V 1282 г. не будет мною затронут, поскольку он требует отдельного и исключительного внимания.

Рассматривая те термины, которые используются в указанных источниках для обозначения адресатов законодательства, можно составить следующую таблицу:

Таблица 1

	Sven LC	Saxo LC	WR	AF 51	ChF	ChFoM	EGFoM
Группа в целом	curialis societates et confederatio Witterlog mannæ	aula, (tota) militia, clientela, curia, milites	witherlaxmen, witherlag, Hird	communitas curie	communitas curie	witherlagh	—
Отдельный представитель группы	curialis militarius, miles, sodalis, commilito	Miles commilitio vir	Ænner	Decurio	Decurio	—	—
Лицо, вокруг которого организуется группа	princeps, dominus, rex	princeps, rex	kunung, hætwarth æ men, herr	—	—	—	—

Таблица 1 показывает прямую ассоциативную связь между терминами, имеющуюся, по крайней мере, в трех источниках – Sven LC, WR и ChFoM, в которых используются аналогичные термины для обозначения правового сообщества, называемого *witherlag*. В Saxo LC, AF 51 и в ChF соответствие не столь очевидно. Но все же смысловая общность терминов *aula*, *curia*, *communitas curie* и *curialis societas et confederatio*, а также *curialis* и *decurio* и проч., показывает, что с высокой долей вероятности речь во всех представленных источниках идет об одной и той же группе людей, названной датским термином *Witterlog mannæ*. Однако только в Sven LC, Saxo LC и WR представлены нормы исключительно для данной группы людей. В AF 51, как и в ChF только две статьи посвящены преступлениям «декурионов», а адресат двух указов о преступлении против величества ChFoM и EGFoM в текстах самих грамот конкретно не указан (*siquis* – *если кто*).

Обе последние грамоты касаются преступлений об оскорблении величества (*læsæ majestatis*), которые также рассматриваются во всех исследуемых источниках, предшествующих данным указам, за исключением ChF, что не идет вразрез с общей картиной, т.к. ChFoM можно считать логическим продолжением ChF. ChF во многом аналогичен предшествующему AF 51, но многие статьи в нем доработаны и систематизированы. Отсутствие в нем положений, посвященных *læsæ majestatis*, которые присутствуют в AF 51, компенсируется наличием другого указа Кристофера I, а именно ChFoM, специально посвященного проблеме преступлений против величества, где аналогичные нормы AF 51 значительно расширены и конкретизированы (развитие нормы о преступлениях против величества представлено в Таблице 2).

Первые пять документов направлены против преступлений в отношении короля, в то время как шестой – в отношении своего господина, коим не обязательно является король (хотя король и участвует в деле как истец). Первые документы объединяет также аналогичность наказаний за преступление против величества – смерть и лишение имущества, причем под смертью также понимается не только физическая, но и «гражданская» казнь, подразумевавшая исключение из правового пространства *witherlag*. Процесс обвинения происходит аналогично: истцом является король, но он не судит – вынесение приговора предоставляется равным по статусу обвиняемому людям, представителям *witherlax men*.

Таблица 2

Предмет обвинения (а)	Saxo LC	Sven LC	WR	AF51	ChFoM	EGFoM
	а) предательство короля	а) предательство господина	а) предательство господина	а) оскорбление величества (без конкретизации)	а) измена королю, убийство короля, попытка убийства короля	а1) заговор с целью убийства господина а2) обвинение в династических браках, повлекших тяжёлые последствия, о которых не было сообщено господину. а3) обвинение в переходе к другому господину без ведома первого. а4) обвинение в косвенном участии в заговоре, повлекшем ущерб для здоровья и имущества господина. а5) попытка силой решить ис-

Стороны конфликта (b)	b) сообщество воинов – обвиняемый (король выступает только слушателем дела)	b) король – обвиняемый	b) король – обвиняемый	b) король – обвиняемый	b) Король (епископы, герцог, королева, королевские дети, королевская свита) – обвиняемый	b) господин – обвиняемый	ход судебного процесса аб) убийство на тинге или в церкви
Кто подает иск (с)	с) представители от сообщества воинов	с) король против обвиняемого	с) король с помощью двух человек трижды призывает обвиняемого на сход хускарлов; король доказывает вину подсудимого в его присутствии на	с) король против обвиняемого	с) два человека «наибольшей славы», проживающие в одном сюэссе с обвиняемым, называют 15 из withírlagh, которые клятвенно обвиняют	с) обвинение выдвигается королем, король может называть соприкасающихся в иных случаях, как правило виновник сам должен называть соприкасающихся. с1) обвиняемый	

			сходе хускарлов с помощью свидетельства двух человек из <i>witherlag</i> и святой клятвы; очищение от обвинения (даже после неудачной попытки обвинения со стороны короля) посредством божьего суда (раскаленное железо)		очищает себя с клятвой 12 названных человек, и еще трое из любого <i>worthæ!</i> с2) обвиняемый очищает себя с клятвой 12 человек из своего <i>worthæ!</i> , назначенных королем
					няют или очищают обвиняемого; трое из них могут быть удалены подсудимым, взамен вызываются другие. Возможность признания виновным только по познанию. Обвинение представляется в окружении области права
					d1) главная часть имущества; обвиняемый переходя во власть короля d2) штраф сто
Наказание (d)	d) смертная казнь или изгнание с потерей всего	d) смертная казнь или изгнание с потерей всего	d) в случае отказа явиться на сход хускарлов – изгнание из страны и лишение всего	d) потеря главной части имущества, движимого и недвижимого, и	d) смертная казнь с лишением имущества в пользу казны, или возмож-

	имущест- ва. Изгна- ние пред- почти- тельное. При из- гнании осужден- ный теря- ет непри- косновен- ность и всякий при встрече должен его убить под стра- хом ана- логичного наказания.	имущест- ва. При изгнании осужден- ный теря- ет непри- косновен- ность и всякий при встрече должен его убить под стра- хом ана- логичного наказания.	имущества пользу короля. В случае обви- нения – выход из Witherlag, лишение жизни и имущества.	лишение жизни через повешение.	ность бежать с лишением имущества в пользу казны. Имущество не записы- вается пат- римонию короля. В случае при- знания ви- новным по подозрению имущество переходит к родичам, ес- ли это не бу- дет, в свою очередь, опасно для короля и страны.	марок серебра господину. d3) лишение главной части имущества в пользу короля. d4) восстано- вие ущерба гос- подину. d5) лишение главной части имущества и пе- редача престул- ника во власть короля. d6) лишение главной части имущества и пе- редача престул- ника во власть короля.
--	---	--	--	--------------------------------------	---	---

Таким образом, единообразие нормы *læsæ majestatis* в пяти представленных источниках (Sven LC, Saxo LC, WR, AF51, ChFoM) свидетельствует о том, что все они имеют своим субъектом группу *witherlag*, а значит статья грамоты AF 51 [10], посвященная преступлению против величества, и грамота ChFoM являются продолжением «Закона о вирах». Более того, структура текста грамоты AF 51, где статьи 9 и 11 о *decurio* обрамляют статью 10 о *læsæ majestatis*, дает возможность предположить, что все три статьи адресованы одним и тем же лицам, т.е. *witherlax men*, к которым можно приравнять группу людей, обозначенных термином *decurio*. Следовательно, *decurio* в ChF [1–2] – это люди, называемые другими источниками *witherlax men*.

«Закон о вирах» тем самым представляется сложным правовым актом, включающим комплекс более поздних источников, развивших юридические нормы, призванные регулировать отношения между элитной группой и королевской властью. Этот комплекс сохранял актуальность на протяжении всего XIII в., но стал особенно востребованным в преддверии попытки учреждения датского парламента. Это обстоятельство делает вполне справедливым вопрос о соотношении «Закона о вирах» с манифестом короля Эрика V 1282 г.

Источники

- AF 51 – 1251. Omkr. 26 marts (?). kong Abels forordning // DR. S. 43–47.
ChF – 1252–1259. Christoffer I.s forordning // DR. S. 50–54.
ChFoM – 1251–1259. Christoffer I.s forordning om majestætsforbrydelse // DR. S. 58–60.
DR – Den Danske Rigslovgivning indtil 1400 / Udg. ved E. Kroman. København, 1971.
EGFoM – 1276. 9 oktober. Erik Glippings forordning om majestætsforbrydelse // DR. S. 60–61.
Saxo LC – Saxos gengivelse af Vederloven i Gesta Danorum // DR. S. 34–41.
Sven LC – Sven Aggesens latinske skrift om Vederloven // DR. S. 5–34.
WR – Vederloven // DR. S. 1–5.

Литература

- Arup E. Danmarks Historie. København, 1925. Bd. 1; 1932. Bd. 2.
Christensen A.E. Kongemagt og aristokrati. Epoker i middelalderlig dansk statsopfattelse indtil unionstiden. København, 1945
Christensen A.E. Tiden 1042–1241 // Gyldendals Danmarks Historie. København, 1977. Bd. 1. S. 211–399.

Jørgensen P. Dansk Retshistorie. København, 1940.

Koht H. Det nye i norderlendsk historie kringom år 1300 // Scandia. 1931. Bd. 4. S. 171–183.

Paludan H. Tiden 1241–1340 // Gyldendals Danmarks Historie. København, 1977. Bd. 1. S. 401–511.

В.Н. Чхаидзе

ТМУТАРАКАНЬ В XI в. И ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ

В отечественной историографии нередко встречается мнение, что территория Восточного Крыма с центром в Боспоре-Корчеве в XI в. была подчинена Тмутаракани. В качестве аргументов рассматриваются: факт измерения князем Глебом в январе 1068 г. «моря по льду от Тьмутороканя до Корчева», запечатленный на Тмутараканском камне, сведения летописи о сборе князем Ростиславом Владимировичем дани «и с иных стран» и находки в Керчи ряда монет и печатей, связываемых с пребыванием в Тмутаракани русских князей Ростислава Владимировича (?) и Олега Святославича, а также посадника Ратибора.

Так, еще А.Ю. Кулаковский полагал, что князь Глеб Святославич измерил расстояние между двумя частями своего княжества (Кулаковский 1902. С. 133). В.В. Мавродин прямо писал об экспансии в Таврику Ростислава Владимировича (Мавродин 1938. С. 251). А.Н. Насонов склонялся к возможности существования владений русских князей в Крыму (1940. С. 93, 96); с этим был согласен и А.Л. Монгайт (1963. С. 59–60). Таким образом, вплоть до сегодняшнего дня прочные позиции занимает мнение, что «Тмутараканское княжество» включало в себя территорию от Восточного Крыма и вплоть до предгорий Кавказа, являясь «крупным политическим центром, располагавшим силами чуть ли не всего юго-востока европейской части нашей страны» (Артамонов 1962. С. 440). Согласно А.А. Медынцевой, Тмутараканский камень – надпись, имеющая «назначение: всенародно засвидетельствовать права Глеба Святославича на тмутараканский престол, а также распространение власти князя на западное и восточное побережье Керченского пролива» (Медынцева 2000. С. 221). Возможность перехода Боспора под власть Тмутаракани в 60-е годы XI в. допускали А.В. Гадло (2004. С. 164, 271) и В.П. Степаненко (1993. С. 254–

255). Можно отметить, что эта версия сегодня принимается исследователями априори (Хапаев 2008. С. 238–249; Майко 2009. С. 285; Бабаев 2009. С. 23; и др.), вследствие чего появляются утверждения, что границы Тмутаракани простирались от Восточного Крыма «до устья р. Большой Егорлык, впадающей в р. Маныч, правый приток Дона» (Артеменко 2009. С. 23–30). Допускается также, что и присутствующие на стенах гробницы Царского кургана славянские граффити являются свидетельством присоединения земель Восточного Крыма к Руси (Амелькин 2001. С. 254).

Следует отметить, что концепция, изложенная А.В. Гадло в целой серии статей, а также в итоговой монографии, довлеет практически над всеми современными исследователями, обращающимися к изучению истории Тмутаракани. Узловыми постулатами этой концепции выступают, в основной своей массе, сформированные на большом количестве логических построений выводы исследователя о существовании в Тмутаракани выборной власти, в частности – автократичной территориальной (городской) общины-государства, о полном светском и духовном главенстве русского князя, а также о Тмутаракани, как крупном территориальном образовании в Северо-Восточном Предкавказье (Гадло 2004. С. 248–266). При этом большинство гипотез исследователя, не подкрепленных источниками, являются остроумными, но шаткими предположениями (Чхаидзе 2006. С. 163).

Идея А.В. Гадло доводится до абсурда, когда без каких бы то ни было оснований проводится параллель с Новгородской и Псковской «республиками», а Тмутаракань называется центром русской волости, где помимо князя, располагался совет старейшин и даже народное собрание – вече. Вывод: по политическому устройству Тмутаракань ничем не отличалась от остальных городов Киевской Руси (Цыганков 2006. С. 117–122).

Между тем, мнение о том, что Тмутаракань не могла являться русским княжеством, впервые высказал Н.Ф. Котляр, мотивируя свою точку зрения тем, что близлежащие территории не являлись «окняженными» и на них «не распространялась ни княжеская администрация, ни система сбора дани, ни княжеский суд». В древнерусских памятниках Тмутаракань никогда не выступает в значении политонима – государственно-территориального образования, скорее это понятие историко-географическое (Котляр 2005. С. 110, 121). Те сведения, которые предоставляют источники в отношении

внутреннего устройства Тмутаракани, не позволяют проводить параллели между Тмутараканью и Киевским, Черниговским, Переяславским и прочими княжествами. В силу этого, учитывая, что Тмутаракань представляла для Киевской Руси главным образом экономический интерес, можно утверждать, что русские князья, пребывавшие в городе, выполняли функции посадников и главной их задачей являлось сохранение контроля Киева над одним из важнейших торговых путей, ключевым центром которого и являлась Тмутаракань – «русский центр власти в иноязычной иноплеменной среде» (Котляр 2005. С. 108–111; Кабанец 2005. С. 122). Князья именно сажаются (т.е. назначаются) в Тмутаракань из Киева или Чернигова. При этом ряд русских князей, которые во время династической междоусобицы утверждаются в городе самостоятельно, не признаются легитимными правителями в метрополии – Киеве или Чернигове. Именно такое положение русских князей (титул тут употребляется только как показатель принадлежности к роду Рюриковичей), выступающих лишь в качестве наместников в Тмутаракани, а также князей-изгоев, заставляет их использовать город исключительно как плацдарм для сбора сил и выдвижения на Русь, в целях борьбы за отчины и княжеский статус.

У нас нет данных, позволяющих говорить о специфике статуса русской власти в Тмутаракани, о наличии каких бы ни было партий в городе и, тем более, о том, что русские князья могли рассматривать Тмутаракань как свою «отчину» (Гадло 2004. С. 248–284; Котляр 2005. С. 114). Наоборот, можно полагать, что население Тмутаракани по крайней мере два раза выступало на стороне центральной власти в русской метрополии. Таким образом, прочно укрепившееся в сознании исследователей представление о Тмутаракани как о русском княжестве должно рассматриваться с известными оговорками.

Обращаясь к вопросу об «окняженной» территории, важно отметить, что территория Тмутаракани была ограничена естественными пределами острова, на котором и располагался город, т.к. в древности Таманский полуостров состоял из пяти–шести (число менялось) дельтовых остров Кубани, разделенных лиманами и протоками – в Житии Феодосия Печерского как раз говорится о «тмутараканском острове».

На основании имеющихся источников, есть все основания полагать, что ромейский Боспор (или как называли его в Тмутаракани

ни – Корчев), как и весь Восточный Крым, с 60-х годов X в. и вплоть до первой трети XIII в. оставался под управлением Византийской империи. Целый ряд исследователей, основываясь на сведениях имеющихся источников, не подвергали сомнению этот факт (Васильевский 1915. С. CLXVI; Васильев 1927. С. 253–269; Левченко 1953. С. 223; Кабанец 2005. С. 123; Чхайдзе 2006. С. 145).

Русское название «Корчев» (об этимологии более раннего топонима см.: Могаричев и др. 2009. С. 97–98, причем. 17), встречающееся в надписи на камне, конечно, не может являться свидетельством подчинения этого города Тмутаракани (пример – Корсунь, Сурожь). Также Корчев фигурирует в церковнославянских переводах нескольких византийских агиографических памятников, где соответствует Бо-спору греческого оригинала: Феодора Студита (*vita* A; старший список – Выголексинский сборник конца XII в.), Стефана Сурожского и апостола Андрея, составленного Епифанием Монахом (по Макарьевской Минее четьей).

Обнаруженные в Керчи монеты и печати, связанные с Тмутараканью, всего лишь являются показателем товарно-денежных отношений между Тмутараканью и провинциальным византийским городом. Измерение же Керченского пролива князем Глебом, вопреки расхожему мнению, согласно которому Глеб устанавливал расстояние между двумя частями своего княжества, вполне может являться лишь символическим определением расстояния между Европой и Азией (Рыбаков 1964. С. 18). Не говоря уже о том, что к середине XI в. Византия значительно упрочила свои позиции в восточном Крыму, о чем свидетельствует неоднократно упоминавшаяся исследователями строительная надпись «страти́га Херсона и Сугдеи» Льва Алиата (Латышев 1896. С. 17). Можно говорить о взаимовыгодном экономическом взаимодействии Тмутаракани и юго-восточной Таврики, но никак не о политической зависимости полуострова и уж тем более не о «своеобразном кондоминиуме» Византии и Руси на этих территориях (Майко 2009. С. 277, 293–285).

Тмутаракань – эфемерное государственное образование, в котором очень многое зависело от политики Византии, рассматривавшей город с окружающими территориями как свое владение, на короткое время получившее статус варварской архонтии. При этом ресурсы Тмутаракани являлись весьма ограниченными, т.к. экономическое процветание зависело от торговли с империей и через ее

посредство. Политические же амбиции русских наместников или самовольных правителей не соответствовали их реальным возможностям и опирались лишь на внешние атрибуты власти, копируемые с византийских образцов (монеты и печати). Закономерным итогом видится переход города под суверенитет Византии в конце XI – начале XII в. При этом непосредственная территория Тмутаракани не выходила за границы современного Таманского полуострова, который так же носил название Тмутаракань. Следовательно, нет никаких оснований называть территории Крыма, Северо-Западного Предкавказья и Южного Приазовья районом «Тмутараканского княжества» (Гадло 2004. С. 244–246). Излишне говорить, что подобные зыбкие утверждения бесконечно далеки от действительной проблемы политического статуса Тмутаракани; проблемы, которая может быть решена только с опорой на существующие исторические источники.

Литература

- Амелькин А.О.* «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 г. М., 2001.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Артеменко Е.Д.* Некоторые замечания к вопросу о Боспоре-Корчеве во второй половине XI – начале XII века // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Бабаев К.В.* Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму // Известия Гос. академии истории материальной культуры. Л., 1927. Т. 5.
- Васильевский В.Г.* Введение в житие св. Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г.* Труды. Пг., 1915. Т. 3.
- Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Кабанец Е.П.* К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. 2.
- Котляр Н.Ф.* Тмутараканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 г. М., 2005.
- Кулаковский Ю.А.* К истории Боспора (Керчи) в XI–XII веках // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899 г. М., 1902. Т. 2.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

- Левченко М.В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // Византийский временник. М., 1953. Т. 7.
- Мавродин В.В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1938. Т. 11.
- Майко В.В.* Сугдея второй половины X – XI в. между Византией и Тмутараканью // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
- Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Насонов А.Н.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. М., 1940. Т. 6.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. (Свод археологических источников; Е1-44).
- Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани в 80–90 гг. XI в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3.
- Хапаев В.В.* Славянская диаспора в средневековом Крыму: к преодолению историографических иллюзий // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. 3.
- Цыганков С.А.* Политическое устройство древнерусской Тмутаракани // Вестн. Удмурт. ун-та. История. Ижевск, 2006. № 7.
- Чхандзе В.Н.* Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2006. Вып. 6.

А.В. Шеков

ЛИЧНОЕ КНЯЖЕСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

Образование индивидуальных княжеских владений в Древней Руси как процесс их выделения из коллективно-родовых владений впервые наиболее обстоятельно рассматривалось в монографии

А.Е. Преснякова «Княжое право в древней Руси» (Пресняков 1909; 1993. С. 3–254, 587). Помимо прочего автор исследовал конкретную историю формирования землевладения князей черниговского дома (Пресняков 1993. С. 5, 51, 77, 78, 82, 100). Позже Б.А. Рыбаков отметил летописные свидетельства о владении кн. Святославом Всеволодичем г. Корачевом в 1153–1185 гг. независимо от занимаемого им княжеского стола и считал, что Корачев был личным доменом этого князя (Рыбаков 1949. С. 14). В более широких хронологических и географических рамках о процессе формирования домениальных волостей в Черниговском княжестве писал А.К. Зайцев (Зайцев 1975. С. 113). В кандидатской диссертации (научный руководитель – В.Т. Пашуто), защищенной в 1976 г., он выделил и прокомментировал этапы формирования территории Черниговского княжества в XI – первой половине XIII в. (Зайцев 2009. С. 5–188).

Для дальнейшего изучения формирования личного княжеского землевладения в Черниговском княжестве следует поставить вопрос о формировании именно крупного домениального землевладения в рамках волостей (в отличие от относительно небольших земельных владений – княжеских сел с угодьями).

К 40-м годам XII в. князья новгород-северской ветви имели частновладельческие села около Чернигова и около Новгорода-Северского (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 311, 331–333). Наиболее вероятно, что свои села около Чернигова имели и черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи (Там же. Стб. 361, 363; Насонов 2000. С. 56). Поскольку к 1142 г., когда около Чернигова упоминаются села «Ольговичей», князья Игорь и Святослав Ольговичи не княжили в Чернигове, скорее всего, эти села принадлежали еще их отцу, кн. Олегу Святославичу, и возникли до смерти последнего в 1115 г. (может быть, до Любечского съезда 1097 г.). Важно отметить, что княжеские села находились в ближайшей округе столичных городов.

При прочтении статьи 6649 (1142) г. Ипатьевской летописи обращает на себя внимание упоминание волости «Вятичи» как территории, ценной для черниговских князей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310, 311). В 2003 г. на площадке городища у с. Картавцево Алексинского района Тульской области была найдена свинцовая булла, вероятно, принадлежащая «к ранней сфрагистике Владимира Всеволодовича Мономаха» (Янин, Гайдуков 1998. С. 25, 41, 116. Табл. 2, 55. № 38 а, б, в). Эта находка и археологические раскопки городища у

д. Тимофеевка в Тульской области позволяют предполагать, что черниговская волость «Вятичи» возникла в бассейне верхней Оки в итоге политической деятельности Владимира Мономаха в 80-е – начале 90-х годов XI в. (Воронцов, Григорьев 2005; Григорьев 2005. С. 27–32, 57, 58, 128–132, 140–142, 168, 185, 186). В таком случае, если еще до раздела 1097 г. «Вятичи» были черниговской волостью, вполне возможно, что после Любечского съезда волость была совместным владением Давыда и Олега Святославичей. Приведенное в статье 6659 (1151) г. Ипатьевской летописи указание кн. Святослава Ольговича на две «отчины» – Ольговичей и Давыдовичей такой возможности не исключает (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444). Ценность волости «Вятичи» для новгород-северских и черниговских князей, согласно летописи, объяснялась тем, что там находились «жизни» князей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343). В работе 2003 г. М.Б. Свердлов привел историографический обзор анализа летописного термина «жизнь», встречающегося при описании земельных владений, и пришел к выводу, что в ряде случаев в Ипатьевской летописи «жизнью» названа «княжеская владельческая волость» (Свердлов 2003. С. 551–554). На наш взгляд, под термином «жизнь» в рассмотренных случаях надо понимать частновладельческое хозяйство феодала с центральной усадьбой (двором) и посеваемыми площадями (так называемой собственной запашкой) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331–334, 346, 347, 493, 494). Аналог этому можно увидеть в организации дворцового хозяйства великих князей Литовских в XVI в. (Уланов 2005. С. 128; Доўнар-Запольскі 2009. С. 185, 186, 192, 202, 208). Села, вероятно, зависели от княжеских дворов в административно-хозяйственном отношении (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 333; Уланов 2005. С. 175; Доўнар-Запольскі 2009. С. 184, 185). Наличие при дворе кн. Игоря Ольговича гумна, в котором было 900 «стогов», очевидно, сжатых зерновых, характеризует княжеский двор как центр крупного хозяйства (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 333; Свердлов 2003. С. 543).

В итоге многолетних археологических исследований древнерусских городищ в бассейнах верхней Оки и верхней Десны Т.Н. Никольская пришла к выводу, что эти бывшие города с полным основанием следует рассматривать как центры вотчинного княжеского хозяйства (Никольская 1981. С. 173, примеч. 152). Вероятно, княжеские хозяйства, центрами которых были княжеские дворы, составляли основу административной структуры волостей

в бассейнах верхней Оки и верхней Десны. Княжеский домен в Полоцкой земле XIII – начала XVI в. как сумму княжеских дворов с угодьями и землями, на которых проживали люди, обязанные выполнением повинностей в пользу великокняжеских дворов, описала А.Л. Хороскевич (Полоцкие грамоты. Вып. 5. С. 107–108).

В итоге раздела в 1151 г. отчин черниговского князя Изяслава Давыдовича и новгород-северских князей Святослава Ольговича и Святослава Всеволодича «Вятичи» стали владением кн. Святослава Всеволодича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444, 460, 477, 479, 502; Рыбаков 1971. С. 111). К 1185 г. вел. кн. Святослав Всеволодич располагал крупными доменными владениями в пределах волости г. Корачева («Лесная земля» 1146 г.) и волости «Вятичи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637, 644–645, 679; Бережков 1963. С. 202–203).

Не только Ольговичи, но и князья Давыдовичи стремились к формированию собственных крупных доменных владений (Зайцев 1975. С. 104, 113). Вел. кн. Изяслав Давыдович, княжа в Киеве в 1157–1158 гг., удерживал за собой Гомий, находившийся в волости «Радимичи», а за своим племянником кн. Святославом Владимировичем – Вщиж, бывший центром «Подесенья» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500, 502, 508, 509; М., 1997. Т. 1. Стб. 348; Зайцев 1975. С. 85, 98, 104; Зайцев 2009. С. 82, 94, 95, 158, 161).

Следует обратить внимание, что доменные волости (сеньории) князья черниговского дома формировали на окраинных землях Черниговского княжества – на аннексированных племенных территориях вятичей и радимичей. Сходный характер топографической структуры доменных владений смоленских князей для второй половины XI – XIII в. описал Л.В. Алексеев, а расположение княжеского домена в Новгородской земле с начала второй четверти XII в. на стыке новгородских и смоленских территорий – В.Л. Янин (Алексеев 1980. С. 41, 125–126, 131; Янин 1981. С. 242–249, 272; Янин 1998. С. 22, 23, 44, 45, 102).

Процесс формирования доменных волостей черниговских князей представляется взаимосвязанным с процессом роста товарных отношений на Руси в XII в. (Свердлов 1996. С. 312). Вероятно, в это же время шел процесс переноса политических центров на доменные территории. Так, в Ипатьевской летописи в описании знаменитого сражения 31 мая 1223 г. на р. Калке в числе трех старших князей назван вел. кн. Мстислав Святославич «в Козельске и в Чернигове (Козельскыи в Чернегове)» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741).

Козельск находился в «Вятичах» – домениальной волости отца черниговского великого князя – вел. кн. Святослава Всеволодича. Археологические исследования свидетельствуют, что перемещение политических центров Черниговского княжества к исходу первой четверти XIII в. в восточные волости (Чернигов – Козельск, Новгород-Северский – Курск) было связано с колонизационными процессами (Узянов 1993. С. 93). Образование крупных сеньорий и новых княжеских столов на окраинных территориях Черниговского княжества позволило князьям черниговского дома в условиях последовавшего ордынского завоевания сохранить к началу XIV в. земли в бассейне верхней Оки, частично – в бассейне верхней Десны (Карачевское, Новосильское и Тарусское княжества), верхнего Дона (Елецкое княжество), в Посемье (Глухов).

Литература

- Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Воронцов А.М., Григорьев А.В.* Древнерусский слой городища Картавецво // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XI–XIV вв.: Сб. ст. Тула, 2005.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.
- Доўнар-Запольскі М.В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество X–XIII вв.: Избр тр. М., 2009.
- Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002.
- Никольская Т.Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1985. Вып. 5.
- Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909 (переизд.: М., 1993).
- Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 11.
- Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

- Свердлов М.Б.* Общественный строй древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.
- Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
- Узянов А.А.* Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.
- Уланов В.Я.* Волоочная помера и устава и ее значение в истории Литовско-Русского государства. Минск, 2005.
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
- Янин В.Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3.

Е.А. Шинаков

ЧТО СЧИТАТЬ ПЕРИОДОМ «РАННЕГО ГОСУДАРСТВА» В ПРОЦЕССЕ СКЛАДЫВАНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

К сожалению, лишь немногие историки-русисты обращаются к инструментарию политической и социокультурной антропологии и тем более пытаются проверить и развить ее положения на конкретном древнерусском материале.

Впервые в отечественной историографии Е.А. Мельникова применила инструментарий и понятия политической (социокультурной) антропологии для исследования так называемой «северной конфедерации племен» середины IX в. (Мельникова 1993, 1995). К выводам о начале сложения подлинной государственности только начиная с реформ Ольги, хотя и без прилагательного «ранний», пришел Н.Ф. Котляр (Котляр 1995). Мы в свою очередь предположили, что этап, в наибольшей степени соответствующий тому, что в политической антропологии определяется как «раннее государство», датируется второй половиной X – серединой XII в. (Шинаков 1993). Мы также подробно рассматривали процесс образования раннего государства на Руси и формы славянских «вожеств» в сравнительно-историческом аспекте (Шинаков 2000, 2007, 2008, 2009).

Проблема критериев «раннего государства» была главным объектом изучения политической антропологии в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. (Claessen, Skalnik 1978, 1981). Затем был по-

ставлен вопрос о политическом развитии архаических обществ, минуя форму «государство» (Альтернативные пути 2000; The Early State 2004; Раннее государство 2006). При этом даже основоположник теории «раннего государства» Х. Классен стал было сомневаться в неизбежности процесса его появления в ходе исторической эволюции различных социумов. Были найдены формы социальной организации, которые достигли высокого уровня развития, не испытывая необходимости в государственных структурах. Но итоги дискуссий все-таки показывают, что, как бы там ни было, «государство» остается наиболее эффективной политической формой организации общества (Claessen 2010).

В основном споры о возможности «безгосударственной природы» ведутся для двух типов стратифицированных (классовых) обществ: *полисного* и *кочевого*. Есть версия, что полис – образец высокоразвитого общества, обошедшегося без государственной надстройки (Berent 2004). Есть другая версия, согласно которой именно полис – это как раз «подлинное государство» (ван дер Влит 2006). Дискуссия о наличии «настоящего государства» у кочевников закончилась формулированием гипотезы о «суперсложном вождестве» (Крадин 2006).

Исследование процесса развития политических структур ставит ключевой вопрос о грани («*почти государство, но еще не совсем...*»): «предгосударство», «(супер)сложное вождество». Для определения «*уже государства*» лучше всего работают марксистские критерии, которые были намечены еще Ф. Энгельсом, а затем четко сформулированы М. Годелье (Godelier 1978), Р. Коэном (Cohen 1974), Б. Триггером (Trigger 1985), Д. Битамом (Beetham 1991). Современная формулировка понятия «государства» развивает вполне марксистский взгляд на государство: «аппарат власти, стоящий над (вне) обществом и служащий интересам правящих страт» (Claessen, Skalnik 1978; Claessen 2010).

«Раннее государство» – самостоятельный период со своими специфическими чертами, фазами развития и кризисами. Признаками типичного «раннего государства» являются:

- *торговля* – как минимум развита на местном уровне (внутренняя торговля);
- *частная собственность на землю* – крайне ограничена (для Руси вначале – только у князей);
- *роль государственной собственности* – постоянно возрастающая;

- *члены аппарата управления* – находятся на содержании у правителя, позже часть из них получает жалование;
- *наследственный принцип продвижения и карьеры* уравнивается *принципом назначения*;
- *судебная система* находится в состоянии формирования;
- *кодифицирование законов* и систематизация *набора наказаний* начинается;
- *регулярная система налогообложения* существует, но принимает разнообразные завуалированные формы, включая общие работы, регулярные подарки и т.д.;
- начинается *идеологическое, мифопоэтическое, религиозное обоснование власти*.

Можно еще добавить *четкие* (в отличие от «сложного вожества») и *охраняемые границы*. *Масштабные постоянные войны* как способ наращивания прибавочного продукта, характерные для «сложных вожеств» уходят в прошлое. Это нередко вызывает недовольство некоторых социальных страт и их идеологов. Именно такая позиция выражена во «Введении» к «Начальному своду» 1093 г. «Имперская война» древнерусского князя Святослава была последним периодом предыдущего этапа политогенеза, основанного на экзосексплуатации внешних территорий. Для «раннего государства» эндосексплуатация «своей земли» уже сравнительно важнее, а попытки реанимировать старые способы (например, поход Владимира Ярославича на Царьград в 1043 г.) заканчиваются, как правило, крахом.

Для нужд общегосударственных оборонительных войн строится линия пограничных крепостей (типичный пример – гигантская крепость Белгород). Проводятся массовые демографические мероприятия, призванные не только эти крепости заселить, но и консолидировать только что соединенные племена, племенные княжения и предгородские центры (Шинаков 2006). Проводятся другие масштабные и длительные мероприятия – христианизация и строительство в городах грандиозных соборов и церквей. В итоге жесткое этническое деление населения практически сменяется (этно)социальным.

Сравнив общие характеристики «раннего государства» как этапа политогенеза с реалиями древнерусских источников, можно констатировать, что оно начало формироваться со времени «реформ» княгини Ольги. Однако вначале новые (ранне)государст-

венные институты формировались только на ограниченных локальных территориях. Только с ряда территорий собирались регулярные налоги – «уроки». Началась узурпация традиционного права, но только у «племени» древлян – «уставы». Возникли первые «островки» частной собственности – «села и грады» княгини Ольги. Во время правления Владимира Святославича произошел ключевой момент – смена «родо-племенного деления» земли на «территориальное». Медленнее всего происходит «приватизация» земли, поэтому в так называемую феодальную раздробленность вступило еще «раннее государство».

Литература

- Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000.
- Котляр Н.Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 годы. М., 1995. С. 33–49.
- Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 490–512.
- Мельникова Е.А.* Предпосылки возникновения и характер «Северной конфедерации племен» // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1993. С. 53–55.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе: Постановка проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы: Мат-лы и исслед., 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–33.
- Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 г.: Мат-лы и исслед. М., 1986. С. 149–157.
- Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006.
- Шинаков Е.А.* Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности (к постановке проблемы) // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 177–181.
- Шинаков Е.А.* К вопросу о семейно-брачных механизмах институционализации власти у восточных славян // Проблемы славяноведения: Тр. Центра славяноведения. Брянск, 2000. Вып. 2. С. 5–13.
- Шинаков Е.А.* Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза // Исследования по русской истории и культуре: Сб. ст. к 70-летию проф. И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 122–147.

- Шинаков Е.А.* Механизмы институционализации и легитимизации власти (на примере древнерусского государствогенеза) // Вестн. Брянского гос. ун-та. 2007. № 2. С. 39–56.
- Шинаков Е.А.* Некоторые комментарии к книге «Раннее государство, его альтернативы и аналоги». Под редакцией Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина и А.В. Коротаева // История и современность. 2008. № 2. С. 208–223.
- Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.
- Влит Э.Ч.Л. ван дер.* Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 387–412.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. L., 1991.
- Berent M.* Greece: The Stateless Polis (11th–4th Centuries B.C. // The Early State, its Alternatives and Analogies. Saratov, 2004. P. 364–388.
- Claessen H.J.M.* On Early State – Structure, Development and Fall // Social Evolution and History. Moscow, 2010. Vol. 9, N 1. P. 3–51.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Early State. The Hague, 1978.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Study of the State. The Hague, 1981.
- Cohen A.* Two-Demensional Man. An Essay on the Anthropology of Power and Symbolism in Complex Society. L., 1974.
- Godelier M.* Infrastructure, Societies and History // Current Anthropology. 1978. Vol. 19. P. 763–771.
- The Early State, its Alternatives and Analogies / Ed. by L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.N. Bondarenko, N.N. Cradin, A.V. Korotaev. Saratov, 2004.
- Trigger B.G.* Generalized Coercion and Inequality: The Basis of State Power in the Early Civilizations // Development and Decline. South Hadley (Mass.), 1985. P. 46–61.

П.В. Шувалов

«НЕТАКТИЧНЫЕ И АНАРХИЧНЫЕ» (ἀτακτα καὶ ἀναρχα)

Цель предлагаемого доклада – изучить, как воздействовала позднеримская империя на те из соседних народов, которые находились в состоянии анархии и были лишены «таксиса», т.е. порядка и строя. Представляется, что для Константинополя отношения с такими соседями было особенно трудно выстраивать в виду отсутствия у них каких-либо централизованных структур, на которые можно было бы опереться.

Вначале надо определиться с самим понятием «анархичного народа». Для этого обратимся к знаменитому трактату рубежа VI–VII вв. по военному делу – так называемому Стратегикону Псевдо-Маврикия (Стратегикон 2004; Das Strategikon 1981; Mauricius 1970). Этот трактат не принадлежит к числу кабинетных аттицизирующих творений и отражает представления, бытовавшие в среде высшего военного командования империи. Поэтому – за неимением для данной эпохи произведения наподобие «De administrando» Константина Багрянородного – полезно посмотреть, как в этом трактате характеризуются противники империи, тем более что только к тому времени античная военная наука всерьез обратила внимание на классификацию соседей. Итак, в трактате упоминается масса различных народов (Dagron 1987; Wiita 1988; Zástěrová 1971), и при этом наиболее часто – скифы, авары и персы (Шувалов 2008). Видимо под влиянием так называемой «теории среды» Псевдо-Маврикий делит все соседние с империей народы на имеющие порядок и отважные до безрассудства. Кроме такого деления по качеству, трактат классифицирует народы и по четырем этнокультурным группам: он выделяет персов (видимо, в самом широком смысле), скифов (т.е. евразийских кочевников), белобрысых (скорее всего, германцев Подунавья), а также славян с антами. В соответствии с этими четырьмя группами структурирована и книга XI, посвященная описанию врагов империи. Эти две классификации – «качественная» и «этнокультурная» – у Псевдо-Маврикия интересным образом переплетаются. Так, во введении к XI книге имеется пассаж с разделением народов по особенностям их нрава: «одни действуют (στρατηγούνται) на войне более мужеством и устремленностью (θυμῷ ... καὶ προτετεία) из-за переизбытка отважности (διὰ θράσους ἀμετρίαν), другие же нападают на врагов с разумением и порядком (συνέσει καὶ τάξει)». Из текста последующих глав той же книги с очевидностью вытекает, что под отважно-мужественно-устремленными в этом тексте имеются в виду белобрысы, которые пренебрегают порядком (θρασεά εἰσι ... οὐ μέτρον τινὶ ὀρίσμένῳ καὶ τάξει ... τάξεως περιφρονούσι – Maur. XI, 3, 1. 4. 7 ln. 3. 13–14. 22), под разумно-упорядоченными – персы, не отличающиеся мужеством (τάξεως ἐπιμελεῖται, καὶ οὐχὶ θράσους καὶ προτετείας – XI, 1, 3 ln. 7–8). Скифы же далеки и от тех, и от других: они безначальны и ленивы, суетны и скрытны, недружелюбны и вероломны (πολύαρχά τε καὶ ἀπράγμονα ... περίεργα δὲ καὶ κρυψίβουλα ἄφιλα τε καὶ ἀπιστα ὄντα – XI, 2, 1. 4 ln. 5.16–17), правда из их числа автор вычленил авар и тюрков, которые имеют

строй и не лишены храбрости в рукопашном бою (φροντίζουσι τάξεως πολεμικῆς, ισχυροτέρας τῶν ἄλλων Σκυθικῶν ἔθνων τὰς κατὰ συστάδην μάχας ποιούμενα – XI, 2, 1 ln. 6–7). Со скифами сходны анты со склавинами (XI, 4), которые никому не подчиняются, безначальны, не знают порядка, не отваживаются на рукопашную и совершенно вероломны (μηδαμῶς ... ἀρχεσθαι πειθόμενα, ... Ἄναρχα δὲ καὶ μισάλληλα ὄντα, οὐδὲ τάξιν γινώσκουσιν, οὐδὲ τὴν κατὰ συστάδην μάχην ἐπιτηδέουσι μάχεσθαι ... Ἀπιστοι δὲ εἰσι παντοῖως – XI 4, 1. 12. 14 ln. 4. 51–52. 64), но при этом дружелюбны (ἤπιοι καὶ φιλοφρονούμενοι – XI, 4, 3 ln. 8). Итак, белокрысы – мужественны, но не организованы, персы – организованы, но не мужественны, а скифам и славянам с антами не свойственно ни то, ни другое. Кто же одновременно и мужественен, и организован, – остается только догадываться. В других местах трактата встречаются подобные же определения, например: «особенно когда битва против упорядоченных народов» (ὅταν μάλιστα πρὸς τὰ τακτικὰ ἔθνη ἡ μάχη γίνεται – I, 2, 2 ln. 5), «благородные с упорядоченными... и храбрые народы» (τὰ γενναῖα καὶ τακτικὰ ... καὶ ... τὰ θρασεῖα ἔθνη – VII A 3/4 ln. 5 var. lect.), «неорганизованные и безначальные, как славяне с антами и подобные им неорганизованные и безначальные народы» (ἄτακτοι καὶ ἀναρχοί, ὥσπερ Σκλάβοι καὶ Ἄνται καὶ τὰ τοιαῦτα ἀναρχα καὶ ἄτακτα ἔθνη – IX, 3, 1 ln. 7–8).

Ясно, что устойчивое разделение народов на «безрассудных» и «организованных» характерно для основного текста трактата и является как бы разделением высшего таксономического уровня, за которым следуют все остальные типы и классы народов. Скорее всего, это отражает не только взгляды автора трактата, но и принятые в широкой военно-политической среде оценки ряда соседних народов. Отношения с такими соседями было выстраивать сложно, потому что империя попросту не имела адекватного контрагента для дипломатического диалога. Соответственно, оставался самый простой способ воздействия на таких соседей – военный террор, что в свое время прекрасно продемонстрировали римляне при Августе и Тиберии по отношению к рейнским германцам после катастрофы в Тевтобургском лесу. В то же время такая политика была возможна только при существенном перевесе сил, но и в этом случае она могла быстро привести к ожесточению противника и ухудшению ситуации на границе. Тем не менее, военный террор активно использовался римской империей на всем протяжении ее существования. Так, в частности, действовали Хильбудий в начале

правления Юстиниана, Приск и Пётр в конце правления Маврикия, и в обоих случаях конечный результат был печален. Скорее всего, в Константинополе это понимали и предпочитали иные, более трудоемкие формы воздействия: сглаживать различные группы соседей между собой и, в конечном счете, делать ставку на одну из них. К этому и сводится старая римская максима «*divide et impera*», ставшая основой для зарождавшейся византийской «большой стратегии». Действительно, сначала после адрианопольской катастрофы Феодосий заключал договоры с отдельными готскими вождями, затем, вскоре, Константинополь попытался использовать трения между различными гуннскими лидерами (посольство Олимпиодора). После смерти Атиллы восточные римляне балансировали между различными варварскими вождями, потом столкнули между собой двух Теодорихов (Страбона и будущего Великого), а потом сделали ставку на гепидов. Затем попытка использовать авар против врагов империи с треском провалилась, принеся, правда, поначалу некоторые плоды. Примеров такой политики множество. Важно другое: такая политика опоры на отдельные еще относительно слабые потестарные структуры против более развитых соседей рано или поздно приводила к перераспределению власти в Барбарикуме. Поток даров, военная помощь, политическое прикрытие, экономические льготы и т.п. естественным образом приводили к тому, что еще недавно слабый союзник империи постепенно становился все более сильным. Активное воздействие союзной империи стимулировало внутренние процессы политогенеза, а иногда и прямо приводило к импорту властных ценностей, политических идей и административно-военных структур. Представляется, что основным путем, по которому народы, находившиеся в анархично-безначальном состоянии (*ἀτακτα καὶ ἄναρχα*), переходили к ранней государственности, был путь заимствования и влияния со стороны империи. Не исключено, что и возникновение империи Атиллы шло в том же русле (Шувалов 1999, 2001). Иначе говоря, политогенез в этих обществах не был обусловлен внутренним социально-экономическим развитием, а являлся следствием внешнего воздействия, будучи своего рода импортом или ответом на давление соседа (Šuvalov 1996). Учитывая это, можно под таким углом зрения рассмотреть конкретные исторические случаи взаимодействия империи и соседей (Хильдерик, герулы, Скандинавия, Лже-Хильбудий, гепиды, Ильдигис), а

также концепцию славянского этногенеза Ф. Курты (Шувалов 1998, 2008).

Литература

Стратегикон Маврикия / Изд. В.В. Кучма. СПб, 2004.

Шувалов П.В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // Петербургские славянские и балканские исследования, 2008. СПб., 2009. № 2 (4). С. 13–20 (или: <<http://www.history.pu.ru/about/company/cathedra/slav/science/sspb/2008-2.php>>).

Шувалов П.В. Враги империи (по трактату Псевдо-Маврикия) // Зап. Вост. отд. Рос. археол. о-ва. 2002. № 1 (26). С. 422–452.

Шувалов П.В. У истоков средневековья: двор Аттилы // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130–145.

Шувалов П.В. Немошь Аттилы: властитель гуннов глазами германцев // Чужое: опыты преодоления: очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 259–276.

Шувалов П.В. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания, языки балканского региона. СПб., 1998. Ч. 2 (славянские языки). СПб., 1998. С. 5–28.

Dagron G. “Ceux d’en face”. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // Travaux et mémoires. 1987. Vol. 10. P. 207–215.

Das Strategikon des Maurikios / Einführ., Ed. und Indic. von G.T. Dennis; Übersetz. von E. Gamillscheg. Wien, 1981.

Mauricius. Arta militară / Ed. crit., trad. și introd. de H. Mihăescu. București, 1970.

Šuvalov P. V. Politics and Society in the Lower Danube in the 6th Century // Acts of the 18th International Byzantine Congress, Moscow: August 1991: Selected Papers: Main and Communications. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 82–87.

Wiita J.E. The Ethnika in Byzantine Military Treatises. PhD Dissertation. Univ. of Minnesota, 1988.

Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971.

А.С. Щавелёв

К ДАТИРОВКЕ ПРОТОГРАФА ПЕРЕЧНЯ КНЯЗЕЙ «КТО КОЛИКО КНЯЖИЛЪ»

Новгородские перечни князей, посадников и церковных иерархов неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (А.А. Шахматов, С.В. Бахрушин, М.Х. Алешковский, В.Л. Янин,

А.С. Хорошев, Т.В. Гимон). В ряде случаев в них выявляются признаки составления в домонгольское время и следы использования информации, не известной по дошедшим до нас летописным памятникам.

На возможность датировки протографа списка князей «Кто колико княжилъ» 1115 годом указывал только М.Х. Алешковский (Алешковский 1970. С. 71–72; Алешковский 1971. С. 120). Он отметил хронологическую значимость сообщения списка о 127 годах правления «крещеных князей». Исследователь предположил, что составитель списка использовал некий летописный источник, доведенный до 1115 г., определяя его как «первую редакцию Повести временных лет».

Интересующий нас перечень князей «Кто колико княжилъ» дошел до нас в двух вариантах. Более ранний зафиксирован в Комиссионном списке Новгородской I летописи младшего извода (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 466).

Более поздний находится в летописном сборнике, получившем в историографии название «Летопись Авраамки» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. С. 308–309) и «Тверском сборнике» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 11–12). «Летопись Авраамки» представляет собой сборник-конвюлот, часть текстов которого восходят к новгородскому летописанию (Б.М. Клосс, Я.С. Лурье, А.Г. Бобров). В «Тверском сборнике» также прослеживаются заимствования из новгородской летописной традиции (А.Н. Насонов, Б.И. Дубенцов, Я.С. Лурье).

В «Тверском сборнике» рассматриваемый список князей контаминирован с другим перечнем (перечнями?) князей и событий, содержащим расчеты лет, и расширен за счет более поздних редакционных дополнений и вычислений. В итоге сообщение о княжении Ярослава Владимировича приведено дважды, дважды и поразному указан срок княжения Владимира Святославича. Из списка убран свойственный двум другим вариантам перечня дубль княжений Владимира Мономаха, но при этом потеряны княжения его сыновей Мстислава и Ярополка. Представляется очевидным, что здесь мы видим позднейшую переделку варианта списка, представленного в «Летописи Авраамки». Никаких дополнительных изначальных чтений и композиционных конструкций здесь не фиксируется.

В вариантах списка князей Комиссионного списка и «Летописи Авраамки» «Кто колико княжилъ» в тексте наблюдается отчет-

ливый шов. Первая часть практически полностью состоит из стереотипных сообщений в формате: «князь N княжил n лет». Так перечислены десять князей – от Рюрика до Всеволода Ярославича. Все они, кроме Рюрика, правили в Киеве, и все они названы только своими княжескими именами.

Характерно, что пропущены княжения Всеслава Брячиславича и Святослава Ярославича (ср.: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 183; М., 1998. Т. 2. Стб. 173; ЖФП. С. 424), которые силой захватывали киевский стол у Изяслава Ярославича. Время фактического правления и обладания властью *de jure* Изяслава в списке князей указаны достаточно точно – 23 года (с 19 февраля 1054 по 3 октября 1078 г.).

Затем появляется крестильное имя киевского князя Святополка «Михаило», указано время его княжения – 20 лет (с 24 апреля 1093 г. по 16 апреля 1113 г.). В обоих вариантах списка его княжеское имя ошибочно названо «*Святослав*».

Далее приведены два разных срока княжения Владимира Мономаха – 21 и 12 лет. Этот дубль, скорее всего, объясняется достаточно просто. 12 лет – примерный срок княжения Владимира Мономаха в Киеве (с 16 апреля 1113 г. по 19 мая 1125 г.). 21 год, скорее всего, – период его фактического соправительства со Святополком Изяславичем. Срок княжения Святополка в Киеве, например, в Новгородской IV летописи определен как раз в 21 год (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 142). Поэтому не исключено, что список был составлен в первые годы правления Мономаха в Киеве после его «двадцатилетнего» соправления со Святополком – ориентировочно 1114/5 год.

Невозможно согласиться с предположением М.Х. Алешковского о том, что фраза «Володимерь 21 леть Володимеричь», во-первых, представляет собой отдельную синтаксическую конструкцию, во-вторых, относится к Мстиславу Владимировичу (чье имя якобы пропущено) и, в-третьих, указывает на срок его новгородского княжения. Проще предположить, что «Володимеричь» – чуть искаженное Владимир или усечение от полного именованья «Владимир Всеволодович». Перед нами два сообщения о «княжениях» Владимира Мономаха. А уже далее указано время княжения, 6 лет, его сына Мстислава в Киеве (19 мая 1125 г. – 14/5 апреля 1132 г.).

После этого «шва» нормальный перечень сроков правления князей по определенной формуле возобновляется. Однако новая

формула указания на правление князя включает в себя еще и отчества (или прозвания) князей. Например: «Мстиславъ сынъ его (т.е. Владимира Мономаха. – *А.Щ.*)», «Всеволодъ Олговичъ», «Андреи Боголюбивый» и т.д.

Пропуск нелегитимного княжения Святослава Изяславича, особое указание на крестильное имя Святополка и отдельное выделение периода «соправительства» Владимира хорошо объясняются, только если предположить, что протограф списка князей был составлен в начале XII в. Позже уточнение таких деталей не имело бы смысла. Если бы список составлялся по принципу механического сведения в один перечень всех известных по летописи киевских князей, эти нюансы вряд ли были бы учтены.

Дополнительный аргумент для такой датировки может дать фраза из варианта перечня князей Комиссионного списка: «А крещени князи княжили 127 летъ». Прибавление 127 к ориентировочной дате крещения Владимира Святославича (или самостоятельного княжения его старшего брата Ярополка – 973 г. – см. ниже) дает как раз один из годов княжения Святополка Изяславича – 1115/16 (или же – 1099/1100).

В варианте «Летописи Авраамки» читаем другой вариант этой фразы: «а некрещени князи княжили 123 летъ». Но цифра 123 – результат механического сложения всех предшествующих цифр ($17+30+33+18+8+17=123$). Это позднейший пересчет, причем, к тому же, включающий в эпоху «языческих князей» некое время «17 лет в крещении». Автор механического вычисления, очевидно, также исправил «крещеных» князей на «некрещеных». Причины такой правки более чем очевидны – время княжения «крещеных князей» для этого редактора уже давно превышало обозначенный рубеж. А период язычества хронологически примерно подходил по срокам.

Главная особенность данного перечня князей – возможное указание на факт крещения князя Ярополка Святославича: «Ярополк 8 лет, а въ крещении кнѣжи 17 летъ».

Это известие могло, конечно, возникнуть как текстуальный остаток от сообщения о сроке княжения Владимира Святославича после крещения (27 лет, а в некоторых известиях ошибочно – 37, но, замечу, никогда – 17). Но никаких данных в пользу такой догадки нет. А отдельное правильное сообщение о княжении Владимира в списке есть. Гораздо более вероятное и экономичное объяснение – появление лишнего знака десятки («и десятеричное»)

после буквы «земля» (ЗІ вместо З) при переписке. Это – типичная описка (Лихачёв 2001. С. 70).

В оригинале текст, видимо, выглядел так: *«Ярополкъ (княжи) И (8) летъ. А въ крещении кнѣжи З (7) летъ». Эти сведения идеально согласуются с ситуацией – по сообщению Повести временных лет Ярополк был посажен в Киеве своим отцом Святославом, который затем, через год–полтора, погиб от рук печенегов, возвращаясь в Киев после войны с Византией. До смерти отца, резко отрицательно относившегося к христианству, Ярополк не мог принять крещение, а сразу после его гибели – вполне имел такую возможность (см. подробнее: Щавелёв 2011).

Итак, предполагаю, что протограф данного перечня князей был составлен во время княжения Святополка Изяславича или в первые годы княжения Владимира Мономаха, а затем дополнен сообщением о полном сроке правления Мономаха. Далее начинается новый раздел последовательного перечисления князей. Очередной этап составления списка, возможно, связан со временем Константина и Юрия Всеволодичей, между которыми переходило «старейшинство» и владимирский стол в начале XIII в. (Пресняков 1993. С. 129–132; Феннел 1989. С. 83–93). Финальная обработка датируется временем между 1389 и 1425 гг. (Янин 1981. С. 158).

В изначальный вариант перечня было включено уникальное известие о крещении Ярополка Святославича, об источнике которого можно лишь догадываться, но если верна предложенная датировка протографа данного списка князей, этот источник появился до формирования окончательной редакции Повести временных лет, где о крещении Ярополка уже ничего не сказано.

Комиссионный список Новгородской I летописи	Летопись Авраамки
Рюрикъ княжилъ 17 лет. Олегъ княжилъ 30 лет. Игорь княжилъ 33 лета. Святослав 18 лет. Ярополк 8 лет. А въ крещении кнѣжи <u>17</u> лет. А крещеныи князи княжили 127 летъ. Володимерь княжи 35 лет. Святополкъ 3 лета. Ярославъ 40 лет. Изяславъ 23 лета. Всеволодь 15	Рюрикъ княжилъ 17 лет, Олегъ княжилъ 30 лет, Игорь княжилъ лет 33, Святослав 18 лет. Ярополк 8 летъ, а во крещении кнѣжилъ <u>17</u> лет; а некрещении князи княжили 123 лет; Володимерь княжилъ 35 лет, Святъполкъ 3 лет, Ярославъ 40 лет, Изяславъ 23 лет, а Всево-

лет. Михайло нареченыи <u>Свято- славъ</u> 20 лет. Володимеръ 21 летъ. Володимеричъ Мономахъ княжи 12 лет. Мъстиславъ сынъ его 6 лет. Ярополкъ сын его 8 лет. Вячеслав 4 месяци...	лодь 15 лет, Михайло нарече- ныи <u>Святъславъ</u> 20 лет, Воло- димиръ 21 лет. Володимиричъ Мономах княжить 12 летъ. Мъстиславъ сынъ княжить 6 лет. Ярополкъ сын его 8 лет, Вячеслав 4 месяци...
Реконструкция	
* Рюрикъ княжить 17 лет. Олегъ княжить 30 лет. Игорь княжить 33 лета. Святослав 18 лет. Ярополкъ 8 лет. А въ крещении княжи 7 лет. А крещеныи князи княжили 127 летъ. Володимеръ княжи 35 лет. Святополкъ 3 лета. Ярославъ 40 лет. Изяславъ 23 лета. Всево- лодь 15 лет. Михайло [нареченыи <u>Святополкъ</u>] 20 лет. Володимеръ 21 лет. Володимеричъ Мономахъ княжи 12 лет...	

Литература

- Алешковский М.Х.* К датировке первой редакции Повести временных лет
// Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.
- Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного про-
изведения в Древней Руси. М., 1971.
- ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней
Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века.
- Лихачёв Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII
веков. 3-е изд., доп. СПб., 2001.
- Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII
столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.
- Щавелёв А.С.* Летописные известия о крещении Ярополка Святославича
// Вестник РГТУ. История. М., 2011 (в печати).
- Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I лето-
писи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники, 1980. М.,
1981. С. 153–181.

М.К. Юрасов

МЕСТО РУСИНОВ В ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВЕНГРИИ В X в.

Совершившие на рубеже IX–X вв. «обретение родины» на
Среднем Дунае семь венгерских племен и примкнувшие к ним эт-

нические группы в течение последующих нескольких десятилетий представляли собой довольно рыхлую конфедерацию, приблизительно соответствовавшую союзу племен на уровне «сложного вождества». Производившие почти ежегодные набеги на различные области политически раздробленной Центральной, Западной и Южной Европы племена, приведенные в Паннонию верховным вождем Арпадом, вплоть до последней четверти X в. не ощущали потребности в создании хотя бы дружинного государства, которое возникало у приходивших в Европу «варваров» на исходе эпохи Великого переселения народов.

Венгерским исследователям на основании тщательного анализа топонимического материала удалось локализовать не только ареалы расселения «семи мадьяр» и примкнувших к ним племенных групп, но и места пребывания вождей отдельных племен, ставших соратниками Арпада. Результаты этой работы ученых из г. Сегеда изложены в обобщающем труде под названием «Данные к изучению наших “ранних” топонимов» (*Kristó Gyula-Makk Ferenc-Szegedi László. Adatok „korai” helyneveink ismeretéhez // Acta universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. Szeged, 1973. Т. 44*). Источниками для составления этого свода топонимических данных, имеющих отношение к эпохе освоения венграми Карпатской котловины, послужили, прежде всего, собрания дипломов о королевских пожалованиях и другой актовый материал.

Наличие на территории, занятой племенами Арпада, областей расселения отдельных племен и этнических групп, сохранявших в X в. политическую автономию и лишь формально признававших власть верховного вождя из рода Арпадов, подтверждается не только данными топонимии, но и свидетельствами о распространении здесь христианства как западного, так и восточного обряда. Не случайно процесс объединения этих областей в единое Венгерское королевство, начатый при князе Гезе (970/72–997) и законченный при его сыне Иштване I (997–1038, король с 1000/01 г.), сопровождался насаждением на всей территории, подвластной Арпадам, христианства западного обряда.

Если вопрос о местностях, где оседали отдельные венгерские племена или присоединившиеся к ним в Восточной Европе этнические группы, более или менее решен, то относительно народностей, проживавших в Паннонии до прихода туда венгров, этого

сказать нельзя. Хотя археологами обнаружены древности X в., принадлежащие местным славянам, остается не до конца разрешенной проблема встраивания славянского элемента в новую политическую структуру, возникшую на Среднем Дунае после «обретения родины» племенами Арпада. В противовес высказывавшемуся в XIX в. и позднее чешскими историками мнению о том, что пришедшие на рубеже IX–X вв. из степей Восточной Европы племена истребили часть славян, проживавших в Карпатской котловине, их венгерские коллеги заявляют о том, что их предки заняли пустующие земли, прежде всего, пригодные для табунного коневодства, нанеся местным жителям минимальный ущерб.

Распространенным в современной венгерской историографии является также мнение о том, что паннонские славяне были достаточно быстро ассимилированы венграми. При этом возникает вопрос: к какой ветви славянства принадлежали вошедшие в состав средневековой венгерской народности жители Паннонии? Древности западных и восточных славян IX–X вв. не настолько различаются, чтобы можно было однозначно заявлять о том, что в бассейне Верхней Тисы и на территории современной Восточной Словакии проживали представители той или другой из названных этнических групп. Предки словаков к тому времени еще не продвинулись так далеко на восток, хотя земли современной Закарпатской области Украины тогда уже были заселены немногочисленными группами славян. По мнению авторитетного специалиста по исторической географии С.М. Середонина (1860–1914), в древности западные пределы расселения восточного славянства пролегали в районе современного Эгера и реки Шайо.

Наличие значительных по площади неосвоенных территорий на Среднем Дунае, хозяевами которых стали вытесненные из Северного Причерноморья «семь мадьяр», требовали приглашения иммигрантов. По свидетельству средневековых латиноязычных исторических сочинений королевства Венгрии (Композиции венгерских хроник XIV в.), начиная с эпохи князя Гезы в Венгрию переселялись «богемы, поляки, греки, испанцы, измаилиты или сарацины, бессы (= печенеги. – *М.Ю.*), армяне, саксы, тюринги, мейсенцы и рейнцы, куманы, латины...». На основании такой неопределенной (с хронологической точки зрения) информации невозможно определить, какие из перечисленных хронистом народностей и этнических групп появились во владениях Арпадов в

X в., а какие позже. Лишь относительно измаилитов у нас есть свидетельство Венгерского Анонима («магистра П.»), нотарию короля Белы III (1172–1196), автора рыцарского романа «Деяния венгров», что они пришли в Венгрию при преемнике Арпада – верховном вожде Жолте (ок. 907–ок. 950). Однако время создания романа (рубеж XII–XIII вв., т.е. через три века после описываемых событий) и требования законов жанра литературного сочинения, в котором большую роль играют сюжеты эпического характера, заставляют относиться к рассматриваемому свидетельству с большой осторожностью, хотя, по мнению венгерских исследователей, «магистр П.» мог пользоваться недошедшими до нас списками ранних исторических сочинений королевства Венгрии.

Переселявшиеся в Карпатскую котловину жители различных регионов Европы в рассматриваемое время еще не создавали на землях, подконтрольных Венгерскому союзу племен, свои национально-территориальные образования, как это происходило в более позднее время, когда помимо королевских замковых округов (комитатов) во владениях Арпадов появились «Страна кунов» (Kunország) и другие административно-территориальные единицы, населенные меньшими по численности этническими группами. Для X в. у нас нет и сведений о том, что какие-то этнические группы специально поселялись Арпадами в пограничных областях с целью охраны рубежей Венгерского союза племен.

Какую роль играли в процессе освоения Паннонии племенами, пришедшими вместе с Арпадом и поселявшимися здесь на всем протяжении X в., восточные славяне? Венгерские хронисты не сохранили упоминаний о переселениях «рутен» (русов) в Карпатскую котловину в рассматриваемое время. Лишь Венгерский Аноним в заключительной (57-й) главе своего романа пишет о том, что какая-то группа «рутен» пришла с вождем Алмошем из Восточной Европы. По свидетельству того же Анонима, при верховном вожде Жолте они построили крепость на венгерско-германском порубежье, получившую позднее название «Русская крепость» (Oroszvár, соврем. г. Rusovce в Словакии), однако никакого особого территориального образования для «рутен» здесь, судя по всему, образовано не было. Оросвар был одним из окруженных земляным валом укреплений комитата Мошон. Впрочем, некоторые венгерские исследователи склонны считать, что трагически погибший в 1031 г. единственный сын Иштвана I Святого герцог

Имре, носивший титул *dux Ruizorum*, мог быть правителем «Русской марки», располагавшейся на окраине комитата Мошон, центром которой была Русская крепость.

В современной историографии (за исключением работ русинских историков) господствует точка зрения, согласно которой русины как одна из народностей, компактно проживавших в средневековом Венгерском королевстве, появляются там не ранее рубежа XII–XIII вв. Д. Кришто при этом оспаривает и первое упоминание «дома (некоего) рутена» в актовом материале комитата Темеш, датированном 1177 г., не считая его свидетельством начавшегося переселения предков современных русинов из Восточной Европы во владения венгерской короны. Между тем целый ряд свидетельств, относящихся к IX–XI вв., которые принято *a priori* относить к днепровским русам или сомневаться в их достоверности, позволяет предположить, что русы, во-первых, проживали в бассейне Верхней Тисы и на землях современной Восточной Словакии еще до прихода туда венгров, а во-вторых, «Русская марка» возникла на будущем русско-венгерском пограничье, причем естественным образом, когда шло расселение пришедших с востока племен на землях Паннонии, т.е. в X в.

По свидетельству Венгерского Анонима, «семь мадьяр» и примкнувшие к ним этнические группы встретили на территории современной Закарпатской области Украины неких славян, которые названы в рыцарском романе «жителями земли» (*habitatores terre*). Это не противоречит данным археологии, согласно которым на месте построенного позднее замка Хунг (на территории современного Ужгорода) уже в IX в. существовали славянские поселения. По свидетельству того же Анонима, местные славяне находились под властью вождя Салана, а замком Хунг управлял «дука» по имени Лаборц. Аноним, скорее всего, прав в том, что жители будущей Подкарпатской Руси без сопротивления признали власть главы пришедшего из «Скифии» союза племен, который, по мнению неизвестного нотариуса, возглавлял не Арпад, а его отец Алмош.

Однако эта зависимость оказалась чисто формальной. Ушедшие дальше на запад «семь мадьяр» и примкнувшие к ним племена не интересовались малонаселенными землями «буферной зоны», возникшей на одном из участков линии Карпатских гор, куда еще не распространились владения складывавшихся раннегосу-

дарственных образований – будущих Чехии, Польши и Руси. Более того, венгерские ученые на основании «сторожевой» топонимии восстановили линию границы Венгерского союза племен в X в., на основании которой можно уверенно утверждать, что территория Подкарпатской Руси не входила в состав владений Арпадов в X в.

Тем не менее тогдашние жители бассейна Верхней Тисы и будущей Восточной Словакии в силу своей малочисленности и уязвимости для набегов кочевников (что ярко проявилось во второй половине XI в.) нуждались в покровительстве одного из сильных соседних политических образований. Венгерский союз племен был территориально ближе всего к ареалу расселения тогдашних русинов, но он представлял собой конфедерацию отдельных племен и этнических групп. В связи с этим жившие в указанном регионе «рутены» вынуждены были ориентироваться на входивших в названный союз каваров, занимавших земли в современной Центральной и отчасти Восточной Словакии. Еще в середине IX в. кавары – часть хазарского этноса – присоединились к мадьярам после неудачного мятежа против правителя Хазарии.

На возможную связь тогдашних подкарпатских русинов может указывать тот факт, что управлявший каварами в X в. род Аба породнился с Иштваном I Святым, поскольку принял Христову веру, в то время как многие правители отдельных областей Карпатской котловины оставались и в первой трети XI в. закоренелыми язычниками, поэтому их владения по приказу крестителя Венгрии подверглись насильственной христианизации. Безусловно, наиболее вероятным объяснением рассматриваемого факта является миссионерская деятельность Бруно Кверфуртского (ум. 1009), который, по свидетельству Адемара Шабаннского, крестил «черных венгров» (под которыми принято понимать этнические группы, присоединившиеся к «семи мадьярам» в Восточной Европе), а также жителей другой венгерской области, «которая называется Русью». Поскольку нет никаких твердых оснований относить эту информацию к Руси, скорее всего, Адемар имеет здесь в виду жителей Подкарпатской Руси, проживавших по соседству с каварами – одной из групп «черных мадьяр».

Таким образом, восточные славяне, проживавшие в X в. в бассейне Верхней Тисы и сопредельных областях, не входя территориально в состав Венгерского союза племен, скорее всего, призна-

вали покровительство над ними рода Аба и были тесно связаны с каварами, занимавшими земли на северных границах будущего Венгерского королевства. Ориентируясь на союз племен, формальными главами которого были потомки Арпада, предки современных русинов уже в X в. выполняли функции федератов, прикрывавших с северо-востока линию тогдашней венгерской границы. Даже если населенная ими область и не называлась официально Русской маркой, фактически она вполне соответствовала этому названию.

И.А. Копылов

СТАНОВЛЕНИЕ ВАНДАЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ: ОТ ЭТНОГЕНЕЗА И СОЦИОГЕНЕЗА К ПОЛИТОГЕНЕЗУ

Вторая половина V в. была для Римской Африки временем кардинального перелома, выразившегося в крушении прежних институтов власти и смене правящих элит. Происходившие перемены были тем разительнее, что Африка оставалась почти не затронутой политическими и экономическими катаклизмами, потрясшими запад Империи в III и IV в. При этом наряду с крушением прежних институтов власти следует также принимать во внимание сохранность традиционных институтов муниципального самоуправления, интенсивные торговые связи с другими районами Средиземноморья, оставшиеся практически непоколебленными вандальским вторжением, а также — особый континуитет, выражавшийся в использовании традиционных для римской политической идеологии терминов для обозначения новообразованных государственных и квазигосударственных структур, которые считали себя преемниками римской государственной и политической идеологии. Это в первую очередь относится как к «государствам» ливно-берберов, стоявшие во главе которых представители романизированной ливийской знати называли себя *duces* и *imperatores* (Desanges 1996), так и вандальских королей, на официальном уровне провозглашавшими себя преемниками римских императоров и обладавшими соответствующим правом издания эдиктов (*ius edicendi*), имеющих силу закона (Копылов 2004). Причем следует обратить внимание на то, что процесс расселения вандалов на завоеванных территориях римских провинциях Африки и

был напрямую связан с заключительным этапом этногенеза вандалов и окончательного сложения смешанной вандалско-романской этнической общности с определенным влиянием аланского и готского компонентов, а также с оформлением социального облика вандалской элиты. Этот сложный и многоаспектный процесс можно рассмотреть в непосредственной зависимости от динамики статуса вандалского войска и связанных с ним представителей знати и арианского клира – от федератов до полновластных властителей тех территорий, права владения которыми были закреплены за ними по итогам вандалско-римских договоров и соглашений 435–442 гг.

Вопрос о характере первоначального расселения вандалов на завоеванных территориях до сих пор является предметом дискуссий вследствие скудости источников. Традиционная точка зрения относительно поселений вандалов на территории Северной Африки в свое время была сформулирована Людвигом Шмидтом (Schmidt 1942. S. 73), который говорил о применении в данном случае практики *hospitalitas*, т.е. временного расквартирования солдат на основании мер, предусмотренных императорским законодательством (см.: СTh. VII.8.5). Реализацию этого расквартирования Л. Шмидт увидел в практике экспроприации крупных имений у прежних владельцев и распределении этих земель в пользу военных единиц (*millenae*) в пределах Проконсульской Африки. Земли, переданные вандалам, были освобождены от регулярных поземельных выплат и в совокупности составили так называемые «наделы вандалов» (*sortes Wandalarum*). Точку зрения Л. Шмидта разделили и развили К. Куртуа и Х.Й. Диснер. Вальтер Гоффарт, однако, пришел к выводу, что система *hospitalitas*, базирующаяся на распределении анноны в пользу федератов, действовала только применительно к Италии и Галлии, в то время как в Африке вандалы создавали материальную основу своего существования на основании произвольных конфискаций, осуществляемых Гейзерихом в отношении крупных землевладельцев. При этом Л. Шмидт заложил основу неправильного истолкования понятия *sortes Wandalarum*, в то время, как данные «Истории» Виктора из Виты дают совершенно иную картину, где под *sortes Wandalarum* следует понимать территориальные пространства, включающие в себя города с сельской округой, на которые распространяется юрисдикция вандалского короля и где компактно размещено вандалское войско и учреждены арианские епископские кафедры по образцу ортодоксальных (Vict. Vit. I, 32; II, 39). Таким образом

sortes Wandalorum рассматриваются нами как результат компактного расселения вандалов, регламентированного соответствующими соглашениями с представителями римских властей.

Проблема статуса вандалов до 439 г. и вандальско-римских отношений этого времени связана, прежде всего, с противостоянием вандальского войска с армией комита Африки Бонифация. Из источников видно, что в подчинении у последнего находились готы-федераты, о чем сообщает автор «Жития Августина» Поссидий Каламский (*Bonifacius cum Gothorum foederatorum exercitu*: Possid. Vita Aug, 28). О Бонифации следует сказать, что это был типичный представитель так называемой смешанной римско-варварской знати (о самом феномене см.: Копылов 2007. С. 292–294). Его жена Пелагея принадлежала к известному готскому династическому роду (*nato quae regna parabo exclusa sceptris Gothi-cis*: Sid. Apoll. Carm. V, 203) и исповедовала арианство; их совместная с Бонифацием дочь также была крещена в арианской церкви. При этом в самом вандальском войске мы можем предполагать наличие значительного количества готов, соединившихся с вандалами еще во время пребывания на Пиренейском полуострове (Копылов 2008). По мнению А. Шварца, готы присоединялись к противоборствующим сторонам во время конфликта в Африке не случайно, поскольку сами эти готы принадлежали к противоборствующим династиям, что и обусловило сам факт их нахождения по различные стороны линии фронта (Schwarcz 2004. P. 52). Мы не беремся доказать, насколько правомерны выводы австрийского ученого, но, по крайней мере, один факт является несомненным: процесс формирования основных слоев вандальского общества – в первую очередь военной элиты – продолжался не только на «пиренейской» стадии миграции вандалов, алан и их союзников, но продолжился и после пересечения ими Гибралтарского пролива. Этот процесс, продолжавшийся в течение всего времени правления Гундериха, вошел в свою завершающую стадию при его сыне Гейзерихе.

Мирное соглашение между Гейзерихом и представителями римской власти в лице Тригегия завершилось передачей земли вандалам для расселения (*data e is hab itabdum Afri cae po rtione*: Prosp, 1321). Границы территорий, предоставленных под контроль вандалов, точно не определены, но, если учесть, что под именами упомянутых Проспером епископов Поссидия, Новата и Севериана (Prosp. 1327), лишенных своих епархий за отказ принять арианство и отправленных в изгнание, легко угадываются

личности Поссидия Каламского, Новата Ситифенского и Севериана Церского (Courtois 1955. Р. 170), то можно прийти к выводу, что под контролем Гейзериха находились, помимо отдельных районов Проконсульской Африки и Нумидии, еще и определенные территории Мавретании Ситифенской, причем на этих территориях вандалский король пользовался правами не только военного командующего, но и осуществлял юрисдикцию римского должностного лица (о чем писал А. д'Орс применительно к визиготам, см.: D'Ors 1960. Р. 2–3), в данном случае – как арбитр в религиозных вопросах.

Как полагает А. Шварц, именно потому у нас так мало сведений о статусе вандалов на территории Африки, что они воспринимались римскими властями как федераты, расквартированные на территории Африки на определенных условиях, для регламентации чего не требовалось какой-либо особой процедуры, подобно тому, как ее не требовалось для регламентации статуса солдат Бонифация, также расквартированных на территории Проконсульской Африки и Нумидии (Schwarcz 2004. Р. 53). Подобное равновесие сил продолжалось до октября 439 г., когда Гейзерих, нарушив условия договора, вероломно (*magna fraude*) овладел Карфагеном, впоследствии также организовав ряд экспедиционных кампаний против сицилийских городов. Результатом этого демарша, в ходе которого, по словам Идация, Гейзерих захватил всю Африку (*omnem Africam invadit*: Hyd. s.a. 440) стал договор с Валентинианом III, в ходе которого территория Африки была подвергнута новому разделу, причем путем точных и строго определенных замеров (*certis spatiis Africa inter utrumque divisa est*: Prosp. 1347).

Благодаря этому договору была законодательно оформлена система *sortes Wandalarum*. Для нас этот хронологический рубеж имеет особое значение, поскольку он знаменует собой окончательное формирование вандалской (точнее – вандалско-аланско-готско-романской) элиты, существенными и неотъемлемыми компонентами которой являлись наследственная военная аристократия, епископат и клир арианской церкви, а также близкое окружение короля. Разграничение имущественных и владельческих притязаний этих категорий вандалской элиты было оформлено по итогам соглашений между Гейзерихом, с одной стороны, и военной аристократией и другими категориями знати – с другой. Виктор из Виты эксплицитно сравнивает эти соглашения с договором между Богом и еврейским народом о передаче земли Ханаанской «в наследственный удел», причем, в отличие от традиционной ин-

терпретации Л. Шмидта и К. Куртуа, следует отметить, что это был не договор о разделе земли, а соглашение о распределении прав на занятую землю. Иными словами, по распоряжению Гейзериха (как об этом сообщает Виктор из Виты), доходы от эксплуатации земли в Проконсульской Африке должны были идти на финансирование армии, в то время как другие территории, закрепленные за вандалами по договору 442 г., должны за счет собственных ресурсов содержать королевский двор и целый штат должностных лиц короля – как в королевском палации, так и на местах. Причем для вандалской элиты проживавшей в городах и во многом перенявшей культуру и бытовой уклад африканского романизованного населения, основным объединяющим фактором являлось, во-первых, исповедание арианской веры, во-вторых – вовлеченность в систему личных связей (*amicitia*) по отношению как напрямую к королю и его непосредственному окружению, так и по отношению к другим представителям вандалской знати.

Литература

- Копылов И.А. Правовые основы власти вандалского короля: к вопросу о соотношении римских и германских элементов // *Jus antiquum = Древнее право*. 2004. № 2 (14). С. 166–182.
- Копылов И.А. «Римский миф» и проблема этноконфессиональной самоидентификации населения вандалской Африки // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. М., 2007. Вып. 21. С. 292–321.
- Копылов И.А. Миграция вандалов в 409–429 гг. и становление вандалско-аланской племенной общности // *Восточная Европа в древности и средневековье: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен*. XX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2008. Стр. 106–110.
- Courtois C. *Les Vandales et l'Afrique*. P., 1955.
- Desanges J. A propos de Masties, imperator berbère et chrétien // *Ktema*. 1996. Т. 21. P. 183–188.
- D'Ors A. *Estudios Visigóticos*. Roma; Madrid, 1960. Т. 2: El Código de Eurico / Edición, Palingenesia, Indices por Alvaro d'Ors.
- Schmidt L. *Geschichte der Wandalen*. München, 1942.
- Schwarcz A. *The Settlement of the Vandals in North Africa // Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A.H. Merrills*. P. 49–57.

Оглавление

<i>Агишев С.Ю.</i> Как Норвегия превращалась в средневековое королевство: территория государства как потестарный объект	3
<i>Арапов Д.Ю.</i> Светские и духовная элиты и государства в Средней Азии XIII–XIV вв.	9
<i>Арутюнова-Фиданиян В.А.</i> Политогенез и устная традиция: Аршакидское царство (конец II – первая половина V в.) и «Бузандаран»	12
<i>Бубенок О.Б.</i> Дуализм верховной власти у хазар: случайность или закономерность?	16
<i>Булдакова Е.В.</i> Проблема юрисдикции светской и духовной власти в эпоху Людовика IX Святого (1234–1270)	22
<i>Вдовченков Е.В.</i> Алания I – первой половины II в. н.э. – вождество, кочевая империя, раннее государство?	26
<i>Вилкул Т.Л.</i> Возникновение государства в древнеславянских хронографических компиляциях	31
<i>Ганина Н.А.</i> Аркона, Каренца, Ругард, Ральсвик: о статусе и соотношении рюгенских центров власти	35
<i>Гвоздецкая Н.Ю.</i> Мотив военного похода и создание образа прошлого в «Саге об Инглингах» (опыт лингво-нарратологического анализа)	40
<i>Гимон Т.В.</i> Зарождение историописания в недавно христианизированном государстве (пример Нортумбрии)	44
<i>Гиппиус А.А.</i> К хазарской дани	49
<i>Глазырина Г.В.</i> О факторах, приведших к утрате Исландией независимости в 1262–1264 гг.	55
<i>Горский А.А.</i> К вопросу об уровне развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь	61
<i>Григорьев А.В.</i> Торговый путь по реке Дон в IX в.	67
<i>Данилов Е.С.</i> Romuli asyllum в античной нарративной традиции	71
<i>Дементьева В.В.</i> Формирование магистратской potestas в архаическом Риме: к вопросу о «странном» сочетании функций квесторов	76

<i>Джаксон Т.Н.</i> О юбилеях, памятниках, политогенезе и историческом мифотворчестве	81
<i>Домбровский Д.</i> Формирование волынского государства Мстиславичей–Изяславичей и проблемы наследования в нем власти	88
<i>Захаров Г.Е.</i> Везеготские короли и «арианская» церковь в V–VI вв.: метаморфозы омийской традиции	92
<i>Калинина Т.М.</i> Вопросы политогенеза у хазар	97
<i>Каретников А.Л.</i> Выделение Ростовского княжества из состава Владимиро-Суздальской Руси: причины и последствия	102
<i>Кашистанов С.М.</i> О социально-экономических предпосылках образования Древнерусского государства	107
<i>Кляшторный С.Г.</i> Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии	109
<i>Коваленко В.П.</i> Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на днепровском левобережье	114
<i>Коновалова И.Г.</i> К вопросу о географии Руси IX – первой половины X в.	119
<i>Коняевская Е.Л.</i> Андрей Боголюбский в восприятии современников	124
<i>Коптев А.В.</i> Rex Sacrorum и политогенез в раннем Риме	129
<i>Короленков А.В.</i> Возникновение государства и его особенности у Саллюстия	133
<i>Котляр Н.Ф.</i> Об удельной раздробленности на Руси	137
<i>Котышев Д.М.</i> Становление ранней государственности на юге Восточной Европы: историко-типологические проблемы	141
<i>Крадин Н.Н.</i> Проблемы генезиса государственности на Руси в свете теории многолинейной эволюции	147
<i>Красильников К.И.</i> Праболгары в степной периферии каганата	150
<i>Кузнецов А.А.</i> Об особенностях передачи власти в Северо-Восточной Руси XII – первой трети XIII в.: к постановке проблемы	154
<i>Лаушкин А.В.</i> Усобица как «Божий суд» на страницах древнерусских летописей XI–XIII вв.	159

<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> Политические интересы vs. матримониальные возможности в династии Рюриковичей XI–XII вв.	163
<i>Литовских Е.В.</i> Женщины в формировании политической элиты древнеисландского общества: Ауд Глубокомудрая в «Книге о занятии земли»	167
<i>Лукин П.В.</i> Новгородская вольность: к вопросу об эволюции политического строя средневековой республики	173
<i>Матузова В.И.</i> Начало государства Тевтонского ордена в Пруссии	180
<i>Мельник А.Г.</i> Места погребений избранных подвижников благочестия в русских монастырях XI–XIV вв.	185
<i>Мельникова Е.А.</i> Образование Древнерусского государства: состояние проблемы	188
<i>Мишин Д.Е.</i> Некоторые замечания об элите Сасанидского государства	197
<i>Осипян А.Л.</i> Золотая Орда и формирование сети армянских торговых колоний на юге Восточной Европы во второй половине XIII – XIV в.	202
<i>Панкратова М.В.</i> Конфликт королевского законодательства и обычного права в Норвегии XI–XIII вв. (постановка проблемы)	205
<i>Пенской В.В.</i> Изменения в военном деле у восточных славян в IX – X вв. и их последствия	210
<i>Перевалов С.М.</i> Античная Иберия (Картли): условия появления эллинистического царства в Закавказье	214
<i>Петрухин В.Я.</i> Иудейство и варварство на юге России: о судьбах иудаизма как государственной религии в Хазарии	219
<i>Петрухин П.В.</i> О датировке списка А Смоленской договорной грамоты 1229 г.	223
<i>Подосинов А.В.</i> Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству	224
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Роль «чингизизма» в политико-правовом развитии тюрко-монгольских государств XIII–XV вв. (историко-правовой комментарий к концепции В.П. Юдина)	232
<i>Пчелов Е.В.</i> Какую дань «имаху» «варязи изъ заморья»?	236

Радишилов Д.А. Ибадит Халид б. Кахтан об отставке има- ма ас-Салта б. Малика	240
Ривчак К.В. Образование единого англо-саксонского го- сударства и проблема интеграции Нортумбрии	245
Сазонова А.А. Особенности политогенеза в англо-сак- сонских королевствах VI–VII вв.	249
Селезнёв Ю.В. Смена элит в Дешт-и-Кипчак	254
Скржинская М.В. Идеологическое обоснование права существования античных государств на территории Скифии	258
Сосновцева Е.Г. О почитании в Угличе князя Андрея Васильевича Большого (на материале местной агно- графической традиции)	260
Стефанович П.С. «Большая дружина» в Древней Руси	265
Столярова Л.В. Роль княжеской власти и церкви в орга- низации книгописания на Руси в конце XIII в.	269
Суриков И.Е. К проблеме формирования греческого по- лиса: Афины в VIII–VII вв. до н.э.	273
Темушев С.Н. Роль правящих династий в развитии ран- них славянских государств	278
Темчин С.Ю. «Молитва» Владимира Мономаха: гимно- графические источники и датировка	282
Усачёв А.С. «Насыщение событиями» первых веков ис- тории Древнерусского государства в исторических сочинениях XVI в.	286
Филипчук А.М. Социальные группы русов в Константи- нополе в X в.: контакты, торговля и формирование политической элиты	292
Флоря Б.Н. Два пути формирования общегосударствен- ной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI вв.)	297
Хлевог А.А. К вопросу о формировании воинской элиты в Норвегии римского железного века	300
Хусаинов В.М. Комплекс источников «Закон о вирах» и датская политическая элита XII–XIII вв.	305
Чхаидзе В.Н. Тмутаракань в XI в. и Восточный Крым	31
Шеков А.В. Личное княжеское землевладение в структуре Черниговского княжества XII – первой трети XIII в.	319

Шинаков Е.А. Что считать периодом «раннего государства» в процессе складывания Древней Руси?	324
Шувалов П.В. «Нетактичные и анархичные» (ἄτακτα καὶ ἄναρχα)	328
Щавелев А.С. К датировке протографа перечня князей «Кто колико княжилъ»	332
Юрасов М.К. Место русинов в этно-политической структуре Венгрии в X в.	337
Копылов И.А. Становление Вandalьского королевства в Северной Африке: от этногенеза и социогенеза к политогенезу	344

Научное издание

Восточная Европа в древности и средневековье

**РАННИЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ И АЗИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА**

**XXIII Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто**

Утверждено к печати
Институтом Всеобщей истории РАН

ISBN 978-5-94067-330-9

9 785940 673309

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

подписано к печати 28.03.2011
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Объем – 21,8 п.л. Тираж 200 экз.

ИВИ РАН Москва, Ленинский пр., д. 32а

